

Минобрнауки России
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2019

Сборник материалов
V Международной научной конференции

(г. Белгород, 18–19 апреля 2019 г.)

Белгород 2019

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 8 от 23.04.2019)

Рецензенты:

И.И. Чумак-Жунь, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ»;

Ж. Прюво, доктор филологических наук, профессор,
Университет Сержи-Понтуа, Франция

Редакционная коллегия:

ответственный редактор: *А.П. Седых*;

члены редколлегии: *А.М. Аматов, И.А. Котенева,*
Т.М. Тимошилова, Ю.Е. Балабаева

Л 43 Лексикография и коммуникация – 2019: сборник материалов
V Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред.
А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. – 216 с.

ISBN 978-5-9571-2755-0

В сборнике представлены материалы докладов V Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2019». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Методологические и лингвистические аспекты лексикографии», «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания» и «Методика преподавания иностранных языков и словари».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-2755-0

© НИУ «БелГУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ	9
Valerio EMANUELE (Париж, Франция) LES SURNOMS DES JOUEUSES ET DES JOUEURS DE TENNIS ENTRE LANGUE ET CULTURE: MÉCANISMES DE FORMATION ET PROCESSUS DE REPRÉSENTATION COLLECTIVE	9
Гарагуля С.И. (Белгород, Россия) О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ»	20
Харченко В.К. (Белгород, Россия) О СЛОВАРЕ РАССУЖДЕНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	26
Атитсогбуи Рэй Мавули Кофи, Зимовец Н.В., Атитсогбуи Е.Н. (Белгород, Россия) СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	31
Баева Т.Д. (Белгород, Россия) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ	35
Бузинова Л.М. (Москва, Россия) БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ: СЛОВАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ	37
Величко Н.В. (Севастополь, Россия) ВЫБОР ФОРМАТА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЛОВАРЯ И ОПИСЫВАЕМОГО МАТЕРИАЛА	40
Даценко К.А. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	46
Ивашененко А.Н., Трещёва Н.В. (Белгород, Россия) АНАЛИЗ ПОПОЛНЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА БАЗЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ	49
Колбина А.Ю. (Белгород, Россия) QUELQUES PARTICULARITÉS DU LEXIQUE DE LA JEUNESSE FRANÇAISE	53
Конюшенко О.А. (Белгород, Россия) РОЛЬ МЕТАФОРЫ В НАЗВАНИЯХ БЛЮД СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ КУХНИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ	56
Кураш С.Б., Шэцка Л.М. (Мазыр, Беларусь) ДА СТВАРЭННЯ СЛОЎНІКА ВОБРАЗАЎ ПАЭЗІІ І ПРОЗЫ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА	59
Мухина И.К., Ефремовских А.С. (Екатеринбург, Россия) УНИВЕРСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КОФЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И УЗУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	63
Огнева Е.А. (Белгород, Россия) ESPERANTO КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФОРМАТ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ FRANÇAIS-ESPERANTO)	70
Русанова Ю.С. (Белгород, Россия) СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	75
Седых А.П. (Белгород, Россия) НЕОЛОГИЗМЫ 2018 В СЛОВАРЯХ: РУССКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ	81
РАЗДЕЛ 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ	86
Авдоница Д.К. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕГИОНАЛИЗМОВ ЮГА ФРАНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНА ЖИОНО, МАРСЕЛЯ ПАНЬОЛА И АНРИ БОСКО)	86

Беленко И.И. (Белгород, Россия) ДВОЕМИРИЕ И ЕГО ПРИНЦИПЫ В СКАЗКЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»: СИМВОЛИКА РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО МИРОВ	90
Беляева М.С. (Белгород, Россия) ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Н. ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»	95
Гусарова Н.В. (Белгород, Россия) МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ	98
Даценко К.А. (Белгород, Россия) АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	101
Задорожная Н.В. (Белгород, Россия) ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»	104
Иванищева О.Н. (Мурманск, Россия) ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИКИ	108
Ильминская Л.В., Степаненко С.Н. (Белгород, Россия) ЗООЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	111
Ковалёва Л.А. (Белгород, Россия) ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА	114
Кожемякин Е.А. (Белгород, Россия) НОМИНАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АДРЕСАТА В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	117
Коломыцева Д.Г. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ	122
Marabini Alessandra (Белгород, Россия) THE MUSICAL HARMONY OF THE ITALIAN LANGUAGE: SOME PHONETIC, PHRASEOLOGIC AND SYNTACTIC ASPECTS	126
Михеева Л.Д. (Москва, Россия) ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ХОЛОД» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	131
Остапенко Ю.О., Скокова Т.Н. (Белгород, Россия) МЕТАФОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА SONNE В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	136
Перельгина Т.А., Тимошилова Е.М. (Белгород, Россия) ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЕДА»	140
Райтаровский В.В. (Москва, Россия) ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ДЕНОТАТИВНАЯ И КОННОТАТИВНАЯ СИНОНИМИЯ ИСПАНСКОГО ГЛАГОЛА	145
Седых Н.В. (Белгород, Россия) ФРАНЦУЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И АПЕРИТИВНОЕ ЯЗЫКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ	151
Стрижнёва М.Ю. (Киев, Украина) КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ТУРИСТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ	154
Томенко Д.А. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О СТИЛЕ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСЕ ГРУППЫ «QUEEN»	162
Ухналёва Е.А., Моисеева С.А. (Белгород, Россия) КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	164
Хорошилова К.Н. (Белгород, Россия) О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	168
Цыпченко Е.А. (Белгород, Россия) ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В РАМКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ФАНФИКШН	171
Шишонина Н.В. (Пятигорск, Россия) СЛОВАРНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	174

РАЗДЕЛ 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ	178
Девятникова К.Г. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	178
Дрябина Е.Г., Костина М.Л. (Москва, Россия) ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	182
Koteneva Inna, Krivchikova Nelya (Белгород, Россия) LES USAGES DU FRANÇAIS EN COURS DE LANGUE	185
Краснополова А.С. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОБ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В НАЧАЛЬНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ	187
Кудрявцева Н.Б., Нарыжная, Д.С. (Белгород, Россия) ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	191
Макарова А.Г. (Москва, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ROSETTA STONE В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ	194
Marabini Alessandra (Белгород, Россия) I PRESTITI DELLA LINGUA ITALIANA NEL MONDO	198
Маслова Т.И. (Белгород, Россия) «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ» ПЕРЕВОДЧИКА: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ	202
Тимошилова Т.М., Вальчук Т.Г., Никулина Д.Е. (Белгород, Россия) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	205
Янутик С.Я. (Белгород, Россия) ЭВФЕМИЗМЫ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ	210
Носова М.В. (Белгород, Россия) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА НА ПРИМЕРЕ ИДИОЛЕКТНЫХ ЧЕРТ КАНЦЛЕРА ФРГ А. МЕРКЕЛЬ	212

CONTENT

INTRODUCTION	8
SECTION I. METHODOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF LEXICOGRAPHY	9
Valerio EMANUELE (Paris, France) LES SURNOMS DES JOUEUSES ET DES JOUEURS DE TENNIS ENTRE LANGUE ET CULTURE: MÉCANISMES DE FORMATION ET PROCESSUS DE REPRÉSENTATION COLLECTIVE	9
Garagulya Sergey (Belgorod, Russia) ON THE PRINCIPLES OF COMPILING «A DICTIONARY OF ENGLISH FAMILY NAMES IN THE CONTEXT OF LANGUAGE AND CULTURE»	20
Kharchenko Vera (Belgorod, Russia) ABOUT VOCABULARY OF REASONING IN SPEAKING.....	26
Atitsogbuy Ray, Zimovets Natalia, Atitsogbui Elena (Belgorod, Russia) SOCIAL ROLE OF FOREIGN BORROWINGS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE	31
Baeva Tatyana (Belgorod, Russia) TYPOLOGICAL FEATURES OF DICTIONARIES ...	35
Buzinova Lyudmila (Moscow, Russia) BASIC CONCEPTS OF CULTURE: DICTIONARY AND LANGUAGE PERSONALITY	37
Velichko Natalia (Sevastopol, Russia) CHOOSING THE FORMAT OF A DICTIONARY ENTRY DEPENDING ON THE TYPE OF DICTIONARY AND THE MATERIAL TO BE DESCRIBED.....	41

Dacenko Kseniya (Belgorod, Russia) FEATURES OF TELESCOPIC NAMES IN GERMAN LANGUAGE	46
Ivashchenenko Anastasia, Trescheva Natalya (Belgorod, Russia) ANALYSIS OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEMS OF THE FRENCH LANGUAGE OF INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE BASIS OF GRECO-LATIN TERMINOELEMENTS	49
Kolbina Anastasia (Belgorod, Russia) SOME SPECIAL FEATURES OF FRENCH YOUTH LEXICON	53
Konyushenko Oksana (Belgorod, Russia) THE ROLE OF METAPHOR IN NAMES OF DISHES OF MODERN GERMANY KITCHEN: COGNITIVE ASPECT	56
Kurash Sergey, Shetsko Larisa (Mozyr, Belarus) THE CREATION OF DICTIONARY OF VLADIMIR KOROTKEVICH POETRY AND PROSE IMAGES	59
Mukhina Irina, Efremovskikh, Anastasia (Ekaterinburg, Russia) UNIVERSAL NAMES OF THE COFFEE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE OPPOSITE OF THE LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION TO THE USUAL PRACTICE	64
Ogneva Elena (Belgorod, Russia) ESPERANTO AS COMMUNICATIVE FORMAT (BASED ON LEXICOLOGICAL DATA BY FRANÇAIS-ESPERANTO)	70
Rusanova Julia (Belgorod, Russia) STRUCTURAL FEATURES OF COMPUTER VOCABULARY IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	75
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) NEOLOGISMS 2018 IN DICTIONARY: RUSSIAN, FRENCH, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES	81
SECTION II. TEXT, DISCOURSE, COMMUNICATION: DESCRIPTION CATEGORY	86
Avdonina Daria (Belgorod, Russia) ON THE USING OF REGIONALISMS OF THE SOUTHERN FRANCE IN THE FRENCH NOVELS OF THE 20 TH CENTURY (BY GIONO', PAGNOL' AND BOSCO' NOVELS)	86
Belenko Irina (Belgorod, Russia) WORLD DUALITY AND ITS PRINCIPLES IN THE FAIRYTALE «THE GOLDEN POT» BY E.T.A. HOFFMANN: SYMBOLISM OF THE VEGETABLE AND ANIMAL WORLDS	90
Beliaeva Maria (Belgorod, Russia) THE DIRECT AND INDIRECT LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONS IN ENGLISH BASED ON THE “AMERICAN GODS” NOVEL BY N. GAIMAN	95
Gusarova Nadezhda (Belgorod, Russia) INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A MEANS OF ACHIEVING MUTUAL UNDERSTANDING	99
Dacenko Kseniya (Belgorod, Russia) ABBREVIATION AS A METHOD OF WORD FORMATION IN MODERN GERMAN LANGUAGE	102
Zadorozhnaya Nadezhda (Belgorod, Russia) LEXICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF THE NOVEL «PRIDE AND PREJUDICEZ» BY JANE AUSTEN	104
Ivanishcheva Olga (Murmansk, Russia) FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITHIN THE ARCTIC TRANSBOUNDARY REGION	108
Iliminskaya Liliya, Stepanenko Svetlana (Belgorod, Russia) ZOOLOGICAL METAPHOR AS A LANGUAGE TOOL FOR CREATING AN ENEMY IMAGE IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE	111
Kovaleva Lilia (Belgorod, Russia) PHONOSTYLISTIC FEATURES OR FRENCH SONG DISCOURSE	114
Kozhemyakin Evgeny (Belgorod, Russia) NOMINATIVE MODELING OF THE ADDRESSEE IN PUBLIC POLITICAL COMMUNICATION	117
Kolomytseva Diana (Belgorod, Russia) THE PROBLEM OF THE VERBALIZATION OF A CONCEPTUAL METAPHOR	122
Marabini Alessandra (Belgorod, Russia) THE MUSICAL HARMONY OF THE ITALIAN LANGUAGE: SOME PHONETIC, PHRASEOLOGIC AND SYNTACTIC ASPECTS	126

Mikheeva Liudmila (Moscow, Russia) LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF IDIOMATIC EXPRESSIONS REPRESENTING THE CONCEPT «COLD» IN THE ENGLISH LANGUAGE	131
Ostapenko Yuliya, Skokova, Tatyana (Belgorod, Russia) METAPHORIZATION OF THE CONCEPT SONNE IN GERMAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD	136
Perelygina Tatyana, Timoshilova Elizaveta (Belgorod, Russia) ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE LEXEMES OF THE THEMATIC GROUP «FOOD»	141
Raytarovskiy Victor (Moscow, Russia) LEXICO-GRAMMATICAL DENOTATIVE AND CONNOTATIVE SYNONYMS OF THE SPANISH VERB	145
Sedykh Natalya (Belgorod, Russia) FRENCH IDENTITY AND APPERITIVE LANGUAGE THINKING	151
Stryzhnova Marianna (Kiev, Ukraine) CULTURAL AND PRAGMATICAL FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND FRENCH TOURIST ARTICLES	154
Tomenko Diana (Belgorod, Russia) TO THE QUESTION OF THE SONG DISCOURSE OF «QUEEN» GROUP	162
Ukhnaleva Ekaterina, Moiseeva Sophia (Belgorod, Russia) COGNITIVE CONTEXT AND TEMPORAL ADJECTIVES FUNCTIONING	164
Khoroshilova Ksenia (Belgorod, Russia) ABOUT LINGUISTIC VIEW AND THE MUSICAL DISCOURSE OF THE FRENCH LINGUOCULTURE	168
Tsyplenko Elena (Belgorod, Russia) GENDERED DISCOURSE IN ENGLISH-LANGUAGE FANFICTION	171
Shishonina Natali (Pyatigorsk, Russia) DICTIONARY EQUIVALENTS IN THE TRANSLATION OF POETIC TEXT	174
SECTION III. METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES, TRANSLATION AND DICTIONARIES	178
Deviatnikova Kseniia (Belgorod, Russia) TO THE ISSUE OF USING OF SYNERGETIC APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES: FORMING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY	178
Driabina Elena, Kostina Maria (Moscow, Russia) FOREIGN LANGUAGES IN MODERN CONTEXT	182
Koteneva Inna, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russia) LES USAGES DU FRANÇAIS EN COURS DE LANGUE	185
Krasnopolova Anastasia (Belgorod, Russia) ON GAMING TECHNOLOGY IN PRIMARY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION	187
Kudryavtseva Natalia, Naryzhnaya Diana (Belgorod, Russia) LINGUOCULTURAL AS THE BASIC UNIT OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES	191
Makarova Anna (Moscow, Russia) IMPLEMENTING ROSETTA STONE SOFTWARE WITHIN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN UNIVERSITIES	194
Marabini Alessandra (Belgorod, Russia) THE ITALIAN LOAN WORDS IN THE WORLD	199
Maslova Tatyana (Belgorod, Russia) «FALSE FRIENDS» OF INTERPRETER BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES	202
Timoshilova Tamara, Valchuk Tamara, Nikulina Darya (Belgorod, Russia) LITERARY TEXT IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR	205
Yanutik Stella (Belgorod, Russia) EUTHEMISMS AS A LANGUAGE MEANS OF EXPOSURE	210
Nosova Marina (Belgorod, Russia) LANGUAGE PERSONALITY OF THE FEMALE POLITICIAN BY THE EXAMPLE OF IDIOLECTAL FEATURES OF GERMAN CHANCELLOR A. MERKEL	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

На факультете иностранных языков Педагогического института 18-19 апреля 2019 года прошла традиционная, вот уже пятая Международная научная конференция «Лексикография и коммуникация – 2019». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университета Сержи-Понтуаз (Франция) и Фрайбургского педагогического института (Германия), Московского международного университета (Москва).

Главной задачей данной конференции является обсуждение и обмен мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучение перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативных процессов в современном меняющемся мире. Почётным гостем и активным участником конференции является **Жан ПРИУВО** – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических пальм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). В этот раз Жан Прюво выступил в роли рецензента сборника статей.

Темы докладов традиционно вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Аркадий Петрович СЕДЫХ, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, профессор, доктор филологических наук, представил доклад о неологизмах – 2018 в русском, французском, английском и немецком языках.

Сергей Иванович ГАРАГУЛЯ, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, увлечённо рассказал о принципах построения лингвокультурологического словаря английских фамилий.

Евгений Александрович КОЖЕМЯКИН, доктор филологических наук, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, увлекательно рассказал о способах моделирования адресата в политическом дискурсе.

Вера Константиновна ХАРЧЕНКО, выдающийся лингвист и блестящий оратор, профессор, доктор филологических наук, представила доклад на тему «О словаре рассуждений в разговорной речи»

На секционных заседаниях выступили ведущие учёные России и ближнего зарубежья. По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики лексикографирования и коммуникации, дескриптивной лингвистики и дискурсологии, методики преподавания иностранных языков и использования словарей.

Свои материалы представили учителя школ, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты. Следует отметить, что география участников конференции постоянно расширяется. В этом году в ней наряду с зарубежными учёными из Франции, Республики Беларусь, приняли участие представители Москвы и Екатеринбурга, Мурманска и Пятигорска, Севастополя и Киева.

Надеемся, что сборник пятой Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2019» найдёт своего заинтересованного читателя.

Оргкомитет

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.133.1

LES SURNOMS DES JOEUSES ET DES JOUEURS DE TENNIS ENTRE LANGUE ET CULTURE: MÉCANISMES DE FORMATION ET PROCESSUS DE REPRÉSENTATION COLLECTIVE

Valerio EMANUELE

Docteur en sciences du langage et chercheur associé au sein du laboratoire Lexiques, Textes, Discours,
Dictionnaires (LT2D) de l'Université de Cergy-Pontoise
Paris, France / valerio.emanuele18@gmail.com

Résumé

Dans le cadre de cette contribution, nous analyserons les surnoms et les sobriquets des joueuses et des joueurs de tennis, dans une perspective à la fois **linguistique** et **socio-culturelle**. Ainsi, d'un côté, nous allons nous évertuer à rendre compte des **mécanismes de formation** de ces dénominations surprenantes. De l'autre côté, nous allons mettre en évidence les **processus de représentation collective** que ces dénominations sous-tendent, dévoilant le regard porté sur les as de la raquette et de la petite balle jaune. Notre examen des surnoms et des sobriquets des joueuses et des joueurs de tennis se fonde sur le répertoire que nous avons constitué pour le Dictionnaire du tennis, au sein duquel nous avons introduit environ deux-cents surnoms et sobriquets des champion(ne)s du premier sport individuel du monde.

Mot-clé: nomination, surnom, représentation collective, dictionnaire, langue de spécialité.

Situé, comme les autres langues du sport, «au croisement de la langue commune et de la langue de spécialité» (Frassi, 2012 : 11), le tennis possède un vocabulaire dynamique et extrêmement diversifié, où les termes techniques, dotés d'un sémantisme univoque et qui constituent souvent la prérogative des spécialistes, côtoient des productions lexicales métaphorisées et allusives. La signification de celles-ci, souvent non-transparente en raison de la charge culturelle cachée, peut s'avérer inaccessibles aux profanes. Cela est d'autant plus vrai pour l'**expression des identités** des championnes et des champions de tennis, pourvus souvent de **surnoms** et de **sobriquets** culturellement prégnants, émotionnellement intenses ainsi que linguistiquement révélateurs.

Dans ce qui suit, nous allons effectuer une analyse de ces désignations savoureuses, mettant en évidence, tout d'abord, que la créativité lexicale, dans ce domaine, a été constante au fil du temps. Ensuite, nous allons montrer les matrices lexicales qui interviennent dans la formation des surnoms et des sobriquets. Leur variété témoigne de l'inventivité des locuteurs qui les forgent (en l'occurrence les journalistes, mais aussi les supporteurs et les joueurs eux-mêmes) ceux-ci utilisant la pléthore de ressources morphologiques et morphosémantiques que la langue française met à leur disposition. Enfin, analysant les surnoms attribués sur la base de procédés emphatiques et analogiques, nous montrerons les sources d'inspiration des créateurs des surnoms, dévoilant à qui et à quoi les joueuses et les joueurs de tennis sont le plus souvent associés. Cela nous permettra de réfléchir aux processus de représentation collective qui sont à la base des petits noms des championnes et des champions du premier sport individuel de France et de la planète¹.

Notre *corpus* de surnoms et sobriquets des joueuses et des joueurs de tennis est tiré directement du *Dictionnaire du tennis*², qui regroupe environ deux-cents de ces désignations surprenantes. Une cinquantaine d'autres petits noms a été rajoutée à ce répertoire après avoir écouté des commentaires télévisés de rencontres tennistiques ainsi qu'à la suite de la compulsation de nombre de revues spécialisées et de sites internet.

¹ Cf. BONIFACE, Pascal (2011). «Tennis et mondialisation», dans *Sans limite*, revue des Internationaux de France de Roland-Garros, FFT, Paris, 2011. En ligne: <http://www.iris-france.org/44167-tennis-et-mondialisation/>. D'après Boniface, le tennis compterait un milliard de fidèles sur la planète. Il reste tout de même derrière des sports collectifs tels que le football (3,5 milliards d'adeptes), le cricket (2,5 milliards) et le hockey sur gazon (2 milliards).

² EMANUELE, Valerio (2019). *Dictionnaire du tennis*, Paris, Honoré Champion.

1. Bref historique de la surnomination tennistique

Le tennis, jeu élitiste destiné initialement au milieu huppé de la haute société anglaise, est inventé officiellement en Angleterre en 1874¹ par le Major de l'armée britannique Walter Clopton **Wingfield**. Cette activité devient bientôt un phénomène de masse, catalysant l'attention des journalistes et des supporters sur les championnes et les champions. Ceux-ci, à partir du début de XXe siècle, bénéficient d'une popularité remarquable, qui va de pair avec l'introduction d'une pléthore de sobriquets et de petits noms souvent caricaturaux et hyperboliques. Démocratisés par les médias, les surnoms des joueuses et des joueurs de tennis finissent souvent par côtoyer (voire supplanter) leurs noms de baptême. Ils enrichissent ainsi le vocabulaire tennistique et contribuent à sa puissance évocatrice.

Les désignations produites, qu'elles soient purement individuelles ou collectives (comme dans les cas des surnoms d'équipes tels que les «bleus» pour l'équipe de France ou «l'armada espagnole» pour l'ensemble des joueurs ibériques), ont pour but d'exprimer des intentions affectives ou critiques à l'égard des champions. Parallèlement, les surnoms et les sobriquets permettent de **décrire** les joueurs(e)s auquel(le)s ces appellations s'appliquent, évoquant leurs traits de caractère, leurs talents techniques, leurs caractéristiques physiques ou encourent leurs habitudes particulières.

Les premiers surnoms des joueuses et des joueurs de tennis mondialement connus datent de la fin du XIXe siècle et désignent les pionniers de ce sport, en l'occurrence les meilleurs **amateurs**² de la planète, tels que les frères Ernest et William **Renshaw**, les jumeaux pluri-vainqueurs du tournoi de Wimbledon en simple et en double pendant les années 1880. Inventeurs de la tactique du double ainsi qu'excellents volleyeurs, ces deux frères sont passés à l'histoire en tant que «*Renshaw Rush*» (Renshaw les fonceurs), surnom allitératif qui constitue une référence à la capacité de ces champions de se ruer à l'attaque, en direction du filet, à la moindre occasion propice.

Les derniers grands champions autochtones du tournoi de Wimbledon, les **frères Doherty**, presque imbattables en double, complètent ce que les jumeaux Renshaw avaient commencé dans leur carrière: entre 1897 et 1905 ils remportent huit éditions du tournoi de Wimbledon. Le duo permet à la Grande-Bretagne de décrocher la Coupe Davis cinq fois consécutives de 1902 à 1906. En outre, ils obtiennent la médaille d'or aux Jeux Olympiques d'été de Paris en 1900. Hugh Lawrence, le cadet, était surnommé «**Little Do**», alors que Reginald, l'aîné, portait le surnom de «**Big Do**».

En traversant la Manche, la conscience linguistique de tout individu ayant une culture sportive moyenne permet d'associer l'adjectif «**Divine**» à **Suzanne Lenglen**, première et plus grande vedette du tennis tricolore, capable de remporter trente-quatre titres du Grand Chelem (simple, double dames et double mixte confondus) entre 1919 et 1926.

¹ Nous retenons ici la date du dépôt officiel du brevet du *Sphairistique* (du grec «art de la balle»). Il s'agit de l'ancienne dénomination du jeu qui sera appelé, à partir de l'année 1877, «lawn-tennis» (paume sur gazon), appellation qui sera abrégée définitivement en «tennis» à la fin du XXe siècle. Toutefois, il faut préciser que le tennis apparaît «officieusement» aux alentours de l'année 1858. À cette époque, le Major Thomas Henry Gem, en collaboration avec un marchand d'origine espagnole, Augurio Perera, développa un jeu de balles et de raquettes à pratiquer en plein air. Les premières parties de ce nouveau sport, appelé initialement *Lawn Rackets* («raquettes sur pelouse» en anglais) ou encore *Pelota* («balle» en espagnol), eurent lieu au sein de la résidence de Perera, située à Edgbaston (Birmingham). Toutefois, ce jeu, qui mélangeait des éléments de la pelote basque ainsi que du jeu de racket, ne sortit pas de sa résidence personnelle. Ainsi, quelques années plus tard, Wingfield, davantage entreprenant, prit l'initiative de faire breveter le *Sphairistique*, en commercialisant un kit spécialement conçu pour disputer des matchs en plein air. Il sera alors reconnu comme l'inventeur d'un jeu qui existait déjà, tout en n'étant pas officiellement certifié.

² Le tennis a été longtemps caractérisé par une ségrégation entre amateurs et professionnels. Pendant «l'ère amateur», qui s'étale dès la première édition du tournoi de Wimbledon, en 1877, jusqu'à l'année 1968, la rémunération directe en contrepartie de prestations sportives était interdite et les joueuses et joueurs professionnels étaient exclus des compétitions du Grand Chelem. À partir de l'année 1968, qui marque le début d'une nouvelle époque tennistique appelée «ère open», la Fédération Internationale de Tennis (ITF) délivre aux joueurs professionnels l'autorisation de participer aux tournois majeurs contre rémunération, ce qui entame la progressive professionnalisation du tennis.

Chacun des membres de l'équipe de Coupe Davis des «**Mousquetaires**» (surnom littéraire, en référence au célèbre roman d'Alexandre Dumas père¹), qui a remporté six fois d'affilée le saladier d'argent² de 1927 à 1932, possédait un surnom: Jacques **Brugnon** était surnommé «**Toto**» (surnom affectif), alors Henri **Cochet**, en raison de son imprévisibilité sur le terrain, était connu sous le petit nom de «**Magicien**». Quant à Jean **Borotra**, son surnom était le «**Basque bondissant**», en raison à la fois de ses origines (il était né à Biarritz, au Pays Basque) et du fait qu'il avait l'habitude de porter, sur le terrain, un béret basque. René **Lacoste**, de son côté, a été affabulé du surnom de «**Crocodile**». L'origine de ce petit nom réside dans un pari effectué pendant les années 1920 entre Lacoste et le capitaine de Coupe Davis de l'équipe française, qui avait promis à René, comme cadeau, une valise en peau de crocodile en cas de victoire d'un match important. Malheureusement, Lacoste perd le match en question. Cependant, un journaliste du *Boston Evening Transcript* s'inspire de cette anecdote pour écrire son article, dans lequel il affirme: «Le jeune Lacoste n'a pas gagné sa valise en crocodile, mais il s'est battu comme un vrai crocodile : il n'a jamais lâché sa proie». Dès lors, l'image du reptile ne quittera plus René Lacoste, qui choisira un crocodile en tant que logo de l'entreprise de textile qu'il fondera en 1933. Par ailleurs, il faut souligner que ce surnom, par extension de sens et en référence au style de jeu de Lacoste, est devenu un terme péjoratif tout à fait intégré dans le vocabulaire tennistique de base. «Crocodile», en effet, désigne tout joueur tenace et attentiste, souvent spécialiste de la terre battue, qui se tient toujours en fond de court en renvoyant sans cesse la balle sans prendre l'initiative, attendant patiemment la faute de son adversaire.

Toutes les époques tennistiques ont produit des surnoms célèbres. Pour donner quelques exemples, nous nous devons de citer Henri Wilfred **Austin**, champion britannique, coéquipier de Fred Perry en Coupe Davis, avec qui il gagne quatre éditions consécutives de cette manifestation entre 1933 et 1936. Son surnom était **Bunny** (Lapin), petit nom plaisant qui lui fut attribué par ses camarades à l'école (Jefferys, 2017).

À cheval sur les années 1940 et 1950, à l'Américain Ricardo Alonso **Gonzales**, dit également «Pancho», vainqueur de l'Open des États-Unis en 1948 et en 1949, fut attribué le sobriquet de «**Gorgo**», abréviation par apocope de «**Gorgonzales**», en référence au gorgonzola, un fromage italien. Il se trouve que, au cours de l'édition de 1949 du tournoi de Wimbledon, la prestation décevante de Gonzales poussa un journaliste de l'époque à lui conférer l'étiquette dépréciative de «champion de fromage». Son partenaire de double, Frank Parker, commença alors à appeler le champion américain «Gorzongales», sobriquet que Gonzales n'appréciait pas.

Pendant les années 1960, Margareth **Smith-Court**, la joueuse de tennis la plus titrée de l'histoire avec ses soixante-trois titres du Grand Chelem au total, dont vingt-quatre en simple, était surnommée par synecdoque **The arm** (le bras), en raison de la longueur remarquable et de la puissance dévastatrice de ses membres supérieurs. Tous les passionnés de la petite balle jaune se souviennent de la rivalité qui a opposé, pendant les années 1970, **Little ice maiden** (La petite fille de glace) et **Navrat the brat**³ (Navrat[ilova] la môme), petits noms, respectivement, de l'imperturbable Chris **Evert** et de Martina **Navratilova**, talent précoce⁴, qui ont disputé quatre-vingt rencontres sur le circuit WTA⁵, remportant chacune dix-huit titres du Grand Chelem en simple.

D'autres rivalités qui ont marqué d'un trait indélébile l'histoire du tennis, sur le circuit masculin, ont eu pour protagoniste **Big Mac**, surnom de l'Américain John **Mc Enroe**, joueur volcanique et extraverti, vainqueur de sept tournois du Grand Chelem en simple ainsi que de cinq Coupes Davis. Ses rencontres ayant eu lieu pendant les années 1970 et 1980 contre les

¹ *Le trois mousquetaires* d'Alexandre Dumas, publié en 1844.

² «Saladier d'argent» est le nom du trophée décerné chaque année à l'équipe qui gagne la Coupe Davis. En forme de saladier, ce trophée a été réalisé en 1900 par un orfèvre de Boston, *Shreve Crump Low Co.*, à partir de 6,75 kg d'argent massif.

³ Cf. Boyer & Overman, 2012 :

⁴ Navratilova remporte son premier tournoi professionnel en 1974, à l'âge de dix-sept ans, alors que son premier triomphe en Grand Chelem arrive en 1978 à Wimbledon, en finale contre Chris Evert elle-même.

⁵ Navratilova mène dans les face-à-face contre Chris Evert avec quarante-trois victoires contre trente-sept défaites.

autres numéros un mondiaux *Jimbo* ou *Jumbo* – Jimmy **Connors**, huit titres du Grand Chelem dans son palmarès – «**Ivan le terrible**» – Ivan **Lendl**, vainqueur, lui aussi, de huit tournois majeurs, considéré comme antipathique à cause de son attitude austère et ombrageuse sur le terrain – et surtout *Ice Man* (l'homme de glace) – Björn **Borg**, joueur doté d'un tempérament glacial, qui a remporté onze victoires en Grand Chelem –, resteront gravées à jamais dans la mémoire des passionnés de la raquette.

Les surnoms les plus célèbres des années 1990 ont été ceux octroyés aux numéros un mondiaux Steffi **Graf**, dite «**Mademoiselle coup droit**» en référence à son meilleur coup, un coup droit redoutable devenu sa marque de fabrique; Pete **Sampras**, dit *Pistol Pete* – *pistol* signifie «pistolet» en anglais) en raison de la puissance de ses frappes, et notamment son service – ; et enfin, André **Agassi**, surnommé le *Kid de Las Vegas* (l'enfant de Las Vegas) car originaire de la ville des casinos, située dans le désert du Nevada.

Les années 2000, en consonance avec les décennies précédentes, ont produit une multitude de surnoms et de sobriquets. Nous allons seulement citer ceux qui ont été attribué aux *Big four*, surnom qui identifie les quatre joueurs ayant dominé le tennis mondial à partir de l'année 2004 occupant à tour de rôle la place de numéro un mondial. Ainsi, «**Rodgeur**», est un des surnoms affectifs du Suisse Roger **Federer**, considéré comme étant le meilleur joueur de tous les temps, en raison notamment de ses vingt triomphes en Grand Chelem en simple, record absolu dans le panorama tennistique professionnel masculin. L'Espagnol Rafael **Nadal**, de son côté, est surnommé, entre autres, l'«**Ogre de l'ocre**», en référence à la couleur de sa surface préférée, la terre battue, qui l'a vu triompher à cinquante-sept reprises de 2004 à 2018, dont onze fois aux Internationaux de France de Roland-Garros. Le Serbe Novak **Djokovic**, avec quinze titres du Grand Chelem à son actif, de son côté, est surnommé de manière affective «**Nole**», alors que le Britannique Andy **Murray**, vainqueur de trois titres majeurs, porte le sobriquet de «**Muzzard**¹» (de l'anglais *to muss*, qui signifie ébouriffer), en raison de ses cheveux souvent rebroussés, en désordre.

Après cet *excursus*, nécessaire afin de fournir un premier aperçu de la quantité remarquable de surnoms et de sobriquets des joueuses et des joueurs de tennis apparus au fil du temps, nous allons, dans ce qui suit, proposer une analyse davantage circonstanciée de ces appellations originales. Au sein de notre corpus, nous avons distingué **deux typologies** de surnoms et de sobriquets: d'un côté, les **nouvelles formes** qui sont issues d'un processus de **création** de la part des locuteurs ; et, de l'autre côté, les petits noms qui sont tout simplement **attribués** par analogie, à partir d'un mot déjà existant, sur la base d'une caractéristique physique, d'un trait de caractère ou d'une habileté technique de la championne ou du champion auquel le surnom ou le sobriquet s'applique.

Nous allons tout d'abord évoquer, selon un point de vue **linguistique**, quelques surnoms **forgés** à partir du patronyme ou du prénom de la joueuse ou du joueur. Nous identifierons, ensuite, les surnoms **attribués** par métaphore, réfléchissant, enfin, aux processus de représentation collective dans une perspective **socio-culturelle**.

2. Les surnoms et les sobriquets forgés à partir du patronyme ou du prénom

En inspectant notre corpus, nous avons constaté que, lorsque la surnomination permet de **créer** de nouvelles unités lexicales à partir du nom de famille ou du prénom de la joueuse ou du joueur de tennis, deux matrices lexicales interviennent, selon que le surnom ou le sobriquet en question soit le fruit d'une simple réduction de forme ou qu'il présente une charge sémantique

¹ Ce sobriquet a été forgé par Brad Gilbert, ancien coach des numéros un mondiaux André Agassi et Andy Roddick, puis commentateur pour la chaîne américaine ESPN. Gilbert amuse les téléspectateurs ainsi que ses 87 000 fans sur Twitter par la panoplie de dénominations inattendues avec lesquelles il désigne les protagonistes du circuit professionnel masculin et féminin. Des listes de surnoms et de sobriquets créés par Gilbert sont disponibles sur la toile. Cf., à titre d'exemple : <https://eu.usatoday.com/story/gameon/2013/01/17/brad-gilbert-espn-tennis-nickname-list/1842859/>

nécessitant un travail d'interprétation. Plus précisément, nous avons identifié une **matrice morphologique** et une **matrice morphosémantique**¹.

La première obéit au principe d'économie en réduisant des unités polysyllabiques. Les surnoms et les sobriquets produits relèvent ainsi de mécanismes d'abréviation, tels que la **siglaison** (réduction du nom ou du prénom à une suite d'initiales); et la **troncation**. Au sein de celle-ci, l'on a distingué l'**apocope** (suppression d'éléments syllabiques à la fin du nom ou du prénom), la **syncope** (élimination de syllabes au centre du nom ou du prénom) et l'**aphérèse** (chute d'éléments syllabiques en début du nom ou du prénom). Bien qu'on parle de matrice purement morphologique pour décrire le processus de création du surnom portant sur la réduction de la forme du patronyme ou du prénom, il faut préciser que les petits noms produits ne sont jamais sémantiquement neutres. Leur **connotation**, en effet, est toujours affective ou familière. La **matrice morpho-sémantique**, quant à elle, se base sur des mécanismes d'**imitation**, de **déformation** et de **construction**, que nous évoquerons dans les détails au sein du § 2.2.

2.1. La matrice morphologique : les abréviations

Au sein de notre corpus, les apocopes et les sigles sont les processus de formations très prolifiques, environ 20% des surnoms et des sobriquets de notre corpus appartenant à cette catégorie. Voici, ci-dessous, quelques exemples d'apocopes:

Benet → Julien Benetteau; **Caro** → Caroline Wozniacki, Caroline Garcia; **Delbo** → Federico Delbonis; **Delpo** → Juan Martin Del Potro; **Dolgo** → Alexandr Dolgoplov; **Garbi**, **Mugu** → Garbine Muguruza; **Nico** → Nicolas Almagro; **Rafa** → Rafael Nadal; **Sam** → Samantha Stosur; **Schiavo** → Francesca Schiavone; **Seb** → Sebastien Grosjean; **Shapo** → Denis Shapovalov; **Stan** → Stanislas Wawrinka; **Tati** → Tatiana Golovin.

Il est intéressant de remarquer que certaines apocopes désignant des joueurs de tennis sont féminisées, à savoir précédées par l'article défini féminin « la ». Ce qui accentue la connotation familière du petit nom, en rajoutant parfois, en fonction du contexte, un ton de dérision. Ce type d'abréviation est souvent appliqué au patronyme d'un joueur francophone. Ainsi, Arnaud Clement est surnommé « **La Clé** », Richard Gasquet « **La Gasque** », David Goffin « **La Goff** » et Gaël Monfils « **La Monf** ».

Certaines apocopes, par ailleurs, peuvent se lexicaliser en engendrant des dérivés. C'est le cas de **Woodies**, surnom qui identifie les Australiens Todd Woodbridge et Mark Woodforde, une des paires de doubles les plus fortes des années 1990. Ainsi, l'apocope *Wood*, segment partagé par les patronymes des deux joueurs, prend la marque du pluriel anglais *-ies*, qui s'applique aux mots se terminant en consonne + *-y*, comme si la conscience linguistique des locuteurs leur suggérait que la forme intermédiaire du mot était *Woody* :
Woodforde + Woodbrige → Woody → Woodies.

En ce qui concerne les **syncopes**, elles sont moins nombreuses que les apocopes au sein de notre liste. Nous en avons tout de même identifié quelques-unes :

Aga : Agnieszka Radwanska (Ag + a)

Vika ou **Vica** : Victoria Azarenka (Vic + a)

Quant aux **aphérèses**, la seule qui est présente dans notre *corpus* désigne la Canadienne Eugénie Bouchard, surnommé *Génie*.

Au contraire, la **siglaison** est davantage productive, surtout en présence d'une joueuse ou d'un joueur au prénom composé ou ayant un double patronyme. Voici quelques exemples: **ERV** → Édouard Roger-Vasselin; **JJ** → Jelena Jankovic; **JWT** → Jo-Wilfried Tsonga; **P2H** → Pierre-Hugues Herbert; **PHM** → Paul-Henri Mathieu; **PCB** → Pablo Carreno Busta; **RF²** → Roger Federer; **SW** → Serena Williams; **VW** → Venus Williams.

Notre répertoire comprend également un acronyme: **GOAT**, dont les lettres constituent les initiales de l'expression *greatest of all times* (le plus grand de tous les temps). Il s'agit d'un

¹ Notre classement des matrices lexicales s'inspire de celui de Pruvost et Sablayrolles (2003)

² À remarquer que le sigle « RF », qui désigne le champion suisse Roger Federer, constitue également le logo d'une marque commerciale très connue dans le domaine du tennis.

urnom utilisé souvent par les journalistes afin de désigner le Suisse Roger Federer, considéré comme étant le joueur le plus fort de toutes les époques en raison des nombreux records qu'il a battus¹. Curieusement, le mot *goat* signifie «chèvre» en anglais. L'association de Federer avec cet animal ne correspond pas tout à fait au talent du champion Suisse, étant donné que le mot «chèvre», dans le lexique du sport, désigne un joueur de niveau faible, maladroit et peu performant. D'où l'importance d'interpréter correctement cet acronyme.

2.2. La matrice morphosémantique: onomatopées, mots-valises, mots composés, syntagmes nominaux et synapsies

En ce qui concerne la matrice morphosémantique, nous avons distingué les processus d'**imitation**, de **déformation** et de **construction**. Le premier aboutit à des onomatopées, le deuxième à des surnoms hypocoristiques, alors que le troisième donne lieu à des syntagmes et à des mots composés.

Une seule onomatopée a été identifiée au sein de notre répertoire : il s'agit de « **Boum boum** », mot qui évoque le bruit assourdissant des frappes puissantes produites par l'Allemand Boris Becker, numéro un mondial en 1991 ainsi que le plus jeune vainqueur du tournoi de Wimbledon².

Le processus de création par **déformation**, à la base des surnoms **hypocoristiques**, permet d'exprimer des intentions affectueuses à l'égard de la personne à laquelle le petit nom est destiné. Pour ce faire, plusieurs mécanismes sont utilisés, tels que :

- Le **redoublement syllabique** : *Dédé* (André Agassi), *Juju* (Justine Henin), *Kiki* (Kristina Mladenovic), *Titi* (Yannick Noah), *Toto* (Jacques Brugnon).
- Les **diminutifs** : *Anči* (Ana Ivanovic), *Charlie* (Carlos Berloq), *Doud* : Edouard Roger-Vasselin, *Gilou* (Gilles Simon) ; *Guga* (Gustavo Kuerten) ; *Jakke* (Jarko Nieminen) ; *Jimbo* (Jimmy Connors) ; *Mika* (Michael Llodra) ; *Misha* (Mikhail Youznhny) ; *Nole* (Novak Djokovic) ; *Richie* (Richard Gasquet) ; *Sasha* (Alexander Zverev).
- Des **suffixes**, tels que *-ette*, *-ito* (en espagnol) ou *-eur* : *Gasquette* (Richard Gasquet), *Chavalito*³ (Juan Carlos Ferrero), *Piquito* (Juan Monaco), *Rodgeur* (Roger Federer).
- **Autres terminaisons ajoutés à l'apocope du patronyme ou du prénom**. Certaines apocopes peuvent présenter, agglutinées au segment abrégé du nom ou du prénom de la joueuse ou du joueur, une terminaison en *-a*, en *-i*, en *-o*, en *-s* ou en *-y*. Ces diminutifs donnent au surnom une connotation davantage affective. Par exemple :

*Dreddy*⁴ : Dustin Brown (Dread + dy)

Fogna : Fabio *Fognini* (Fogn + a)

Gonzo : Fernando *Gonzalez* (Gonz + o)

Koli : Philipp Kolschreiber (Kol + i)

Ljubo : Ivan *Ljubicic* (Ljub + o)

*Nasty*⁵ : Ilie Nastase (Nast + y)

Penna : Flavia *Pennetta* (Penn + a)

¹ À ce jour, le champion de Bâle a remporté 101 tournois du circuit professionnel ATP (deuxième de l'histoire derrière Jimmy Connors), dont vingt titres du Grand Chelem (record absolu).

² En 1985, lorsqu'il s'impose pour la première fois à Londres, le joueur de Leimen est âgé de 17 ans et 288 jours.

³ *Chavalito* signifie « petit cheval » en espagnol.

⁴ L'Allemand Dustin Brown est surnommé « Dreddy » car il porte des dreadlocks.

⁵ Nasty (qui signifie « méchant » en anglais) est un surnom affectif qui fait également référence à la personnalité du joueur roumain. Celui-ci, tout en étant attachant à l'égard du public, ne jouait pas toujours franc-jeu avec ses adversaires. À titre d'exemple, en 1982, aux Internationaux de France de Roland-Garros, alors que Nastase est opposé, en double, à la paire italienne Bertolucci-Panatta, il se rend protagoniste d'un acte fortement irrespectueux à l'égard de ses adversaires. Effectivement, conscient que ses opposants, et en particulier Panatta, sont particulièrement superstitieux, il libère, en plein match, un chat noir qu'il avait préalablement caché dans son sac. Cela provoqua la colère des Italiens qui, déstabilisés par la situation, insultèrent lourdement Nastase. Bertolucci et Panatta finiront par perdre la concentration et ensuite la rencontre avec un score sans appel (6-0 6-1), sous le regard amusé du public et de leur adversaire irrévérencieux. Cf. <https://blog.francetvinfo.fr/deja-vu/2015/05/26/le-chat-dilie-nastase-et-autres-petites-histoires-du-tennis-mondial.html>

Steps: Radek **Stepanek** (Step + s)

Tipsy: Janko **Tipsarevic** (Tips + y)

Woza: Caroline **Wozniacki** (Woz + a)

Shazza: Maria Sharapova (Sha + zza)

Quant aux modes de création par **construction**, ils permettent de créer des amalgames, tels que des **mots-valises** et des **syntagmes**.

Si certains mots-valises sont obtenus en agglutinant l'apocope et l'aphérèse du prénom et du patronyme du champion ou de la championne (**Andreek** pour Andrey Kuznetsov, **A-Rod** pour Andy Roddick, **Masha** pour Maria Sharapova), d'autres nécessitent un effort d'interprétation majeur.

Ainsi, l'espagnol Feliciano Lopez, en raison de son charme, est surnommé « **Deliciano**¹ », en associant le mot « délice » et l'aphérèse de nom de famille, « ciano ». Quant au Suédois Björn Borg, il portait le surnom de « **Iceborg** » (de l'anglais *ice*, glace + *borg*, nom de famille du joueur mais aussi aphérèse de *cyborg*), en référence à son caractère imperturbable associé à des capacités physiques hors norme, presque surhumaines, qui lui valurent l'association avec un robot, un **cyborg**. Le champion Suisse Roger Federer, de son côté, est souvent nommé « **Fedex** », contraction de « Federer Express », grâce à la rapidité avec laquelle il se débarrasse souvent de ses adversaires. Ce surnom constitue un renvoi à la célèbre entreprise américaine spécialisée dans le transport de fret, la *Federal Express*, réputée pour la célérité de ses consignes. Une force physique hors du commun est à la base de l'un des surnoms de Stanislas Wawrinka, compatriote de Federer et coéquipier de celui-ci en Coupe Davis, appelé par la presse « **Stanimal** » (Stan+animal). Quant à l'Autrichien Thomas Muster, dont l'histoire extraordinaire a ému toute la planète tennistique, il porte le surnom de « **Mustermator** » (Muster + Terminator), en référence au robot à l'apparence humaine, presque invincible, incarné au cinéma par Arnold Schwarzenegger². L'origine de ce surnom remonte à l'année 1989, lorsque Muster se qualifie, pour la première fois en carrière, pour la finale du tournoi de Miami. Le soir du match, tandis qu'il récupérait ses affaires dans sa voiture, un chauffeur en état d'ébriété le percute, brisant son genou gauche. D'après certains médecins, sa carrière de tennisman professionnel ne pourra pas continuer, mais la force de volonté de Muster a le dessus sur tout avis médical : l'Autrichien se fait construire un fauteuil spécial lui permettant de frapper la balle tout en restant assis. Ainsi, il continue les entraînements pendant sa convalescence. Après cinq mois et demi, grâce à son abnégation, il revient à la compétition à la surprise générale. Six ans plus tard, en 1995, l'on assiste à sa consécration : Muster remporte les Internationaux de France de Roland-Garros et devient numéro un mondial au classement ATP.

Parmi les mots-valises, enfin, nous avons détecté également des surnoms de couple, tels que « **Murraysmo** » (Andy Murray et Amélie Mauresmo), « **Dimipova** » (Grigor Dimitrov et Maria Sharapova) et « **Fedal** » (Roger Federer et Rafael Nadal). Si le lien existant entre Andy Murray et Amélie Mauresmo rentre dans le cadre d'une collaboration strictement professionnelle entre joueur et entraîneur³, Maria Sharapova et Grigor Dimitrov ont eu une liaison amoureuse de 2013 à 2015. Quant à « **Fedal** », ce surnom associe les deux plus grands champions de la génération actuelle de joueurs de tennis, Roger Federer et Rafael Nadal, dont la rivalité a donné lieu, de 2004 à 2018, à trente-huit rencontres, dont neuf finales dans les tournois du Grand Chelem⁴.

En ce qui concerne les **syntagmes nominaux**, il faut distinguer ceux qui affichent l'ordre **synthétique** (séquence déterminant-déterminé) et ceux qui présentent l'ordre **analytique** (où, au contraire, le déterminé précède le déterminant). La plupart des surnoms et sobriquets appartenant à la première catégorie sont empruntés directement à la langue anglaise. Ainsi, l'Écossais Andy Murray, qui montre souvent une attitude irritée sur les courts, est surnommé **Angry Murray**

¹ Ce surnom a été forgé par Judy Murray, la mère d'Andy Murray, célèbre championne Britannique.

² La référence du long-métrage en France est la suivante : Cameron, James (1984). *Terminator*, États-Unis, 1h48m. Quatre autres films ont vu le jour par la suite: *Terminator 2 : Le Jugement dernier* (1991), *Terminator 3 : Le Soulèvement des machines* (2003), *Terminator Renaissance* (2009) et *Terminator: Genisys* (2015).

³ Amélie Mauresmo a entraîné Andy Murray pendant deux saisons, de 2014 à 2016.

⁴ Nadal mène dans les face-à-face contre Federer, avec le score de vingt-trois matchs gagnés contre quinze défaites.

(Murray le colérique), en jouant sur la ressemblance phonétique entre le prénom « Andy » et l'adjectif « angry ». Le Bulgare Grigor Dimitrov, dont le style technique a été forgé par imitation de celui de Roger Federer, son plus grand idole pendant sa formation tennistique, porte le surnom de *Baby Federer*. Nous avons déjà évoqué les surnoms des frères Doherty, de Chris Evert et de John McEnroe¹, formés à partir des adjectifs « Big » ou « Little », qui peuvent constituer une référence à l'âge (c'est le cas des frères britanniques), manifester de l'affection (comme dans *Little ice maiden*, surnom de Chris Evert) ou exprimer la valeur du joueur (*Big Mac* en constitue un exemple flagrant, de même que *Big Four*, le surnom attribué à Federer, Nadal, Djokovic et Murray²). Quant à *Big Bill*, ce surnom a été attribué à Bill Tilden, légendaire joueur des années 1920, en raison de sa grande taille : il mesurait 188 centimètres. Pour la même raison, l'Américain John Isner, qui est actuellement le deuxième joueur le plus grand du circuit professionnel masculin avec ses 208 centimètres³, il porte le « petit » nom de *Long John* (John le grand). Jimmy Connors et Gilles Simon, de leur côté, portent respectivement le titre de *Comeback king* (le roi des revenants) et *Comeback kid* (le gamin qui revient au score) grâce à leur capacité à remonter au score après avoir été largement menés par leurs adversaires. Stan Wawrinka, dont la puissance des frappes et le mental d'acier constitue ses atouts principaux, possède, entre autres, le surnom de *Iron Stan* (Stan d'acier), alors que Roger Federer est souvent surnommé par la presse internationale *Swiss Master* (le maître suisse). Les nombreuses intempérances dont John McEnroe a fait preuve sur le terrain et en dehors de celui-ci lui ont valu le sobriquet peu flatteur de « **Sale morveux** » (Superbrat en anglais). Enfin, l'harmonie gestuelle qui caractérise les frappes du tricolore Richard Gasquet – en particulier son revers à une main, très fluide et esthétiquement impeccable – est à la base du surnom « **Petit Mozart** », que la presse française lui a attribué dès son enfance.

Pour les surnoms et sobriquets forgés selon l'ordre déterminé-déterminant, nous avons sélectionné, en plus de « **Basque bondissant**⁴ », que l'on a déjà évoqué, « **Finlandais volant** », « **Flèche wallonne** » et « **Géant Croate** », surnoms toponymiques liés, respectivement, aux prouesses physiques de Jarko Nieminen, joueur très acrobatique, à la rapidité de David Goffin et à la taille remarquable d'Ivo Karlovic, qui mesure 2 mètres et 11 centimètres. Un autre sobriquet d'Ivan Lendl était « **Poule mouillée** », forgé en 1981 par Jimmy Connors. Celui-ci, après avoir battu Lendl dans le troisième match du groupe «deux» au cours du Master de New York, accuse le Tchèque d'avoir joué sans mordant, de peur de terminer à la tête de son regroupement et d'affronter, au tour suivant, le redoutable Björn Borg. Un bandeau rouge destiné à retenir ses cheveux longs valut à un jeune John McEnroe le surnom de « Johnny le rouge », tandis que l'Allemand Michael Stich, vainqueur de Wimbledon en 1991, était surnommé « **Mister tie-break**⁵ » car très performant lors des jeux décisifs. Le dernier finaliste français des Internationaux de France de Roland-Garros, Henri Leconte, était surnommé « **Riton la foudre** » en raison de la rapidité de ses frappes ainsi que sa capacité à monter rapidement à la volée. L'Américain Vitas Gerulaitis, de son côté, était surnommé « **Lion lituanien** » pour sa crinière blonde ainsi que pour ses origines lituanienes. Quant à la hautaine et élégante Martina Hingis, son surnom était *Princesse Suisse*.

Notre répertoire comprend également des **mots composés** forgés selon l'ordre analytique ou synthétique. Ainsi, à titre d'exemple, « **Rouleau compresseur** », est le surnom attribué à Roger Federer, souvent implacable avec ses adversaires, alors que *Sliderman* (« l'homme qui glisse ») est un des petits noms du Français Gaël Monfils, joueur fantasque et spectaculaire,

¹ Cf. SUPRA, *Bref historique de la surnomination tennistique*.

² Cf. *ibid.*

³ Deux joueurs dépassent la taille de John Isner au sein du circuit professionnel masculin : il s'agit du Croate Ivo Karlovic et de l'Américain Reilly Opelka, qui mesurent 211 centimètres.

⁴ Cf. SUPRA, *Bref historique de la surnomination tennistique*.

⁵ Appelé en français « jeu décisif », le tie-break (littéralement « casser l'égalité »), est le treizième jeu d'un set dont le but est de départager les joueurs lorsque le score atteint la marque de six jeux partout (6-6). Cf. EMANUELE, 2019 : 325.

capable, grâce à sa souplesse extraordinaire, de glisser sur toutes les surfaces afin de rattraper la balle, de la terre battue de Roland-Garros aux sols en béton.

Les syntagmes formés par l'union de plusieurs mots reliés par des prépositions (à, de, pour) appartiennent à la catégorie définie par Benveniste (1974) « **synapsies** ». L'utilisation de la préposition « de » donne souvent lieu à des surnoms toponymiques, qui identifient le lieu d'origine du joueur ou son tournoi de prédilection. Ainsi, l'Australien Lleyton Hewitt, le plus jeune numéro un mondial de l'histoire du tennis masculin¹, parfois insolent sur le terrain, était surnommé le « **Caïd d'Adelaïde** ». Pour sa part, Ronald Agenor, Haïtien qui a perfectionné son tennis en France, portait le petit nom de « **Haïtien de Bordeaux** ». Les surnoms « **Petit Maître de Sidney** » (Ken Rosewall) « **Taureau de Manacor** » (Rafael Nadal), « **Taureau de la Pampa** » (Guillermo Vilas) et « **Tour de Tandil** » (Juan Martin Del Potro), contenant la ville natale ou la région dont le joueur est originaire, sont forgés selon le même modèle. Par ailleurs, si les surnoms de Nadal et Vilas contiennent le mot « taureau », qui constitue une référence à la corrida, pratiquée essentiellement dans les pays latins, le mot « tour », présent dans le surnom de Del Potro, évoque la grande taille de ce joueur, qui mesure 198 centimètres. Quant à « **Prince de Wimbledon** », « **Roi du gazon** » ou « **Roi de la terre battue** », ces surnoms identifient royalement les joueurs les plus titrés sur gazon et sur terre battue, à savoir Federer (huit victoires sur le gazon londonien) et Nadal (onze victoires sur la terre battue de Roland-Garros). « **Mano de piedra** » (main de pierre), est le surnom attribué au Chilien Fernando Gonzalez, pourvu, très probablement, du coup droit le plus rapide de l'histoire du tennis.

D'autres synapsies, formées à l'aide de la préposition « à », identifient une qualité technique de la joueuse ou du joueur en question. À titre d'exemple, John Isner, doté d'un service très performant, est dénommé « **Machine à aces** », alors que le Russe Nicolay Davydenko, véritable métronome, très régulier et précis dans ses frappes, portait le surnom de « **Machine à balles** ».

3. Les surnoms et sobriquets attribués par analogie à partir d'un mot déjà existant

La richesse des sources d'inspiration à la base des surnoms et sobriquets des champion(ne)s de tennis attribués par métaphore à partir d'un mot déjà existant est remarquable. Plus précisément, les journalistes, les joueurs et les supporters qui façonnent les petits noms effectuent souvent des analogies animalières, évoquent des ressemblances physiques ou des héros aux pouvoirs extraordinaires, puisent dans le règne végétal, attribuent des titres de noblesse, font allusion à l'univers magique ou font référence à la guerre afin de mettre en évidence les vertus hors du commun des as de la raquette et de la petite balle jaune.

Ainsi, nombre de surnoms et sobriquets évoquent le **royaume animal**, dans toutes ses facettes. Si l'élément aquatique est représenté par le « **Crocodile** » René Lacoste², l'élément aérien peut compter sur le Letton Ernests Gulbis. Celui-ci est surnommé « **Albatros** » en raison de sa préparation de coup droit, pendant laquelle il déploie les bras à l'horizontale, rappelant l'envergure des ailes de cet oiseau marin. L'Espagnol Juan Carlos Ferrero, de son côté, porte le surnom de « **Mosquito** » (moustique en français) en référence à son agilité sur le terrain. Quant à l'élément terrestre, le jardin zoologique de la surnomination tennistique comprend : un « **Chien** » – *The dog*, surnom attribué à l'Uranien Alexandr Dolgoplov à la fois par ressemblance phonétique avec son nom de famille et en raison de sa technique, qui évoque la rapidité des mouvements d'un chien – ; un « **Poussin** » et un « **Pou** » – respectivement le Français Gilles Simon et l'Espagnol David Ferrer, joueurs dont le physique n'est pas massif – ; une « **Moufette** » (l'Australien Pat Rafter, qui présente une mèche de cheveux blancs) et plusieurs chats : le Slovaque Miroslav Mecir, surnommé par la presse italienne *Gattone*, « **Grand Chat** » pour ses mouvements félins et sa nonchalance ; et l'Argentin Gaston Gaudio, surnommé *El gato*.

Les surnoms et sobriquets fondés sur les **traits physiques** ne sont pas moins imaginatifs. Ainsi, le colosse Américain John Isner est associé au *Big Ben*, en référence à la grande tour

¹ En 2001, lorsqu'il prend la tête du classement ATP, Lleyton Hewitt est âgé de vingt ans et huit mois.

² Cf. SUPRA, *Bref historique de la surnomination tennistique*.

d'horloge londonienne, alors que la ressemblance frappante entre Jo-Wilfried Tsonga et Cassius Clay a amené les journalistes à surnommer le tricolore « **Mohammed Ali** », le nom que Clay a adopté à la suite de sa conversion à la religion islamique. Le Chilien Marcelo Rios, de son côté, était surnommé « **El chino** » en raison de ses traits asiatiques, tandis que le Français Adrien Panatta, gaucher et talentueux comme le joueur de Santiago, était appelé « **Le Rios Français** ». Yannick Noah avait choisi lui-même le surnom de « **Nègre** » afin de désamorcer des propos racistes¹. L'**ironie**, et non pas la métaphore, est à la base du surnom de Ken Rosewall. Celui-ci, tout en ayant un physique fluide, était en effet surnommé « **Muscles** » par ses coéquipiers de Coupe Davis.

Les capacités hors du commun de certains tennismen donnent lieu à des associations avec les **super-héros** ou des figures marquantes qui évoquent une force et un courage extraordinaire. Parfois, à la base de ces petits noms l'on constate également la ressemblance phonétique entre le patronyme du joueur et le nom du personnage de fiction. Ainsi, Novak Djokovic est le « **Djoker** », Xavier Malisse est « **X-man** », alors qu'Ivo Karlovic est appelé « **Doctor Ivo** », en référence à Doctor Evil, l'antagoniste du personnage cinématographique Austin Powers². Le quartet de joueurs les plus prolifiques de la génération actuelle (Federer, Nadal, Djokovic, Murray), désignés par le petit nom **Big Four**, possède également le surnom de **Fab Four** (Les quatre fantastiques), ce qui constitue une référence au groupe musical **The Beatles** mais aussi à l'équipe de super-héros de la maison d'édition *Dell Comics*, populaire pendant les années 1960³. L'Espagnol David Ferrer, pour sa part, est surnommé en espagnol « **El gladiator** » (le gladiateur) en raison de son tempérament de grand battant, alors que son compatriote Rafael Nadal est dit « **Le Matador** », en référence à celui qui, à l'issue des courses de taureaux, doit décider si épargner ou mettre à mort l'animal. Toujours concernant les surnoms liés aux capacités exceptionnelles des joueurs, la Française Marion Bartoli, championne au tournoi de Wimbledon en 2013, revendiquait un QI de 175, ce qui lui a valu le surnom de « **Génie** ». Quant à Roger Federer, son tennis sans faille, associé à une élégance et une fluidité gestuelle hors pair sont à la base du surnom « **peRFect** », où les initiales du champion suisse sont mises en exergue par le caractère majuscule.

Quant à l'**univers végétal**, il est représenté par le Portugais Joao Sousa, appelé **Feijão** (du portugais *feijão*, haricot) par proximité phonétique avec son prénom. De son côté, le Français Benoît Paire est nommé « **La tige** » en raison de son physique longiligne.

Certaines appellations journalistiques attribuent des **titres de noblesse** aux tenniswomen et aux tennismen. Ainsi, si les Russes Maria Sharapova et Ievgeni Kafelnikov portent respectivement les titres de « **Tsarine** » et « **Tsar** », conformément à la tradition des pays de l'est européen, l'Américaine Helen Wills, grande rivale de Suzanne Lenglen à la fin des années 1920, affiche le titre de « **Reine** ». Le Letton Ernest Gulbis, que nous avons déjà évoqué au sujet des surnoms animaliers⁴, est surnommé « **Petit Prince** » car il provient d'une famille particulièrement fortunée. Mais le seul tennisman pouvant arborer le titre de « **Roi** » tout court est le Suisse Roger Federer, dit également le « **Maestro** » (de l'italien *maestro*, maître) en raison des innombrables records battus sur le circuit professionnel.

Des joueurs fantasques, imprévisibles sur le terrain car capables de délivrer à la balle des trajectoires trompeuses, ont suscité chez les passionnés du tennis des analogies faisant référence à l'**univers magique**. Par exemple, si les Français Henri Cochet et Fabrice Santoro⁵ ainsi que la Polonaise Agnieszka Radwanska partageaient le petit nom de « **Magicien(ne)** », l'Australien Norman Brookes était le « **Sorcier** », alors que le tricolore Gilles Simon est dit l'« **Hypnotiseur** ».

¹ Cf. Bouchard, 1996.

² Cf. ROACH, Jay (1997). *Austin Powers : International man of mystery*. États-Unis, 1h34m.

³ Cf. <http://www.internationalhero.co.uk/f/fabfour.htm>

⁴ Cf. SUPRA.

⁵ Ce fut Pete Sampras, numéro un mondial à plusieurs reprises pendant les années 1990 et champion en Grand Chelem quatorze fois, qui attribua à Fabrice Santoro le surnom de « Magicien ».

Une multitude de surnoms et de sobriquets fait allusion à la guerre et à la puissance, ce qui n'est pas surprenant étant donné que le tennis, sport de duel, se fonde essentiellement sur des actions d'attaque et de défense. Ainsi, le Russe Ievgeni Kafelnikov est surnommé « **Kalashnikov** » pour la violence extraordinaire de ses frappes, dont le bruit évoquait la déflagration produite par une arme à feu. Dans le même esprit, la puissance remarquable de son service valut à l'Australien Mark Philippoussis le surnom de « **Scud** », en référence au potentiel destructif de ces missiles à courte portée. De son côté, Rod Laver, le seul joueur capable de remporter les quatre épreuves du Grand Chelem au cours de la même saison¹, était surnommé « **The Rocket** » (la fusée) pour la vitesse exceptionnelle de ses déplacements sur le court, en particulier lors de ses services-volée. L'agressivité sur le terrain, associée à un tempérament combatif sont les caractéristiques principales de la Française Mary Pierce et des Espagnols Rafael Nadal et David Ferrer, dont les surnoms sont respectivement « **La Tueuse** », « **La Tornado** » et « **Ferru** » (qui signifie « fer » en catalan). Quant à l'Américain Jim Courier, ex-numéro un mondial en 1992, il portait le petit nom de « **Le Roc** » en raison de son endurance extraordinaire ainsi que de son intensité sans limite sur le court.

Conclusion

La productivité lexicale, dans le domaine de la surnomination des champions de tennis, commence dès les origines de ce sport et ne connaît pas de **stagnation**, contribuant remarquablement à l'enrichissement et au dynamisme du lexique tennistique.

La composante **ludique** des surnoms dans le domaine tennistique, ainsi que l'état de connivence qu'ils contribuent à créer entre les locuteurs est indéniable, mais on aurait tort de s'arrêter à ce stade en négligeant un examen minutieux de ces appellations savoureuses. Effectivement, une telle analyse permet de mettre en évidence non seulement la grande créativité langagière de ceux qui façonnent ces surnoms, en l'occurrence les journalistes, les supporters et les joueurs eux-mêmes, mais aussi la forte charge émotionnelle et culturelle de ces dénominations.

Créées dans les vestiaires, dans la presse sportive ou encore dans les réseaux sociaux, ces appellations, qui font partie du discours sportif « non normatif », véhiculent, comme le souligne Pierre Luigi Ligas (2012 : 16-17) « des références culturelles et [des] structures linguistiques à travers des représentations catégorielles construites ». Autrement dit, les surnoms des sportifs ne se limitent pas à révéler les caractéristiques primaires de la langue qui les a produits (le cas échéant, en ce qui concerne la langue française, la tendance à la troncation et à la siglaison). Effectivement, par le biais de la métaphore, de l'ironie, de la caricature et de l'hyperbole, les surnoms et les sobriquets, qui alimentent essentiellement des pratiques discursives portant sur la performance et sur l'esthétique corporelle, remplissent une fonction éminemment **identitaire** et structurent la mémoire communautaire. Les processus d'identification et de reconnaissance collective **exacerbent les individualités** des as de la raquette et exploitent le caractère **pragmatique** de la substitution analogique afin d'assimiler les caractéristiques et les talents techniques, physiques, tactiques et mentaux des champions autour de microcosmes hautement symboliques, tels que les super-héros, la flore et la faune, l'univers magique, le monde littéraire et cinématographique, la royauté, la guerre. Pour cette raison, l'analyse linguistique ne peut pas faire abstraction de considérations socio-culturelles essentielles afin de saisir pleinement la densité émotionnelle des surnoms et des sobriquets. Ceux-ci condensent l'essence même du langage sportif, fait d'expressions riches et jubilatoires (Bouchard, 1996 : 15) et de termes évocateurs qui ouvrent des grandes perspectives à la recherche lexicographique.

Références bibliographiques

1. BENVENISTE, Émile (1974). « Formes nouvelles de la composition nominale ». Dans *Problèmes de linguistique générale*, t. II, Paris, Gallimard.
2. BOYER Sagert, Kelly & OVERMAN, Steven J. (2012). *Icons of Women's Sport*, Santa Barbara, ABC-CLIO.
3. BOUCHARD, Jean-Philippe (1996). *Les mots du sport. La tête dans le guidon*. Paris, Seuil, 1996.
4. DOTOLI, Giovanni, LIGAS, Pierluigi & SELVAGGIO, Mario (dir., 2010). *Les langues du sport*, Fasano, Schena.

¹ Rod Laver réussit cet exploit extraordinaire à deux reprises : en 1962, parmi les amateurs, et en 1969, en tant que professionnel.

5. DELIGNE, Alain & MORI, Olga (1990). « Caricatures et surnoms. Tentative de rapprochement ». In : *Langage et société* n°53, 1990, Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme, pp.27-48.
6. DURAND Robert (1994). « Surnoms et structures de la famille ». In: *L'anthroponymie document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux*. Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome avec le concours du GDR 955 du C.N.R.S. « Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne » (Rome, 6-8 octobre 1994) Rome : École Française de Rome, 1996. pp. 413-420. (Publications de l'École française de Rome, 226).
7. EMANUELE, Valerio (2019). *Dictionnaire du tennis*, Paris, Honoré Champion.
8. EMANUELE, Valerio (2017). « Les mots du sport dans la 8e et la 9e édition du dictionnaire de l'Académie française », dans *Le Dictionnaire de l'Académie française, langue, littérature, société*, Paris Hermann, 2017, pp. 355-378.
9. GILLMEISTER, Heiner (1998). *Tennis : a cultural history*. Leicester, Leicester University Press.
10. JEFFERYS, Kevin (2017). *Fred Perry: British Tennis Legend*. Worthing, Pitch Publishing.
11. LIGAS, Pierluigi & FRASSI, Paolo (2012, coord.). *Le langage du sport*, ELA n° 165, Paris, Klincksieck.
12. LIGAS, Pierluigi (2012). « Registres, stéréotypes et charge culturelle des mots dans le discours sportif non normatif », Ela. *Études de linguistique appliquée* 2012/1 (n°165), p. 13-27.
13. PRUVOST, Jean & SABLAYROLLES, Jean-François (2003). *Les néologismes*, Paris, PUF.
14. RENAHY, Nicolas (2001). « Football et représentation territoriale : un club amateur dans un village ouvrier », dans *Ethnologie française* 2001/4 Vol. 31, Paris, PUF, pp 707-715.
15. SELVAGGIO, Mario (2010). « Pour une approche socio-culturelle de la langue du sport : de l'origine des surnoms dans la galaxie football », dans DOTOLI, LIGAS et SELVAGGIO (dir.), *Les langues du sport*, Fasano, Schena, pp. 97-104.

УДК 81'1

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ»

Гарагуля, Сергей Иванович

доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков

Белгородский государственный технологический
университет имени В.Г. Шухова,
Белгород, Россия / garagulya@mail.ru

Аннотация

В статье освещается концепция построения «Лингвокультурологического словаря английских фамилий», который представляет собой собрание культурно значимых фамильных имен, входящих в фоновые знания носителей британской и американской лингвокультур и являющихся частью их языковой картины мира. Имена, «наполненные» культурной информацией, вовлекаются в процессы метафоризации и метонимизации, употребляются в паремиях, служат основой для образования различных типов онимов и приобретают статус имен-символов. Словарь, построенный на принципах лингвокультурологии, ставит своей целью раскрыть содержание данной антропонимической лексики, включающее в широком смысле совокупность языковых, культурных, исторических, социальных, прагматических и других коннотаций, описать особенности функционирования подобных имен в англоязычном дискурсе, а также познакомить изучающих английский язык с ними и помочь правильно их понять.

Ключевые слова: антропоним, культурно значимое имя, лингвокультурология, содержание имени, фамильное имя, этимология.

ON THE PRINCIPLES OF COMPILING «A DICTIONARY OF ENGLISH FAMILY NAMES IN THE CONTEXT OF LANGUAGE AND CULTURE»

Garagulya Sergey

Doctor of Philology, Professor
of the department of foreign languages,
Shukhov Belgorod State Technological University,
Belgorod, Russia / garagulya@mail.ru

Abstract

The article reports on the conception of compiling “A Dictionary of British and American Family Names in the Context of Language and Culture” which is a collection of culturally meaningful family names, constituting part of background knowledge and linguistic worldview of British and American people. The names “loaded” with cultural information are involved in the processes of metaphorization and metonymization, used in proverbs and sayings, serve as a basis for the formation of different types of onyms, and acquire a status of symbolic names. The dictionary based on the principles of language and culture studies aims to reveal their content which contains, in the broad sense, the whole set of linguistic, cultural, historical, social, pragmatic and other connotations, describe the

specific features of the functioning of such names in English discourse as well as familiarize English learners with them and help to understand their meanings.

Key words: anthroponym, culturally meaningful name, etymology, family name, language and culture studies, name content.

Лексикографическое описание культурно маркированной ономастической лексики ведет свою историю от лингвострановедения, связанного прежде всего с именами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые отмечают, что «имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка» [Верещагин, Костомаров 2005, 103]. Начали появляться лингвострановедческие словари и справочники, описывающие культурные реалии и подобные имена.

С возникновением нового направления в лингвистике – лингвокультурологии, соединяющей «наши знания о языке с нашим знанием о человеке, носителе языка, с особенностями отражения в его сознании и лингвистической компетенции культурно значимых феноменов» [Комова 2003, 3], стали создаваться лингвокультурологические словари. В отличие от лингвострановедческого подхода, ориентированного, главным образом, на описание семантических характеристик культурно маркированной лексики и предоставление энциклопедической информации о ней, лингвокультурологический анализ призван также продемонстрировать особенности функционирования данной лексики в языке и речи, которые определяются ее *содержанием*.

В общелингвистическом понимании план содержания представляет собой «предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира как внутренняя (семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы» [Ахманова 1969, 273]. Применительно к антропонимической лексике (фамильным именам) план содержания – это, с одной стороны, определенная этимология, выражаемая апеллятивом, от которого произошло имя и который дает ему свое содержание, а с другой – с течением времени последнее утрачивается, переосмысливается, фонетически и структурно изменяется и ассоциативно наполняется новым содержанием, которое включает в широком смысле совокупность культурных, исторических, социальных, этнических, прагматических и других коннотаций, придающих имени новые смыслы в изменяющихся культурно-исторических и коммуникативных условиях [Комова, Гарагуля 2012, 12].

Точно так же, как слова общего языка, фамильные имена имеют закрепленную за ними информацию. В плане содержания фамилий форма тесным образом связана с этим содержанием. Например, следующие сочетания – *astonish the Browns* («удивлять (изумлять) всяких Браунов»; *бросить вызов общественному мнению*); *Brown, Jones and Robinson* (Браун, Джонс и Робинсон; *простые, рядовые англичане*); *Capability Brown* («способный» Браун; *тот, кто занимается садово-парковым дизайном*); *John Brown* (Джон Браун; *борец против несправедливости*); *Sam Brown* («Сэм Браун», *офицерская португя*) имеют разное содержание, хотя фамильное имя используется то же самое – *Brown*, одно из самых распространенных фамильных имен в англоязычных культурах. Подобные фамилии обогащаются таким содержанием, которое выводит их на уровень культурно значимых имен. Это происходит благодаря расширению содержания имени.

В подготовленном к изданию словаре, построенном на принципах лингвокультурологии, представлены *культурно значимые английские фамильные имена*, представляющие собой антропонимы, «наполненные» культурной информацией и входящие в фоновые знания носителей английского языка. Они развивают дополнительные значения, регулярно используются в функции вторичной номинации, вовлекаются в процессы метафоризации, употребляются в поговорках, служат основой для образования различных типов ономастической лексики и, наконец, становятся именами-символами, отторгаемыми от своих носителей и функционирующими независимо от них,

получая дополнительную культурно-историческую значимость. Такие имена репрезентируют англоязычное культурное пространство.

Данный лингвокультурологический словарь ставит своей целью раскрыть *содержание* культурно значимых фамильных имен, выступающих как свернутые лингвокультурные тексты, описать особенности функционирования подобных антропонимов в англоязычном дискурсе, а также познакомить изучающих английский язык с ними и помочь правильно их понять [Гарагуля 2018, 5–12].

Словник содержит 150 фамилий, распространенных преимущественно в Великобритании, а также в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, национально-специфические антропонимические системы которых предстают как подсистемы антропонимической англоязычной и европейской традиции, обнаруживающей общее и особенное, свойственное языковым семиотическим системам. Отбор фамильных имен осуществлялся из британской и американской художественной, публицистической и научной литературы, ономастических и энциклопедических словарей и справочников.

Для включения фамилий в корпус словаря учитывались в максимально полном объеме следующие факторы:

- 1) общеизвестность фамилии в среде носителей англоязычной культуры;
- 2) функционирование фамилии в реальном антропонимическом узусе;
- 3) появление у фамилии метафорического, метонимического или ассоциативного значения;
- 4) употребление фамилии в произведениях устного народного творчества;
- 5) использование фамилии в процессе категоризирующей деривации;
- 6) участие фамилии в трансонимизации – переходе онама одного разряда в другой;
- 7) регулярное обращение к фамилии;
- 8) культурно-социальная значимость фамилии – ее использование в литературно-художественных произведениях; наличие среди носителей данной фамилии известных реальных деятелей в культуре, истории, политике и науке англоязычных стран.

Словарная статья в своем оптимальном варианте имеет следующую структуру.

Заголовочное слово. В качестве заголовочных слов, расположенных в алфавитном порядке и выделенных прописным полужирным шрифтом, выступают английские фамилии. Указание на произношение, ориентированное на британский вариант английского языка, приводится для каждой фамилии в виде нормативной фонетической транскрипции. После заголовочного слова следует передача фамилии на русском языке. Для некоторых фамильных имен приводятся также традиционные варианты их русского написания, вводимые пометой *традиц.* Примеры заголовочных слов: **Blake** [bleik] Блейк; **Wilson** ['wilsən] Уилсон; *традиц.* Вильсон.

Этимология и функциональная характеристика фамилии. В среднеанглийский период укрепилась тенденция использовать небольшое количество личных имен ввиду их концентрации. По мере роста населения вошли в употребление разнообразные вторые имена, чтобы отличить многих людей по имени John, William, Robert или Richard друг от друга. Эти вторые имена, выполнявшие роль дополнительной идентификации человека, на начальном этапе представляли собой прозвища индивидуального характера. Постепенно они стали наследоваться и переходить из поколения в поколение. Впервые фамилии были зарегистрированы в Англии в XII в. и получили распространение главным образом в среде аристократической прослойки общества. Становление фамильного имени как наследуемого именованья происходило в течение всего средневековья, и в XVII в. фамилия окончательно стала официальной формой. Традиционно в ономастике в разной терминологии выделяют фамилии, этимологически восходящие к антропонимам, топонимам, качествам, характеризующим человека, и названиям профессий. В данном разделе словарной статьи приводятся сведения, связанные с появлением фамилии в английском антропонимиконе, а также ее распространенностью в нынешнем столетии.

Иллюстрация употребления фамилии в «прямом» (денотативном) значении сопровождается примерами из художественной литературы. Например, фамилия Bailey:

Bailey Существует несколько версий происхождения фамилии: 1) от именованья родоначальника по занимаемой должности (< *ср.-анг.* bailli *олдермен; шотл.* bailie *городской судья*); 2) от прозвища, восходящего к месту жительства: живущий у городских стен или наружного двора замка (< *ср.-англ.* baile, baili – “bail; bailey” *внешняя ограда крепости; наружный двор замка*); 3) по географическому названию Bailey (Ланканшир), первый носитель данной фамилии был выходцем из этого места (< *др.-англ.* bēg – “berry” *ягода + lēah – “wood, clearing” лес; поляна; поле; луг; букв. “berry wood (clearing)” ягодный лес, ягодная поляна*). Первое упоминание этого семейного имени зафиксировано в Англии в XIII в. Фамилия Bailey является частотной как в Великобритании, так и в США: 51-е и 66-е места соответственно.

Орфографические варианты фамилии. Многие английские фамилии не имеют единого нормативного орфографического оформления. Одна из причин разнообразия вариантов фамильного имени может быть связана с его историей. Фамилии используются на протяжении веков, и их написание, как правило, соответствует тем нормам, которые существуют на том или ином этапе развития языка. Например, фамилия Bailey: *вар.* Bailie, Baillie, Baily, Baly, Baylay, Bayley, Baylie, Bayly.

Отфамильные личные имена. Во времена правления королевы Елизаветы I (Elizabeth I, 1533–1603) возникла традиция создания и использования фамилий в качестве личных имен. Вначале она получила распространение в семьях лордов-землевладельцев, а затем в других слоях высшего общества, в почтенных и уважаемых семьях XVI–XVII вв. Причиной этого было желание продлить жизнь своим фамильным именам, передавая их из поколения в поколение и тем самым сохраняя и демонстрируя генеалогические связи либо по отцовской, либо по материнской линии. Со временем появляется тенденция образования новых личных имен от фамилий, уже не указывающих на родство. Новым источником становятся фамилии известных людей как знак особого восхищения ими: фамилии национальных героев, государственных и политических деятелей, писателей, поэтов и др. Например: *ил. муж.* Вугон; *ил. муж., жен.* Darby.

Фамилия в переносном значении. Имена с развившимися метафорическими и метонимическими значениями перестают служить средством обозначения одного референта: имеет место движение от имени единичного к его носителю обобщенного характера, причем в этом случае оно приобретает новые грамматические признаки – употребление во множественном числе или сочетание с артиклем. У такого имени содержание значительно расширяется. Его значения в словарной статье располагаются с учетом их употребительности. Две наклонные черты // вводят лингвокультурологический комментарий. Например, фамилия Nelson:

Nelson Нельсон, решительный и неустрашимый человек; отважный (храбрый) человек. // Отсылка к имени английского флотоводца, вице-адмирала Горацио Нельсона (Horatio Nelson, 1758–1805), обеспечившего английское морское господство на протяжении всего XIX в. Нельсон обладал незаурядным военным талантом, в боях отличался отвагой, являлся сторонником маневренной тактики и решительных действий. (...)

Устойчивые обороты. Они могут быть как общеупотребительными фразеологизмами, так и словосочетаниями терминологического характера. Устойчивые обороты восходят к художественно-литературным и историческим источникам или связаны с реальными людьми. Например:

Hitchcock blonde Хичкоковская блондинка; высокая, красивая, утонченная и элегантная блондинка с внешней «холодностью». // Образ «холодной» блондинки, характерный для большинства фильмов англо-американского кинорежиссера Алфреда Хичкока (Alfred Hitchcock, 1899–1980) и названный его именем, окончательно сформировался в 1950-х гг. Он стал одним из символов как творчества самого режиссера, так и классического голливудского кинематографа. Хичкоковские блондинки были

непредсказуемы, находчивы, самостоятельны и решительны; они не всегда являлись положительными персонажами, за ними скрывалась интрига, трагедия, безумие или обман. Женский типаж хичкоковской блондинки до сих пор эксплуатируется в кино, рекламных кампаниях и модных фотосессиях.

Фольклорное имя. В этой части словарной статьи приводятся имена используемые в фольклорных текстах – поговорах, поговорках, преданиях, балладах, сказках, народных песнях и т.д. В малых фольклорных жанрах часто применяются имена реальных людей, живших когда-то давно и ставших известными по определенным личным качествам, своему поведению или особенностям характера. Фольклорные имена приобретают символическое значение и становятся важной составляющей национальной культуры. Например:

Casey Jones Кейси Джонс. // Джон Лютер Джонс по прозвищу Кейси (John Luther /Casey/ Jones, 1863–1900) – герой американского песенного фольклора, легендарный машинист центральной железной дороги Иллинойса. По одной из версий, он стал символом отваги и героизма: заметив стоявший на путях товарный состав, Кейси Джонс велел спрыгнуть помощнику, а сам, пытаясь затормозить поезд, ценой своей жизни спас пассажиров. После этой катастрофы в 1900 г. его друг Уоллас Сондерс (Wallace Saunders) написал песню «Баллада о Кейси Джонсе» (*The Ballad of Casey Jones*), которая приобрела широкую известность в стране. Позднее было опубликовано более 40 ее вариантов. (...)

Производные формы. Потенциальная деривация возможна для большинства фамилий, однако она ограничена их реальным функционированием в речи, показывая, как фамилия воспринимается в обществе и в контексте целой нации. С помощью фамильных имен создаются такие производные формы, которые выводят их отдельные признаки в качестве категоризирующих: поведение, политические и религиозные взгляды и т.д. *Категоризирующее имя* представляет собой знаковое имя – имя эпохи, стиля, моды и его общественного восприятия как положительного, так и отрицательного. *Категоризирующая деривация*, в результате которой происходит переход из сферы фамильного имени с определенным объемом содержания в сферу категоризирующего имени, указывает на высокую степень культурной и социальной значимости последнего. Например:

Hamiltonian 1. прил. Гамильтоновский, имеющий отношение к Александру Гамильтону или связанный с его социально-политической деятельностью. // Форма образована от имени Александра Гамильтона (Alexander Hamilton, 1755/1757–1804), американского государственного деятеля, участника Войны за независимость США, идеолога и руководителя партии федералистов с момента ее создания. 2. сущ. Сторонник Александра Гамильтона, федералист.

Персонажи литературно-художественных произведений. В данной части вводятся сведения о фамилиях, используемых в художественной литературе. Эта информация охватывает произведения британских и американских писателей. Фамильное имя персонажа сопровождается названием произведения на русском и английском языках, датой его написания, а также указываются имя писателя и годы его жизни. Например:

Daisy Armstrong Дейзи Армстронг, персонаж романа «Убийство в Восточном экспрессе» (*Murder on the Orient Express*, 1934) английской писательницы Агаты Кристи (Agatha Christie, 1890–1976).

Известные носители имени. Именования писателей, драматургов, ученых, политических деятелей, музыкантов, художников, актеров и так далее, широко известных в англоязычных странах и за их пределами, приобретают социально-культурную значимость. В словарной статье английские имена известных деятелей, расположенные в хронологической последовательности, также приводятся на русском языке в соответствии с их традиционными вариантами, используемыми в русских литературных источниках. Затем указываются даты жизни (в скобках), страна и род деятельности персоналии. Например:

Elizabeth Barrett Browning – Элизабет Барретт Браунинг (1806–1861), английская поэтесса викторианской эпохи; Tod Browning – Тод Браунинг (1880–1962), актер и сценарист, один из основоположников жанра фильмов ужасов.

Топонимы. Создание антропотопонимов представляет собой один из способов закрепления фамильных имен в культурно-исторической памяти людей. Вся информация, связанная с миром именуемого, кодируется в самом антропотопониме: интенции, личные мотивы, этнокультурный и исторический аспекты, ассоциации, различные образы в сознании имядателя. Топонимы, восходящие к фамильным именам, были выделены в отдельный раздел словарной статьи с учетом следующих соображений. Именно с ними связана культурная, политическая и экономическая жизнь социума, и, соответственно, их экстралингвистическая обусловленность находит свое выражение здесь с большей очевидностью, чем в других типах названий. Русская передача топонимической лексики принята по справочной литературе, изданной в России. Далее следует указание на характер географического объекта (город, река, гора и т.д.), административное положение и страну. Затем приводится этимологическая справка, дополняемая информацией о причине появления названия. Например:

Rogers Роджерс, город в штате Арканзас (Arkansas), США. // Основан в 1881 г.; назван по имени руководителя железной дороги «Сент-Луис – Сан-Франциско» капитана Чарлза Уоррингтона Роджерса (Charles Warrington Rogers).

Другие типы онимов. Фамильные имена широко используются для образования других типов онимической лексики. Были выделены астронимы, зоонимы, фитонимы, маркируемые соответствующими пометами. Структура этой части словарной статьи аналогична разделу *Топонимы*. Например:

Parkinsonia *фит.* Паркинсония (род вечнозеленых деревьев или кустарников семейства бобовых). // Произрастает в сухих тропиках и субтропиках Америки; назван по имени английского ботаника Джона Паркинсона (John Parkinson, 1565–1650).

В конце словаря приводятся указатели всех фамилий, имеющих словарные статьи, фамилий в переносном значении, устойчивых оборотов, фольклорных имен, производных форм, топонимов, астронимов, зоонимов, фитонимов, названий минералов и химических веществ с указанием страницы, на которой представлена данная языковая единица, что облегчает читателю поиск необходимой информации. К словарю также прилагаются списки научных, лексикографических, справочных и иллюстративных источников.

В заключение следует отметить, что фамильные имена являются культурной универсалией и существуют в любой лингвокультуре, которая отражает имятворческие традиции отдельного индивида и целого народа. Предложенное структурирование словарной статьи с привлечением богатого иллюстративного материала позволяет раскрыть содержание культурно значимых фамильных имен, способных аккумулировать социальный, этнокультурный и исторический опыт, показать их функционирование на новом витке использования в условиях реального узуса и литературно-художественного произведения, а также расширить границы традиционного лексикографического описания подобной лексики. Выделенные особенности составляющих содержания фамильных имен подчеркивают их лингвокультурный характер, обусловленный развитием и влиянием языка, социума, религии и обычаев. «Лингвокультурологический словарь английских фамилий» адресован студентам и аспирантам филологических специальностей, преподавателям университетов и колледжей, а также широкому кругу читателей, интересующихся английским языком и вопросами ономастики, находится на стадии завершения.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
3. Гарагуля С.И. Лингвокультурологический словарь английских фамилий. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 384 с.
4. Комова Т.А. Концепты языка в контексте истории и культуры. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 120 с.

5. Комова Т.А., Гарагуля С.И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 160 с.

References

1. Akhmanova, O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov (A Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia, 1969. – 608 p.
2. Vereschagin, Ye.M., Kostomarov, V.G. Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy (Language and Culture. Three Linguistic-Cultural Conceptions of Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientema). Moscow: Indrik, 2005. – 1040 p.
3. Garagulya, S.I. Lingvokulturologicheskii slovar angliiskih familii (A Dictionary of English Family Names in the Context of Language and Culture). Moscow: LENAND, 2018. – 394 p.
4. Komova, T.A. Kontsepty yazyka v kontekste istorii i kulture (Concepts of Language in the Context of History and Culture). Moscow: MAKS Press, 2003. – 120 p.
5. Komova, T.A., Garagulya, S.I. Imya lichnoe v angloyazychnom kulturno-istoricheskom prostranstve (A First Name in English Culture and History). Moscow: LIBROKOM, 2012. – 160 p.

УДК 81'10

О СЛОВАРЕ РАССУЖДЕНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Харченко, Вера Константиновна

профессор кафедры русского языка и русской литературы,
доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация

В статье говорится о некоторых аспектах создании словаря рассуждений и сентенций разговорной речи. Объясняются причины отсутствия подобного словаря и его прогнозируемые особенности. Словарь отличается большой долей субъективизма в выборе и трактовке словарных статей, нечёткостью в привлечении нарративных и описательных фрагментов, отсутствием в ряде случаев самой сентенции, которая вытекает из материала. Вместе с тем словарь даёт возможность сосредоточить внимание на некоторых, обычно скрытых формах мышления. Функции ключевых слов в словаре наряду с узуальными словами выполняют окказионализмы, имена собственные – наименования лица, термины. Такой словарь необходим, так как в перспективе открывает новые аспекты интерпретации мысли: поиск здравого смысла, выявление роли «хаоса» в зарождении мысли, развитие мужского и женского начала в речи, внимание к будущему времени.

Ключевые слова: словарь, рассуждение, сентенция, разговорная речь, окказионализм, имя собственное – наименование лица, «хаос», здравый смысл.

ABOUT VOCABULARY OF REASONING IN SPEAKING

Kharchenko Vera

professor of the Department Russian Language and Russian Literature,
doctor of Philology, professor,
Belgorod National Research University.
Belgorod, Russia / wera_kharchenko@mail.ru

Abstract

The paper deals with some aspects of creation vocabulary of reasoning and maxims in speaking. The reasons for the absence and its features of the projected explain. Vocabulary is characterized by a large proportion of subjectivity in selection and interpretation of dictionary entries, vagueness in engaging narrative and descriptive fragments, the absence in some cases of the maxim itself, which follows from the material. However, the dictionary provides an opportunity to focus on some, usually hidden forms of thinking. Occasionalism, proper name – name of the person, term along with the usual words performs the functions of keywords. Such a vocabulary is necessary, because it opens up new aspects of thought interpretation: the search for common sense, identifying the role of "chaos" in the origin of thought, development of masculine and feminine in speech, attention to the future.

Keywords: vocabulary, reasoning, maxim, speaking, occasionalism, proper name – name of the person, chaos, common sense.

Введение

Обилие всевозможных словарей в современной отечественной лексикографии не может не радовать пользователя, но одновременно не может не огорчать его и «упорное отсутствие», например, словаря рассуждений и сентенций разговорной речи. Сам термин «рассуждение» соотносим с книжным стилем речи, «сентенция», будучи приписанной к

книжному дискурсу, тоже просится в группу афоризмов и максимумов. Мы же публикацией целого словаря рассуждений и сентенций в разговорной речи задаём крен в другую сторону, пытаюсь вывести рассуждения из обычных реплик и высказываний, почерпнутых в разговорной речи.

Цель работы

Целью словаря является сбережение высокого уровня мышления, которое фиксируется при записях разговорных фрагментов. Обилие хезитативов, междометий, недоговоренностей, как правило, мешает грамотному восприятию самого высказывания, хотя высказывание проливает свой свет будто бы на традиционную ситуацию. Например: **Автономизация**. [Начальник управления лет 45:] Интернационализация вуза, то есть замещение российских студентов иностранным контингентом, а на противоположном полюсе – автономизация, игнорирование международной деятельности (10.11.14). Здесь проводится мысль о внутривузовском балансе интернационализации и автономизации. Другой пример: **Анималист**. Фотографировать? Да нет, лучше рисовать! Художник-анималист может уловить правильную позу животного. У нас выставки проходят. Детей приводят учиться рисовать, а ведь это трудно: животное же не сидит, не позирует. Вот наблюдай и сумей правильно отразить! (РР, 21.02.19). Получается, что художник-анималист вернее фотографа может изобразить животное.

Конечно же, велика доля субъективизма в нашем словаре, но без субъективизма невозможно развитие полноценное развитие отечественной лексикографии, широкое и свободное. О дефиците в отечественной лексикографии субъективных словарей писали ещё в XIX веке. Субъективизм проявлялся а) в отборе материала, б) в его подаче, в) в некотором его изменении, что было обусловлено подчас отставанием записи от самого рассуждения.

Материалы и методы исследования

Материалом для словаря послужили записи разговорной речи, а также записи некоторых фрагментов по радиопередачам. Временной охват был с 1983 по 2019 годы. После высказывания ставилась дата, в которой нулями обозначалось неизвестное, например: РР, 00.01.19, что означало: Радио России, январь 2019 года. Авторство реплики обозначалось инициалами, но чаще всего проставлялся обобщённый портрет автора в препозиции к статье: доцент, ученый секретарь, попутчик. Теперь о самих словах. Иногда говорящий отталкивается от известных ему высказываний, как например: **Баловать**. **Детей надо баловать**. Одно воспоминание из детства, одно, хорошее, оно способно спасти человека! Я вспоминаю слова Набокова: «Детей надо баловать!». Потому что неизвестно, что их ждёт! (РР, 19.01.19). Но чаще всего вывод напрашивается свой, особый, не совпадающий с общеизвестным выводом. **Благословить**. [Профессор женщина в гостинице. Разговор о чеховской «Душечке»:] Толстой восхищался! Так много случаев в классике: хотел проклясть – а благословил! Талант классики! (27.09.13). Таким образом, метод исследования состоял в выявлении рассуждения и сентенции в высказывании как не претендующем на новую, неожиданную мысль, так и целиком посвящаемом элементарному утешению собеседника.

Основная часть

Одной их функций «разговорного» рассуждения является возможность утешения, поддержки собеседника. Таких рассуждений немало: *Работа есть работа. Зима есть зима*, но не они составили главный фундамент словаря. Представим ряд словарных статей. **Больно**. [Доцент-психолог:] Даже вся история доказывает: самые сильные больше всего падают, фараоны, цари... (07.01.15). **Бывший**. [Заместитель председателя дис.совета, Курск, женщина лет 60:] Это наш... – Бывший член совета! – Но бывших членов совета не бывает! (17.10.13). **Валежник**. [Профессор-женщина о матери:] Ещё в Сарове. 85 лет, одна, но уезжать не хочет. Соседка сказала: валежник не надо поднимать! (13.12.11). **Весь**. **Что всем, то и нам**. [Молодая женщина лет 27, сев в поезд, по сотовому:] Мам, ну что ты в голову берёшь?! Что всем – то и нам! (27.11.14). **Вечный**. **Вечный день**. [Учёный

секретарь диссертационного совета о том, что, сколько ни объясняй, соискатели в документации допускают ошибки:] Для нас это сегодняшний вечный день. А для них это как свадьба, которая бывает у нормального человека один раз в жизни (11.11.10). **Взлётный.** [Соискательница членам совета перед голосованием неожиданно:] Просто никогда не надо лениться! Просто чёрная полоса тоже бывает взлётной! (смех) (23.01.15). **Второй.** [Работник офиса, 48 л., знакомой по телефону:] А муж мне сказал: «Он просто устал быть вторым...». Каждому человеку когда-то устаётся быть вторым! (31.08.12). **Гайдар.** [По телефону разговор с доцентом 56 л.:] Оксан! У нас из начальной школы исчез Гайдар! Год назад ещё был «Чук и Гек», а уже в новых учебниках нет. Там Бальмонт, Солженицын. – А в Америке запретили в школах Марка Твена. Мы чётко идём по тем следам. Он о неграх писал, как линчевали... (30.03.13).

В ряде случаев бывают множественные трактовки слова, например: **Возраст.** *Возраст – самое важное в фольклоре.* [Доцент:] Я прямо аптекарские подсчеты делала: восемь тысяч прилагательных-антропонимов, а из них 40 % означают возраст! Приблизительный возраст. Возраст – самое важное в фольклоре! А у человека ещё есть его-возраст. Личностный возраст. Говорят: встречают по одежке – провожают по уму. Но это эксплицитное восприятие человека. А имплицитное – на первом месте возраст. Мы, прежде всего, смотрим, какой возраст (23.01.06). *Хоть старый, хоть молодой, да?* [Женщина лет 50 идущему навстречу пожилому мужчине:] Молодой человек! [Ближе смотрит, улыбается широко:] Хоть старый, хоть молодой, да? (25.07.12). *Да какая разница, сколько лет человеку!* [Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито:] Да что восемьдесят, что семнадцать! Да какая разница, сколько лет человеку! А то с утра приходят и начинают: Ой! Дайте для бабульки! – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков! (13.07.12). *Сколько есть – все наши!* [Гардеробщица 56 л. напарнице:] Нин, а что скрывать?! Я не пойму! Сколько есть – все наши! Мне сказали, у тебя юбилей был, 65! Мне 56 – и 56 я говорю! Нам замуж не выходить... (24.04.15).

Мы представили сейчас фрагменты из словаря, чтобы продемонстрировать его суть и некоторые его особенности. Охарактеризуем одну из них. Материал, можно сказать, распадается на три блока. Первый блок – это «чистая» сентенция. Она обычно использовалась, когда была не очень знакомой или когда работала как утешение человеку. Второй блок – это рассуждение с сентенцией. Это развёрнутый и наиболее распространённый тип материала. Наконец, третий блок – «чистое» рассуждение, при котором сентенция оказывалась в подтексте, не оформлялась словесно. **Компромисс.** *За счёт своих компромиссов.* [По телефону женщина профессор 59 л.:] Я предпочитаю худой мир за счёт своих (подчёркивает голосом!) компромиссов! (26.02.2012). **Металл.** [Москва, пенсионерка, в прошлом учительница:] Железные двери, надо присмотреться, так ли вставлен ключ. Там же столько нюансов! Металл есть металл, требует осторожности! (01.04.2004). **Комментарий.** [Рецензент о первом варианте диссертации:] Теория, а потом – хоп! – предложение с фразеологизмом. Тяжёлая теория, как у него, а потом – хоп! – пример. А комментария нет. Как можно дискурс показывать на отдельных фразеологизмах? (26.11.2009). Строго говоря, мы не должны были включать высказывания, относящиеся к третьему блоку, в свой словарь, если бы шли сугубо логическим путём. Однако таких высказываний встречалось немало, и для разговорной речи они весьма характерны. Таким образом, в словаре нет чёткого разграничения рассуждений и нарративных рассуждений, сентенций и сентенций в подтексте описания, что показывает богатство речевого воздействия.

Результаты исследования

Важнейшим результатом работы является издание словаря рассуждений и сентенций в разговорной речи. Этот словарь при всех его, казалось бы, недостатках (субъективизме, нечёткости выбора ключевых слов, окказиональности некоторых лемм) может способствовать решению ряда вопросов отечественной лексикографии. Это совпадение фрагментов акустической (изустной) и книжной культуры, изучение

аутосуггестивных высказываний; наблюдение над фактами, относящимися к одному и тому же слову, но являющимися дополнительными или даже противоположными; насыщение имени собственного – наименования лица современными смыслами, проблематика термина в разговорной речи.

Рассмотрим подробнее совпадение фрагментов акусматической и книжной культур [Харченко 2013, 2015а, 2015б]. Приведём примеры таких совпадений: ...Внутренне всегда была одинока. Наверное, это вообще удел сильных, самодостаточных людей. За всё следует расплачиваться, всему цена – одиночество. Так что, лишившись очередного мужа, Альмира не стала плакать, а рьяно принялась вытеснять с рынка конкурентов (Д. Донцова. Но-шпа на троих). **Одарённый.** [Психолог:] *Одарённые люди они все одинокие. Быть выделенным человеком – это такая обязанность! Бог сам одинок (смеется)! Создаёт себе подобных!* (20.08.16). Чуткость его была поразительна, никто так безошибочно не угадывал настроение собеседника, качество, впрочем, обоюдоострое, когда он хотел уколоть, он столь же безошибочно выбирал наименее защищенное место» (А. Крон. Бессонница). **Филолог.** [Кандидат наук:] *Вы же филолог, Вы можете и поддержать, но и обидеть в самое уязвимое место* (00.05.16). – Ну, если ты находишься в чем-то, в шаре, допустим, то изнутри он кажется бесконечным. А вышел – снаружи он маленький (С.П. Костырко. Простодушное чтение). **Многодетность.** *Многодетность налагает своё решение. Она, как в шаре, замкнута. Тысяча своих проблем – ей этого хватает!* (00.12.14). Мы должны ещё раз подчеркнуть: совпадения эти случайны, говорящие не читали тех книг, в которых есть такие же мысли. Но это как раз означает, что разговорная речь содержит немало идей, тождественных написанным, зафиксированным, опубликованным идеям.

Писатель ловит слово из воздуха, запечатлевает его, даёт слову время, жизнь, строго говоря, делает слово словом. Вот почему возникают сейчас такие ножницы у нашего материала с литературным языком: и писатели стали меньше слышать (сослушивать!), и носители языка стали меньше говорить интересного, незаметно подчиняясь диктату СМИ. Но это не означает, что в разговорной речи ничего не осталось. Своим словарём мы и пытались показать, что в разговорной речи немало рассуждений, которые могут быть востребованы или хотя бы на первое время попросту запечатлены. Хотя каждый из авторов подчинён сюжету и будто бы не особо старается раскрыть особенности разговорной речи, тем не менее интерес к отражённой разговорной речи вполне может привлечь филологов. Несобранные разговорные фрагменты неминуемо гибнут, и мы, филологи, остаёмся в неведении, как же говорили (именно говорили!) наши предки.

Заключение, перспективы исследования

Необходимость издания такого словаря продиктована как сугубо лексикологическими и лексикографическими причинами (о некоторых из них мы только что упоминали), так и причинами, выходящими за рамки лексикологии и лексикографии и относящимися к лингвофилософии, лингвогосударствоведению, лингвоэстетике. Прежде всего – это поиск здравого смысла. Например: **автономизация.** Оказывается, вредной может стать чрезмерная интернационализация в обучении. Знания должны быть в какой-то мере закрытыми, предлагаемыми только своим. «Здравый смысл – это не кодифицированный опыт человечества, он не отрефлектирован, интуитивен и потому практически не формализуем» [Губайловский 2018]. Этой цели – поиску здравого смысла – посвящены многие статьи словаря: **анималист, баловать, бережливость, бурлить, источник, крупный, меняться** и др. Здравый смысл обнаруживает себя за пределами обычных, традиционных рассуждений.

К более сложным причинам относится необходимость выявления и развития мужского и женского языков в пределах единого национального языка. «Люди, став свободнее, не стали много счастливее. Поздние браки, поздние дети. Так в чем же проблема? В большой степени – в экономике. Но отчасти, мне кажется, — в языке.

Антропологи знают, что у некоторых древних племен, помимо общего для всего племени языка, существуют еще и язык женский и язык мужской. Тайные языки. Это прекрасный образ... В некотором смысле мужчины и женщины всех народов говорят на разных языках. Но язык – это то, чему можно научиться. Наши знания друг о друге необходимо увеличивать» [Улицкая [http](http://)].

Разговорная речь открывает возможность работы с будущим временем не только в плане профессиональных примет, но и шире. «Рискну назвать главную причину: писатели боятся произносить слово «будет» именно потому, что письмо всё ещё привязано к прошлому даже на грамматическом уровне. Речь и письмо как способы взаимодействия с неопределённостью будущего, открывающего горизонт любой историчности, – вот что предстоит развернуть литературе и философии» [Рясов 2018: 236]. Частично народные приметы берут на себя эту функцию, только приметами всё не покрывается. Отсылаем к статьям: **философ, физика, учебник, университет**, подготавливающим к восприятию будущего.

Ещё одним аспектом исследования может быть выявление роли «хаоса» в зарождении мысли. Актуальным для разговорных рассуждений (скорее даже для ауторассуждений!) является умение работать творчески. «Я бы дал такое определение мастерству. Мастерство художника – это умение заставить работать разум на уровне интуиции. Мастерство есть воспоминание о вдохновении и потому отчасти благородная имитация его» [Искандер: 126].

Важной составляющей может стать работа над концептом-словом *Бог*. Архиепископ Кентеберийский Рамзай говорил: «Человеческая душа – бездна, которую может заполнить только Бог». В речи говорящих это слово встречается часто, и смыслы вкладываются самые различные, но всегда актуальные. Мы выделили рассуждения по четырём позициям: *Бог всё видит. Значит, Бог не хочет тебе это давать. Все под Богом ходим. Бог внутри у тебя*. Часть нашей жизни закрыта от нас, и слово *Бог* показывает высокую справедливость этого закрытия. Поэтому столь актуально звучат и слова Бориса Пастернака: «Жизнь посвящает очень немногих в то, что она делает с ними».

Мы прочертили некоторые аспекты возможной интерпретации собранного материала, но здесь речь идёт, скорее, о первых шагах, началах интерпретации. В своих рассуждениях разговорная речь содержит как раз то, что пока ещё только намечается в серьёзных трудах, но что по жизни становится всё более актуальным. Так что при всех своих «сбоях» словарь рассуждений и сентенций разговорной речи может стать знаковым и востребованным изданием.

Литература

1. Губайловский Владимир. Письма к ученому соседу. Письмо 22. Наука и здравый смысл // Урал, Екатеринбург, 2018, № 8. См.: <<http://magazines.russ.ru/ural>>
2. Искандер Ф. Моцарт и Сальери // Знамя, 1987, № 1. – С. 125-131.
3. Рясов Анатолий. Мнимая связка между письмом и прошлым. Заметки о технике, философии и стиле // Неприкосновенный запас, 2018, № 1. См. также: Новый мир, 2018, № 7. – С. 236.
4. Улицкая Л. Священный мусор. <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchenny-musor-sbornik.html>
5. Харченко В.К. Метод семантической ротации // «Проблемы лингвистики и лингводидактики». Международный сборник научных статей. Вып.1. Белгород. 2013. – С. 331-338
6. Харченко В.К. Сентенции в речевом жанре обычного разговора // Жанры речи. Международный научный журнал. Саратов. 2015. № 1. – С. 68-75.
7. Харченко В.К. Феномен языковой личности: о совпадающих фрагментах разговорной и книжной стихий // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов. Ч.2. Мозырь. 2015. – С. 169-172.

References

1. Gubalowskie Vladimir. Letters to a learned neighbor. Letter 22. Science and common sense // Ural, Ekaterinburg, 2018, № 8. Access mode: <<http://magazines.russ.ru/ural>>
2. Iskander F. Mozart and Salieri // Znamya, 1987, № 1. – P. 125-131.
3. Cassock Anatoly. An imaginary link between the letter and the past. Notes about the technique, philosophy and style // neprikosnovennyi zapas, 2018, No. 1. See.also: New world, 2018, № 7. – P. 236.

4. Ulitskaya L. the Sacred trash. Access mode: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchenny-musor-sbornik.html>
5. Kharchenko V. K. method of semantic rotation // "problems of linguistics and linguodidactics". International collection of scientific articles. Issue.1. Belgorod. 2013. – P. 331-338.
6. Kharchenko V. K. Maxims in the speech genre of ordinary conversation " // Genres of speech. International scientific journal. Saratov. 2015. No. 1. – P. 68-75.
7. Kharchenko V. K. the Phenomenon of linguistic personality: on the matching fragments of spoken and book elements // Text. Language. Man: collection of scientific papers. Part 2. Mozyr. 2015. – P. 169-172.

УДК 81

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Атитсогбуи, Рэй
Мавули Кофи**

к.филол.н., доцент кафедры
иностранных языков БГТУ
им. В.Г. Шухова /
mawu@mail.ru

Зимовец, Наталья Викторовна

к.филол.н., доцент кафедры
иностранных языков педагогического
института
НИУ «БелГУ» / zimovets@bsu.edu.ru

**Атитсогбуи, Елена
Николаевна**

к.пед.н., доцент кафедры
иностранных языков БГТУ им.
В.Г. Шухова / eatitsogbui@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные социальные аспекты иностранных заимствований в русском языке. Анализируется как французские, немецкие и английские слова появились в русском языке в разные исторические периоды и при различных социально-культурных обстоятельствах, а также уделяется внимание степени адаптированности иностранных заимствований в русском языке. В статье также рассматриваются морфологические и лексические изменения иностранных заимствований.

Ключевые слова: социальные аспекты иностранных заимствований, уровень адаптированности, морфологические и лексические изменения.

SOCIAL ROLE OF FOREIGN LOAN WORDS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

**Atitsogbuy Ray Mawuli
Kofi**

Ph.D., Associate Professor,
Department of Foreign
Languages, BSTU. V.G.
Shukhov / mawu@mail.ru

Zimovets Natalia

Ph.D., Associate Professor, Department
of Foreign Languages, Pedagogical
Institute
National Research University "BelSU" /
zimovets@bsu.edu.ru

Atitsogbui Elena

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of
Foreign Languages
BSTU. V.G. Shukhov /
eatitsogbui@mail.ru

Abstract

The article discusses various social aspects of foreign loan words in the Russian language. It is analyzed as French, German and English words appeared in the Russian language in different historical periods and under different socio-cultural circumstances, and also attention is paid to the degree of adaptation of foreign loan words in the Russian language. The article also discusses the morphological and lexical changes in foreign loan words.

Keywords: social aspects of foreign loan words, adaptability level, morphological and lexical changes.

Введение. Многие лингвисты рассматривают язык как «живой организм», подверженный как внутреннему, так и внешнему влиянию. Следовательно, между разными языками существует постоянное взаимодействие, в результате которого языки пополняются заимствованными словами, обогащая свой лексический запас. Заимствование иностранных слов является естественным процессом развития и обогащения языка. Заимствование доказывает лексическую силу «приобретающего» языка, так как новые слова подчиняются его грамматическим нормам. Русский язык является примером языка, который на протяжении своего существования постоянно обогащается за счет заимствования иностранных слов под влиянием различных политических, экономических и социально-исторических процессов. Тема иностранных

языковых заимствований является актуальной на современном этапе политического, экономического и социального развития современного российского общества. В данной статье рассматриваются культурные и социальные аспекты заимствования иностранных слов в русском языке.

Причины иностранных заимствований в русском языке. В Лингвистическом энциклопедическом словаре можно найти следующее определение: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [3]. О.С. Ахманова под заимствованием понимает «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов» [1]. Д.Э. Розенталь определил заимствование как естественное следствие установления экономических, политических, культурных связей между народами, когда с реалиями и понятиями в язык входят и обозначающие их слова [6].

Причинами лексических заимствований часто являются внешние причины. Основная внешняя причина – это тесные политические, экономические и культурные связи между народами. Например, во времена правления Петра Первого много слов было заимствовано из немецкого и голландского языков. Под влиянием экономических и социальных контактов с Германией и Голландией русский язык обогатился такими словами, как *бутерброд* (*belegtes Brot*), *бухгалтер* (*Buchhalter*), *фейерверк* (*Feuerwerk*), *ярмарка* (*Jahrmarkt*), *стул* (*Stuhl*), *иницель* (*Schnitzel*) и др. В результате интереса к военной системе Германии в русском языке появились военные термины: *аксельбанты* (*Achselschnur*), *гауптвахта* (*Hauptwache*), *гаубица* (*Haubitze*), *ефрейтор* (*Gefreite*).

Другой внешней причиной заимствования является обозначение с помощью нового слова определенного предмета или понятия. Например, французское слово *портье* (*portier*) заменило обозначение дежурного администратора в гостинице, вместо обозначения *варенья* густого сорта укрепилось английское слово *джем* (*jam*).

Внутриязыковые и внешние причины заимствования взаимосвязаны. Социальнообусловленному запросу на специализацию понятий способствует тенденция языка к более четкой дифференциации языковых средств по смыслу. В результате этого в русском языке появились похожие по смыслу, но не всегда синонимичные, пары слов: *репортаж* (*reportage*) и *сообщение*, *тотальный* (*total*) и *всеобщий*, *хобби* (*hobby*) и *увлечение* и др.

Другой внутриязыковой причиной является тенденция к замене описательного, неоднословного наименования однословным. Поэтому очень часто иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат для определения одного нерасчлененного понятия, например: *снайпер* (*sniper*) вместо *меткий стрелок*, *турне* (*tournée*) вместо *путешествие по круговому маршруту*, *мотель* (*motel*) вместо *гостиница для автотуристов*, *спринт* (*sprint*) вместо *бег на короткие дистанции* и т.п.

Можно назвать еще один фактор, способствующий заимствованию иноязычных слов. Если в языке укрепляются заимствованные слова, которые образуют ряд, объединяемый общностью значения и морфологической структуры, то заимствование нового иноязычного слова, сходного со словами этого ряда, значительно облегчается. Так, в XIX в. русским языком из английского были заимствованы слова *джентльмен* (*gentleman*), *полицмен* (*policeman*); в конце XIX – начале XX в. к ним прибавились спортсмен, рекордсмен, яхтсмен. Образовался ряд слов, имеющих значение лица и общий элемент *-мен*. К этому небольшому ряду начали прибавляться новые заимствования, которые в наши дни составляют уже довольно значительную группу существительных: *бармен* (*barman*), *бизнесмен* (*businessman*), *конгрессмен* (*congressman*), *шоумен* (*showman*) и др.

Адаптированность иностранных заимствований в русском языке. В зависимости от уровня адаптированности русским языком заимствованной лексики можно

выделить несколько групп, в значительной степени отличающихся в стилистическом отношении:

1. Слова, потерявшие явные признаки иностранного происхождения: картина, кровать, стул, тетрадь, школа.

2. Слова, сохраняющие определённые внешние признаки нерусского происхождения: иноязычное звучание (джаз, вуаль, жюри); нехарактерные для русского языка суффиксы (техникум, директор, студент) и приставки (трансляция, антибиотики); не склоняющиеся слова (кино, кофе, пальто).

3. Общеупотребимые слова из области политики, науки, искусства и культуры, имеющие сходное звучание в других европейских языках. Такие слова называются интернационализмами: телеграф, телефон, интернет, компьютер и др.

Заимствованные слова рассмотренных групп не имеют русских синонимов и относятся к межстилевой, нейтральной в эмоционально-экспрессивном отношении лексике. Они используются в речи без всяких ограничений.

Причины современных заимствований иностранных слов. Среди современных причин заимствования иноязычных слов определённую роль играют общественные оценки «чужого» слова как более престижного, чем соответствующее по значению «свое», русское, например, слова *пролонгировать* (*prolongue*) вместо русского *продлить*, *презентация* (*presentation*) вместо *представление*, *эсклюзивный* (*exclusive*) вместо *исключительный*, *консенсус* (*consensus*) вместо *согласие* и т.п.

Желание идти в ногу со временем, продемонстрировать свое статусное положение и произвести впечатление на собеседников заставляют использовать в своей речи иностранные заимствования. Большая социальная престижность иноязычного слова (по сравнению с исконным или ранее заимствованным, но обрусевшим) иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике обозначает обычный объект, в заимствующем языке. Этот объект приобретает более значительный, престижный и важный статус. Так, французское слово *boutique* значит *лавочка, небольшой магазин*. В современном русском языке бутик относится к магазину модной эксклюзивной одежды. Английское *cottage* значит дом в сельской местности или загородный дом, в то время как в русском *котедж* обозначает большой загородный дом.

На укоренение иноязычного слова в языке, на его употребительность влияет то, насколько важно обозначаемое словом понятие, насколько оно актуально для жизненных интересов человека. Иноязычные слова, которые обозначают понятия, затрагивающие интересы большого круга людей, попадают в зону социального внимания: в определённые периоды (обычно довольно короткие) их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, становятся объектом сознательного обыгрывания, словесных каламбуров, структурных переделок и т.п.

Еще одним интересным фактом заимствования является использование «чуждых слов» в речи с целью повлиять и произвести эффект на слушателя. Мало кто из обывателей задумывается, но рекламные компании существуют именно для этого. Они очень много работают над методами влияния на покупателя, то есть на нас с вами и каждого из нас. Одним из способов «затуманивания» разума и создания общественного культа товара является использование иностранных слов. Как показывает практика, для многих людей иностранное слово звучит привлекательнее, благозвучнее, новее и лучше, потому что оно незнакомо. Нас пытаются обмануть, завлечь, заинтриговать. Например, *парфюм* (*perfume*) вместо *духи*, *лонгслив* (*longsleeve*) вместо *футболка с длинными рукавами*, *худи* (*hoodie*) вместо *кофта с капюшоном*, а также большое количество слов из области красоты (*шейпинг* (*shaping*), *шугаринг* (*sugaring*), *пилинг* (*peeling*) и др.). На рекламных щитах кафе можно увидеть *донатсы* (*doughnuts*) вместо *пончики* или *бублики*, *панкейки* (*pancake*) вместо *блинчики*. То же самое можно наблюдать и в ресторанах, когда излишнее использование иностранных слов создает барьеры для понимания. Человеку, который ходит туда не так часто, сложно ориентироваться во всех этих названиях. Он

либо закажет неизвестные для себя блюда, либо будет спрашивать о каждом пункте меню и выставит себя в неприглядном свете.

Если обратить чуть больше внимания на нашу речь, то также можно встретить проблему плеоназма: *короткий брифинг (briefing)*, *ландшафт (Landschaft) местности*, *короткий блицтурнир (Blitz-Turnier)*, *народный фольклор (folklore)* и др. Это тоже неумелое использование иностранных слов.

Таким образом, становится совершенно очевидным тот факт, что в русском языке действительно очень много заимствованных слов. Очень много сфер их использования и количество этих сфер только растёт. Влияние запада огромно и неизбежно. Но без принятия мер наш язык рискует превратиться в путаницу слов, выражений и предложений. Мы считаем, что этим явлениям в языке нужно уделять больше внимания во время образовательного процесса нашей молодежи. В школах, в высших и средних учебных заведениях необходимо объяснять истинные значения слов, приводить примеры, давать русские синонимы, преподавать основные законы заимствования, давать понятия о необходимости и целесообразности использования этих слов. На наш взгляд, было бы правильным ввести отдельную дисциплину наряду с русским и иностранным языками, во время изучения которой освещались бы все эти проблемы. Нужно учить людей жить с этими словами, владеть ими, осознавать их. Кроме того, этому могут способствовать словари заимствованных слов, быстро реагирующие на все изменения и дающие верное значение и небольшую справку о том или ином слове. Также необходимо поднимать уровень образованности повсеместно и по возможности снизить частоту употребления такого рода слов и выражений в СМИ. Мы полагаем, что можно предоставлять необходимую информацию о слове и его значении вместо рекламы. На наш взгляд, все эти меры были бы очень продуктивны для сохранения своей культуры и языка.

Многие иностранные заимствования помогают разнообразить русскую речь, но везде нужно знать меру. Русский язык должен сохранять и удерживать свой «стержень», отказываясь от некоторых бесполезных и ненужных ему иностранных слов.

Литература

1. Дунев А.И., Дымарский М.Я., Кожевников А.Ю. и др.; под ред. Черняк В.Д. Русский язык и культура речи: уч. для вузов - М.: Высш. школа, 2003.
2. Крысин П. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия / М.: 1985-1995. С.142-161.
3. Современный словарь иностранных слов. - "Русский язык", 1992
Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. / Г. Н Складневской, - М.: АСТ, Астрель, 2001.
4. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-ых. Современная Россия в языковом отображении/М,1998г;
5. Черепанова А.В. Заимствования в русской речи и их использование среди молодежи // NovaInfo.Ru. 2015. № 33-1. С. 205–209. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL:<http://novainfo.ru/pdf/033-1.pdf> (дата обращения: 24.12.2016).
6. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика.: уч.пособие для студ. пед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1977.

References

1. Dunev A.I., Dymarsky M.Y., Kozhevnikov A.Yu., etc.; editorship of Chernyak V. D., Russian and standard speech: textbook for higher education institutions - M.: Vyshy shkola, 2003.
2. Krysin P. P. A foreign-language word in the context of modern public life//Russian language at the end of the 20th century / M.: 1985-1995.P. 142-161.
3. Modern dictionary of foreign words. - "Russian Language", 1992.
Explanatory dictionary of modern Russian language. Language changes at the end of the 20th century. / Sklyarevskaya G. N., - M.: AST, Astrel, 2001.
4. Shaposhnikov V.N. Russian speech in the 1990s. Modern Russia in language display/M, 1998;
5. Cherepanova A.V. Borrowed words in the Russian speech and their use among youth//NovaInfo.Ru. 2015. No. 33-1. p. 205-209. – [Electronic resource]. – Access mode: – URL: <http://novainfo.ru/pdf/033-1.pdf> (date of entry: 24.12.2016).
6. Shmelyov D.N. Modern Russian language. Lexicon: abstract for students of pedagogical institutes. M.: "Prosvesheniye", 1977.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ

Баева, Татьяна Дмитриевна

Студентка 1го курса магистратуры факультета иностранных языков /
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / tanya-baeva20@mail.ru

Аннотация

Одно из важнейших понятий в лексикографии – это словарь. Словарь необходим в различных видах деятельности, так, как он предоставляет полную, достоверную информацию, которую легко можно найти. Словари имеют свою типологию. Каждый словарь имеет свои типологические признаки, которые отличают его от остальных: структурой словаря, объёмом лексических единиц, способ описания явления или предмета. В статье рассматриваются несколько классификаций лингвистических словарей. Выдвигается предположение о том, что словари необходимы в нашей профессиональной жизнедеятельности, поскольку они содержат общую информацию о предметах, разъясняют слова и термины. Намечаются перспективы исследования структуры словарей.

Ключевые слова: словарь, классификация, энциклопедия, лингвистика.

TYPOLOGICAL FEATURES OF DICTIONARIES

Baeva Tatyana

1st year master's student of the faculty of foreign languages /
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / tanya-baeva20@mail.ru

Abstract

One of the most important concepts in lexicography is a dictionary. The dictionary is needed in various activities, as it provides complete, reliable information that can be found easily. Dictionaries have their own typology. Each dictionary has its own typological features that distinguish it from the rest: the structure of the dictionary, the volume of lexical units, the way to describe a phenomenon or an object. The paper deals with several classifications of linguistic dictionaries. It is suggested that dictionaries are necessary in our professional life, because they contain general information about objects, explain words and terms. The prospects of studies of the structure of dictionaries are outlined.

Key words: dictionary, classification, encyclopedia, linguistics.

Одно из важнейших понятий в лексикографии – это словарь. Словарь – книга, информация в которой упорядочена с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике. Словарь необходим в различных видах деятельности, так, как он предоставляет полную, достоверную информацию, которую легко можно найти.

Словари имеют свою типологию. Каждый словарь имеет свои типологические признаки, которые отличают его от остальных: структурой словаря, объёмом лексических единиц, способ описания явления или предмета. В.Г. Гак считает, что словари классифицируются по определенным признакам: по расположению слов, функционированию слов, по способу описания, количеству языков.

Существуют различные типы словарей, которые имеют свою специфику, рассмотрим некоторые из них. Существуют 2 типа словарей: лингвистические и энциклопедические.

Лингвистические словари включают в себя информацию о значении и структуре слова. Данный тип словарей делится на:

1. Многоязычные.
2. Одноязычные.
3. Двужычные.

Двужычные или многоязычные словари содержат в себе перевод слов с одного языка на другой. Например: англо-русский, украинско-русский.

Одноязычные словари имеют другую цель – предоставлять информацию о слове одного языка безпереводным способом. Существует классификация данного типа словаря:

1. Словари синонимов – толкование слов с одинаковым смысловым или значением.
2. Словари антонимов – изображение слов с противоположным значением.

3. Словари омонимов – словари, которые показывают слова с одинаковым звучанием, но разные по смыслу.

4. Словари фразеологизмов – словари, в которых толкование устойчивых выражений.

5. Орфографические словари – изображение правильного написания слов.

6. Орфоэпические словари – словари, в которых изображается правильное произношение слов.

7. Этимологические словари – словари, в которых раскрывается происхождения слов.

8. Словари неологизмов – содержит в себе информацию о новых словах, которые только вошли в употребление.

9. Идеографические словари – в словарях этого вида лексические единицы располагаются не по алфавиту, а по группам общих свойств.

10. Толковые словари – необходимые для раскрытия значения слова.

Толковые словари бывают переводные и безпереводные.

В.И. Даль создал великий токовый словарь. С молодого возраста он собирал различные слова, диалекты, фразеологизмов, а также раскрывал их значение. Его словарь содержит в себе 200 000 слов, из которых, 80 000 слов он собрал самостоятельно.

Не менее известный словарь – словарь С.И. Ожегова. Словарь С.И. Ожегова очень распространен в учебных заведениях среди студентов и преподавателей. Широко раскрывается смысл слова, приводятся яркие примеры их употребления. Словарь русского языка Ожегова довольно большой, который содержит в себе 50 000 слов.

Хотелось бы отметить словарь морфем А.И. Кузнецовой. В словаре подробно описано все виды морфем (корневых и служебных: префиксов и суффиксов). А.И. Кузнецова описывает корневые, суффиксальные и префиксальные морфемы.

Существует отдельный тип лингвистического словаря – словарь сокращений слов, который содержит в себе расшифрованные сложносокращенные слова, а также их графическое сокращение в письменной речи.

Обратимся ко второму типу словарей – энциклопедическому словарю. Энциклопедический словарь – это словарь, справочное издание, которое дает информацию о предмете или явлениях. В отличие от лингвистических словарей, в которых описываются значения слов, в энциклопедических словарях дается информация о каком-то действии, явлении, не об одной лексической единице.

В энциклопедических словарях содержится информация об географических, исторических, научных понятиях. В данных словарях содержится сжатая информация, которая полно описывает явления. Весь материал в энциклопедиях также расположен в алфавитном порядке. Энциклопедические словари обязательно содержат в себе иллюстрации, схемы, наглядный материал. Информация, которая содержится в энциклопедических словарях, предназначена для специалистов определенной области. Для энциклопедических словарей характерно научная лексика, не используется экспрессивная и содержит имена собственные. Например: АЛТЫН (от тат. алтын - золото), старинная русская мелкая монета, а также единица ден. счёта. Первоначально равнялась 6 московским или 3 новгородским деньгам (см. Деньга). Последняя позднее получила наименование копейки. Отсюда сохранившееся до наст. времени назв. «пятиалтынный» для 15 коп. В 1654 впервые выпущена медная монета с надписью «алтынник» – серебряный [Прохоров 1969, 460].

Энциклопедические словари делятся на три вида:

Первый тип словаря – универсальный словарь.

Универсальный словарь – большая советская энциклопедия, которая включает в себя 30 томов. Словарь содержит в себе разъяснение понятий различных видов (исторические факты, биографические данные и многое другое). В универсальном словаре содержатся понятия и явления различных типов и структур.

Второй тип – специализированные словари. Специализированные словари бывают: отраслевые, персональные, тематические.

Отраслевой энциклопедический словарь содержит понятия, явления, которые принадлежат определенной одной отрасли изучения. Например: The Oxford Collocation Dictionary on CD-ROM – компьютерный словарь сочетаний английского языка [Щерба 1974, 265].

Персональный энциклопедический словарь раскрывает события, деятельность какой-либо знаменитой личности.

Например: «Лермонтовская энциклопедия».

Тематический энциклопедический словарь включает в себя раскрытие определенной тематики («Космонавтика», «Русский балет», «Шахматы»).

Третий тип энциклопедических словарей – региональный энциклопедический словарь отражает природные, исторические и другие особенности одного географического места. Например: энциклопедия «Африка» в 2 томах, выпущенная в 1987 г [Козырев 2004, 288].

Итак, словари необходимы в нашей профессиональной жизнедеятельности, поскольку они содержат общую информацию о предметах, разъясняют слова и термины. Существует большая и разнообразная классификация словарей. Словари классифицируются по определенным признакам: структуре, словарному составу, их употреблению, количеству языков и т.д. Каждая типология словарей имеет свои особенности в лексике и терминологии.

Литература

1. А.М. Прохоров. Большая советская энциклопедия: 1969. – 463 С.
2. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 304 С.
3. Козырев В.А. Русская лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 288 С.

References

1. A. M. Prokhorov. Great Soviet encyclopedia: 30 vol. 1, 1969. - 463 P.
2. Shcherba L. V. Experience of the General theory of lexicography. Language system and speech activity. - L.: Science, 1974. – 304 P.
3. Kozyrev V. A. Russian lexicography: textbook for universities. – M.: Drofa, 2004. – 288 P.

УДК 81'1

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ: СЛОВАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Бузинова, Людмила Михайловна

канд. филол. наук, доцент
Московский международный университет
Москва, Россия / rluda@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию системы ключевых концептов лингвокультуры, для которой центральным элементом выступает языковая личность. Рассматривается версия словарной языковой личности, манифестирующаяся и выявляемая в лексикографических источниках. Базовой единицей анализа выступает словарная статья, которая может обретать эпистемологические формы как в диахронии, так в синхронии в рамках одного или нескольких словарей. Намечаются перспективы исследования и реконструкции лексикографического портрета языковой личности на материале многоязычных словарей.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, словарь, лексикография, языковая личность.

BASIC CONCEPTS OF CULTURE: DICTIONARY AND LANGUAGE PERSONALITY

Buzinova Lyudmila

Candidate of Philology, Associate Professor
Moscow International University
Moscow, Russia / rluda@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the system of key concepts of linguoculture, for which the linguistic personality is the central element. A version of the vocabulary linguistic personality, manifested and revealed in lexicographic sources, is considered. The basic unit of analysis is the dictionary entry, which can acquire epistemological forms both in diachrony and synchrony within one or more dictionaries. Prospects for research and reconstruction of the lexicographic portrait of the language personality are outlined on the material of multilingual dictionaries.

Key words: concept, linguoculture, dictionary, lexicography, language personality.

Между историческим развитием этноса, национальной культурой и языком со всей очевидностью прослеживается глубинная аналогия. Можно сказать, что этнос и национальная культура существуют, пока существуют значения слов национального языка, специфика национального речевого узуса, литература, написанная на национальном языке. Приведенные компоненты с необходимостью замыкаются на языковой личности, субъекте речи и носителе определенных черт национального характера [2; 4].

Феномен, да и сам термин «языковая личность», относится к одному из ключевых понятий современной науки о языке. Несмотря на некоторые негативные оценки в целесообразности использования данного термина, большинство языковедов относит его к интегративным категориям, способствующим формированию новых этапов в развитии перспективных парадигм современного научного знания. Человеческий фактор в языке трудно переоценить и его востребованность свидетельствует о его непреходящей конструктивности для гуманитариев (и не только гуманитариев) всего мира.

Словарная языковая личность понимается нами как один из способов манифестации речевых компетенций индивида, которые выявляются и описываются на базе лексикографических источников [3].

На нынешнем этапе категория и термин «языковая личность» является базовым понятием лингвокультурологии, изучающей три ключевые идентифицирующие элемента нации: культуру, этнос и национальный менталитет. Эти три компонента находятся в интегративных отношениях друг с другом [1].

С психолингвистической точки зрения индивид обладает психофизическим набором характеристик в рамках его способностей к речевой активности. Предметом психолингвистики выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте. Важную роль здесь играет анализ речевого поведения в рамках устойчивых коммуникативных форм – речевых жанров [3].

Нас интересует, прежде всего, выявление свойств языковой личности в русле когнитивных подходов к анализу способов репрезентации национальной концептосферы. Национальные концепты стандартизированы в пределах концептного континуума народа и стоят над индивидуальными употреблениями. Когнитивистика, таким образом, моделирует групповую языковую личность, которая дифференцировано отражается в семантике языковых единиц на разных уровнях вербализации концептуальных признаков [2].

Словарная языковая личность представляет собой лексикографическую ипостась существования индивида в форме концептной вербализации коммуникативно-аксиологических параметров структуры личности. Речь идёт о виртуальном обобщённом носителе национальных характеристик, а также о стереотипных представлениях народа, зафиксированных в словарной статье.

По нашему мнению словарная ипостась языковой личности обладает релевантным набором признаков, достаточных для реконструкции индивидуальных языковых структур, отражающих не только идиолектные, но и общеязыковые лингвокультурные способы коммуникации и мировоззрения. Перефразируя И.А. Бродского, можно сказать, что словарь является своеобразным *эквивалентом мышления нации*. Иными словами словарная статья, созданная лексикографом, отражает сущностные характеристики не только национального видения мира, но и национального видения самой личности. В словарном произведении «пересекаются» реальный человек (в совокупности своих идеальных признаков) и текст, созданный лингвистом. Речь идёт о словарном «я» автора текста, который воспринимается носителями национального языка как образцовый продукт национальной культуры.

В этом смысле словарный текст рассматривается, с одной стороны, как индивидуально-авторский способ отражения личностных характеристик. С другой стороны, текст, написанный на национальном языке, отражает коллективные признаки этнокультурного социума, в большинстве своём присущие всем представителям языкового сообщества. Итак, от личности к словарной статье, от словарной статье к

личности и, как следствие, к синтетической категории «словарная личность» как идеальному образцу этнокультурной языковой личности.

Интересным и перспективным объектом исследования предстаёт языковая личность писателя, в нашем случае – его словарная ипостась. Речь идёт о создании словаря языка писателя, словаря особого типа, когда ставится не только, и не столько, лексикографическая задача, а скорее методологическая и инструментальная миссия, состоящая в том, чтобы прочесть литературные тексты особым лексикокультурным способом, направленным на выявление существенных характеристик языковой личности.

Словарная личность писателя может быть реконструирована в русле решения следующих конкретных задач:

- а) систематизации лексикографических параметров и мультипараметрического описания типологии писательского словаря;
- б) создании целостной концепции словаря языка писателя, трактуемого как метод моделирования (реконструкции) языковой идентичности автора;
- в) представлении модели лексикографической репрезентации авторского идиостиля на базе выявления лексико-тематических сфер;
- г) формировании базовых принципов создания писательского тезауруса для идеографической классификации ключевых лексем и словоформ.

Несомненно, вышеприведённые задачи составляют лишь эскиз для будущих разработок словарной языковой личности. Ясно, что образ автора манифестируется на всех уровнях структуры художественного дискурса. В этом плане важным элементом структуры текста выступает категория «имплицитность», которая позволяет динамизировать исследовательские схемы трактовки авторского замысла, которые не всегда представляются очевидным с точки зрения поверхностных структур текста.

В рамках нашей концепции мы предлагаем опираться на весь совокупный лексикон авторских текстов. В любом случае речь идёт о реконструкции лишь фрагмента языковой личности, так как всеобъемлюще исследование может занять текстовые объёмы, далеко превышающие объёмы созданных произведений писателем. На данном этапе мы ставим сугубо герменевтические (как часть типологических задач) задачи, иными словами – выявление существенных характеристик и реконструкция дискурсных моделей одной или ряда повторяющихся признаков. Тем более, что весь комплекс пресуппозициональных структур, да ещё в динамике их развёртывания, представляется объектом глобального анализа и может потребовать усилий не одного, а целой группы исследователей, что, несомненно, является эпистемологическим «челленджем», что наделяет данный предмет (словарную языковую личность) высокими аттрактивными свойствами. При этом фрактальность словарной языковой личности не снимает задачи её интегративных дескрипций.

Следует напомнить о том, что фрактальный характер словарной языковой личности обостряется самим фактом восприятия художественного произведения со стороны читателя, так как последний вступает в непосредственный контакт не только с языковой личностью автора, но и с языковыми личностями его персонажей. Здесь вступает в силу закон потенциальной интерпретативности художественного дискурса, который усложняет механизмы восприятия произведения. Создание словарей образных средств автора (писателя) может и должно помочь неподготовленному читателю адекватно «прочитать» текст и воспринять его на должном когнитивно-коммуникативном уровне.

Не следует также забывать, что литература и язык суть продукты этнокультурного континуума, называемого «дух нации», частью которого является национальная концептосфера. Национальные концепты вербализуются и в национальной литературе, поэтому закономерно искать отражений национальной концептосферы в национальной литературе. Единая картина мира, воссозданная в национальном языке и литературе, обуславливает наличие общих закономерностей в функционировании художественной коммуникации и генерирует когнитивно-коммуникативное поле для формирования филологического идеала нации, а также для когнитивной реконструкции словарной языковой личности.

Художественный текст коммуникативен по определению и органично входит в процесс интеракции как когнитивно-креативной синергии писателя и читателя, во время которой осуществляется «трансферт» эстетической и этической информации в русле идеальных позиций аксиологии. К сказанному можно добавить, что художественный текст обладает и устойчивой когнитивно-коммуникативной структурой, то есть, является носителем концептосферы этноса и релевантными для этнокультурных способов коммуникации рекуррентных составляющих.

Таким образом, прогнозируемые и обнаруживаемые параметры словарной языковой личности базируются на выявлении сущностных признаков индивида в коллективном сознании носителей национального языка на базе лексикографического дискурса, а также на поисках и описании ключевого набора речевых характеристик и жанровых законов построения текстового и коммуникативного хронотопа. Изучение словарной языковой личности целесообразно проводить в контексте междисциплинарных и межъязыковых изысканий, в рамках комплексного подхода к анализу языковых явлений, закреплённых в лексикографических источниках.

Литература

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки, № 1, 2001. – С. 64-72.
2. Воробьев В.В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование, № 5, 1998. – С. 25-30.
3. Седых А.П., Феоктистова Е.Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник Иркутского лингвистического университета, № 1 (9), 2010. – С. 55-61.
4. Седых А.П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. – № 3 (30). – М.: Российская академия лингвистических наук, Институт языкознания РАН, 2008. – С. 31-37.

References

1. Vorkachev S.G. (2001) *Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii* [Linguoculturology, the linguistic personality, the concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics] // Filol. nauki, № 1, 64-72. (In Russian).
2. Vorob'ev V.V. (1998) *Jazykovaja lichnost' i nacional'naja ideja* [Language personality and national idea] // Narodnoe obrazovanie, № 5, 25-30. (In Russian).
3. Sedykh A.P., Feoktistova E.E. (2010) *Kljuchevyje nacional'nye koncepty vo francuzskoj lingvokul'ture* [Key national concepts in the French linguoculture] // Bulletin of the Irkutsk Linguistic University, № 1 (9), 55-61. (In Russian).
4. Sedykh A.P., Bagana Zh. (2008) *Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoj interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic foundations of idio-ethnic interpretation of linguistic personality] // Voprosy filologii, № 3 (30), Moscow, Rossijskaja akademija lingvisticheskikh nauk, Institut jazykoznanija RAN, 31-37. (In Russian).

УДК 81'374

ВЫБОР ФОРМАТА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЛОВАРЯ И ОПИСЫВАЕМОГО МАТЕРИАЛА

Величко, Наталья Валентиновна

кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
Севастополь, Россия / n.velychko.msu@vandex.ru

Аннотация

В современной лексикографии рамки традиционных типов словарей стали расширяться: появились новые лексикографические издания, которые не вмещаются в заданные ранее рамки. В последние годы отмечается особый интерес к историко-культурному фону слова, что привело к созданию этнолингвистических, культурологических, лингвострановедческих, лингвокультурологических словарей. Для адекватного отражения содержания стал вопрос об уточнении структуры словарной статьи для новых типов словарей. В работе проводится анализ состава словарных статей разных типов словарей: от «идеальной» до конструируемой по потребностям составителя, отвечающей задачам нового создаваемого словаря; представлен анализ уже разработанных вариантов структуры словарной статьи для представления культурологической информации в лексикографическом труде, а также предлагается новый формат словарной статьи с примером.

Ключевые слова: словарь, тип словаря, словарная статья

CHOOSING THE FORMAT OF A DICTIONARY ENTRY DEPENDING ON THE TYPE OF DICTIONARY AND THE MATERIAL TO BE DESCRIBED

Velichko Natalia

candidate of Philological Sciences
associate Professor of Russian language and literature
Sevastopol campus Lomonosov Moscow State University
Sevastopol, Russia / *n.velichko.msu@yandex.ru*

Abstract

In new lexicographic structures, new lexicographic publications have appeared that have not been placed in the previously defined framework. In recent years, there has been a special interest in historical and cultural words, which led to the creation of ethno-linguistic, cultural, linguistic dictionaries. To clarify the structure of the text in dictionary entries for new types of dictionaries. The paper analyzes the dictionary entries of different types of words: from "ideal" to constructed according to the needs of compilers that meet the challenges of the new dictionary being created; the analysis of the already developed variants of the dictionary entry structures for the presentation of cultural information in lexicographical work is presented, a new format of the dictionary entry with an example is also proposed.

Key words: dictionary, dictionary type, dictionary entry

Лингвистика XXI в., продолжая традиции, заложенные в работах В.Гумбольта, А.А. Потебни и других учёных, рассматривает язык как культурный код нации. Современные исследования проводятся в тесной связи языка, истории и культуры, потому как язык способен аккумулировать культурные знания и выступает средством системного описания этих знаний на разных исторических этапах развития общества.

С позиции сохранения исторического наследия через кумулятивную функцию языка наиболее удобной и ёмкой формой представления этих знаний является Словарь, способный выступить в роли «зеркала культуры».

Современная лексикография значительно расширила рамки традиционных типов словарей: стали появляться лексикографические издания, содержащие большие массивы информации не только одной, но и нескольких областей знаний. Создание словаря тоже является культурно-историческим событием.

Особый интерес к историко-культурному фону слова привел к появлению новых типов словарей — этнолингвистических, культурологических, лингвострановедческих, лингвокультурологических. Такие словари призваны выступить «...в ипостаси барьера, препятствующего разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности нации» [1, с.57].

С расширением типологии словарей стал вопрос об адекватности структуры словарной статьи. Теоретики лексикографии (Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Л.С. Ковтун, Б.А. Ларин, Ю.Н. Караулов, В.В. Краснянский, Д.М. Поцепня и др.) давно определили все возможные компоненты микроструктуры словаря: заглавное слово, зона значения, зона форм, зона лексикографических помет, "заромбовая" зона, иллюстративный материал, а также шрифт, произношение, сокращения, этимологии, выделение стилистического статуса слова, наличие синонимов или антонимов и т.д.

В последние годы получила уточнение структура словарной статьи для лингвокультурологического словаря, предложена даже, так называемая, идеальная структура словарной статьи: при сохранении основных структурогенных зон, включающая разные компоненты. Так, модель В.В. Моркóвкин насчитывает девять, а по П.Н. Денисову их только шесть. Первый автор посчитал нужным включить в состав словарной статьи дополнительно такие позиции: отсылки, примечания, справки (в том числе и библиографические). Необходимо отметить, что интерпретационная зона статьи, зонная структура словарной статьи, варьируется в зависимости от типа словаря и описываемого материала. Сегодня приходится наблюдать широкое разнообразие разновидностей словарных статей смешанного типа, а даже в виде словарных эссе, этюдов и подобных, что свидетельствует о динамичности жанра словарной статьи. Выбор

формата словарной статьи зависит не только от типа словаря, но и от описываемого материала; автор в зависимости от решаемых задач и сложности описываемых словарных единиц komponует словарную статью набором необходимых элементов.

В работе над новым лексикографическим изданием «Комплексный историко-культурный словарь города Севастополя»¹ стала задача разработать структуру словарной статьи, содержание которой смогло бы раскрыть ключевые понятия, символы и знаки культуры города.

Статья Словаря предварительно будет складываться из таких сведений:

- заголовочное слово или словосочетание, в некоторых случаях с указанием грамматических или стилистических характеристик, вариантов наименования; толкование заголовочного слова (для имён нарицательных – толкование лексического значения, для имен собственных – энциклопедическое толкование);
- энциклопедическая справка, содержащая информацию о месте и значении данной реалии в истории города на фоне значимости для России и русской культуры;
- информация о наиболее известных фактах отражения реалии, обозначенной заголовочным словом, в литературе и искусстве;
- информация о наиболее устойчивых языковых и речевых единицах, связанных с реалией, обозначенной заголовочным словом, способах словесного выражения её национально-культурного фона: наличие, наряду с основным, других (как правило, разговорных) наименований, переносного значения, нарицательного значения имени собственного (цитаты);
- иллюстративный материал.

Представим как пример словарную статью с вокабулой МАЛАХОВ КУРГАН, материалом для составления которой послужили разные лексикографические источники и собранные и обработанные в ходе лексикографической практики со студентами тексты.

Выбор представленной статьи обусловлен тем, что для севастопольцев Малахов курган не просто священное место, военно-исторический мемориал, это олицетворение отваги воинов-защитников двух оборон.

В словарной статье могут быть представлены такие материалы:

МАЛАХОВ КУРГАН (*Малашка*, прост.) –

1. Курган на корабельной стороне города Севастополя – господствующая высота в юго-восточной части Севастополя; один из важнейших опорных пунктов во время Севастопольской обороны 1854–1855 годов и Севастопольской обороны 1941–1942 годов. Является тактически важной высотой Севастополя на Корабельной стороне. Прославлен героической обороной русскими войсками во время Крымской войны против англо-французских войск в 1854-1855 годах и в 1942 году советскими войсками во время Великой Отечественной войны против немецких захватчиков. Впервые его название появилось на генеральном плане Севастополя в 1851г., незадолго до крымской войны.

Существует несколько версий происхождения названия кургана. Архивные документы свидетельствуют о происхождении названия по имени капитана Михаила Михайловича Малахова, который перебрался в Севастополь из Херсона в 1827 г., поселился на Корабельной, южной, стороне Севастопольской бухты, на краю города, у подножия кургана, до того времени безымянного. Капитан Малахов командовал ротой 18-го рабочего экипажа. Поскольку к подчиненным он относился справедливо и не зверствовал, среди нижних чинов о нем пошла хорошая слава. Капитана Малахова знали все, где находится его дом, тоже было известно всем соседям: там, на кургане. Так постепенно курган приобрел собственное имя.

Малахов курган получил мировую известность во время обороны Севастополя 1854 – 1855 гг. как один из главных бастионов оборонительной линии города. В хо-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и города Севастополя в рамках научного проекта № 18-412-920003

де Крымской войны 1853–56 гг. при организации обороны города с суши осенью 1854 г. на Малаховом кургане построили оборонительную башню, а вокруг неё возвели укрепления, В дни обороны Севастополя 1854 – 1855 гг. на Малаховом кургане были смертельно ранены вице-адмирал В.А. Корнилов, адмирал П.С. Нахимов, рядом с курганом погиб контр-адмирал В.И. Истомин.

Во время второй обороны Севастополя в 1941 – 1942 гг. на кургане находилась двухорудийная батарея № 111(701) под командованием старшего лейтенанта А.П. Матюхина. Она защищала город до последних дней обороны. В июне 1942 г. в боях за Севастополь погибло более половины личного состава батареи.

2. Мемориальный комплекс, насчитывающий более 20 памятников и мемориальных обозначений, созданы открытые экспозиции с образцами орудий середины XIX – XX в.

В память о защитниках Малахова кургана установлены мемориальные доски на оборонительной башне, на местах ранения Корнилова и Нахимова, памятник на братской могиле, в которой захоронены российских и французских солдаты, и др. Героизм российских солдат и матросов во время штурма противником 6(18).6.1855 нашёл отражение в панораме «Оборона Севастополя».

Памятники первой обороны в 1941 – 1944 гг. были почти полностью разрушены. Их восстановили в 1950-е гг. и дополнили памятниками, посвященными Великой Отечественной войне.

Сразу после освобождения Севастополя в 1944 г. на склоне Малахова кургана был сооружен монумент летчикам 8-й воздушной армии, принимавшим участие в освобождении города от немецко-фашистских захватчиков.

Комплексный памятник батарее № 111/701 под командованием А.П. Матюхина составили командный пункт, два 130-мм орудия, склады боеприпасов.

Завершили благоустройство Малахова кургана к концу 1950-х гг. открытием Главной аллеи парка с названием «Аллея Дружбы народов».

В 1983 г. к 200-летию Севастополя восстановили на кургане памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову.

В настоящее время Малахов курган — Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854 – 1855 годах, 1941 – 1944 годах федерального значения, находится в перечне «Федеральные объекты культурного наследия в Севастополе».

В 2017-2018 гг. была проведена реконструкция Малахова кургана, в 2013 году инициатором которой выступил генеральный директор ПГ "Таврида-Электрик" А.М. Чалый.

Малахов курган в литературе и кино:

Описание обороны Севастополя в Крымской войне с точки зрения французских войск содержится в приключенческом романе Луи Буссенара о похождениях капитана Сорви-голова «Герои Малахова кургана».

Самое известное произведение, посвященное Крымской войне, в котором упоминается и этот курган, – цикл "Севастопольские рассказы" Льва Николаевича Толстого. Классик русской словесности сам принимал участие в боях в качестве артиллериста, поэтому его описания подлинны, практически документальны. В рассказах описывается героическая оборона Севастополя частями российской армии. Толстой подробно описывает героизм конкретных защитников города, солдат и офицеров, много внимания уделяет ужасам и бесчеловечности войны. Цикл состоит из трех рассказов, которые называются "Севастополь в декабре месяце", "Севастополь в мае" и "Севастополь в августе 1855 года". В них со скрупулезной хронологической точностью описаны все события.

Малахов курган упоминается в стихотворении Валентина Гафта «Хулиган»: *Мамаша, успокойтесь, он не хулиган. Он не пристанет к вам на полустанке. В войну (Малахов помните курган?) С гранатами такие шли под танки.*

Героическая оборона Малахова кургана во время Второй мировой войны показана в советском фильме «Малахов курган» (1944 год, режиссёры Александр Зархи и Иосиф Хейфиц).

Малахов курган упоминается в песне Ю. Антонова на стихи Г. Поженяна «Маки»: *На Федюнинских холмах — тишина. Над Малаховым курганом — сны.*

Малахов Курган упоминается в песне «Севастопольский вальс» (слова Г. Рублева, музыка К. Листова) — «На Малахов Курган опустился туман...» Также Малахов курган упомянут в песне «Севастопольская Страда» (группа Иван-Царевич, слова В. Наумова) — *Над израненным Малаховым Курганом будет вечно раздаваться скорбный стон....*

Интересные факты, полезно знать:

В №12 «Русского архива» автор «Записок севастопольца» утверждает, что: «Имя Малахова кургана, потом бастиона, а, наконец, и герцога Малаховского происходит от одного немудрого штурманского офицера Александра Ивановича Малахова, который имел привычку заливать за галстук, как есть штурмана, и в таком положении уходить спать в кусты на курган, где впоследствии, изгнанный из службы, открыл даже лавочку или харчевню. Весь Севастополь знал Малахова с его харчевней и курганом, и скоро последний окрещен его именем». Автор прибавляет, что слышал это от старых моряков в Севастополе. Севастопольцы доверяют больше легенде появления название по имени капитана Михаила Михайловича Малахова.

Малахов курган – самая высокая точка города Севастополя. Высота над уровнем моря 97 м.

Символично, что начинается главная Аллея Дружбы с братской могилы. Рядышком лежат здесь противники, русские и французские солдаты, сражавшиеся за высоту 27 августа 1855 года.

В 1837 году высочайшим волеизъявлением Николая I подписан указ о сооружении на вершине бастионного укрепления. Тем не менее, Корниловский бастион был выстроен на деньги, пожертвованные жителями города, лишь осенью 1854.

Самый первый вечный огонь в СССР павшим в Великой Отечественной войне был зажжён на Малаховом кургане.

Истории и легенды

С обороной Малахова кургана связано немало знаменитых историй и легенд. Например, в свое время активно обсуждались защитники Каменной башни. Из гарнизона, оборонявшего это укрепление, в живых остались только семь человек. Их французы нашли среди трупов их соратников после того, как захватили полуостров. Рассказывают, что одним из тяжело раненых офицеров был Василий Иванович Колчак. Ему удалось выжить и стать отцом Александра Васильевича. Его сын стал одним из предводителей "белого" движения во время Гражданской войны в России, ему удалось собрать сильную армию в Сибири, но оказать существенное влияние на ход событий он так и не смог. При этом имел звание верховного правителя России со ставкой в Омске.

Топонимы

В честь Малаховской битвы назван район Парижа Малакоф.

В бразильском Ресифи в честь мужества защитников Малахова кургана в 1855 году была названа башня военно-морского арсенала (TorreMalakoff), в которой также располагалась обсерватория. Сейчас там находится музей и продолжает действовать обсерватория.

ЦИТАТЫ

Е.В. Тарле о потерях: «Цифры, которые приводятся на основании позднейших данных отдельными участниками военных действий, всегда значительно выше официальных. Вот цифры, которые дает артиллерист, поручик 8-й батареи Милошевич для трех дней от 5(17) по 7(19) июня: у русских вышло из строя 95 офицеров и 4745 нижних чинов, у неприятеля - около 7000 человек, в том числе три генерала (Мэйран,

Брюне и Джон Кэмпбелл). Русские потери показаны более или менее в согласии с официальной цифрой, потери союзников - выше, чем по их официальным данным».

Карл Маркс об аналогиях: «18 июня 1855 г. под Севастополем предполагалось разыграть сражение при Ватерлоо в исправленном издании и с другим исходом. Вместо этого происходит первое серьезное поражение французо-английской армии».

Рахматуллин М.А., историк, о моральном духе: «Крымская война 1853-1856 гг. оказала огромное влияние на исторические судьбы России. Она усилила социальные противоречия, продемонстрировала гнилость и беспомощность системы государственного управления, отсталость экономики. Но в момент опасности для территории самой России события приняли такой оборот, что на защиту страны поднялись народные массы, которые отстаивали родную землю от вторжения иноземных захватчиков. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что на первый план в ходе обороны Севастополя выдвинулся моральный фактор борьбы. Вот почему, несмотря на свое огромное преимущество в экономическом отношении и в уровне вооружения, «Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя». Русские солдаты и матросы в ходе войны показали удивительное мужество, самоотверженность и героизм, особенно полно проявившиеся при обороне этого города. Н.И. Пирогов недаром писал в самые тяжелые ее дни, что раненый солдат, вынужденный отправиться в лазарет, «горюет не о потерянной руке или ноге, а скорбит душой о том, что не может остаться в рядах своих товарищей».

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. — М., 1995.
2. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. - М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. — 253 с.
3. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка – Красноярск, 1997.
4. Гак В.Г. О типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М., 1988. – с.34-48.
5. Денисов П.Н., Морковкин В.В. (ред.). Словарь сочетаемости слов русского языка: Около 2500 словарных статей, – 2-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1983. — 688 с.
6. Шавшин В.Г. «Бастионы Севастополя»: Путеводитель. Симферополь “Таврия” 1989 г.
7. Севастополь : энцикл. справ. / Нац. музей героич. обороны и освобождения Севастополя ; [ред.-сост. М. П. Апошанская]. — 2-е изд., испр. и доп. — Севастополь : Нац. музей героич. обороны и освобождения Севастополя, 2008. — 1118 с. : ил., портр. — 2000 экз. — На авантит.: 225-летию основания Севастополя посвящается. — Библиогр.: с. 1113–1117.
8. Советский энциклопедический словарь. Издательство “Советская Энциклопедия” Москва 1982 г.
9. Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854–1855 гг., 1941–1944 гг. «Малахов курган» [Электронный ресурс]. URL: <http://sevmuseum.ru/objects/малахов-курган/mk-malahov-expo/> (дата обращения 17.03.2019).
10. Героически отбит первый общий штурм Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/gieroichieski-otbit-piervyi-obshchii-shturm-sievastopolia> (дата обращения 17.03.2019).

References

1. Apresyan Yu.D. Selected works. Vol.1. Lexical semantics. — М., 1995.
2. Denisov P.N. Essays on Russian lexicology and educational lexicography. - М.: Izd. Mosk. univ-ta, 1974. — 253 p.
3. Vasil'ev A.D. Introduction to the historical lexicology of the Russian language – Krasnoyarsk, 1997.
4. Gak V.G. On the typology of dictionaries // Current state and development trends of Russian lexicography. М., 1988. – p .34-48.
5. Denisov P.N., Morkovkin V.V. (red.). Dictionary of compatibility of words of the Russian language: About 2500 entries - 2nd ed., Rev. — М.: Russkiy yazyk, 1983. — 688 p.
6. Shavshin V.G. “Bastions Of Sevastopol”: Guide. Simferopol “Tavriya” 1989.
7. Sevastopol : the encyclopedia. on the right. / NAT. Museum of the heroic. defense and liberation of Sevastopol ; [red.-sost. M. P. Aposhanskaya]. — 2-е изд., ispr. i dop. — Sevastopol : Nats. muzey geroich. oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya, 2008. — 1118 p.
8. Soviet Encyclopedic Dictionary [Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 1985, 1632 p.
9. Memorial monuments of the defense of the city in 1854-1855, 1941-1944 "Malakhov Kurgan» [Electronic resource], available at: <http://sevmuseum.ru/objects/malakhov-kurgan/mk-malahov-expo/> (Accessed 17.03.2019).
10. Heroically repulsed the first General assault on Sevastopol [Electronic resource], available at: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/gieroichieski-otbit-piervyi-obshchii-shturm-sievastopolia> (Accessed 17.03.2019).

УДК 811.112.2

ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Даценко, Ксения Андреевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / k-danko94@mail.ru

Науч. рук. канд. филол. н., доцент **Воронина Лариса Владимировна**

Аннотация

Статья посвящена исследованию такого способа словообразования как контаминация; приведены определения термина «контаминация», причины возникновения данного словообразовательного способа, а также рассмотрены свойства, функции, особенности употребления контаминаций и их роль в современном немецком языке.

Ключевые слова: словообразование, неологизм, контаминация, телескопия.

FEATURES OF TELESCOPIC NAMES IN THE GERMAN LANGUAGE

Dacenko Kseniya Andreevna

Graduate student
Department of German and French languages
Belgorod State National Research University Belgorod,
Russia / k-danko94@mail.ru

Candidate of Philology, Associate Professor **Voronina Larissa Vladimirovna**

Abstract

The article presents a study of such method of word formation as a contamination; the definitions of the term “contamination”, the reasons for the emergence of this word-building method are given, the properties, functions, features of the use of contamination and their role in the modern German language are considered.

Key words: word formation, neologism, contamination, telescope.

Язык – это продукт ни одной эпохи, продукт общественной деятельности. Он является одной из главных отличительных особенностей общества. Язык, являясь орудием или средством общения, выступает в качестве вторичной материальной, знаковой системы. Язык – составляющая часть общения, без которого не возможно общество и вообще существование самого человека.

Словарный запас немецкого языка, в прочем, как и состав других языков, находится в процессе постоянного развития. Словарные изменения находят свое отражение в жизнедеятельности человека. Главным экстралингвистическим фактором глобализации выступает технический прогресс и его составляющее – средства массовой информации, оказывающие огромное влияние на состояние самого языка [Тюрина 2006, 44]. Выступая в качестве системы, лексический запас других языков находится в постоянном движении. Как главный источник формирования лексики, словообразование является основным компонентом общей системы языка. В языке отражаются основные изменения общественной жизни. Не остался в стороне от этих изменений и немецкий язык, в базовую лексику которого входят все новые слова и наименования [Степанова, Чернышева 1962, 32].

Одним из таких наименований является новый термин, появившийся в лексикологии – «неологизм». Термин «неологизм» имеет греческое происхождение и состоит из двух слов: «neos» означающий «новый» и «logos» в переводе «слово». Неологизм может проявляться в языке разными путями: как на основе конкретного способа словообразования, так на основе заимствования, переосмысления. В современном немецком языке все большую роль наряду с традиционными способами словообразования играет контаминация, благодаря которой в языке появляются яркие и креативные образования.

Под контаминацией понимают образование нового слова или выражения путем скрещивания, смешения, объединения частей 2-х слов или выражений, которые связаны между собой какими-либо ассоциациями [Лаврова 2012, 18]. Количество контаминированных новообразований за последние годы существенно выросло, особенно

в языке рекламы. Отмечается активный процесс их устойчивого употребления. Одним из основных источников появления контаминированных слов выступает речевая оговорка как спонтанное полу-подготовленное высказывание. Контаминированные ошибки-оговорки возникают в результате ряда причин, например, интерференции истинных мыслей говорящего, при предугадывании им следующего слова, т.е. вследствие стремления произнести слово как можно быстрее или попытки говорящего из огромного количества синонимов подобрать наиболее подходящее слово, может возникать контаминант [Лаврова 2012, 207].

По мнению Н.А. Лавровой [Лаврова 2010, 147], можно выделить как индивидуально обусловленные, так и объективно предсказуемые причины возникновения контаминированных оговорок. Среди индивидуальных причин можно назвать человеческие особенности: неряшливую речь, чрезмерный темп, высокую степень эмоциональности, экспрессивность. В качестве объективных причин могут выступать афазия, эмоциональная, а также физическая усталость, нервное перенапряжение.

В работах отечественных и зарубежных ученых [Воронина, 2011; Müller, Friedrich, 2011 и др.] не раз указывалось на целый ряд факторов, обуславливающих сложность интерпретации подобного рода сложных слов. Чтобы расшифровать спонтанно возникшие или целенаправленно созданные контаминации от адресата требуются соответствующие когнитивные способности, поскольку данные лексические единицы в краткой форме передают очень многогранную и объемную информацию. Помимо прочего, такого рода информация имеет дополнительное прагматическое значение. Нередко контаминации выступают в качестве маркеров яркой оценки, они могут быть также использованы с целью придания слову или выражению комического или иронического эффекта.

Образование новых контаминаций происходит путем наложения слов, однако следует отметить, что наложение единиц может осуществляться по-разному. Вследствие чего часто выделяют 2 типа наложения, а именно вставку и телескопию.

Вставочное словообразование происходит, если часть одного слова вставляется в другое, из которого ничего не элиминируется. Примером подобного рода единиц в немецком языке могут служить:

verMILCHREISen – verreisen + Milchreis,
instandBESetzen – instandsetzen + besetzen,
verSCHLIMMbessern – verbessern + schlimm,
MassenTEUERismus – Massentourismus + teuer,
creaHAARtiv – creativ + Haar,
AnBAHNdeln – anbandeln + Bahn,
KauderWEBSch – Kauderwelsch + Web,
MaiGLÜCKchen – MaiglöckchenGlück.

Однако преимущественно контаминация представляет собой телескопию. Сегодня телескопия выступает главным источником пополнения словарного запаса немецкого языка современного времени.

На начальном этапе понятие «телескопия» являлось способом образования новых лексических единиц путем наложения начальных элементов одного или нескольких морфов на морф или морфы другого исходного компонента. Позже «телескопию» стали представлять как способ соединения частей морфов исходных компонентов. В настоящее время данный термин используется для наименования процесса образования новых слов при помощи сращения морфов. Примером контаминации-телескопии является слово *der Eurokrat*, образованное при помощи сращения следующих слов: *Euro* + *Technokrat*.

Телескопия появилась в древности, в частности, её проявления фиксируют уже в древненемецком и средненемецком периодах развития языка. Однако высокую продуктивность образование телескопных слов приобретает в настоящее время. Основными функциями телескопии выступают словообразовательная и семантико-стилистическая функции.

Телескопные слова, также как и слова, созданные при помощи других способов, подвержены закономерностям словообразования и служат потребностям общения. Лексика, сформированная путем телескопии, носит ярко-оценочный характер. Она находит отражение в разговорной и художественной речи, а также в просторечии.

Телескопические новообразования можно разделить на две большие группы:

1. немецкие телескопические наименования:

Schwünschen – Schwein + Hühnchen,
kathogelich – katholisch + evangelisch,
selbstverfreilich – selbstverständlich + freilich,
Sparnien – sparen + Spanien,
Videot – Video + Idiot,
Phänomenolügie – Phänomenologie + Lüge,
süffisant – süffeln + amüsan,
drutschen – drücken + knutschen,
Kaputtalismus – kaput + Kapitalismus,
Vielharmonie – viel + Philharmonie,
schneekorieren – Schnee + dekorieren,
Haarmonie – Haar + Harmonie.

2. заимствованные телескопические наименования:

Hairport – hair + airport,
Handysitter – Handy + Babysitter,
Linguatronic – lingua + electronic,
MusiComedy – music + comedy
Bossing – Boss + Mobbing
Putinomics – Putin + economics
chillaxen – chillen + relaxen.

По своей семантике телескопические новообразования можно разделить на две группы:

1. Контаминации, при образовании которых один компонент передает свойство другому, вследствие чего возникает слово-спайка, содержащее значение двух компонентов;

2. Контаминации, в процессе формирования которых образуется контаминированное слово с уникальным значением.

К первой группе относятся следующие номинации: обозначения членов семьи (*Schwiegermonster – Schwiegermutter + Monster, Moma – Mutter + Oma, Vruder – Vater + Bruder*).

Во вторую группу входят: названия растений, овощей и фруктов (*Birne – Birne + Banane, Tomoffel – Tomate + Kartoffel, Orapfel – Orange + Apfel*), обозначения животных и насекомых (*Schmetterfant – Schmetterling + Elefant, Kamelefant – Kamel + Elefant, Zesel – Zebra + Esel, Schiege – Schaf + Ziege*), названия материков (*Eurasien – Europa + Asien*), название печатной продукции (*Magalog – Magazin + Katalog*).

Рассматривая семантические особенности телескопических новообразований, можно сделать вывод о том, что при образовании контаминированных единиц одни приобретают свое собственное, уникальное значение, другие лишь включают значение двух компонентов, входящих в состав того или иного контаминированного новообразования.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы пришли к выводу о том, что важную роль в создании креативных новообразований в немецком языке играет телескопия. Специфика данного способа словообразования заключается в том, что несколько сложных сегментов накладываются друг на друга, и все они не нуждаются в семантических связях. Данный способ словообразования не является полностью произвольным, а определяется, как правило, фонетическо-фонематическими правилами. Телескопия-контаминация в современном немецком языке используется для повышения выразительности речи, а также для придания комического эффекта.

Литература

1. Воронина, Л.В. Роль дискурса в инференции именных производных слов немецкого языка // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 12-16.
2. Лаврова, Н.А. Контаминация: оговорки и индивидуально-авторские образования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2010.– С. 145-152.
3. Лаврова, Н.А. Контаминация в современном английском языке. – Москва, 2012. – 207 с.
4. Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка. – Изд.: Академия, 1962. – 252 с.
5. Тюрина, Р.Я. К вопросу о статусе словообразования в современной русистике // Актуальные вопросы словообразования и мотивологии. – М.: Буква, 2006. – С. 32-54.
6. Müller, P.O., Friedrich, C. Kontamination // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. – Stuttgart, 2011. – S. 73-108.

References

1. Voronina, L.V. The role of discourse in the inference of nominal derived words of the German language // Actual problems of the theory and methodology of the science of language. - St. Petersburg, 2011. - P.12-16.
2. Lavrova, N.A. Contamination: reservations and individual authorial education // Actual problems of the humanities and natural sciences, 2010.– P. 145-152.
3. Lavrova, N. A. Contamination in modern English. –Moscow, 2012. – 207 p.
4. Stepanova, M.D, Chernysheva, I.I. Lexicology of modern German. – Ed.: Academy, 1962. – 252 p.
5. Tyurina, R.Ya. To the question of the status of word formation in modern Russian science // Actual issues of word formation and motiology. – М.: Bukva, 2006. – P. 32-54.
6. Müller, P.O., Friedrich, C. Kontamination // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. – Stuttgart, 2011. – S. 73-108.

УДК 81'1

АНАЛИЗ ПОПОЛНЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА БАЗЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ

Ивашченко, Анастасия Николаевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский Государственный Национальный
Исследовательский УниверситетБелгород, Россия / klimovaanastas@mail.ru**научный руководитель Трещёва, Наталья
Васильевна**канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого и
французского языковБелгородский Государственный Национальный
Исследовательский УниверситетБелгород, Россия / trescheva@bsu.edu.ru**Аннотация**

Развитие электроники, техники, информационных технологий порождает возникновение определенной терминологической базы, которая доступна только для специалистов той или иной области. В связи с этим, появляется понятие языков для специальных целей. По мере развития информационного общества происходит усложнение характера деятельности человека. Появляются особые трудности, связанные с появлением новой специализированной лексики. При нарастании компьютеризации общества появляется необходимость в обозначении новых понятий, реалий, что в свою очередь находит отражение в языке, способствуя формированию новых терминосистем. Большой интерес для исследователей вызывает вопрос, связанный с пополнением терминосистем. В данной статье рассматривается один из наиболее продуктивных способов терминообразования – создание новых терминологических единиц при помощи внутренних ресурсов языка: суффиксация, словосложение, префиксация (на базе греко-латинских элементов).

Ключевые слова: терминоведение, терминосистема, информационные технологии, словосложение, суффиксация, префиксация.

ANALYSIS OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEMS OF THE FRENCH LANGUAGE OF INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE BASIS OF GRECO-LATIN TERMINOELEMENTS

Ivashchenko AnastasiaGraduate student of the German and French languages
departement

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / klimovaanastas@mail.ruScientific adviser **Trescheva Natalya**

Candidate of philological sciences,

Associate Professor of German and French languages
departement

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / trescheva@bsu.edu.ru

Abstract

The development of electronics, technology and information technology gives rise to the emergence of a certain terminological base, which is available only to specialists in a particular field. In this regard, the concept of languages for special purposes appears. As the information society develops, the nature of human activity becomes more complex. There are special difficulties associated with the emergence of new specialized vocabulary. With the increasing computerization of society, there is a need to designate new concepts, realities, which in turn are reflected in the language, contributing to the formation of new term systems. Of great interest to researchers is the question associated with the completion of term systems. This article discusses one of the most productive ways of terminology - the creation of new terminological units using the internal resources of the language: suffixation, compounding, prefixing (based on Greek-Latin elements).

Key words: terminology, information technology, composition, suffixation, prefixing.

На всех этапах развития терминоведения многие исследователи занимались изучением вопросов, касающихся источников пополнения терминосисем. Данному вопросу посвятили свои работы такие исследователи как Д. С. Лотте, А. В. Суперанская, В. Г. Гак, и многие другие. В обществе, в котором с каждым днем увеличивается значение информации, знаний, увеличивается число людей, занятых производством информационных услуг возрастает роль терминологии, связанной с информационными технологиями. Но, следует отметить, что на сегодняшний день вопрос о формировании терминосисем информационных технологий во французском языке не является полностью изученным.

Очень важным является вопрос об источниках пополнения терминосисем. Основными источниками терминообразования являются, заимствования, создание слов на базе внутренних ресурсов языка и на базе греко-латинских элементов (словосложение, суффиксация, префиксация), искусственно созданные термины.

А.А. Реформатский неоднократно говорил, что вопрос об источниках терминологий является очень важным. Он находил, что вопрос о своеязычной и иноязычной терминологической лексике — это сложнейшая проблема.

По мнению В. П. Григорьева, терминообразование с использованием греко-латинских элементов - это «обратное калькирование» сочетаний слов, «обозначающих те признаки, которые представляются авторам новых терминов наиболее существенными или показательными в новых предметах и явлениях, вовлекаемых в научный, культурный и вообще – жизненный обиход» [2, с.70].

Неоднократно А.А. Реформатский высказывался за предпочтительность терминов, составленных из греко-латинских терминоэлементов, считая, что за ними будущее, поскольку они в лучшей степени обеспечивают международное профессиональное общение [7, с.133].

Следует отметить, что греко-латинские терминоэлементы представляют собой особый терминологический запас. Интересным является то, что они не принадлежат сейчас ни к какому живому языку, но в то же время они одинаково принадлежат всем языкам.

С. В. Гринев отмечал, что в настоящее время использование греко-латинских корней является одним из наиболее перспективных и активных способов образования терминов. Данный способ был использован М.В. Ломоносовым при создании естественнонаучной терминологии в русском языке, стремясь содействовать сближению русской науки с западноевропейской. В настоящее время при создании новых терминов наблюдается стремление опираться на древнегреческие и латинские корни.

Данные терминоэлементы используются во многих языках для образования терминов. Их применение удобно тем, что значение определенной группы элементов знакомо исследователям одной специальности, и поэтому значение термина, составленного в одном языке из данных элементов, будет понятно исследователям этой же специальности, которые говорят на разных языках.

Специфичной чертой данных терминов принято считать смысловую доступность, краткость, точность и легкость образования.

Стоит отметить, что для того чтобы облегчить межнациональную работу по созданию специальных терминов необходимо формирование межнационального фонда терминологических элементов. В конце XX века появилась острая необходимость в создании стандартизированной терминологической системы, так как в это время в области информационных технологий появляются новые направления деятельности и новые области знаний. В данный период состоялись множественные попытки создания специализированных словарей.

Многие термины создаются на базе греко-латинских терминологических элементов, так как данные терминологические элементы являются незаменимым средством формирования стандартизированной терминологической системы языка науки. Они берут свое происхождение из мертвых, классических языков, следовательно, их значения не развиваются и не изменяются. Так же данные терминологические элементы удобны, являясь краткими по числу слогов. Более того повторяемость терминологических элементов во многих терминах с сохранением их значения, обеспечивает легкую усвояемость и воспроизводимость. Греко-латинские терминологические элементы — достояние всех языков, и поэтому они универсальны [7, с. 104].

Анализ терминологической лексики информационных технологий показал, что приставки и суффиксы, имеющие греко-латинское происхождение, являются наиболее продуктивными при создании таких терминов.

Большое распространение получила приставка *inter-*, указывающая на расположение между чем-либо, промежуточность, взаимность, взаимосвязь. *Interconnexion* – соединение в одну сеть нескольких сетей, внутреннее соединение, объединение отдельных систем, *interface*, слово, заимствованное из английского языка, означает устройство для соединения между двумя системами, интерфейс, т.е. совокупность программных и технических средств, обеспечивающих взаимодействие различных функциональных устройств. *Internet* – интернет, т.е. глобальная компьютерная сеть для хранения и передачи информационных данных.

Приставка *tele-* происходит от греческого «далеко», является частью составных слов в значении направленный вдаль. *Téléchargement* – это процесс передачи информации, данных, изображений, звука, видео с одного компьютера на другой, как правило, через Интернет (скачивание, отправка).

Очень продуктивными являются приставки греческого и латинского происхождения *micro* (от греч. *mikros* «малый»), *multi* (от лат. *multum* «много»). Например, *microblog* или *micro-blogging* - микроблог, чей-либо сетевой интернет-дневник, который состоит из коротких записей, содержащие текст, изображения или мультимедиа. *Microprocesseur* – микропроцессор, т.е. программно-управляемое электронное цифровое устройство, предназначенное для обработки цифровой информации.

Multimédia – мультимедиа, современная компьютерная технология, которая позволяет компьютеру вводить, хранить, обрабатывать, передавать и отображать такие типы данных, как текст, анимация, графика, видео и звук. *Multi-tactile* – мультисенсорный экран, позволяющий одновременно отслеживать несколько точек нажатия (например, при увеличении или уменьшении картинки на дисплее).

Также большое распространение получили приставки *com-*, *con-*. *Communication* – средства связи, коммуникация, средства сообщения; *commutation* – включение, переключение, соединение; *compression* – сжатие, уменьшение размера данных; *connexion* – связь, соединение; *convergence numérique* – цифровая конвергенция; термины *convivial* или *convivialité* используются в сфере информационных технологий для описания программных средств, которыми легко пользоваться и которые доступны неспециалистам.

По словам Суперанской построение термина существенно облегчается в том случае, если есть возможность использовать стандартный элемент международного лексического фонда, т.е. элемент, обладающий признаками однозначности и универсальности,

например, элементы-квантитативы или элементы а- (отрицание), анти- (противопоставление) и т.п. [7, с. 210]. Например, antivirus – антивирусная программа.

Также для обозначения противоположного действия получил распространение префикс de-. Например, déconnexion – отключение, отсоединение связи, décryptage – декодирование информации, расшифровка, décomposition – разложение на составные части и т.д.

Приставка греческого происхождения ergo- (от греч. работа) помогла в образовании слова ergonomie – эргономика, наука о приспособлении предметов и объектов труда, а также компьютерных программ для наиболее безопасного и эффективного труда работника, исходя из психических и физических особенностей человека.

Весьма продуктивными являются терминологические элементы -graphie, -gramme, традиционно вошедшие в терминосистемы других языков специальных целей и имеющие закрепившееся значение. Примеров вышесказанного являются термины diagramme (графическое изображение информации), cryptographie (наука о методах обеспечения конфиденциальности, невозможности прочтения информации посторонним), pictogramme (элемент графического интерфейса пользователя).

Префикс trans- (от лат. сквозь, через) также получил распространение в терминологической лексике информационных технологий. Примером вышесказанного могут послужить следующие термины: transhumanism, transparence. Transhumanism – трансгуманизм, философская концепция, или международное движение, которое поддерживает использование технологий и различных достижений науки для улучшения физических и умственных человеческих способностей для того, чтобы избежать и устранить такие аспекты человеческого существования как страдания или болезни. Transparence – информационная прозрачность, ясность, основанная на доступности информации, отсутствие секретности.

Таким образом, пополнение терминосистем информационных технологий с помощью греко-латинских терминологических элементов является продуктивным способом терминологического образования.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 1966.
2. Григорьев В. П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке // ВЯ. М., 1959. N
3. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977
4. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая шк., 1989. – 126 с.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 256 с.
6. Лотте Д.С., Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982.
7. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. – М.: "Soviet Encyclopedia", 1966.
2. Grigoriev, V.P. So-called internationally complex words in modern Russian // M., 1959.
3. Danilenko V.P. Russian Terminology. Experience linguistic description. - M.: Science, 1977
4. Zabotkina V. I. New vocabulary of modern English: Textbook for in-t foreign lang - M .: Higher school., 1989. - 126 p.
5. Leychik V.M. Terminology: subject, methods, structure. Ed. 3rd - M.: Publishing House LKI, 2007. – 256 p.
6. Lotte D.S. Issues of borrowing and streamlining of foreign terms and term elements. - M.: Science, 1982.
7. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. General Terminology: Theory Questions. - M.: Science, 1989. – 246 p.

УДК 811.133.1

QUELQUES PARTICULARITÉS DU LEXIQUE DE LA JEUNESSE FRANÇAISE**Колбина, Анастасия Юрьевна**

студентка гр.02051607

кафедра немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / 1200515@bsu.edu.ru>

Аннотация

Молодёжная языковая картина мира и дискурс имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «концептуальная картина» дискурсивной палитры, свойственной каждой культуре. Вместе с тем каждый молодой человек имеет собственную картину мира, которая интегрирована в общеязыковую картину мира. Описываются различные терминологические трактовки неcodифицированного вокабуляра молодёжи. В статье рассматриваются некоторые аспекты молодёжного дискурса Франции и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что молодёжный сленг может обладать различной степенью лингвокультурной активности в различных национальных дискурсах и соответственно в языковых картинах мира. Намечаются перспективы исследования молодёжного дискурса Франции.

Ключевые слова: молодёжная языковая картина мира, дискурс, лексика, этнокультурные признаки, лингвокультура, аргот, жаргон, сленг.

SOME SPECIAL FEATURES OF FRENCH YOUTH LEXICON**Kolbina Anastasia**

student gr.02051607

Department of German and French

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / 1200515@bsu.edu.ru

Abstract

The youth language pictures of the world and discourse have points of contact that are specific for each culture. In the practical consciousness of a native speaker, a “conceptual picture” of a discursive palette is characteristic of each culture. At the same time, every young person has his own picture of the world, which is integrated into the common language picture of the world. Various terminological interpretations of the uncoded youth vocabulary are described. The article discusses some aspects of the youth discourse of France and the linguistic picture of the world, taking into account ethno-cultural factors. A working hypothesis is put forward that youth slang may have varying degrees of linguocultural activity in various national discourses and, accordingly, in linguistic pictures of the world. Prospects for the study of youth discourse in France are outlined.

Key words: youth language picture of the world, discourse, vocabulary, ethnocultural signs, linguoculture, argot, jargon, slang.

La langue nationale est considérée comme la totalité de tous les mots, formes, caractéristiques d'expression et prononciation, inhérents aux personnes appartenant à la même nation. La langue nationale est un phénomène très complexe et, en tant que moyen de communication pour l'ensemble du pays, elle peut exister sous différentes formes. Ainsi, en linguistique, il est de coutume de distinguer les langues littéraires et non littéraires. Le système de langage non littéraire comprend les expressions familières et les dialectes. Les dialectes, à leur tour, sont subdivisés en territoriaux et sociaux.

Dans notre article, nous parlerons plus en détail des formes de la langue nationale inhérentes à certains groupes sociaux unis selon certains signes, tels que le jargon, l'argot et l'argot.

Il est important de noter qu'en linguistique, l'interprétation de la définition des dialectes sociaux change progressivement. Par exemple, il n'y a pas si longtemps, le terme «argot» désignait une langue caractéristique d'un groupe de personnes fermé, mais ce concept a maintenant été élargi et peut désigner la langue de tout un segment de la société, par exemple les jeunes.

On pense que les termes «argot», «jargon» et «slang» sont interchangeables. Néanmoins, dans diverses traditions nationales, on peut trouver différentes approches de la question de la différenciation des concepts considérés. Dans le cadre de la linguistique française, le terme

«argot» est souvent utilisé (dérivé du fr. «Argot»), pour désigner le discours de groupes fermés dans le but d'isoler leur langue.

Selon V.V. Khimik, les argotismes modernes sont des unités relativement stables qui acquièrent une utilisation en masse, élargissant ainsi le champ d'utilisation de la parole [Khimik 2000].

En linguistique moderne, le terme «argot» est considéré comme obsolète et il est préférable d'utiliser le terme «jargon», qui est également entré dans la linguistique à partir de la langue française. Le concept de jargon de la jeunesse trouve son origine dans l'enseignement de la différenciation sociale de la langue. Dans les écrits des linguistes français et russes, l'argot de la jeunesse, associé à d'autres formes de «division verticale de la langue», était initialement perçu comme une sorte de langue nationale commune et était principalement dû à des facteurs sociaux et culturels. Plus tard, au milieu du XXe siècle, le jargon des jeunes a commencé à être défini comme une langue déformée, compréhensible uniquement par les membres d'un certain groupe de personnes [Sedykh 2019].

Le terme «slang» a été emprunté à l'anglais et se trouve le plus souvent dans les enseignements linguistiques des pays anglophones. En linguistique russe moderne, il n'y a pas de différenciation claire entre les termes «argot» et «jargon». Cependant, dans la linguistique anglaise, il existe une distinction entre ces phénomènes. «Argot» signifie un langage non codifié, c'est-à-dire non normalisé. De nos jours, on trouve le plus souvent deux définitions de l'argot: un discours spécial de divers groupes sociaux et sous-cultures et un vocabulaire très utilisé pour la communication informelle [Sedykh, Molinié 2014].

Des difficultés encore plus grandes dans l'interprétation des phénomènes étudiés peuvent être observées en linguistique russe. Certains chercheurs dans leurs écrits ne différencient pas le jargon et l'argot en tant que phénomènes différents, tout en les qualifiant de discours d'un certain groupe, déterminé socialement et professionnellement, ainsi que d'élément de langage différent de la norme d'un langage littéraire [Antrushina, 2002: 55-65]. Cela montre que l'opposition de l'argot à la langue littéraire et aux normes littéraires est en cours.

Certains spécialistes, au contraire, distinguent ces concepts, soulignant que le jargon a une affiliation sociale, plutôt que locale, est un système de code spécifique, qui correspond à une certaine valeur du dictionnaire. Le «slang» ne nécessite pas d'interprétation, car ce n'est pas un secret, il est facilement perçu par les gens tout en le considérant comme quelque chose de pas tout à fait ordinaire. L'attention est attirée sur le fait que le jargon peut devenir un slang, puisqu'il peut passer d'un cercle étroit à la catégorie des unités linguistiques couramment utilisées. Souvent, il peut même devenir la norme d'un langage littéraire, tout en se débarrassant de son cryptage. Progressivement, de plus en plus d'unités linguistiques passent de la couche périphérique de vocabulaire à un sous-système expressif spécial de la langue nationale parlée. Ce processus de «brouillage» de la signification négative des lexèmes argotiques est la principale raison du passage de telles expressions à un usage en masse [Sedykh 2019].

L'une des définitions les plus courantes du slang est la définition donnée par V.A. Khomyakov. Il comprend l'argot comme *«relativement stable pendant une certaine période, une couche lexicale stylistiquement étiquetée largement utilisée (noms, adjectifs et verbes dénotant des phénomènes quotidiens, objets, processus et attributs), une composante de la langue vernaculaire expressive, très hétérogène dans ses origines, le degré d'approximation au standard littéraire, avec une expression péjorative»* [Khomyakov 2004].

Dans le «Dictionnaire des termes linguistiques», on peut trouver une définition légèrement différente, formulée par O.S. Akhmanova: *«Slang - 1. Version parlée du discours professionnel. - 2. Éléments de la version familière d'un groupe professionnel ou social qui, en pénétrant dans une langue littéraire ou même dans le discours de personnes qui ne sont pas directement liées à ce groupe d'individus, acquièrent une coloration particulière pour l'expression émotionnelle dans ces langues»* [Akhmanova 2016]. «Répertoire-dictionnaire de termes linguistiques» 1995 assimile absolument les significations des concepts de slang, de jargon et d'argot: *«L'argot désigne les mots et expressions utilisés par les personnes de certaines professions ou de*

certaines couches sociales. Les marins en argot, les artistes, cf. slang» [Dictionnaire de référence linguistique, 1995].

De nombreux chercheurs utilisent les termes «argot» et «slang» pour désigner le discours des jeunes. En outre, il existe d'autres termes utilisés par les linguistes dans la définition de la langue des jeunes: «argot» (M.A. Grachev, V.S. Elistratov, V.V. Shapovalov, etc.), «sociolecte» (V.V. Vinogradov, G.I. Kramorenko, V.A. Salyaev, B.A. Uspensky et autres), «jargon» (Sh. Bally, E.G. Borisova-Lukashenets, E.I. Dibrova, K.N. Dubrovina et autres.) «slang» (J. Androtsopolos, S. Vakhitov, IB Golub, A. I. Mazurova, E.V. Mitrofanov, I. Yuganov, F. Yuganova, etc.).

Malgré l'histoire complexe des concepts relatifs au discours des jeunes, l'étude du phénomène de la communication des jeunes et de son importance dans de nombreux domaines de la communication linguistique a suscité un intérêt croissant ces dernières années (L.P. Krysin, V.I. Belikov, K.F. Sedov, M.M. Kopylenko, K.N. Dubrovin, O.P. Ermakova, V.A. Salyaev et autres).

Les tendances à l'étude de l'orientation personnelle de la langue, à des facteurs sociaux, culturels et pragmatiques ont influencé le fait que le jargon des jeunes était perçu comme un phénomène culturel spécifique, en tant que système spécial d'idéaux, caractérisé par une esthétique particulière et des moyens spéciaux pour son application verbale. Ces facteurs ont conduit à l'élargissement de la gamme traditionnelle de questions dans le domaine de la recherche sur le discours des jeunes. L'attention est portée à l'étude des genres de langage de l'argot de la jeunesse, de ses caractéristiques, de la personnalité linguistique d'un adolescent (E.N. Guts, E.A. Zemskaya, O.P. Ermakova, L.L. Fedorova, A.S. Gerd, etc.).

L'intérêt accru pour l'étude du discours de certains groupes de la société s'explique par l'augmentation de leur activité. L'un d'eux est la jeunesse, porteurs d'argot, d'expressions et d'argot.

Parmi les jeunes, il y a toujours eu un désir de réalisation personnelle, y compris en utilisant le langage utilisé. La parole est l'un des principaux moyens de s'affirmer de soi chez les jeunes. Le choix du style de communication joue un rôle très important. À l'aide d'une perception du discours et d'une interprétation de la réalité particulières, les jeunes forment leur image aux yeux des autres et expriment leurs idées sur le monde et les phénomènes, valeurs et autres catégories caractéristiques. L'environnement de communication des jeunes a toujours cherché à utiliser un vocabulaire réduit, dont certaines sont des unités lexicales liées au domaine d'études. Les jeunes sont les plus susceptibles aux changements de la société. Dans son travail, O.V. La Bible écrit: «*L'argot (slang) de la jeunesse, en tant que partie la plus dynamique du système lexical de la langue, reflète les changements socioculturels de la société moderne*» [Biblieva, 2006: 186-187]. C'est pourquoi, en étudiant l'argot des jeunes, on peut tirer des conclusions non seulement sur les processus en cours dans la société de la jeunesse, mais aussi sur les changements propres à l'environnement de communication orale dans son ensemble, car il est le premier à réagir aux processus culturels, sociaux et économiques en cours dans la société et reflète ces changements.

En parlant du discours des jeunes, on peut distinguer ses paramètres de définition: catégorie d'âge (écoliers, étudiants, etc.), type d'activité des porteurs d'argot de jeunesse (position dans la société), critères territoriaux (village, ville, etc.), genre et le niveau d'éducation. Dans ce cas, il convient de noter que le processus de socialisation et l'adoption de rôles d'adultes dans la société de différents pays se déroulent de différentes manières. Tout d'abord, cela est dû à la différence de durée d'étude, à l'augmentation de leur durée dans certains pays et à d'autres facteurs sociaux et culturels. Par exemple, le processus de socialisation de l'individu en France intervient plus tard qu'en Russie ou en Amérique du Nord, où l'enseignement supérieur est difficile d'accès et où plus de la moitié de la population contourne ce stade et passe directement à l'âge adulte.

Ainsi, le discours des jeunes fait partie intégrante du discours national et constitue un matériau intéressant pour identifier les signes du discours des jeunes, selon la catégorie d'âge et

la nationalité de ses porteurs. On peut soutenir que l'argot des jeunes est l'une des caractéristiques de la langue nationale et nécessite donc d'élargir le champ de la recherche de ce phénomène.

References

1. Antrushina G.B. (2002) *Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka* [Styles of modern English]. SPb, 55-65. (In Russian)
2. Ahmanova O.S. (2016) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic vocabulary]. Moscow, Librokom. (In Russian)
3. Biblieva O.V. (2006) *Molodjzhnyj sleng v sovremennyh rossijskih massmedia kak fenomen otkrytoj kul'tury* [Youth slang in modern Russian mass media as a phenomenon of open culture] // *Uchenye zapiski NII prikladnoj kul'turologii*. Kemerovo, KemGUKI, 186-187. (In Russian)
4. Sedykh A.P., Molinié M. *Koncept «engagement-otvetstvennost'» vo francuzskoj lingvokul'ture* [The concept of «engagement-responsibility» in French linguistic culture] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 7 (37): v 2-h ch. Ch. I, 194-197. (In Russian)
5. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskij i hromaticheskij diskurs (monografija)* [French Language Personality: Academic and Chromatic Discourse (monograph)]. Moscow, LENAND, 2019, 128. (In Russian)
6. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] (1995) / pod red. D.E. Rozentalja, M.A. Telen. Moskva, Sovetskaja jenciklopedija. (In Russian)
7. Khimik V.V. (2000) *Pojetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen* [Poetics of low, or colloquiality as a cultural phenomenon]. Sankt-Peterburg: Filol. fak. SPbGU, 272. (In Russian)
8. Homjakov V.A. (2004) *Nestandartnaja leksika v strukture anglijskogo jazyka nacional'nogo perioda* [Non-standard vocabulary in the structure of the English language of the national period]. Moskva. (In Russian).

УДК 81'1

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В НАЗВАНИЯХ БЛЮД СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ КУХНИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Конюшенко, Оксана Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / ksyushenka-lady@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению метафоры, в названиях блюд как мотивационная система в рамках семантической классификации метафор. На данный момент изучаются различные факторы активного употребления метафор в названиях пищи носителями немецкого языка на современном этапе его развития. Рассматриваются лексико-семантические поля метафор. С помощью гастрометафор мы можем охарактеризовать современное состояние языка и при этом учитывать социокультурные показатели. Выбор определенных пищевых метафор показывает нам наилучшие актуальные тенденции в жизни социума. С помощью гастрономической метафоры мы можем характеризовать национальное общество, наблюдать восприятие мира, его картины людьми совершенно другой культуры, другого общества. У людей формируется представления о жизни, о социуме другого общества, другой культуры. Сравнительные исследования, проведенные среди различных групп немцев и русских, показывают довольно стабильный набор качеств. В исследовательском процессе привлекает внимание различных ученых роль метафоры. Можно утверждать, что в рамках лингвистики эта сфера вызывает всё больший и больший интерес, т.к. количество продолжает расти. В современной лингвистике немалое количество времени уделяется именно метафоре.

Ключевые слова: метафора, первичная и вторичная номинация, когнитивный метод, гастрономические названия, лингвистика

THE ROLE OF METAPHOR IN NAMES OF DISHES OF THE MODERN GERMANY KITCHEN: COGNITIVE ASPECT

Konyushenko Oksana

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ksyushenka-lady@mail.ru

Abstract

Metaphor in the names of dishes is considered as a motivational system within the semantic classification of metaphors. At the moment, various factors of active use of metaphors in the names of food by German speakers at the present stage of its development are being studied. The lexico-semantic fields of metaphors are considered. With the help of the gastrometaphor we can characterize the current state of the language and at the same time take

into account sociocultural indicators. The choice of certain food metaphors shows us the best current trends in the life of society. With the help of a gastronomic metaphor, we can characterize a national society, observe the perception of the world, its pictures by people of a completely different culture, another society. People form ideas about life of another society, another culture. Comparative studies conducted among various groups of Germans and Russians show a fairly stable set of qualities. In the research process, the attention of various scientists is drawn to the role of metaphor. It can be argued that in the framework of linguistics, this area is becoming more and more interesting, because the quantity continues to grow. In modern linguistics, a considerable amount of time is devoted to metaphor.

Key words: metaphor, primary and secondary nomination, cognitive metaphor, gastronomic vocabulary, linguistics.

Термин метафора широко распространена в любом типе речи и является и способом языка, и способом познания. Таким образом образные языковые средства продолжают привлекать внимание как отечественных [Бонк Н.А, Иванова Т.И], так и зарубежных лингвистов [Дж. Лакофф и М. Джонсон]. Как показывает Х.Ортега-и-Гассет [метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли]

Важно отметить, что в отношении метафоры, которая связана с гастрономией, используют не один термин. А.С. Бойчук [Бойчук 2001 15-20] употребляет термин «гастрономическая метафора», а Е.А. Юрина [Юрина 1958 78-80] «пищевая метафора». Известно, что нет единого термина для обозначения метафоры в названиях блюд/продуктов. Основными факторами активного использования метафоры в названиях блюд немецкой кухни являются: особенности сознания и восприятия человека, антропоцентричность, физиологичность культура и социум человека, отрицательные коннотации.

Значительная часть метафор в наименованиях блюд рассматривается как мотивационная система в рамках семантической классификации метафор. На данный момент изучаются [Васильев Н.Л.] различные факторы активного употребления метафор в наименованиях блюд носителями немецкого языка на современном этапе его развития. Рассматриваются лексико-семантические поля метафор. С помощью гастрометафор мы можем охарактеризовать современное состояние языка и при этом учитывать социокультурные показатели. Выбор определенных пищевых метафор показывает нам наилучшие актуальные тенденции в жизни социума. На сегодняшний день, когда речь идёт о любой стране, практически всегда у нас возникают кулинарные ассоциации.

Метафора, классифицирующая семантикой, разделяет по сфере-источнику названия блюд немецкой кухни примеры гастрономических реалий. Рассматриваемые метафоры по классификации Н.Д. Артюновой [Артюнова 1984 68-69] мы относим к когнитивному типу. Термины одной группы выражаются через термины другой группы. Они сравниваются и поэтому говорится об использовании внешней метафоры. Статистика показывает, что 60% метафор взяты на основе внешнего вида, внутреннего мира и чувств человека, 20% составляет окружающий мир и оставшиеся 20% разделяют между собой неодушевленные предметы и абстрактные понятия.

Рассматриваются примеры наименований немецких блюд. Apfelhexe – это яблочный напиток, но в перевод Hele означает ведьма. В этом случае напиток ассоциируется с каким-либо волшебством. Vater und Sohn – это немецкий алкогольный напиток, в котором очень разные пропорции смешивания. Этот напиток ассоциируется с разницей в возрасте отца и сына. Arme Ritter – особый вид гренков, в переводе на русский означает «бедный рыцарь», хотя эти гренки достаточно дорогие и не могут ассоциироваться с людьми низшего класса. Следовательно это относится к Германии в древние времена. Kalter Hund – всеми любимая сладость, а именно торт, свежий, сочный. В переводе на русский «холодная собака». Ассоциация этой гастрометафоры связана с холодным и мокрым собачьим носом.

В исследовательском процессе привлекает внимание различных ученых роль метафоры. В рамках лингвистики эта сфера вызывает всё больший и больший интерес, т.к. количество продолжает расти. Метафору и её роль исследователи [Д.Лакофф, М.Джонсон]

рассматривают с разных сторон. В современной лингвистике немалое количество времени уделяется именно метафоре.

Два аспекта исследования существует в современной лингвистике: первый – парадоксальное сочетание слов, второй – сравнение, которое является скрытым.

На данном этапе исследований роль метафоры заняла значимый сегмент в лингвистики. Дж. Лакофф и М. Джонсон – американские ученые, благодаря которым мы узнали о когнитивной метафоре. Их книга «Метафоры, которыми мы живём» позволила нам по-новому принять метафору в языке. Они имели оригинальный подход к трактовке метафоры и рассматривали её не с точки зрения языка, а с точки зрения когниции. Благодаря такому подходу к трактовке усилились исследования когнитивной лингвистики. Термин «когнитивный» можно трактовать как процесс познания и его результат. Когнитивная метафора же – осмысление явлений одного рода в терминах явлений другого.

Когнитивную метафору можно встретить во многих сферах человеческой жизни. Примеры компьютерной сферы: рабочий стол, сохранить, вставить, копировать и т.д. Эти примеры являются структурным типом. Пример когнитивной метафоры: офис – компьютер, т.к. компьютер – явление работы в офисе и ассоциируется с ней. Когда увеличиваются теоретические знания человека, тогда и возрастает роль метафоризации. Метафора обеспечивает понимание всех концептов.

Метафора – способ номинации в семантических группах. Номинацию рассматривают как совокупность лингвистических проблем, связанных с фразеологией, словообразованием и наименованием [Гришаева Л.И]. Можно выделить два вида номинации: первый – первичная, второй – вторичная. Первичная включает в себя обозначение элементов действительности, а вторичная- использование номинативных средств, которые имеются в языке для функции наречия. Различные ассоциации являются основой для вторичной номинации. Признаки, которые являются связанными с первичной номинацией, реализуются в процессе вторичной номинации и образуют переосмысление значений языковых знаков.

Предлагается вторичная номинация в наименованиях блюд современной немецкой кухни. Названия, в которых используются метафоры основываются на различных чертах, схожих между собой. Ассоциации возникают из-за ряда фактора: внешний вид блюда, его форма, его воздействия на человека, наличие запах, вызывает ли восторг и даже по истории возникновения кулинарного блюда.

В Германии же, как и в Швейцарии, некоторых странах Европы, Северной Америке этому придается большое значение. Окружающий мир опосредуется в языке. На данный момент в мире происходит процесс глобализации, который проявляет усиление культурных связей между различными странами и народами. Также большое значение имеет интенсивная миграция. Люди, которые выезжают в другую страну на постоянное место жительства или даже в качестве туристов, должны быть готовы к тому, что они имеют разные нюансы общения. Разные народы находят все больше средств для развития своего культурного облика. Попадая в незнакомую культуру, человек оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы поведения могут быть неприемлемы. В большинстве случаев неудачи происходят из-за того, что участники коммуникативного акта выстраивают своё поведение в соответствии с нормами своей культуры. Поэтому следует изучать даже особенности гастрономических метафор, так как по большей части люди другой культуры этого не понимают, когда наименование обладает негативной коннотацией по отношению к человеку.

Таким образом, проведенное исследование показывают, что метафорические конструкции, связанные с немецкой гастрономией, отражают следующие лингвокультурные категории: антропоцентричность, физиологичность, особенности немецких национальных и культурных реалий, а также отличаются специфическими для немецкого языка структурно-семантическими характеристиками.

Литература

1. Hall E. The Silent Language / Hall E. — New York: Doubleday, 1959. — 240 p.
2. Spiegel Online: Aktuelle Nachrichten [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.spiegel.de>
3. Гришаева Л. И. Особенности гастрометафоры / Гришаева Л.И. — М.: Инфра-М, 2004. — 560 с.
4. Дридзе Т.М. Структурные особенности метафор/ Дридзе Т.М.Использование метафор для названий. — М.: Наука, 1984. — 280 с.
5. Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Костомаров В.Г. — М.: Наука, 1980. — 383 с.
6. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Садохин А.П. — М.: Юнити-Дана., 2005. — 310 с.
7. Седых А.П. Трансформация значения в метафоро-метонимическом контексте: На материале произведений М. Пруста [электронный ресурс] — режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/transformatiya-znacheniya-v-metaforo-metonimicheskom-kontekste-na-materiale-proizvedenii-m->
8. Роль метафоры в современных названиях [электронный ресурс] — режим доступа: https://revolution.allbest.ru/languages/00810938_0.html

References

1. Hall E. The Silent Language / Hall E. - New York: Doubleday, 1959. - 240 p.
2. Spiegel Online: Aktuelle Nachrichten [Electronic resource] - Access mode: <http://www.spiegel.de>
3. Grishaeva L.I. Features of gastrometaphory / Grishaeva L.I. - M.: Infra-M, 2004. - 560 p.
4. Dridze T.M. Structural features of metaphors / Dridze T.M. The use of metaphors for names. - M.: Science, 1984. - 280 p.
5. Kostomarov V.G. Linguistic and Cultural Theory of Words / Kostomarov V.G. - M.: Science, 1980. - 383 p.
6. Sadokhin A.P. Introduction to the theory of intercultural communication / Sadokhin AP - M.: Unity-Dan., 2005. - 310 p.
7. Sedykh A.P. Transformation of meaning in the metaphor-metonymic context: Based on the works of M. Proust [electronic resource] - access mode: <https://www.dissercat.com/content/transformatiya-znacheniya-v-metaforo-metonimicheskom-kontekste-na-materiale-proizvedenii-m->
8. The role of metaphor in modern names [electronic resource] - access mode: https://revolution.allbest.ru/languages/00810938_0.html

УДК 811.161.3:821.161.3'374

ДА СТВАРЭННЯ СЛОЎНІКА ВОБРАЗАЎ ПАЭЗІІ І ПРОЗЫ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

Кураш Сяргей Барысавіч

кандыдат філал. навук, дацэнт
кафедры беларускай і рускай філалогіі,
кіраўнік навукова-метадычнага Цэнтра русістыкі,
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя
І.П. Шамякіна
Мазыр, Беларусь / text2005@mail.ru

Анотацыя

В белорусскай літаратуры адным з найбольш яркіх з'яўляецца ідыостыль Уладзіміра Караткевіча, аўтарская канцэпцыя міра якога рэпрэзентавана і ў прозе, і ў паэзіі, і ў драматургіі. Ядро семантычнага прастранства прозаічных і паэтычных произведений пісателя складаюць традыцыйныя для беларускай культуры імглы: *земля, рака, дрэва, неба, сонца* і др. "Словарь імглов паэзіі і прозы Уладзіміра Караткевіча" арыентаваны на выяўленне лексічна выражаных канцэптуальна значымых імглов проза-паэтычнага ідыостыля пісателя, іх парадыгматычных адносін, кантэкстных узамодзейств, сінтагматычных сходаў і т. д., што ў цэлым воплашваюць "нацыянальны код" як лінгвопаэтычную домінанту творчасці аўтара. У статыі апісваюцца прынцыпы стварэння падобнага слоўніка, даюцца прыклады фарміравання яго структурных элементаў.

Ключевые слова: Уладзімір Караткевіч, ідыостыль, імглы, канцэпт, кантэкст, слоўнар.

Шэцка Ларыса Міхайлаўна

выкладчык кафедры
беларускай і рускай філалогіі,
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя
І.П. Шамякіна
Мазыр, Беларусь / larisa-chaika@tut.by

THE CREATION OF DICTIONARY OF VLADIMIR KOROTKEVICH POETRY AND PROSE IMAGES

Kurash Sergey

candidate of Philology, associate Professor
of Belarusian and Russian Philology Department
Mozyr State Pedagogical University named after I. P.
Shamyakin
Mozyr, Belarus / text2005@mail.ru

Shetsko Larisa

teacher of chair
Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P.
Shamyakin
Mozyr, Belarus / larisa-chaika@tut.by

Abstract

In Belarusian literature, one of the most highly artistic is the idiostyle of Vladimir Korotkevich, whose author's concept of the world is represented in prose, poetry and drama. Traditional for Belarusian culture images: land, river, tree, sky, sun, etc. form the basis of the semantic space of the writer's prose and poetic works. "Dictionary of images of poetry and prose of Vladimir Korotkevich" is focused on the identification of lexically expressed conceptually significant images of prozo-poetic idiostyle of the writer, their paradigmatic relations, contextual interactions, syntagmatic convergence, etc., which generally embody the "national code" as a linguistic and poetic dominant of the author's work. The article describes the principles of creating such a dictionary, gives examples of its structural elements.

Key words: Vladimir Korotkevich, idiostyle, image, concept, context, dictionary.

Уводзіны

Індывідуальна-аўтарская канцэпцыя свету можа рэпрэзентавацца адным і тым жа мастаком слова і ў прозе, і ў паэзіі, і ў драматургіі. У рускай літаратуры – гэта, напрыклад, творчасць А.С. Пушкіна, І.С. Тургенева, Б.Л. Пастарнака, І.А. Буніна і інш.

Для беларускай літаратуры і культуры адным з найбольш яркіх прыкладаў такога плану з'яўляецца літаратурна-мастацкая спадчына Уладзіміра Караткевіча. Як піша В.К. Шынкарэнка, “здаецца, Уладзімір Караткевіч нарадзіўся і сцвердзіўся як мастак дзеля таго, каб яшчэ раз нам прыгадаць, што ўдалеч кожны мусіць ісці сваім адметным шляхам, несучы ў сэрцы любасць да ўсяго людства, адчуваючы асабістую непаўторнасць і памятаючы пра незвычайнасць іншых, узбагачаючыся стварэннямі геніяў усяго свету праз усведамленне духоўнасці і годнасці здабыткаў роднай зямлі” [Шынкарэнка 2000, 53].

Асаблівую цікавасць для далейшага даследавання творчасці У. Караткевіча і ў цэлым для лінгвістычнай стылістыкі і паэтыкі прадстаўляе феномен проза-паэтычнага ідыястылю, які ў сукупнасці ўяўляе сабой дваадзінае поліжанравае ўтварэнне (проза + паэзія). Такі аналіз прадугледжвае вывучэнне асаблівасцяў ідыястылю прозы і ідыястылю паэзіі аўтара ў дыялектыцы агульнага і ўласнага, універсальнага і спецыфічнага і з'яўляецца навукова перспектыўным, улічваючы тое, што мадэль комплекснага даследавання поліжанравага ідыястылю аднаго аўтара да гэтага часу ў лінгвістыцы не распрацавана.

Асноўная частка

Адметнасцямі аўтарскай манеры пісьма У. Караткевіча з'яўляюцца парадигмы вобразаў [Павлович 1995], устойлівыя мадэлі трапеічных пераносаў, а таксама сродкі стварэння эматыўнасці, экспрэсіўнасці (устойлівыя параўнанні, індывідуальна-аўтарскія метафары), як ў прозе і паэзіі па асобнаму, так і ў дваадзінай сукупнасці пабудовы тэкстаў (жанрава-цэнтрычны і тэкста-цэнтрычны аспекты).

Ядро семантычнай прасторы праявітых і паэтычных твораў У. Караткевіча складаюць традыцыйныя для беларускай культуры вобразы: **зямля, рака, дрэва, ніва, неба, сонца, Радзіма** і інш. Славесныя знакі такога роду, дзякуючы канцэптуалізацыі і канататыўным прырашчэнням, атрымліваюць у аўтара тыя ці іншыя семантычныя трансфармацыі і ў сукупнасці ўтвараюць індывідуальна-аўтарскую канцэптасферу.

Мадэль канцэптасферы проза-паэтычнага ідыястылю У. Караткевіча можна прадставіць у наступным выглядзе:

- базавы збіральны вобраз – ядро мастацкай карціны свету пісьменніка – **Радзіма**;
- яго непасрэднае нападзенне састаўляюць ключавыя канцэптуальна значныя лексемы гэтага тэматычнага поля: **вада, дрэва, зямля, неба**;
- у іх бліжэйшым акружэнні знаходзіцца шэраг ключавых слоў-вобразаў другаснага парадку: **Радзіма** (*айчына, бацькаўшчына, беларус, Беларусь, краіна, край, кут, мова, народ, натоўп, слова, старана, шлях*), **вада** (*акіян, вал, возера, Днепр, дождж, зліва, кропля, крыніца, мора, плынь, прыбой, рака, раса, ручай сляза, струмок, хваля*), **дрэва** (*бор, лес, пушча, асіна, дуб, каштан і інш.*), **зямля** (*зямны шар, жніво, жыта, збажына, колас, мяжа, ніва, паша, планета, поле, разора, ралля, сноп, стог, усходы, хлеб*), **неба** (*небакрай, небасхіл, вечар, зара, заранка, зарніца, зорка, сузор'е, змярканне, месяц*,

маладзік, серп, ноч, змрок, цемра, раніца, ранак, ранне, світанне, світанак, святло, сонца, чырвоны шар, Ян Прыгожы, сяйво, хмара).

“Слоўнік вобразаў паэзіі і прозы Уладзіміра Караткевіча” арыентаваны на выяўленне лексічна выражаных канцэптuallyна значных вобразаў проза-паэтычнага ідыястылю пісьменніка, іх узаемадзеянняў, сыходжанняў і г.д., якія ўвасабляюць “нацыянальны код” як лінгвапаэтычную дамінанту творчасці пісьменніка. Слоўнік адпавядае сучасным тэндэнцыям аўтарскай (пісьменніцкай) лексікаграфіі, заснаванай на кагнітыўным, антрапацэнтрычным падыходах, “у суадносінах з канцэпцыяй моўнай карціны свету, ідэяй моўнай асобы і яе структурнай арганізацыі” [Шестакова 2012, 30].

Праз вобразныя асацыятыўныя ланцужкі, дакладна знойдзеныя аналогіі, знаходжанне агульнага ў розным у лірыцы Уладзіміра Караткевіча падымаюцца такія вечныя тэмы, як сэнс жыцця, чалавек і прырода, адзінота і смерць, каханне, патрыятызм і інш., цесна пераплеценныя з тэмай Радзімы.

Дыферэнцыяцыя канцэптuallyна значных лексічных вобразаў У. Караткевіча ажыццяўлялася па наступных крытэрыях:

- аб’ём семантыкі, гіпероніма-гіпанамічныя адносіны: *мора – рака – крыніца – кропля* (“*Вось цякуць кроплі, – думаў ён. – І я такая самая кропля. Яны, зліваючыся, утвараюць крыніцу, раку, мора. Ім усё адно, з кім зліцца. Але мне патрэбна толькі тая кропля, адзіная, з якой мы разам нарадзіліся ў зямной глыбіні*”);

- схільнасць да метафарызацыі (“*Цьмянае ад сонца люстра ракі здавалася мёртвым*”, “*Шыпучая цёплая вада дакацілася да чорнай, пабітай зморшчынамі і вечнымі мазалямі рук і лізнула яе. І старая ўсміхнулася, такая цёплая і празрыстая была вада*”);

- інтэртэкставы статус – узнёўляльнасць у межах ідыястылю (“*глыбокі, аж да апошняга дна, наскрозь сіні празрысты крышталі – найчысцейшай вады*”, “*бязжыць крышталі да пенных хваль салёных*”, “*Ён хітнуў човен, апісаў вялізную дугу ў сярэдзіне сіняга крышталю, між медуз*”, “*Чаша ўнізе і чаша ўверсе. І — як мошка — я ў крышталі*”);

- частотнасць ужывання (напрыклад, налічваецца звыш 30 ужыванняў лексемы *Днепр*) і інш.

Слоўнік будзе скалацца з 2 частак, падрыхтаваных на матэрыяле васьмітомнага выдання твораў пісьменніка [Караткевіч 1987-1991]. Кожная цытата будзе падавацца з указаннем тома выдання і старонкі.

У **першай частцы** плануецца змясціць лексічныя вобразы паэтычных твораў аўтара і шэрагу яго праявітых твораў (аповесцей, апавяданняў, казак і двух раманаў – “Нельга забыць”, “Чорны замак Альшанскі”), якія змешчаны ў I, II, III і VII тт. выдання твораў У. Караткевіча.

Другая частка будзе ўтрымліваць вобразную лексіку з двух найбольш буйных раманаў пісьменніка – “Каласы пад сярпом тваім” і “Хрыстос прызямліўся ў Гародні”, а таксама аповесці “Зброя” (IV, V, VI і VIII тамы выдання твораў У. Караткевіча).

Кожны з раздзелаў слоўніка змесціць вобразную парадыгму адной з ключавых лексем у паэзіі і прозе паасобку.

Напачатку мы плануем падаць кантэксты, якія ўтрымліваюць загалоўную канцэптuallyную лексему (напрыклад, **ВАДА**), а потым – у алфавітным парадку – лексемы другаснага парадку, якія з’яўляюцца канкрэтызатарамі (напаўняльнікамі) загалоўнага канцэпта, і іх кантэксты (*акіян, вал, возера, Днепр, дождж, зліва, кропля, крыніца, мора, плынь, прыбой, рака, раса, ручай сляза, струмок, хваля*).

Напрыклад:

ВАДА

пад кілем *вада* заціхае, звініць [Караткевіч 1987-1991, Т1, 65];

храмы над люстрай *вод* [Караткевіч 1987-1991, Т1, 73].

Далей у алфавітным парадку будуць прадстаўлены канцэптуальныя сыходжанні членаў парадгмы з іншымі ключавымі лексемамі (тым самым адлюстроўваецца сінтагматыка вобразаў):

+айчына

на празрыстых, светла-сініх *водах*

сняцца ім *айчыны* берагі [Караткевіч 1987-1991, Т1, 43];

+акіян

Акіян жыцця, затаіўшы подых,

Адуванчык пільнуе на кромцы *вады* [Караткевіч 1987-1991, Т1, 221].

Такі парадак будзе захоўвацца пры ўжыванні некалькіх лексем у адным прыкладзе:

+Днепр+плынь +сонца

Бачыце, над *плынямі Дняпра*,

Поўнае пяшчотнай дабрынёю,

Сонца павісае над *вадою*:

Ўсіх гарлачыкаў старэйшы брат [Караткевіч 1987-1991, Т1, 220].

Лексемы (ці словазлучэнні), якія вынесены ў назву таго ці іншага твора, плануецца падаваць загалюўнымі літарамі:

ЗЯМЛЯ ДЗЯДОЎ [Караткевіч 1987-1991, Т1, 313];

РЭЧКА ПАПАРАЦЬ [Караткевіч 1987-1991, Т1, 270].

У прозе У. Караткевіча можна назіраць выкарыстанне некалькіх ключавых лексем у значных па аб'ёме фрагментах тэкстаў, якія ў такім выпадку ў слоўніку будуць змяшчацца без скарачэнняў, напрыклад:

Дрэва

+вада+дуб+лес+рака+ручай

...Мне давалося хвілін сорок прадзірацца праз невысокі, вельмі вільготны *лясок* за Волатавай прорвай, пакуль я не выбіўся на сцежку, зарослую і вузкую. Паабапал яе стаялі амаль абляцелья *асіны*. Сярод іх чырвонага масіву плямамі выдзяляліся жоўтыя *бязрозы* і амаль зялёныя яшчэ *дубы*. Сцежка спусцілася ў яр, дзе бег *ручай* з карычневай, як густы чай, *вадою*. Берагі *ручайны* былі зялёнымі і мяккімі ад імхоў, і такія самыя зялёныя масты з бураломных *дрэў* злучалі іх. Па бураломінах *ручай* і пераходзілі, бо на некаторых мох быў здэрт. Глуха і бязлюдна было тут. Зрэдку цінькала ў верхавінах *дрэў* маленькая птушка, ды яшчэ самотныя лісцікі падалі і павісалі на павуціне паміж *дрэў*. *Вада ручайны* несла сумныя жоўтыя і чырвоныя чоўнікі лісцяў, а ў адным месцы, дзе быў вір, лісце круцілася ў вечным танцы, быццам там вадзянік варыў з яго суп на вячэру. Каб перайсці цераз *ручай*, мне давалося зламаць на падпорку даволі тоўстую, але зусім сухую *асінку*, зламаць адным ударам нагі [Караткевіч 1987-1991, Т7, 108].

У слоўніку плануецца выкарыстанне наступных ўмоўных сімвалаў і скарачэнняў, напрыклад:

- – у выпадках, калі замест апелятыва ўжыты канкрэтны онім:

рака

● Ты ляжыш там, дзе сіняя *Прыпяць* ласкава віецца, Дзе Сафія плыве над *Дзвіною*, нібы карабель [Караткевіч 1987-1991, Т1, 136];

● Мой *Дняпро*, і *Бязроза*, і *Нёман* [Караткевіч 1987-1991, Т1, 274];

▲ – перыфраза:

Сонца

▲ Да шчакі маёй, да маіх вачэй

Чырвоны лашчыцца *шар* <...>

Ен палае чырвоным агнём [Караткевіч 1987-1991, Т1, 165];

Вада

▲ *Чаша* ўнізе і *чаша* ўверсе.

I — як мошка — я ў *крыстали*.

У чаўне на каленях тулюся [Караткевіч 1987-1991, Т1, 231]

<...> –скарачэнне ў прыкладзе:

Што ім<...>

Да загнанай, забітай, задушанай *мовы* [Караткевіч 1987-1991, Т1, 252].

У срэбных *хвалях дняпроўскай* лазы <...>

У *азёрах* паўночных [Караткевіч 1987-1991, Т1, 235]

Вынікі і перспектывы даследавання

Падыход да лексікаграфавання вобразнай лексікі паэзіі і прозы У.Караткевіча, які знойдзе сваё адлюстраванне ў падрыхтаваным намі слоўніку, дазволіць ацаніць разнастайнасць лінгвастылістычнай палітры, упэўніцца ў яе культурна-моўнай і мастацка-эстэтычнай значнасці для ідыястыліявой прасторы вялікага беларускага майстра паэтычнага і праязичнага слова.

Спадзяемся, што падрыхтаванае намі і апісанае вышэй лексікаграфічнае выданне будзе карысным шырокаму колу чытачоў (ад філолагаў-прафесіяналаў да звычайных прыхільнікаў беларускага мастацкага слова), з яго дапамогай лягчэй адчыніцца дзверы ў свет таямніц нацыянальнага вобразнага коду аднаго з найбольш адметных беларускіх праязичаў і паэтаў, і – адначасова – у свет «славесных скарбніц» мовы, сярод якіх, безумоўна, знаходзяцца і мастацкія славесныя вобразы.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў у 8-мі тамах. – Мінск: Маст літ., 1987–1991.
2. Павлович, Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М: ИРЯ РАН, 1995. – 491 с.
3. Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / ФГБУН Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2012. – 43 с.
4. Шынкярэнка, В. Нацыянальнае і агульначалавечае ў паэтычнай сістэме Уладзіміра Караткевіча // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць ў еўрапейскім культурным кантэксце: навук. збор.; рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 53–57.

References

1. Karatkevich, U. Zbor tvorau u 8-mi tamah. – Minsk: Mastatskaya litatura, 1987–1991. (In Belar.)
2. Pavlovich, N.V. Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poehticheskom yazyke. – M: IRYA RAN, 1995. – 491 p. (In Rus.)
3. Shestakova, L.L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost': avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk / FGBUN In-t rus. yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. – M., 2012. – 43 p. (In Rus.)
4. Shynkarehnka, V. Nacyyanal'nae i agul'nachalavechae u paehtychnaj sisteme Uladzimira Karatkevicha // Uladzimir Karatkevich i yago tvorchasc' u eurapejskim kul'turnym kantehksce: navuk. zbor.; redkal.: A. Mal'dzis (gal. red.) i insh. – Minsk: Belaruski knigazbor, 2000. – P. 53–57. (In Belar.)

УДК 811.161.1-3

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КОФЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И УЗУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ¹

Мухина Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии / ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» / Екатеринбург, Россия / golst@el.ru

Ефремовских Анастасия Сергеевна

бакалавр / ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» / Екатеринбург, Россия / nastik.01@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»). The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Аннотация

В статье изучается специфика лексикографической интерпретации дискурсивной специфики универсальных наименований кофе. К универсальным наименованиям кофе относятся базовые кофейные напитки: американо, капучино, латте, эспрессо. Наименования кофе различаются по способу приготовления, страной происхождения, этимологией, по наличию/отсутствию орфографических и орфоэпических вариантов, по частотности употребления в контекстах, по степени закреплённости в сознании носителей русского языка и наличию/отсутствию развитой сети ассоциативных связей. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что в сфере названий кофе в современном русском языке наблюдается явное противоречие между вариантами их лексикографической интерпретации и спецификой узуального употребления, что свидетельствует о незавершённости процесса заимствования. Намечаются перспективы дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: заимствования, лексикография, узус, отношения противоположности.

UNIVERSAL NAMES OF COFFEE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE OPPOSITE OF THE LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION TO THE USUAL PRACTICE

Mukhina Irina

Candidate of Philology /
Assistant Professor of the Fundamental and applied
linguistics and analysis of the text department / Ural
Federal University named after First President of Russia
B.N. Eltsin / Ekaterinburg, Russia / *golst@el.ru*

Efremovskikh Anastasia

Student of bachelor degree
Ural Federal University named after First President of
Russia B.N. Eltsin /
Ekaterinburg, Russia / *nastik.01@mail.ru*

Abstract

The article reveals the specifics of lexicographic interpretation of discourse specifics of universal coffee names. The universal coffee names are basic coffee drinks, such as americano, cappuccino, latte, espresso. They are distinguished by the way of preparing, country of origin, etymology, by the existence/absence of spelling and orthoepic variants, rate of use in contexts, be the degree of fixedness in Russian native speakers' consciousness and by the existence/absence of the wide network of associative contacts. A working hypothesis is put forward that there is obvious contradiction between variants of lexicographic interpretation and specifics of usual consumption in the field of coffee names in the Russian contemporary language which confirms that the process of borrowing is incomplete. The paper deals with forwarding perspectives in this field.

Keywords: borrowings, lexicography, usual, relations of the contradiction.

Статья посвящена проблеме освоения русским языком заимствованных слов, обозначающих наименования кофе, выявлению их этимологии, орфоэпических и орфографических вариантов, семантических особенностей и дискурсивной специфики.

Объектом исследования являются наименования кофейных напитков в русском языке, представленные в кофейных картах кофеен г. Екатеринбурга. Предмет исследования – лексико-семантическая специфика наименований кофе в русском языке.

Цель исследования состоит в том, чтобы обобщить результаты лексикографической интерпретации названий кофе и на основе компонентного анализа лексических значений лексем, а также первоначального контекстологического анализа их употреблений в Национальном корпусе русского языка выявить семантическую специфику наименований кофе в русском языке.

Материалом работы являлись кофейные карты (для выявления названий кофе как напитка был проведен сравнительный анализ трех кофейных карт кофеен г. Екатеринбурга: «Simple Coffee», «Французский Пекарь», «Кафедра Кофе»); а также контексты употребления наименований кофе, извлеченные из Национального корпуса русского языка. В качестве методов исследования были использованы метод лексикографического анализа, метод компонентного анализа, контекстологический анализ, метод количественной обработки материала, сопоставительный метод.

По данным Толкового словаря Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006], лексема *кофе* представлена в русском языке 4 лексико-семантическими вариантами:

кофе – 1. Тропическое дерево или кустарник, из семян которого готовится тонизирующий напиток; кофейное дерево. 2. Семена – зерна – такого дерева. 3. Порошок из таких зерен, поджаренных и размолотых, используемый для приготовления особого напитка. // Суррогат такого порошка из желудей, ячменя и т.п. 4. Напиток,

приготавливаемый из такого порошка или его суррогата. Для нашего исследования важны лексико-семантические варианты «порошок из поджаренных и размолотых зерен тропического дерева» и «напиток, приготавливаемый из такого порошка».

Родовая принадлежность лексемы *кофе* является не только культурно-речевой (см. *кофе* среднего рода как регулярную ошибку в речи носителей просторечия), но и ортологической проблемой, связанной с субъективностью экспертной оценки различных узуальных вариантов и соответствующей их кодификацией в словарях русского языка. Показательными являются, например, недавние заголовки в прессе типа «Кофе стал среднего рода. Ошибки в русском языке узаконили» [см. Кофе стал... 2009], обусловленные тем, что если в орфоэпическом словаре Т. Ф. Ивановой имеется единственный нормативный вариант: *ко́фе, нескл., м. Чёрный кофе* [Иванова 2008, 285]; то в орфографическом словаре русского языка Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой оба варианта представлены как равноправные: *ко́фе, нескл., м. и с.* [Букчина 2010, 410].

Вопрос о родовой принадлежности слова *кофе* вызвал обширную дискуссию среди представителей лингвистического сообщества и большой общественный резонанс. Приведем выдержки из интервью известных лингвистов, в которых выражено их аргументированное мнение по этому вопросу.

Инна Кузьминична Сазонова: «Вот слово “кофе”. Посмотрите в Большой академический словарь. Там написано: *ко́фе — м. и ср. р. (разг.)*. То есть средний род употребляется в разговорной речи. Мы сняли эту помету и написали, что слово “кофе” употребляется в мужском и среднем роде. Первым стоит мужской род, а это значит, что мужской род является в данном случае основным, а средний — дополнительным, но также возможным» [см. Кофе стал... 2009].

Елена Яковлевна Шмелева: «Если вы говорите: он – *кофе*, так и говорите, как все интеллигентные люди. Но мы не можем игнорировать того, как говорят люди в массе. Мы охранители, консерваторы (как говорил М.В. Панов). Но... мы выпускаем в словарь вчера еще неправильное слово с пометой “допустимо”, если оно побеждает (т.е. если большинство так говорит)» [см. Культурно-просветительская... 2009].

Олег Евгеньевич Вороничев: «Через несколько десятилетий вариант среднего рода *кофе* станет предпочтительным, а со временем – единственным нормативным, это логика развития, с которой нам необходимо считаться» [там же].

Не вступая в полемику, можно отметить, что наиболее авторитетным в вопросе определения родовой принадлежности лексемы *кофе* можно считать «Орфоэпический словарь» Т. Ф. Ивановой, поскольку там представлены не только орфоэпические, но и грамматические нормы в соответствии с подзаголовком словаря «Произношение. Ударением. Грамматические формы» [Иванова 2008]. Кроме того, для образованных носителей литературного языка со сформированной привычкой пользоваться словарями очевидно, что кодификация в орфографическом словаре формы *ко́фе, нескл., м. и с.* означает то, что данные родовые формы считаются составителями словаря абсолютно равноправными, причем последовательность представления этих вариантов совершенно не важна.

Следовательно, в данном случае мы наблюдаем очевидное противоречие между нормативным лексикографическим представлением родовой для исследуемого нами материала лексемы *кофе* в словарях разного типа и реальным узуальным употреблением слова. При этом *узус*, или речевой обычай «так говорят, так принято говорить», который характеризуется только интуитивным представлением о правильном и неправильном, понимается нами вслед за В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным как «специально не фиксируемая норма-обычай, складывающаяся и распространяющаяся стихийно в процессе обиходного общения» [см. Беликов, Крысин 2001].

Анализ нашего материала показал, что среди наименований кофе можно выделить две группы: универсальные наименования разновидностей кофе, используемые всеми заведениями

общественного питания, и специфические наименования напитков на основе кофе, характерные только для некоторых заведений (*гляссе, франучино, бамбл, flat white, раф*).

Стоит отметить, что в сфере общественного питания различаются понятия *кофе* и *кофейный напиток*. По данным Интернет-источников, *кофе* – это напиток, приготовленный только из обжаренных кофейных зерен (чаще с горчинкой во вкусе); *кофейный напиток* – напиток на основе кофе, к которому добавляются дополнительные ингредиенты. В данной работе понятия кофе и кофейный напиток употребляются как синонимы.

К универсальным наименованиям кофе относятся базовые кофейные напитки, которые встречаются в кофейных картах всех трех анализируемых кофеен: *американо, капучино, латте, эспрессо*. Данные наименования кофе известны большинству носителей русского языка. Рассмотрим специфику их лексикографической интерпретации в толковых и орфографических словарях, а также особенности узуального употребления.

Кофе **американо**. Американо – это кофе, приготовленный на основе эспрессо с добавлением горячей воды. Происходит от итальянского слова *americano* – «Кофейный напиток на основе горячей воды и эспрессо» [Cambridge Dictionary].

Название данного кофейного напитка не допускает вариаций: написание является одинаковым во всех кофейных картах и закреплено в орфографическом словаре русского языка [см. Лопатин 2000]; вариантов произношения нет.

Кофе **капучино**. Капучино – это кофе с молоком и пышной пеной. Происходит от итальянского слова *capuccino*, название которого включает два ряда удвоенных согласных [Cambridge Dictionary]. Таким образом, в иностранных языках с алфавитом на основе латиницы существует единое написание.

В русском языке данное наименование кофе имеет 4 варианта написания, при этом произношение одинаковое – без долгих согласных. Рассмотрим их подробнее на основе индекса частотности, обратившись к Национальному корпусу русского языка [Национальный...].

Первый вариант. Самый частотный вариант – *капучино* реализуется в 63 контекстах употребления. Например, *Передо мной капучино с корицей, бабушка взяла себе чашечку эспрессо* (К. Крылов). Несмотря на это, вариант написания *капучино* не встречается ни в одной из изучаемых кофейных карт.

Второй вариант. На втором месте по частоте употребления – вариант *капучино*. Именно этот вариант встречается в кофейных картах рассматриваемых кофеен. См. пример из Национального корпуса русского языка: *Она отпивала горячее капучино, маленькими глотками, опустив глаза, прячась от этого человека, потому что уже начала понимать: он может сделать с ней что угодно* (М. Кучерская).

Третий вариант – *каппучино*. Число употреблений в Национальном корпусе русского языка – 16 раз. К примеру: *Какой кофе пьет девушка? — Каппучино* (Е. Козырева).

Четвертый вариант. Наименее распространенным вариантом является разновидность написания, представляющая собой заимствование из итальянского языка путем транслитерации – *каппучино* (4 примера употребления).

Для итальянского языка характерно удвоение согласных, поэтому, используя вариант «каппучино», носители русского языка ориентируются на нормы итальянского языка: *Американская компания с более чем 30-летней историей специализируется на итальянском капучино, торгует кондитерскими изделиями...* (газ.). Но в русском языке не прижилось непосредственное заимствование с двумя рядами удвоенных согласных, произошла его адаптация в соответствии с традициями русской орфографии.

В «Словаре новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой [Шагалова 2017, с. 275] выражена другая точка зрения на этимологию этого слова: допускаются два варианта написания, а этимология ведется от испанского *capuchino*. См. словарную статью: **Капучино** и **капучино**, нескл., м. Кофе с молоком и пышной пеной. *Кофеварочные агрегаты оснащены кофемолкой с дозатором и готовят «эспрессо» и «капучино» из натуральных зерен всего за двадцать секунд* (Эксперт: вещь, 24.04.00). *Эта кофейня,*

пожалуй, самая опрятная из «демократичных», там забористый эспрессо и «правильный» **капучино** (АиФ-Москва, 26.09.01). Ходят легенды о завтраках в кафе «Пушкинъ». Здесь за чашкой **капучино** встречаются магнаты (НГ 28.11.02). Этимология: исп. *Capuchino*.

«Орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина [Лопатин 2000] и «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006] допускают только один вариант написания – *капучино*. Именно такой вариант встречается в кофейнях Екатеринбурга чаще остальных. По вышеприведенным причинам можно принять вариант *капучино* в качестве нормативного. В целом наличие нескольких орфографических вариантов данного наименования кофе свидетельствует о том, что процесс его заимствования еще не закончен.

Кофе *латте*. Латте – это кофе на основе эспрессо и теплого молока. Происходит от итальянского слова *latte* – молоко. Написание данного наименования кофе в кофейных картах однотипно, но имеется несколько вариантов произношения. Разница в произношении объясняется тем, что в русском языке в настоящее время отсутствует закрепленный нормативный вариант произношения, а в словарях, в том числе и орфоэпических, данное наименование кофе почти не встречается. Так, в «Орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина [Лопатин 2000] единственный вариант имеет ударение на первом слоге: *ла́тте*. Кембриджский словарь также поддерживает данное ударение как в британском, так и в американском вариантах английского языка: UK ['læt.eɪ], US ['lɑː.t̬eɪ] [Cambridge Dictionary].

С одной стороны, *латте* – кофейный напиток из Италии; *latte* в переводе с итальянского языка «молоко», в итальянском языке произносится с ударением на первом слоге: *ла́тте*. С другой стороны, в кофейнях, позиционирующих себя как французские, у официантов распространено произношение с ударением на конечном слоге в соответствии с нормами французского языка: *латтэ́*.

Таким образом, можно утверждать, что произношение данного наименования кофе еще не подверглось окончательной кодификации.

Кофе *эспрессо*. *Эспрессо* – это сваренный в небольшом количестве воды крепкий кофе [Кузнецов 2001, с. 1526]. Этимология слова: происходит от итальянского слова *espresso*, то есть «выдавленный». Название данного кофейного напитка не допускает орфографических вариантов [см. Лопатин 2000]. Если говорить о специфике произношения данного слова, то нужно отметить то, что иностранцы произносят это слово в соответствии с транскрипцией [es'pres.əʊ] [Cambridge Dictionary]. Однако у русскоговорящих можно встретить вариант «*экспрессо*», см. 5 примеров употребления лексемы *экспрессо* в Национальном корпусе русского языка на 140 контекстов употребления варианта *эспрессо*: — *На первый взгляд?! — Мемозов бурно расхохотался. — Огорчать не хочу, но совсем недавно в «Ресторанчике Алисы» я расправился с двумя порциями креветок, блюдом салата, трехпалубным стейком по-техасски, порцией яблочного пирога, кейком из мороженого, так, так... боюсь соврать... три кофе-экспрессо, три рюмки водки «Смирнофф», бутылка бужоле (В. Аксенов). Две или три чашки кофе-экспрессо могли стоить 2 или 3 милли лир, то есть две или три тысячи лир (Э. Лимонов). На несколько часов раньше обычного открылись все кафе и бары-экспрессо (В. Аксенов). В кафе было полно народу. Бойко работали две машины-экспрессо. Стоял гул сквозь музыку, светились два телеэкрана (В. Аксенов). А вот в наших домах кофеварку «экспрессо» встретишь чаще, чем русский самовар... (газ.)*

Как видим, вариант *экспрессо* встречается как орфоэпическая ошибка (в этом случае с распространением знаний об особенностях употребления кофе данный вариант произношения уходит в прошлое) либо название кофе, либо как характеристика бытовой техники для приготовления кофе, либо обозначение типов кофе и употребляется в составе составных наименований *кофе-экспрессо*, *машина-экспрессо*, *бар-экспрессо*. Однако во всех случаях употребление слова «*экспрессо*» будет считаться ошибкой.

Возможное объяснение возникновения данного ненормативного варианта заключается в том, что *эспрессо* – это вид кофе, который готовится очень быстро, поэтому в сознании носителей русского языка в результате процесса народной этимологии выстраивается ассоциативный ряд: *эспрессо* соотносится со словом *экспресс* как чем-либо ассоциативно связанным со скоростью, быстротой, отсюда появляется лишняя буква К в наименовании кофе. Новое заимствование *эспрессо* искажается и переосмысливается по образцу ранее заимствованного и уже освоенного носителями русского языка, близкого по звучанию слова *экспресс*. Примечательно, что компьютерные системы проверки орфографии идентифицируют вариант *эспрессо* как правильный. Так, Microsoft Office Word подчеркивает слово *эспрессо* как неправильное и предлагает заменить на *экспрессо*.

Чтобы объяснить правильное написание «*эспрессо*», необходимо опираться на часть *-пресс-*, так как она соотносится с дословным переводом с итальянского языка. Буквально *espresso* «выдавленный из перемолотых кофейных зерен», «спРЕССованный» в специальном аппарате кофе. Согласно «Словарю новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой [Шагалова 2017, с. 906], вариант *эспрессо* единственно правильный с точки зрения написания и произношения. См. словарную статью: **Эспрессо**, нескл., м. Аппарат для приготовления кофе; кофе, приготовленный при помощи такого аппарата. *Как выяснилось, одни и те же явления – учащение пульса и повышение давления – наблюдались у людей, пивших тройной эспрессо, вне зависимости от того, содержал он кофеин или нет* (Политбюро, 25.11.02). *Перед ноябрьскими праздниками, оказавшись рано утром в Москве, я забрел возле Тверского бульвара в полупустое кафе и, купив эспрессо за бешеные столичные деньги, стал коротать время* (АиФ-Петербург, 03.12.03).

Как видим, основным значением слова *эспрессо*, по данным словаря Е. Н. Шагаловой, является «аппарат для приготовления кофе», а не собственно кофе, что, по нашему мнению, нуждается в проверке в процессе проведения ассоциативного эксперимента.

Интересно, что по причине наличия большого ассоциативного поля в сознании носителей русского языка, включающего несколько иноязычных лексем, наименование кофе *эспрессо* может служить основой для языковой игры. Так, в Санкт-Петербурге существует кафе «Депрессо», рекламным слоганом которого служит каламбур «*Больше эспрессо – меньше депрессо*».

Таким образом, наименования кофе различаются по способу приготовления, этимологией, страной происхождения, по наличию/отсутствию орфографической и орфоэпических вариантов, по частотности употребления в контекстах, по степени закреплённости в сознании носителей русского языка и наличию/отсутствию развитой сети ассоциативных связей в сознании носителей русского языка.

В целом можно сделать выводы о том, что в сфере названий кофе в современном русском языке наблюдается явное противоречие между вариантами их лексикографической интерпретации и спецификой узуального употребления, что свидетельствует о незавершённости процесса заимствования. Так, если наименование *капучино* испытывает колебания в написании и имеет орфографические варианты, то *латте* в современном русском языке представлено в двух орфоэпических вариантах. Анализ орфоэпических и орфографических вариантов наименований кофе позволил определить основные варианты написаний для обозначения наиболее распространённых кофейных напитков: *американо, капучино, латте, эспрессо*.

Перспективы исследования видятся в изучении специфических наименований кофе в русском языке; в выявлении на основе определения семного состава их значений ядерных (повторяющихся, частотных) и периферийных (факультативных) дифференциальных сем; в изучении их текстовой дискурсивной реализации; в рассмотрении грамматических особенностей наименований кофе (наличия производных несклоняемых имен прилагательных, например, *кофе гляссе*; уточнения специфики родовой принадлежности слова); в изучении способов формирования вторичных значений; определении наиболее

распространенного в реальном произношении варианта наименования на основании данных психолингвистического эксперимента. Практическая значимость подобных исследований заключается в том, что их материал может быть использован при составлении толковых и орфографических словарей русского языка, словарей новейших иностранных слов.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9:2009-11-27-19-27-46&catid=6:2009-11-23-13-33-58&Itemid=8 (дата обращения: 17.02.2019).
2. Букчина Б.З. Орфографический словарь русского языка: [свыше 100000 сл. Грамматическая информация. Трудные случаи] / Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова; [науч. ред. Н. Г. Зайцева]. — М.: АСТ-ПРЕСС, [2010]. — 1288 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
4. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические нормы. – М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008. – 893 с.
5. Кофе стал среднего рода. Ошибки в русском языке узаконили // МК. 31.09.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mk.ru/social/article/2009/08/31/343231-kofe-stal-srednego-roda.html> (дата обращения: 17.02.2019).
6. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка: Более 90 000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; Авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.
7. Культурно-просветительская программа «Словари XXI века» // Первое сентября. – 2009. – № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200901910 (дата обращения: 17.02.2019).
8. Лопатин В.В. Русский орфографический словарь: около 160000 слов / РАН, Отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. В.В. Лопатин. – М.: Азбуковник, 2000. – 1262 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан., 2003 – 2011. – Режим доступа: URL: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 17.02.2019).
10. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов: [около 3 500 слов: цитаты из СМИ и интернета: подробная этимологическая справка]. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2017. 571 с.
11. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 04.02.19)

References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolinguistics: The textbook for higher education institutions. – M.: Russian State Humanitarian University, 2001. – 439 p. [Electronic resource]. – Access mode: URL:http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9:2009-11-27-19-27-46&catid=6:2009-11-23-13-33-58&Itemid=8 (date of the address: 17.02.2019).
2. Bukchina B.Z. Spelling dictionary of Russian: [over 100000 settlement. Grammatical information. Hard cases] / B.Z. Bukchina, I.K. Sazonova, L.K. Cheltsova; [scientific editor N.G. Zaytseva]. — Moscow: AST-PRESS, [2010]. — 1288 p.
3. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of Russian. In 3 volumes: about 160000 words. – M.: Nuclear heating plant: Astrel, 2006.
4. Ivanova T.F. New orthoepic dictionary of Russian. Pronunciation. Accent. Grammatical norms. – M.: Russian – Media; Bustard, 2008. – 893 p.
5. Coffee became a neutral gender. Mistakes in Russian legalized // МК. 31.09.2009. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.mk.ru/social/article/2009/08/31/343231-kofe-stal-srednego-roda.html> (date of the address: 17.02.2019).
6. Kuznetsov S.A. Modern explanatory dictionary of Russian: More than 90,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences, Institute of linguistic researches; Author of the project and editor-in-chief S.A. Kuznetsov. – St. Petersburg: Норинт, 2001. – 960 p.
7. Cultural and educational program "Dictionaries of the 21st Century"// The First of September. – 2009. – № 19. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200901910 (date of the address: 17.02.2019).
8. Lopatin V.V. Russian spelling dictionary: about 160000 words / the Russian Academy of Sciences, Office of literature and language, Institute of Russian of V.V. Vinogradov; editor-in-chief V.V. Lopatin. – Moscow: Azbukovnik, 2000. – 1262 p.
9. The national case of Russian [Electronic resource]. – Electronic data 2003 – 2011. – Access mode: URL: www.ruscorgo.ru (date of the address: 17.02.2019).
10. Shagalova E.N. Dictionary of the latest foreign words: [about 3,500 words: quotes from media and the Internet: detailed etymological reference]. – Moscow: AST-PRESS, 2017. – 571 p.
11. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of the address: 04.02.19)

УДК 81'374

ESPERANTO KAK KOMMUNIKATIVNYY FORMAL (NA LEKSIKOGRAFICHESKOM MATERIALE FRANÇAIS-ESPERANTO)

Огнева Елена Анатольевна

доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / ogneva@bsu.edu.ru**Аннотация**

В статье рассматривается роль лексикографии в современном межкультурном дискурсе. Вводится понятие «лексикографический формат», под которым понимается форма представления лексикографических данных, отражающих определённый тематикой словаря фрагмент общечеловеческого знания. Исследуется лексикографический формат эсперанто как планового языка международного, в том числе и межкультурного общения. Выявляются коррелятивные тенденции в словаре français-esperanto / франко-эсперанто.

Ключевые слова: лексикография, межкультурный дискурс, лексикографический формат, коррелятивные тенденции, плановый язык, эсперанто, франко-эсперанто.

ESPERANTO AS COMMUNICATIVE FORMAT (BASED ON LEXICOLOGICAL DATA BY FRANÇAIS-ESPERANTO)

Ogneva Elena

Doctor of Philology,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ogneva@bsu.edu.ru**Abstract**

The article discusses the role of lexicography in contemporary intercultural discourse. The concept of "lexicographic format" is introduced. This concept is meant as the form of lexicographic data presentation reflecting a human knowledge fragment which data defined by the dictionary theme. The lexicographic format of Esperanto is studied as a planned language of international and intercultural communication. Correlative trends are revealed in the dictionary French-Esperanto.

Key words: lexicography, intercultural discourse, lexicographic format, correlative tendencies, planned language, Esperanto, French-Esperanto.

Лексикография, аккумулирующая и систематизирующая различные формы репрезентации знания, не может не пополняться новыми идеями, новыми исследовательскими подходами, реализующими коммуникативную и интерпретирующую функции языка, которые, будучи сопряженными, проецируются в форматах когнитивной функции.

В свете сказанного актуальны слова А.В. Полонского о том, что «особую роль в аккумулировании, упорядочении и структурировании опыта аналитического опознавания объекта, в осмыслении существующих концепций и теорий, отборе и раскрытии содержания наиболее значимых и употребительных понятий и терминов, в которых фиксируется характер и направление исследовательской мысли научного сообщества, играют словари» [Полонский, 2019, 2006], которые рассматриваются нами как лексикографические форматы знания. Под лексикографическим форматом нами понимается форма представления лексикографических данных, отражающих определённый тематикой словаря фрагмент общечеловеческого знания.

Существуют различные широко известные или узкоспециальные лексикографические форматы как в отечественной, так и зарубежной лексикографической практике.

В отечественной лексикографической практике наряду с традиционными лингвистическими словарями, к примеру, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [1966], существуют и такие различные лексикографические форматы как: (1) лексикографический энциклопедический формат русского детства, репрезентирующий названия детских игр, в которые играют или играли дети нашей страны и о которых упоминается в тех или иных опубликованных источниках с конца XIX века [Борисов, 2008]; (2) лексикографический формат профессиональной коммуникации,

репрезентирующий такие области профессиональной деятельности как «маркетинг, бизнес, предприятие, отдел кадров, строительство, свиноводчество, транспорт, электричество, бухгалтерия, компьютер, канцелярские принадлежности, страхование, таможня» [Седых, Багана, Лангнер 2009, 7], (3) лексикографический сопоставительный формат бионимов, репрезентирующий наименования представителей фауны и флоры [Голев, Дебрэнн, 2013] и т.п.

Говоря о лексикографии в исторической ретроспективе, Ю.А. Дубовский и Т.Б. Заграевская подчеркивают тот факт, что «содержание понятия, подводимого под этот термин, развивалось в направлении от прикладного аспекта этой лингвистической сущности к теоретическому аспекту» [Дубовский, Заграевская 2014, 171].

И.С. Разливанова отмечает, что «один из сложных вопросов в лексикографии нашего времени – отбор слов и словосочетаний для словаря. Любому читателю хочется, чтобы приобретенный им словарь был полным и охватывал бы все слова данного языка» [Разливанова, 2009], тогда как по нашему мнению, эти устремления характерны для пользователей словарей не только нашего времени, но любой другой эпохи, поскольку словарь не только хранитель информации, но и её источник, на котором зиждется, в том числе, и межкультурная коммуникация.

Одним из актуальных коммуникативных форматов в течение последних полутора столетий является плановый язык, созданный в 1887 году в Варшаве окулистом Лазарем (Людвигом) Марковичем Заменгофом, язык Эсперанто (*Esperanto*). Впервые этот язык был опубликован под названием «*Lingvo internacia*» и разослан научным обществам, известным учёным, учителям под псевдонимом *Д-рь Эсперанто*.

Примечательно, что движение эсперантистов первоначально активно развивалось в Российской империи и только затем в Западной Европе и других странах. Первыми переводами, сформировавшими литературный стиль эсперанто, были переводы таких произведений русской литературы как «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Метель» А.С. Пушкина, «Княжна Мери» М.Ю. Лермонтова и др. В 1905 году состоялся первый всемирный конгресс во Франции в *Boulogne-sur-Mer / Булонь-сюр-Мер*, на который прибыло 688 человек из 20 стран мира.

В начале 1920-х годов возникло предложение принять эсперанто в качестве рабочего языка в Лиге Наций, но французский делегат выказался против, поскольку именно французский язык в этот период был языком международного общения. Тем не менее, Лига Наций рекомендовала государствам включить эсперанто в учебные планы. В СССР по предложению Л.Д. Троцкого эсперанто изучался как «язык мировой революции», на нём также осуществлялось радиовещание. Б. Кондратьевым был подготовлен большой эсперанто-русский словарь.

Новый этап популярности эсперанто в 1950-е годы связан с США, но вскоре английский язык становится международным языком общения и роль эсперанто снизилась. Тем не менее, использования языка эсперанто привело к появлению страны Эсперантии, состоящей из 120 стран, в учреждениях которых говорят на эсперанто и развивают культурную составляющую дискурса эсперанто. На эсперанто говорят, по различным данным, от 100 тысяч до двух миллионов человек. Примечательно, что для двух тысяч человек, родившихся, как правило, в смешанных браках, этот язык является родным. Было доказано, что изучение языка эсперанто облегчает изучение других языков.

С нашей точки зрения, эсперанто можно рассматривать в качестве исторического лексикографического формата, ставшего «коммуникативным мостиком». Тезисно охарактеризуем этот язык.

Итак, во-первых, алфавит эсперанто, построенный на основе алфавита латинского языка, состоит из 23 согласных букв, в том числе из 4-х аффрикат, 11 гласных букв, пяти монофтонгов и шести дифтонгов.

Во-вторых, базовый лексический состав языка представлен в первой книге 1887 года издания, значительно не изменился за прошедшее время. Примечательно, что первый

словарь эсперанто «Universala vortaro», опубликованный в 1894 году, представлен на пяти языках. Пополнение лексического запаса осуществляется преимущественно за счёт технических и научных терминов из западноевропейских языков. К примеру: *koputilo* – компьютер, *muso* – мышь. С точки зрения большей части эсперантистов пополнение словаря возможно посредством словообразования, а не заимствования слов, поскольку язык имеет высокую степень деривации. Было установлено, что один корень в эсперанто в среднем является эквивалентом 10 словам на английском языке. Значительная часть лексики имеет романские и германские корни, а также латинские и греческие.

Среди аффиксов самый высокочастотный деривационный аффикс – аффикс *mal-*, участвующий в образовании антонимов; например, *ami-любить*, *malama-ненавидеть*. Если в слове есть несколько аффиксов, то имеет значение их очерёдность как показатель принадлежности к части речи.

В-третьих, грамматика эсперанто состоит только из 16 правил:

- (1) существует только определённый артикль *la* для всех падежей, родов и чисел;
- (2) имена существительные завершаются на – *o*, во множественном числе на – *j*; существует только два падежа: именительный и винительный, для образования которого добавляют окончание –*n*. Остальные падежные формы образуются посредством предлогов;
- (3) имена прилагательные завершаются на –*a*, сравнительная степень образуется с помощью слова *pli*, превосходная с помощью *plej*; (
- 4) числительные звучат как: *uni* (один), *du* (два), *tri* (три), *kuar* (четыре), *kvin* (пять), *ses* (шесть), *sep* (семь), *ok* (восемь), *naŭ* (девять), *dek* (десять), *cent* (сто), *mil* (тысяча). Порядковые числительные образуются посредством прибавления к количественным окончания имени прилагательного;
- (5) имена прилагательные звучат как *mi* (мы), *vi* (вы), *li* (он), *ŝi* (она), *ĝi* (оно, обычно применяется для объекта, животного или ребёнка), *si* (возвратное местоимение 3-го лица), *ni* (мы), *ili* (они), *oni* (безличное местоимение множественного числа); притяжательные прилагательные образуются посредством прибавления окончаний имён прилагательных;
- (6) глаголы в настоящем времени имеют окончание –*as*, в прошедшем времени – *is*, в будущем времени –*os*, в условном наклонении –*us*, повелительном наклонении – *u*;
- (7) наречие оканчивается на –*e*;
- (8) предлоги употребляются с именительным падежом имени существительного;
- (9) каждое слово как пишется, так и читается;
- (10) ударение падает на предпоследний слог;
- (11) сложные слова образуются путём простого слияния слов;
- (12) нет двойного отрицания,
- (13) для выражения направления применяется предлог, а к слову добавляется окончание винительного падежа;
- (14) все предлоги имеют постоянное значение;
- (15) интернационализмы употребимы без изменения,
- (16) слова начинающиеся с гласных *o-*, *a-* С артиклем пишутся через апостроф.

В-четвёртых, в синтаксисе ряда предлогов и союзов «прослеживается славянское влияние» [Гониназ 1991].

Примечательно, что скорость усвоения эсперанто, как было установлено в немецком университете Падерборн в ходе эксперимента с французскими студентами, намного выше, чем при усвоении других языков. Так, на усвоение немецкого языка французскими студентами тратится 2000 часов, английского языка – 1500 часов, итальянского языка – 1000 часов, на эсперанто – 150 часов [Flochon, Bruno, 2000 http].

Для удобства изучения эсперанто создано множество двуязычных словарей. Рассмотрим материал двуязычного словаря *français-esperanto* / *франко-эсперанто*.

В нашем распоряжении оказался словарь, изданный в начале XX века, с надписью (рис. 1-2).

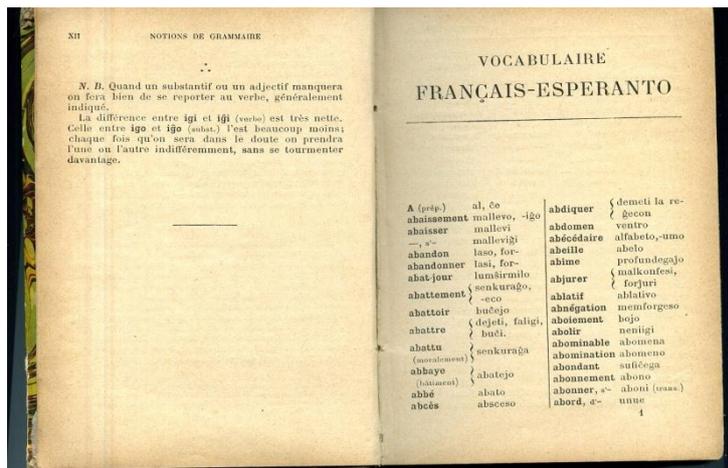

Рис. 1. Словарь *français-esperanto* / франко-эсперанто

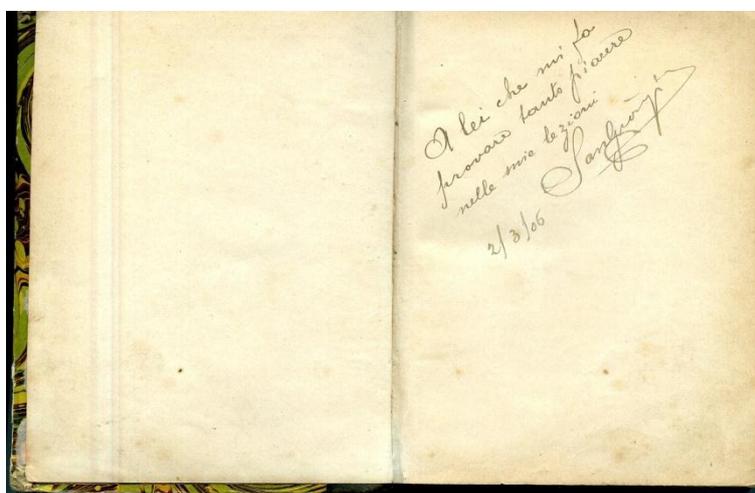

Рис. 2. Надпись в словаре *français-esperanto*, датированная 2/3/06

В качестве примера страницы из словаря приведём скан на рис. 3.

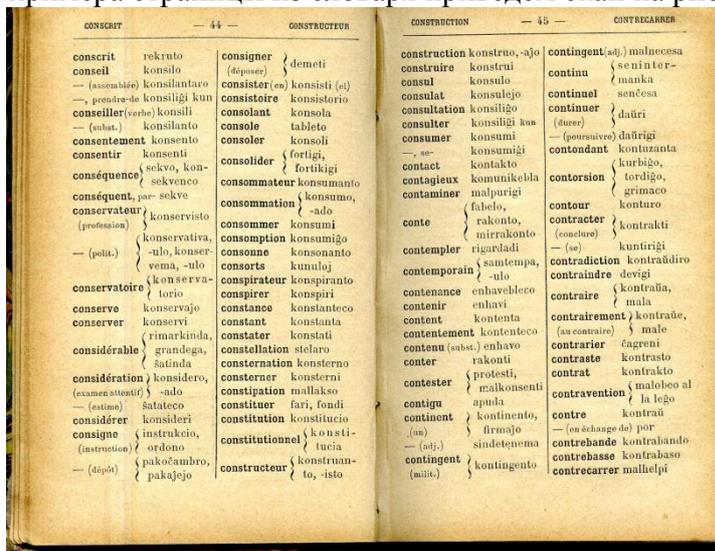

Рис. 3. Страница из словаря *français-esperanto*, начало XX века

Исследование словаря выявило ряд коррелятивных тенденций в двух языках: французском и эсперанто. Так, на приведённых выше страницах 44-45 выявлены следующие особенности корреляции двух языков в словаре начала XX века:

1) **одному имени существительному на французском языке соответствует два имени существительных на эсперанто,**

например: имя существительное французского языка *continent* / *континент* имеет два эквивалента на эсперанто (см. рис. 3);

2) **одному имени существительному на французском языке соответствует три имени существительных на эсперанто,**

например: имя существительное французского языка *conte* / *рассказ* и имя существительное французского языка *contorsion* / *выворачивание* имеют по три эквивалента (см. рис. 3);

3) **два глагола на французском языке имеют один эквивалент на эсперанто,**

например: глаголы *continuer* / *продолжать* и *durer* / *длиться* имеют один эквивалент на эсперанто (см. рис. 3);

4) **один глагол на французском языке имеет два эквивалента на эсперанто,**

например: глагол *consolider* / *консолидировать* имеет два эквивалента на эсперанто (см. рис. 3).

Таким образом, в связи с тем, что словари как лексикографические форматы знания, при всём их многообразии, всё ещё не охватывают в интерпретативном плане в полной мере все аспекты бытия, исследование этих форматов по-прежнему актуально и востребовано.

Исследование словаря планового языка эсперанто показывает, насколько человечество приблизилось к созданию адекватного лексикографического «коммуникативного мостика» во второй половине XIX века.

Рассмотрение двуязычного словаря *français-esperanto* выявляет степень корреляции языковых картин мира французского (естественного) языка и эсперанто (планового) языка, при создании которого был включен ряд аспектов французского языка, но, тем не менее, на лексическом уровне двух языков выявляются существенные различия.

Литература

1. Дубовский Ю.А. Становление лексикографии в отечественном языкознании / Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 16. – N. 2. – 2014. – С. 166-171.
2. Дюк Гониан М. Славянское влияние в эсперанто // Проблемы международного вспомогательного языка. – М.: «Наука», 1991. – 113 с.
3. Полонский А.В. Лингвистика медиа: современная парадигма научного знания (рецензия на словарь-справочник: медиалингвистика в терминах и понятиях / под ред. Л.Р. Дускаевой. – М.: Флинта: Наука, 2018.) // Медиа Альманах. – 2019. – № 1. – С. 206-211.
4. Разливанова И.С. Роль словарей и энциклопедий в межкультурной коммуникации // Молодой ученый. – 2009. – № 11. – С. 188-193. – URL: <https://moluch.ru/archive/11/844/> (дата обращения: 15.04.2018)
5. Flochon, Bruno. «L'espéranto», in Gauthier, Guy (ed.) *Langues: une guerre à mort*, Panoramiques. 4e trim. – 2000. – 48. – P. 89-95. – URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/054000678/> (дата обращения 01.02.2019)

Лексикографические источники

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 1. А-Н. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 518 с.
3. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 2. О–Я. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 520 с.
4. Голев Н.Д., Дебрэнн М. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации / Н.Д. Голев, М. Дебрэнн // Вестник ВНУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 80-91.
5. Седых А.П. Русско-французский словарь: Профессиональная и обыденная коммуникация / А.П. Седых, Ж. Багана, А.Н. Лангнер. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 168 с.

References

1. Dubovskij Yu.A., Zagraevskaya T.B. Lexicography evolution in Russian Linguistics // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – T. 16. – N. 2. – 2014. – P. 166-171.
2. Dyuk Goninaz M. Slavic influence onto Esperanto // Problemy mezhdunarodnogo vspomogatel'nogo yazyka. – M.: «Nauka», 1991. – 113 p..
3. Polonskij A.V. Media linguistics: contemporary paradigm in scientific knowledge (review on dictionary named “Media linguistics onto terms and concepts” / pod red. L.R. Duskaevoj. – M.: Flinta: Nauka, 2018.). Media Al'manah. 2019. – № 1. – P. 206-211.
4. Razlivanova I.S. Role of dictionaries and encyclopedias in the cross-cultural communication // Molodoj uchenyj. – 2009. – № 11. – P. 188-193. – URL <https://moluch.ru/archive/11/844/> (accessed: 15.04.2018).
5. Flochon, Bruno. «L'espéranto», in Gauthier, Guy (ed.) Langues: une guerre à mort, Panoramiques. 4e trim. – 2000. – 48. – C. 89-95. – URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/054000678/> (accessed: 01.02.2019).

Lexicographic sources

1. Ahmanova O.S. Linguistic terms dictionary. – M.: Izd-vo «Sovetskaya ehnciklopediya», 1966. – 608 p.
2. Borisov S.B. Encyclopedic of Russian childhood. V. 1. A-N. – SHadrinsk: Izdatel'stvo SHadrinskogo pedinstituta, 2008. – 518 p.
3. Borisov S.B. Encyclopedic of Russian childhood: V. 2. O–Ya. – SHadrinsk: Izdatel'stvo SHadrinskogo pedinstituta, 2008. – 520 p.
4. Golev N.D., Debrenn M. Multilingual comparative dictionary of boinim ordinary semantic / N.D. Golev, M. Debrenn // Vestnik VNU. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2013. – T.11. – Vyp.2. – P. 80-91.
5. Sedykh A.P. Russian-French dictionary: Professional and everyday communication / A.P. Sedykh, ZH. Bagana, A.N. Langner. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 168 p.

УДК 81'1

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Русанова, Юлия Сергеевна

магистрант кафедры
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия /Yulia-Rusanova@mail.ru

Аннотация

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является появление во многих европейских языках, значительного количества новых слов, которые часто остаются за пределами словарей общей лексики. В данной статье мы попытаемся проанализировать некоторые способы формирования лексического состава компьютерной терминологии в английском и русском языках. Лексический состав компьютерной терминологии не только образует специфическую языковую подсистему, но формируется и закрепляется по законам и правилам общенационального языка. Актуальность выбранной темы обусловлена повышенным вниманием к исследованиям функционирования языка в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: лингвистика, словообразование, аффиксация, словосложение, аббревиация, контаминация, конверсия, компьютерная терминология.

STRUCTURAL FEATURES OF COMPUTER VOCABULARY IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Rusanova Julia

Graduate student of the English languages department/
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / Yulia-Rusanova@mail.ru

Abstract

One of the key trends in recent decades is the emergence in many European languages, a significant number of new words that often remain outside the general vocabulary dictionaries. In this article we will try to analyze some ways of forming the lexical composition of computer terminology in the English and Russian languages. The lexical composition of computer terminology not only forms a specific language subsystem, but is formed and fixed according to the laws and rules of the national language. The relevance of the chosen topic is due to increased attention to research on the functioning of the language in the field of information technology

Key words: linguistics, word formation, affixation, compounding, abbreviation, blending, conversion, computer terminology.

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является появление во многих европейских языках, значительного количества новых слов, которые часто остаются за пределами словарей общей лексики. В данной статье мы попытаемся проанализировать некоторые способы формирования лексического состава компьютерной терминологии в английском и русском языках. Лексический состав компьютерной терминологии не только образует специфическую языковую подсистему, но формируется и закрепляется по законам и правилам общенационального языка.

Актуальность выбранной темы обусловлена повышенным вниманием к исследованиям функционирования языка в сфере информационных технологий.

Глобальное развитие компьютерных технологий и сети интернет, как сфера человеческой деятельности подразумевает создание новых лексических единиц.

Компьютерный дискурс появился в 1990-х гг. XX в. и изначально существовал только, как язык общения профессионалов сферы информационных технологий – программистов.

В России, как и во всем мире, наблюдается устойчивая тенденция заимствования компьютерных терминов из английского языка.

Англоязычные словообразовательные процессы в сфере компьютерных технологий, стремятся добавить к своей системе языка больше сокращений, символов и более короткие формы слов с множественными значениями. Они характеризуются быстрыми инновациями и распространением в социуме, а также имеют характеристики популярности, креативности, краткости и четкости.

Компьютерная жаргонная лексика русского языка пополняется за счет заимствований из английского языка. Факторами, определяющими преобладание в русской компьютерной лексике слов английского происхождения, являются следующие:

Во-первых, из-за главенствующей англоязычной терминологии в связи с большим количеством американских фирм, производящих компьютеры.

Во-вторых, популярность английского языка в социальных сетях. Способы словообразования, которые традиционно выделяют в системе языка это: аффиксация, конверсия, словосложение, аббревиация.

Аффиксация — это способ образования новых слов путем присоединения к основе слова словообразовательных аффиксов. Аффиксы, при помощи которых в определенный период создается относительно много новообразований, называются продуктивными. Продуктивными в современном английском языке являются суффиксы *-ing*, *-y*, *-ee*, *-ist*, *-er*, *-ette*, *ed* и др.; префиксы *anti-*, *super-*, *pro-*, *mis-*, *re-* и др. При помощи этих аффиксов создаются новые производные слова (простые и сложные) [Мешков 1976, с. 46]

Аффиксация в русском языке: «*болванка*» — чистый записываемый компакт-диск; «*виртуалка*» — виртуальная машина, в последнее время часто используется для краткого названия системы «Виртуальная школа», «*бегучка*» — бегущая строка; «*струйник*» — струйный принтер; «*бутявка*» (от англ. *boot*) — загрузочная дискета; «*висюк* (или *висяк*)» — программа, вызывающая зависание компьютера; «*блинковать* (от англ. *blink*)» — мигать (о световых индикаторах), «*бродилка*» - от «бродить» при помощи суффикса «К» - игра, где герой забрасывается в определенную местность с целью найти что-то или спасти кого нужно.

В английском языке: «*authentication* (аутентификация)» - это процесс проверки подлинности пользователя (аутентификация отвечает на вопрос "Кто Вы?", но не на вопрос имеете ли Вы доступ к данным ресурсам); «*authorization*»- определяет права данного пользователя. Авторизация процесс, который отвечает на вопрос, разрешено ли данному пользователю выполнение запрошенной операции. Авторизация происходит после аутентификации и использует идентификатор пользователя, для определения, того к каким ресурсам он имеет доступ; «*browser*» - программа навигации и просмотра сети Web. Графические программы просмотра, такие, как *Netscape Navigator*, предусматривают

работу с более информативными и выразительными звуковыми и графическими данными, а не с простыми текстовыми сообщениями, «*banner*» (от англ. флаг, транспарант, растяжка) — это статическая картинка или анимированная картинка, размещаемая на веб-страницах в рекламных целях. Обычно эта картинка является ссылкой, ведущей на рекламируемый сайт или на страницу с более подробной информацией о рекламируемом товаре или услуге. Слово "баннер" также часто применяется для обозначения рекламы в интернете вообще. Баннеры являются основным рекламным средством, используемым в рекламных сетях.

Также, лексемы, образованные по единой модели с использованием сленгового суффикса -o: «*thinko*»- ошибки человека; «*braino*» - ошибки хода мысли; «*typo*» - ошибки печати; «*mouso*» - ошибки мыши; «*scanno*» - ошибки сканера.

Префиксация: «*сбросить, слить*» – скопировать файлы на дискету; «вырубить» – выключить; «взломать, взорвать» – нарушить систему защиты; «захолдить» (от англ. hold – удерживать) – оставить файлы для адресата.

Используются латинские приставки: интер- супер -, мини -, макро -, микро -, авто -, мульти -, мега-: «*interactive*» (интерактивный), «*minidriver*» (минидрайвер), «*superprogrammer*», «*superuser*» (привилегированный *пользователь*), «*macrocommand*» (*макрокоманда*), «*microfile*» (*микрофайл*), «*autodump*» (авторазгрузка), «*multisystem*» (мультисистема), «*megaword*» (мегаслово).

Чаще всего используется префикс – *re*: «*recopy*»- повторно копировать, «*recreate*» — восстанавливать данные, «*reformat*» переформатировать.

Префиксы *cyber-* (относящийся к виртуальному пространству) «*Cybermall*»- WWW-сервер, который используется для онлайн-торговли несколькими организациями, «*Cyberpunk*» - еще не нашедший своего места в жизни человек, для которого хакерство - игра и самоутверждение одновременно. Также, как и термин "робот", данное слово пришло из научно-фантастической литературы - произведения William Gibson и Bruce Sterling, «*Cyberspace*» (Термин, употребленный автором William Gibson в его новелле *Neuromancer*). Киберпространство - описывает весь диапазон информационных ресурсов, доступных через глобальные компьютерные сети. (В данной книге употребляется как синоним всего мира сетей - Usenet, Internet и т. д.)

Конверсия — это безаффиксальный способ словообразования, в результате действия которого образуется категориально отличное слово, совпадающее в некоторых формах с исходным словом. Образованное конверсией слово выступает в новой синтаксической функции, имеет другое значение и, в случае морфологически изменяемых слов, другую парадигму.

При конверсии образуется омоним, семантически связанный с исходным словом.

Продуктивность конверсии в английском языке объясняется существованием большого количества непроемных слов, не закрепленных аффиксально за частью речи, сравнительной малочисленностью словоизменяемых аффиксов и грамматических форм, а также простотой образования последних.

Основной предпосылкой образования новой языковой единицы путем конверсии является изменение синтаксического функционирования слова, сопровождаемое изменением значения. Для конверсии необходимо изменение привычного синтаксического окружения. Синтаксическое окружение оказывается иным при введении слова в не свойственный ему новый контекст или при выпадении одного из элементов привычного контекста, т. е. в результате эллипсиса. При конверсии, являющейся результатом эллипсиса, появлению нового слова должно предшествовать многократное совместное употребление двух слов, так чтобы при выпадении одного из них было бы гарантировано понимание. Эллипсис приводит к образованию способом конверсии существительных из прилагательных и причастий.

Основными разновидностями конверсии являются: вербализация (образование глаголов), субстантивация (образование существительных), адъективация (образование прилагательных), адвербализация (образование наречий).

Конверсия протекает различно в зависимости от морфологической характеристики исходного и производного слов. Конверсия первого типа наблюдается в случае, если исходное и производное слова (или одно из них) являются морфологически изменяемыми. Необходимым условием образования нового слова при конверсии первого типа является не только изменение лексического значения и синтаксической функции слова, но также изменение его словоизменительной парадигмы. Наиболее типичными примерами конверсии первого типа являются вербализация и субстантивация, а также случаи, когда исходным словом является существительное или глагол. О конверсии второго типа можно говорить, если и исходное, и производное слова морфологически неизменяемы. Конверсия второго типа заключается в изменении синтаксической функции слова и его лексического значения. Отношениями конверсии этого типа могут быть связаны предлоги и наречия (*on, off, in* и т. п.), предлоги и союзы (*before, after* и т. п.), местоимения и союзы (*who, when, why* и т. п.).

Конверсия первого типа может быть полной и частичной. При полной конверсии вновь образованное слово приобретает все свойства другой части речи (той, в синтаксической функции которой оно начинает употребляться). Так, при вербализации существительные и прилагательные начинают обозначать действие и употребляться в функции сказуемого, а также приобретают все словоизменительные формы глагола. При полной субстантивации прилагательных вновь образованное слово может определяться прилагательным, употребляться с определенным и неопределенным артиклями, выступать в синтаксических функциях существительного и иметь все присущие существительному формы словоизменения. При частичной конверсии слово приобретает не обязательно все признаки другой части речи (что объясняется часто его семантическими особенностями).

В терминологической лексике достаточно широко репрезентированы два явления: субстантивация - переход в разряд имён существительных прилагательных, глаголов, причастий, числительных, когда они начинают указывать на предмет. Пример субстантивации: «*abort*» (*n.*) - преждевременное прерывание действия программы, снятие задачи. Образовано от «*abort*» (*v.*) - аварийно заканчиваться, терпеть неудачу; «*click*» (*n.*) - щелчок мыши (от глагола «*click*» - щелкнуть мышью), «*autosave*» (*n.*) — функция автосохранения (от глагола *save* - сохранить информацию).

Вербализация - образование глаголов. Примеры вербализации: «*pirate*» (*v.*) - незаконно копировать программу. Ср.: «*The ultimate goal is to obtain so-called "zero-day warez," or software pirated on the same day it was released*», «*spam*» (*v.*) – ссылка на навязчивую рекламу (от суц. *Spam.*), «*variate*» (*v.*) - варьироваться, изменяться; образовано от *variate* (*n.*) -случайная величина.

Словосложение - способ словообразования, противоположный словопроизводству (с помощью аффиксации и чередования), — объединение полнозначных слов или их основ в цельнооформленный комплекс, сложное слово [Карашук 1977, с. 37].

Выделяют чистое сложение - сложение основ и сращение - когда мотивированное слово, состоящее из двух или более компонентов, полностью тождественно по морфологическому составу синтаксическому словосочетанию.

Примеры чистого словосложения в русском языке: «*числогрыз*» – компьютер; «*технокрыса*» – автор и распространитель вирусных программ; «*блохолов, клоподав*» – программа поиска ошибок и отладки программ; «*флопповод*» (от англ. *floppy* – жаргонное название гибкого диска) – дисковод, «*нульстрока*» (от англ. *null string*) – нулевая строка, «*кодпреобразователь*» - (от англ. *Code converter*) - программа или устройство, преобразующее один код информации в другой [Заботкина 1989, с. 163].

Примеры чистого словосложения в английском языке: «*Backdoor*» ("черный ход") - слабое место в системе, случайного или запланированного происхождения. Через

"черный ход" информированный человек может легко получить доступ к системе, «*Bytecode*» (байт-код) - машинно-независимый код, генерируемый Java-компилятором и исполняемый Java-интерпретатором, «*mass-mailing*», «*mass-posting*» (*message*)-послание, предназначенное для массовой рассылки, «*menu-based*» - созданный на основе меню, «*user-oriented*» - ориентированный на пользователя; «*workstation*» - компьютер, подключенный к сети [Дорот 2004, с. 3].

Аббревиация — образование новых слов путем сокращения (усечения) основы. В результате действия этого способа словообразования создаются слова с неполной, усеченной, основой (или основами), называемые аббревиатурами. Аббревиатуры могут быть простыми и сложными [Елисеева 2003, с. 35]

Усечения образуются путем отбрасывания конечного или начального слогов основы.

Пример аббревиации в английском языке *opt - option, emu - emulator, sync - synchronizing pulses, coax - coaxial cable, info - information. exch - exchange, tech - technical, excl - exclamation mark, frob - frobnicate. parm (проф.) - parameter* [Дорот 2004, с. 71].

Аббревиатуры, являющиеся вторичным наименованием предмета и существующие в языке наравне с полной формой, являются стилистически окрашенными словами и носят неофициальный разговорно-фамильярный характер. Часто используются при интерактивном общении в Интернете.

Сложные аббревиатуры (сложносокращенные слова) образуются действием аббревиации и основосложения и состоят из начальных букв или слогов слов и основ или из сочетания их с полными основами.

Сокращения, состоящие из начальных букв слов и основ, называются инициальными аббревиатурами или акронимами. Акронимы читаются по буквам или как слова по правилам чтения. Такие аббревиатуры часто встречаются при общении в Интернете, на различных форумах и чатах: «*AFAIK*» - *As Far As I Know* - Насколько мне известно; «*AKA*» - *Also Known As* - Известный также как; «*AMBW*» - *All My Best Wishes* - Мои наилучшие пожелания; «*AOTS*» - *All Of The Sudden* – Вдруг; «*ASAP*» - *As Soon As Possible* - Как можно быстрее; «*B4*» - *Before* – Раньше; «*B4N*» - *Bye For Now* - Пока (в смысле прощания); «*BBL*» - *Be Back Later* - Вернусь позже, «*BTW*» - *By The Way* – Кстати; «*CIO*» - *Check It Out* - Проверь это; «*CUL8R*» - *See You Later* - Увидимся позже; «*DGT*» - *Don't Go There* -Туда не ходи [Дорот 2004, с. 134].

Лексико-синтаксический способ образования - возникает новое слово с производной основой. При синтаксическом – устойчивое сочетание – составной термин. Лексико-синтаксический способ образования мало продуктивен в современном литературном языке, синтаксический – чрезвычайно продуктивен в терминологии.

Термины-словосочетания, образованные синтаксическим способом, получили в терминологии название составных терминов. Удельный вес составных терминов очень велик во всех терминосистемах английской и русской терминологиях.

Есть двухкомпонентные термины: *транзитный узел, звуковая плата, цифровой преобразователь*; трехкомпонентные: *removable hard disk* - сменный жесткий диск; многокомпонентные: *main storage data register* - регистр данных главного запоминающего устройства. В связи с этим возникает проблема определения границ составных терминов [Улуханов 1996, с. 193].

Синтаксический способ - соединение двух или более знаменательных слов, связанных по смыслу и грамматически, выражающее единое, но расчлененное понятие и представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности.

Модель существительное + существительное: «*Application error*» - как правило, фатальная ошибка приложения; «*chip size*» - емкость микросхемы памяти; *version number* - номер версии.

Русские термины (модель сущ. + сущ. встречаются не так часто по сравнению с английским языком, как и модель прил. + сущ. Русские термины по модели сущ. + сущ.

Используются в родительном падеже: привод компакт-дисков, хранение данных, плата расширения.

В обоих языках также часто встречаются словосочетания с различными видами причастий (Past Part. +N); «*Advanced search*» на поисковых серверах- усложненный запрос; *multihomed host* - многоканальный ведущий узел; «*nested calls*» — вложенные вызовы; «*parameterized cell*» - параметризованная ячейка.

Другой пример словосочетания (Present Part. + N); «*moving boundary*» - подвижная граница; «*overlapping windows*» — перекрывающиеся окна; «*pending message*» - сообщение с задержкой передачи [Лаврова 2012, с.117.]

С компьютерной терминологии существуют также многокомпонентные термины:

Примеры многокомпонентных терминов в русском языке; совместная коммутация телефонных соединений, удаленное управление сетями, частота обновления экрана.

Примеры многокомпонентных терминов в английском языке; *removable hard disk* - сменный жесткий диск; *index register addressing* - индексная адресация; *main storage data register* - регистр данных главного запоминающего устройства.

Особенностью английского языка являются многокомпонентные термины как лексикализованные отрезки предложения: *digital-to-analog (converter)* - цифрово-аналоговый преобразователь, *drop-on-demand (printing)* - печать по требованию, *Cyan-Magenta-Yellow* - схема представления цветного изображения, применяемая в некоторых системах печати.

Таким образом, каждый из рассмотренных способов, таких как аффиксация, конверсия, словосложение, аббревиация, синтаксический способ, занимают определенное место в компьютерной лексике, а также имеют различную продуктивность в сравниваемых языках. Аффиксация присутствует в обоих языках, и характеризуется использованием аффиксов, например, латинских префиксов. Конверсия используется только в английском компьютерном подязыке. В терминологии этот процесс осуществляется с помощью субстантивации. Словосложение осуществляется с помощью самых продуктивных элементов на современном этапе развития языка. Аббревиация активнее происходит в английской компьютерной лексике.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986. 295 с.
2. Дорот В., Новиков Ф. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб.: БХВ-Петербург, 2004.
3. Елисеева В. В. Лексикология современного английского языка, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/grammar/24.leksikologiya_angliyskogo_yazyka/ (дата обращения 16.01.19).
4. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1989. 125 с.
5. Карашук П. М. Словообразование в современном английском языке, М., 1977.
6. Клобуков Е. В. Современный русский язык. М.: Дрофа, 2002. С. 216.
7. Кубрякова Е. С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2.
8. Лаврова Н. А. Контаминация в современном английском языке: a fait accompli: моногр. / Моск. пед. гос. ун-т. М.: Прометей, 2012. 220 с.
9. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976.
10. Мизинкина А. И. Англо-русский и русско-английский словарь компьютерной лексики. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 696 с.
11. Ников В. А. Современный англо-русский словарь компьютерных терминов / ред.-сост. В. А. Ников. М.: Астрей, 2004. 256 с.
12. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1996. 221 с.
13. A Dictionary of Computing. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1996.
14. A Dictionary of Computing. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.
15. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. URL: www.dictionaries.cambridge.org/dictionary/british (accessed 10.09.2012).
16. Metcalf A. Predicting New Works. The Secrets of Their Success. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2002.

References

1. Arnold I.V. The Lexicology of Modern English: a textbook for in-com and fact. foreign lang 3rd ed., Pererab. and add. M.: Higher. school., 1986. 295 p.
2. Dorot V., Novikov F. Explanatory Dictionary of Modern Computer Vocabulary. SPb.: BHV-Petersburg, 2004.
3. Eliseeva V.V. Lexicology of Modern English, 2003 [Electronic resource]. URL: http://www.classes.ru/grammar/24.leksikologiya_angliyskogo_yazyka/ (appeal date 01/16/19).
4. Zabotkina V. I. New vocabulary of modern English. M.: Higher. mk., 1989. 125 p.
5. Karaschuk P.M. Word Formation in Modern English, M., 1977.
6. Klobukov E.V. Modern Russian. M.: Drofa, 2002. p. 216.
7. Kubryakova E.S., Gureev V.A. Conversion in modern English // Vestn. VSU. Ser. Linguistics and intercultural communication. 2002. № 2.
8. N. Lavrova. A. Contamination in modern English: a fait accompli: monograph. / Mosk. ped. state un-t M.: Prometheus, 2012. 220 p.
9. Meshkov, O. D., The Formation of Modern English. M., 1976.
10. Mizinkina A.I. English-Russian and Russian-English Dictionary of Computer Vocabulary. M.: OLMA-Press, 2004. 696 p.
11. V.Nikov. Modern English-Russian Dictionary of Computer Terms / ed.-comp. V. A. Nikov. M.: Astreya, 2004. 256 p.
12. Ulukhanov I., S., Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation / Ros. Acad. Sciences, Institute of Rus. lang them. V.Vinogradov. M., 1996. 221 p.
13. A Dictionary of Computing. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1996.
14. A Dictionary of Computing. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.
15. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. URL: www.dictionary.cambridge.org/dictionary/british (accessed 10.09.2012).
16. Metcalf A. Predicting New Works. The Secrets of Their Success. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2002.

УДК 811.1/2

НЕОЛОГИЗМЫ 2018 В СЛОВАРЯХ: РУССКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

Седых Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой описательный материал, содержащий неологизмы, зафиксированные в русских, французских, английских и немецких словарях 2019 года. Приведены наиболее употребительные лексемы в европейских языках. Как правило, речь идёт о словах, появившихся в среде молодёжи. Неологизмы 2018 отражают актуальные реалии лингвокультур и служат свидетельством «живучести» рассматриваемых языков.

Ключевые слова: неологизм, словарь, русский, французский, английский, немецкий языки.

NEOLOGISMS 2018 IN DICTIONARY: RUSSIAN, FRENCH, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Arkadiy Sedykh

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The article is a descriptive material containing neologisms, recorded in Russian, French, English and German dictionaries in 2019. The most common lexemes in European languages are given. As a rule, we are talking about words that have appeared among the youth. Neologisms in 2018 reflect the current realities of linguocultures and serve as evidence of the “vitality” of the languages in question.

Key words: neologism, dictionary, Russian, French, English, German.

Как известно неологизмы выступают важнейшим механизмом обогащения любого языка. Это так называемое «новое лицо» национального языка, которое обновляется с приходом в жизнь новых, ранее не существовавших реалий в конкретном социуме.

Русский язык [<https://vc.ru/flood/31249-samy-e-populyarnye-neologizmy-haур-harrasment-bitkoin>]. Копилка русского словаря пополнилась следующими словами и выражениями:

Иронические тенденции прошлых лет остались неизменными и принесли в российский лексикон:

«**Собянинки**» – комфортабельные новостройки, которые возводятся в Москве по программе реновации.

«**Харрасить**» – компьютерный сленг, который означает постоянно атаковать противника, держа его здоровье на низком уровне.

«**Телененавидение**» – термин, который отражает негативное отношение некоторых россиян к национальному телевидению.

«**Хайпожор**» – человек, старающийся прославиться с помощью популярных тем. Либо человек, который использует любой повод для собственного пиара.

2018-й принес в публичную речь множество имен собственных, связанных с социально-политическим контекстом: «**Новичок**» (отравление Скрипалей), «**Посейдон**», «**Пересвет**» (названия российского супероружия), **пакет Яровой** (два антитеррористических законопроекта), **Крымский мост**...

Финансовый мир (часто в рамках лавинообразных заимствований из иностранных языков):

Маржинальный (в отличие от *маргинальный*) – дословно «предельный доход», изменение общего дохода (выручки) из-за продажи дополнительной единицы произведенной продукции (часто без учёта НДС).

Блокчейн – (цепочка блоков) — это распределённая база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Эта технология может оказаться очень полезной и вне сектора финансов, так как может использоваться для хранения любого вида цифровой информации, включая компьютерный код.

Полный рейтинг выглядит примерно так:

1. Реновация
2. Биткоин
3. Хайп
4. Токсичный
5. Баттл
6. Допинг
7. Криптовалюта
8. Фейк
9. Безвиз
- 10 Домогательство/харассмент.

Сюда же можно включить и «свежие» молодёжные неологизмы: **зашквар и тащер**. **Зашквар** – это модный, молодёжно-сленговый синоним к таким словам как «бред», «идиотизм», «позор» или «безумие». Однако «зашквар» это не просто сход с катушек или полёт гусей, это полное обрушение с дуба с тяжёлыми последствиями для психики. А ещё зашквар бывает полным, это уже когда совсем киса ку-ку и нужно звонить ноль-три. Этимология слова «зашквар», по-видимому, восходит к слову «шкварки» (пережаренные кусочки еды), то есть «зашквар» это полное перегорание мозга на сильном огне. Есть и иная версия, гласящая, что на тюремном жаргоне «зашквариться» означает «облажаться» или «испачкаться», то есть полностью опозориться перед коллективом.

Ташер – это сленг современных геймеров, то есть тех людей, который играют в видеоигры: человек, который очень хорошо играет в компьютерные игры и вытягивает за собой всю команду. В более широком смысле означает индивида, который всё «тащит», то есть выполняет (часто за весь коллектив) ответственно, качественно и в срок свою работу.

Франция [http://cruciverbiste.club/index.php?id_cms=208&controller=cms].

Как всегда за место под солнцем спорят издательства **Larousse** и **Robert** (хотя у них уже давно существует очень авторитетные «места под солнцем»). Тем не менее, выпуски этих знаменитых словарей 2019 года будут «освящены» 150 новыми словами, зафиксированными в 2018 году. Приведём некоторые из 150 новых терминов с их определениями. Это дает представление о тенденциях, которые мы классифицировали по темам:

1. Экология и кухня.

- **mixologie** n.f. (angl. mixology, de to mix, mélanger). *Art de confectionner des cocktails et, spécial., de créer ou d'adapter des recettes, par des assemblages de boissons complexes et originaux* (Искусство делать коктейли и, особенно, создавать или адаптировать рецепты, собирая сложные и оригинальные напитки);

- **écotoxique** adj. *Qui contamine l'environnement et, de ce fait, a des effets nuisibles sur les êtres vivants, y compris l'espèce humaine* (**экоотоксичный** – загрязняющий окружающую среду и, как следствие, оказывающий вредное воздействие на живые существа, включая человека).

2. Социум и технологии.

- **boboïsation** n.f. Fam. 1. *Transformation d'un lieu (quartier, partic.) populaire par l'arrivée en nombre de bobos ; gentrification*. 2. *Par ext., péjor. Fait d'adopter les manières de penser ou de vivre des bobos, leurs usages, leurs comportements: Dénoncer la boboïsation des médias*. (аббревиатура: буржуазно-богемный, означает социостиль. то есть попытка охарактеризовать социальную группу в соответствии с ценностями, которые разделяют ее члены, а не в соответствии с их социально-экономическими или демографическими характеристиками. **Бобоизация**: трудно точно описать бобо, социолог Камиль Пёни дает в 2010 году такое определение: «Человек, у которого есть доходы, но он не «головокружительные», индивид достаточно образованный [дипломированный], который живёт насыщенной культурной жизнью и голосует за левые партии».)

- **rançongiciel** n.m. (de rançon et logiciel). *Logiciel malveillant qui prend en otage des données personnelles en les chiffrant, puis demande à leur propriétaire d'envoyer de l'argent en échange de la clé permettant de les déchiffrer* (On rencontre aussi le terme anglais ransomware). (Вредоносное программное обеспечение, которое захватывает личные данные, зашифровывая их, а затем просит владельца отправить деньги в обмен на ключ для его расшифровки)

3. Политический блок.

- **démocrature** n.f. (de **démocratie** et **dictature**). *Régime politique qui, tout en ayant certains attributs de la démocratie, comme le pluripartisme, n'en est pas moins dirigé d'une façon autoritaire, voire dictatoriale* (Демократура: Политическая система, которая, обладая определенными атрибутами демократии, такими как плюрипартизм, тем не менее управляется авторитарными или даже диктаторскими методами).

- **transpartisan**, e adj. POLIT. *Qui cherche à dépasser le traditionnel clivage des partis en prônant des solutions susceptibles de recueillir un large consensus pour le bénéfice de tous: Un mouvement, un débat transpartisan* (Кто стремится преодолеть традиционное разделение партий, отстаивая решения, которые могут собрать широкий консенсус на благо всех: движение, транспартизанская дискуссия).

- **Brexit** n.m. (mot angl., de Britain, Grande-Bretagne, et exit, sortie). *Retrait de la Grande-Bretagne de l'Union européenne; processus politique conduisant à ce retrait*. (On parle aussi de **Grexit** [pour la Grèce], de **Frexit** [pour la France].)

4. Имена собственные.

В данную «номинацию» вошли: Бразильский футболист Неймар (**Neymar**) и писательница Шанталь Тома (**Chantale Thomas**) вошли в иллюстрированный Робер, а спортсменка-инвалид Мари-Амели Ле-Фур (**Marie-Amélie Le Fur**) и шеф-повар, ресторатор и кулинарный консультант, телеперсона, благотворительница. Обладательница

нескольких звёзд Мишлен, лауреат премии Вдовы Клико и кавалер ордена Почётного легиона Элен Даррроз (**Hélène Darroze, la cheffe**) были освящены Пети Ларуссом. Нобелевский британский лауреат Казуо Ишигуро (**Kazuo Ishiguro**) и французский астронавт Тома Пескэ (**Thomas Pesquet**) зафиксированы в обоих словарях.

Англосаксонский мир [<https://www.merriam-webster.com/words-at-play/earworm-meaning-origin>].

Earworm – букв. «ушной червь». Навязчивая песня или мелодия, которая постоянно крутится в голове.

Fashionista [fæʃən'ɪ:stə] — увлеченный модой человек, стремящийся следовать всем современным тенденциям /модница/

Newbie – новичок, новый член группы, команды, игры. Большое распространение слово получило среди любителей онлайн-игр, где чаще употребляется в искаженной форме *noob* (неопытный игрок, «нуб»). В целом, *noob* имеет гораздо более негативный оттенок, чем *newbie*.

Snail mail — от *snail* (улитка) и *mail* (почта). Стандартная физическая почта в противоположность электронной

Германофоны [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Vorstaendin>].

В новом «свежем» толкового словаря немецкого языка Duden отмечены неологизмы:

В словарь впервые включены понятия, возникшие в связи с финансовым кризисом, такие как «**Eurobond**» (евробонд), «**Finanztransaktionssteuer**» (налог на финансовую транзакцию), «**Zockerpapier**» (азартные бумаги). Довольно много в новом издании и неологизмов, учитывающих равноправие полов. Так, например, помимо понятия «член правления» (**Vorstandsmitglied**) в словаре теперь фигурирует и слово «**Vorständin**», то есть «членша» правления.

Новое издание толкового словаря Duden стало бестселлером в Германии

Современный толковый словарь немецкого языка, печатное издание которого впервые продается в комплекте с электронными справочниками, бьет рекорды продаж.

По сообщениям большинства медиа агентств, новое, 26-е по счету, издание толкового словаря немецкого языка Duden, которое только что вышло в свет, стало на этой неделе самым продаваемым в Германии справочным пособием.

Из 1216 страниц состоит словарь, в новое издание которого вошли закрепившиеся в немецком языке новых слов в 2018 году. В их числе «**Vorständin**» (председательница), «**Energiewende**» (энергетический переход), «**Liebesschloss**» (замок любви – речь идет о замочках, которые в соответствии с новым трендом влюбленные вешают на мостах, бросая ключик в воду), «**Schuldenbremse**» (долговой тормоз), «**Körperscanner**» (сканер тела), «**Biomarker**» (биомаркер = характеристика (биологический признак), которая используется в качестве индикатора состояния всего организма: температура тела, кровяное давление, частота пульса).

Новое издание **Duden** – это целый комплект, в который, помимо основного справочника, входят электронный словарь-приложение для смартфонов и планшетных компьютеров, а также электронная программа проверки правописания. В таком формате **Duden**, считающийся главным нормативным словарем немецком языка, не выходил еще никогда.

Нельзя обойти внимание **новейшие молодёжные немецкие слова:**

Ehrenmann/Ehrenfrau = с недавнего времени так называют «человека чести» (на кого всегда можно положиться) теперь и в женском формате (также название энергетического напитка).

Snackosaurus = Снекозавр – страшно прожорливое существо. Может съесть огромный мешок чипсов или, собственно, снежков, то есть легких закусок. Речь идет не просто о хорошем аппетите, а о зверском.

Lauch = ругательный термин звучит, когда кого-то хотят назвать словом «Trottel», то есть «идиотом», «дураком» или «олухом». В официальном же немецком языке «Lauch» до сих пор означало «лук-порей».

Glucose-haltig = букв. – «содержащий глюкозу», моносахарид, являющийся одним из самых распространенных источников энергии для живых организмов. В переносном смысле – нечто милое сердцу подростка.

Auf dein Nacken = С точки зрения немецкой грамматики правильной было бы сказать: «Auf deinen Nacken». Однако считается, что данное выражение получило распространение в Германии из среды турецкой молодежи, что объясняет его несколько искаженное звучание. Фраза означает, что расходы, связанные зачастую с веселым времяпрепровождением, ложатся на плечи (в данном случае – на шею) того, кому она адресуется.

Итак, как видим приведённый выше нелогический корпус четырёх европейских языков, отражает факт «живучести» рассмотренных языков. Национальные словари не только стоят на страже чистоты языка, но и «вынуждены» фиксировать закрепившиеся в узусе языковые единицы, которые не всегда безоговорочно принимаются пуристами и предыдущими поколениями. В любом случае неологизация русского, французского, английского и немецкого языков была, есть и будет одним из важных средств их обновления.

Раздел 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ

УДК 811.133.1

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕГИОНАЛИЗМОВ ЮГА ФРАНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНА ЖИОНО, МАРСЕЛЯ ПАНЬОЛА И АНРИ БОСКО)

Авдонина, Дарья Константиновна

магистрант кафедры немецкого и французского языков/
Белгородский государственный национальный исследовательский университет/
Белгород, Россия/ 826495@bsu.edu.ru

Аннотация

Сегодня к проблеме территориальной вариативности приковано внимание лингвистов. Неподдельный интерес у языковедов вызывает лексический состав французского языка и дальнейшее развитие лексических единиц в современной французской литературе непосредственно в самой Франции, а также во франкоговорящих странах. Данная проблема очень давно и широко изучается зарубежными учеными-лингвистами. В статье рассматриваются регионализмы, которые присущи исключительно тем областям или департаментам, в которых зародились. Стоит сказать, что процесс «регионализации» неумолимо продолжается, так как жители регионов Франции всё чаще склонны к поддержанию традиций, соблюдению устоев, а также к использованию в речи региональной лексики.

Ключевые слова: регионализм, региолект, региональный язык, региональная вариативность, общенациональный язык, диалект, архаизм.

ON THE USING OF REGIONALISMS OF THE SOUTHERN FRANCE IN THE FRENCH NOVELS OF THE 20TH CENTURY (BY GIONO', PAGNOL' AND BOSCO' NOVELS)

Avdonina Daria

Graduate student of the German and French languages department/
Belgorod State National Research University/
Belgorod, Russia/ 826495@bsu.edu.ru

Abstract

Today the problem of territorial variability attracts a lot of attention. Of course, the lexical composition of the French language and the further development of lexical units in modern French literature directly in France, as well as in French-speaking countries, arouses genuine interest among outstanding linguists. This problem has long been widely studied by foreign linguists. The article deals with regionalism which is inherent only in those areas or departments in which originated. It should be said that the process of "regionalization" inexorably continues, as the inhabitants of France slope to maintain long-standing traditions, to observe the ancient foundations, as well as to use folk.

Key words: regionalism, regiolect, regional language, regional variability, national language, dialect, archaism.

На территории современной Франции существуют и развиваются региональные языки с их собственными характеристиками, которые в первую очередь затрагивают лексику и фонетику. Данный материал представляет собой актуальный предмет для исследования.

На сегодняшний день ученые-лингвисты озабочены проблемой региональной вариативности французского языка. Известно, что французский язык является общенациональным по всей территории страны, однако в каждом департаменте он имеет свои внутренние особенности [2].

Вся «новизна», появляющаяся в языке благодаря каким-то отдельным людям или событиям, может стать «общенародной» только в том случае, если данная лексика будет воспринята большинством носителей. Это объясняется, прежде всего, общественно-историческими условиями.

Лингвистическая ситуация во Франции – это объект жарких дискуссий. Большинство французов говорят на так называемом общенациональном языке, «*langage courant*». Также нельзя забывать об изменчивости французского языка. Социальный уровень, уровень грамотности и условия коммуникации усиливают сложность лингвистической обстановки в стране. Французский язык – мировое богатство, сегодня находится в опасности. Следует отметить, что определение региональных диалектов и лексических единиц не связано с определением роли регионального языка в развитии всей системы французского языка [1]. Это особенно важно при переводе литературных произведений.

Многое зависит и от географического положения. До XVI века, когда был сформирован современный французский язык, на территории Франции благодаря феодальному строю существовала языковая раздробленность (*langue d'oc, langue d'oïl, langue franco-provençale*). Процесс всемирной глобализации стирает абсолютно все диалектные различия, приводя нас к общему языку. Во Франции разные департаменты имеют постоянные связи из-за туристического бизнеса и торговли. Это влечёт за собой проникновение в современный язык и повседневную жизнь французов профессионального арго, что принесло за собой «востребованность» этих регионализмов в обычной французской речи [3].

Историческая колыбель французского языка находится на севере страны, в частности, в центре со столицей в Париже. Языки этнических меньшинств раскрывают неожиданное разнообразие для такой страны, как Франция. На французском языке мы часто сталкиваемся с «регионализмами», которые присущи региону, где они появились. Изучение этого явления слишком сложно из-за его статуса на языке. Очень трудно объяснить, что такое «регионализм». Надо сказать, что процесс «регионализации» продолжается неустанно, так что жители Франции, склоны сохранить давнюю традицию уважать старые устои, а также наслаждаться народным фольклором.

Однако, отмечается постепенное утрачивание влияния диалектов на общенациональный язык. Сегодня, говорящих на диалекте представителей национального языка, можно встретить лишь в сельской местности. Но при этом «диалекты обладают статусом «самостоятельной, независимой, сложившейся» формы языка, просуществовавшей на протяжении длительного исторического отрезка времени. Диалекты присутствуют как в устной, так и в письменной форме языка. В свою очередь регионолекты этим похвастаться не могут, хотя и имеют фиксацию на письме. Они не системны и разрознены. Регионолекты не имеют точной, фиксированной территории своего распространения и исторического развития. Следовательно, регионолект – это новое языковое образование.

Вторая проблема, которая возникает при изучении французского регионального словарного запаса лексики, – это то, что этот вид лексики обычно присутствует в простонародном языке или в устной речи, в архаизмах и арго. Но словарный запас этого типа имеет высокую частоту потребления и популярность у населения Франции.

Актуальность выбранной темы обусловлена отсутствием перевода на русский язык литературных произведений провансальских авторов. Эти писатели и поэты известны в России, и произведения некоторых писателей переводятся, но не как классические французские авторы XVIII-XIX веков.

Почему выбрали литературу XX века? В этот период большинство литературных событий происходило одновременно с изменениями в самом искусстве. Развлечения и отдаленность от жизни свойственны французской литературе этого века. Писатели нашли идеал и пример развития французской литературы в русской литературе.

Подробно о событиях первой части XX века не упоминается. Конечно, обе Мировые войны оказали влияние на искусство и мысли людей. Следует также добавить, что 1950-1960-е годы были суровыми и тревожными для Франции.

Колониальные проблемы разорвали страну на части. Стремление к национальному престижу и социально-консервативные тенденции преобладали в сознании французских интеллектуалов того времени.

Не смотря на обилие великих событий в XX веке: революции, мировые и гражданские, – тенденция в литературе это мир во всём мире. Появились писатели, описывающие жизнь без войны.

XIX и XX века отмечены значительным прогрессом французского языка. Этому в значительной степени способствовали быстрое развитие экономики, обязательная военная служба и просвещение населения.

Современный французский язык почти не сохранил диалектов. Заметим, однако, что некоторые из них не полностью исчезли. Это, например, валлонский и нормандский.

Следует отметить в возрождение окситанского языка. Однако вполне предсказуемо, что, несмотря на усилия некоторых энтузиастов, диалекты, лишённые какой-либо политической и экономической базы, обречены на гибель.

Почему Прованс интересен и почему мы остановились на прованских писателях? Ранее мы изучили такое языковое явление как «регионализм». На данный момент времени нас интересует, как представители языка используют регионализм в литературе. Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно обратиться к писателям, которые являются не только представителями национального языка, но и представителями определенного региона. На наш взгляд, Жан Жионо, Марсель Паньоль и Анри Боско – яркие представители. Именно популярные авторы XX века внесли большой вклад в современную литературу. Но они плохо изучены в России, и не все их произведения переводятся на русский язык. Они малоизвестны русской публике, и поэтому мы решили их выбрать. Их манера и стиль отличается от стиля современников, таких как Арагон, Камю, Ионеско и Триоле. Стиль их современников – это классический язык, известные французские колорит и очарование. Но Юг Франции – это другой мир, где его региональный язык претендует на статус официального. Выбранные нами писатели создавали свои произведения, используя лексику родного края.

Региональный язык, особенно на юге, полон лексикой «собственного сочинения». Например:

avoir le tracassin – «быть неугомонным», «непоседа»;

millade – «пшённая каша»;

millas(se) или *milliasse* – «торты или пирожные из кукурузной муки»;

journade – «вспаханная земля за один день»;

bastide – «изолированный загородный дом»;

pierre d'assalier – «солевой камень для скота»;

lamparo – «лампочка-приманка для рыбы»;

chocolatine – «булочка с шоколадной начинкой»;

rissole – «пирожок с мясом»;

tapenade – «паштет»;

sauce – «рагу»;

chai – «винный погреб»;

ferrade – «праздник клеймения скота»;

aricandier – «мелкий крестьянин»;

campagne – «фермерское хозяйство»;

potte d'amour – «помидор»;

Так, изучая произведения Жана Жионо, Марселя Паньоля и Анри Боско, мы ставим задачу понять, есть ли у цитируемых писателей общая тема Прованса, и тем самым определить, как они используют провансальский язык в этих произведениях.

Основными идеями произведений Жана Жионо являются мир без войны и жизнь в гармонии с природой. Жионо не нравится эпоха технического прогресса. Он ностальгировал по тем временам – это не абстрактное понятие, это божество.

Думали ли Марсель Паньоль и Анри Боско о том же?

Марсель Паньоль хорошо известен как режиссер и сценарист фильмов. Но он также написал трилогию о своем детстве, которая стала классикой детской литературы во Франции. Паньоль рассказывает о жизни своего героя с немного грубой ностальгией, которая присуща провансальцам.

Действия произведений происходят на малой родине Жионо, Паньоля и Боско, а именно Провансе, где равнины граничат с изгородями и барьерами деревьев, ветряными мельницами, пчелиными фермами. Все трое родом из Прованса. Все трое являются патриотами своего региона. Их судьбы были насыщены действиями, которые они передавали в своих произведениях.

Что их всех объединяет? Это любовь к Родине, желание рассказать потомкам о своей малой родине и стремление к гармонии в хаосе жизни. Примечательно, что они писали для детей, для самых требовательных читателей.

Таким образом, каждый писатель старается рассказать свою провансальскую историю. Кто-то решил сделать это своими детскими воспоминаниями, кто-то – своими размышлениями о взаимоотношениях человечества с природой. Провансальская литература отличается от общенациональной французской литературы именно регионолектными репрезентациями. При этом она богата блестящими литературными находками и лингвистическими способами манифестации «запахов», ярко передающими пейзажи лавандового края Юга Франции.

Литература

1. Клоков В.Т. Французский язык во Франции. Особенности социально-территориальной вариативности. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2011. – 424 с.
2. Клоков В.Т. Словарь регионализмов французского языка Франции. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012. – 408 с.
3. Седых А.П., Феоктистова Е.Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник Иркутского лингвистического университета, № 1 (9), 2010. – С. 55-61.

References

1. Klovov V.T. (2011) *Francuzskij jazyk vo Francii. Osobennosti social'no-territorial'noj variativnosti* [French in France. Features of socio-territorial variation]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 424. (In Russian).
2. Klovov V.T. (2012) *Slovar' regionalizmov francuzskogo jazyka Francii* [Dictionary of French regionalism in France]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 408. (In Russian).
3. Sedykh A.P., Feoktistova E.E. (2010) *Kljuचेвые nacional'nye koncepty vo francuzskoj lingvokul'ture* [Key national concepts in the French linguoculture] // Bulletin of the Irkutsk Linguistic University, № 1 (9), 55-61.

Источники фактического материала

1. Avtonomova, Natalia, Traduction et création d'une langue conceptuelle russe, Revue philosophique de la France et de l'étranger, 2005/4
2. Audouard, Yvan, Marcel Pagnol, la parole et la pudeur, La pensée de midi, 2000/1
- Beckett, Sandra L., De Grands Romanciers écrivent pour Les Enfants, Les Presses de l'université de Montréal, 1994
3. Colin, Arnaud, Airs de flûte, sans de cloche (Henri Bosco), 2015
4. Chabot, Jacques, La Provence de Giono, Gallimard, 1980
5. Heilbron, Johan, et SAPIRO, Gisèle, La traduction littéraire, un objet sociologique, Acte de la recherche en sciences sociales, 2002/4
6. Lopatnikova, Natalia, et Movchovitch, Nadezhda, Lexicologie du français moderne, Vyschaya Chkola, 2001
7. L'histoire littéraire à l'aube du XXIème siècle sous la direction de Luc Fraisse, Presses Universitaires de France, 2005
8. Vocabulaire des études francophones. Les concepts de base, sous la direction de Beniamino, Michel et Gauvin, Lise, Presses Universitaires de Limoges, 2005
9. Bosco, Henri, https://fr.m.wikipedia.org/wiki/Henri_Bosco
10. Giono, Jean, https://fr.m.wikipedia.org/wiki/Jean_Giono
11. Pagnol, Marcel, https://fr.m.wikipedia.org/wiki/Marcel_Pagnol

УДК 81'1

ДВОЕМИРИЕ И ЕГО ПРИНЦИПЫ В СКАЗКЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»: СИМВОЛИКА РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО МИРОВ

Беленко, Ирина Игоревна

 магистрант кафедры немецкого и французского языков
 Белгородский государственный национальный исследовательский университет
 Белгород, Россия/ irina.belencko@yandex.ru

 Науч. рук. канд. филол. н., доцент **Воронина Лариса Владимировна**

Аннотация

Авторские сказки прошлых столетий, как и прежде, остаются актуальными и злободневными, несмотря на прошедшие века. Такие произведения вскрывают подлинные проблемы общества, обнаруживая ряд сходных черт между эпохой немецкого романтизма и современной жизнью. В статье рассматривается творчество немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана, который объединил в своих работах классические мотивы романтизма и предвосхитил появление некоторых идей реализма. В качестве основы исследования взята характерная особенность большинства произведений романистов – двоемирие, одновременное существование двух параллельных миров, как правило, идеала и реальности. В статье сделан комплексный анализ символики растительного и животного миров. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что каждый конкретный образ обладает полисемией и обширным ассоциативным полем, которые и влияют на восприятие нарратива читателем. Намечаются перспективы дальнейшего исследования литературного дискурса в рамках художественных сказок Э.Т.А. Гофмана.

Ключевые слова: романтизм, двоемирие и его принципы, идеал и реальность, символика растительного и животного миров, концепт цвета.

WORLD DUALITY AND ITS PRINCIPLES IN THE FAIRYTALE “THE GOLDEN POT” BY E.T.A. HOFFMANN: SYMBOLISM OF THE VEGETABLE AND ANIMAL WORLDS

Belenko Irina

 Graduate student of the German and French languages department
 Belgorod State National Research University
 Belgorod, Russia/ irina.belencko@yandex.ru

 Candidate of Philology, Associate Professor **Voronina Larissa Vladimirovna**

Abstract

The author's fairy tales of past centuries, as before, remain relevant and topical, despite past centuries. Such works actualize the true problems of society, revealing a number of similarities between the era of German romanticism and modern life. The article discusses the work of the German writer E.T.A. Hoffmann, who combined classical motives of romanticism in his works and anticipated the appearance of some ideas of realism. The characteristic feature of most works of the novelists – the two-worldliness, the one-time existence of two parallel worlds, as a rule, of the ideal and reality – is taken as a basis of research. This article contains a comprehensive analysis of the symbolism of the vegetable and animal worlds. A working hypothesis is that each particular image has a polysemy and an extensive associative field that affect the reader's perception of the narrative is advanced. The prospects for further research of literary discourse in the framework of the fairy tales of E.T.A. Hoffman are outlined.

Key words: romanticism, world duality and its principles, ideal and reality, symbolism of the vegetable and animal worlds, concept of color.

Зачастую знакомое с детства слово «сказка» воспринимается в современном меркантильном обществе с негативным подтекстом, в качестве чего-то фикционального, нереального, оторванного от действительной жизни и существующего положения дел. Но, несмотря на это, сказка авторская, пусть даже и написанная в прошлом веке, по-прежнему остается актуальной, вскрывая злободневные проблемы, волнующие людей сегодня.

Так, при детальном изучении можно обнаружить основополагающие общие черты между современной жизнью российского общества и эпохой немецкого романтизма (Германия XVIII-XIX вв.), например, такие как: страстное желание любыми способами уйти от жестокой действительности и реалий окружающего мира, возвеличивание всего рационального и отторжение эмпирического, стремление к стабильности и комфорту

прежде всего материальному, из-за чего духовное напротив неосознанно отходит на второй план.

Текст литературной сказки можно назвать **игровым**. Игровая доминанта служит конститутивным способом развертывания и прочтения текстового нарратива, организует его элементы в определенную игровую систему. Выстраивая такую систему, автор литературной сказки преследует цель вовлечь читателя в игру, активизировать его творческие и интеллектуальные способности, побудить его искать вплетенные в ткань произведения загадки и учиться разгадывать их. Вся система художественных средств, способствующих созданию игровой специфики текста литературной сказки, составляет **игровую поэтику** этого жанра.

Важной особенностью игровой поэтики является ее интегративный характер, проявляющийся в том, что она не только включает формальные игровые элементы, но и затрагивает содержательность текста, его смысловое наполнение и организацию. Таким образом, функцией игровых элементов в тексте литературной сказки является помимо придания повествованию образности и экспрессивности, также создание имплицитивного подтекста.

Из ряда представителей романтического направления особенно ярко выделяется творчество Э.Т.А. Гофмана, чьи произведения представляют собой конечный рубеж немецкой романтической мысли. Некоторые исследователи и вовсе причисляли этого писателя к группе так называемых «романтических реалистов», ведь в его художественных сказках наряду с романтическими идеями отражаются задатки реалистических тенденций.

Одним из основополагающих мотивов для философии романтизма является раскол, раздвоенность мира на две половины: идеал и действительность. Главные персонажи произведений Гофмана живут и действуют одновременно в двух параллельных мирах – потустороннем, образованном из видений, фантазий и снов, и обычном, собственно, в реальности. Таким образом, в художественном дискурсе немецкого писателя они становятся равнозначными, равноценными, постоянно проникают друг в друга, стирают границы разделения и влияют на ход событий каждого. Неслучайно автор называет «Der goldene Topf» «сказкой из новых времен», словно предупреждая реципиента, что фикция может и станет неотъемлемой частью действительности.

Исследуя текст литературной сказки, можно выделить целый ряд признаков существования двоимирия и систематизировать их в сопоставлении следующих аспектов:

- Материальной и духовной (поэтической) сферы;
- Общества и индивида/личности;
- Неволи и свободы;
- Сверхъестественного и реального;
- Мира природы и человека [Емельянова 2012, 75-78].

Последняя группа представляет собой наиболее обширное и насыщенное примерами символическое поле, которое придает особый колорит облику главного героя, приоткрывает завесу его психологического настроения и вместе с тем отражает общую картину бытия и житейского уклада общества в целом. Концептуально значимыми для контекста сказки «Der goldene Topf» являются образы животного и растительного миров, каждый из которых одухотворен и обладает человеческими чувствами и способностями.

Одно из центральных мест в произведении занимает мифический куст бузины, дерево, под тенью которого читатель и обнаруживает студента Ансельма, впервые предавшегося магическим видениям потустороннего мира.

«Da flüsterte und lispelte es von neuem in jenen Worten, und die Schlänglein schlüpfen und kosten auf und nieder durch die Blätter und Zweige, und wie sie sich so schnell rührten,

da war es, als streue der Holunderbusch tausend funkelnde Smaragde durch seine dunklen Blätter» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 8].

Бузина в мировоззрении европейцев воплощала собой силу и могущество духов земли, ей приписывали и крайне негативные качества, называли «деревом ведьм». Поэтому вовсе неудивительно, что в сказке «Der goldene Topf», в обычном кусте просыпается вдруг волшебная, присущая исключительно человеку способность к речи.

«Der Holunderbusch rührte sich und sprach: «Du lagst in meinem Schatten, mein Duft umfloß dich, aber du verstandest mich nicht. Der Duft ist meine Sprache, wenn ihn die Liebe entzündet» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 9].

Согласно европейским традициям именно в ветвях этого таинственного дерева в ночь на Ивана Купала незамужние девушки могут разглядеть своего суженого, если осмелятся на гадание в сумерках. Народное поверье находит свое отражение и на страницах сказки, в сцене первой встречи главного героя со своей будущей возлюбленной, а затем и женой, золотой змейкой с прекрасными синими глазами:

«Mit nichten», erwiderte der Archivarius in den größten Ruhe und Gelassenheit, «die goldgrünen Schlangen, die Sie, Herr Anselmus, in dem Holunderbusch gesehen, waren nun eben meine drei Töchter, und dass Sie sich in die blauen Augen der jüngsten, Serpentina genannt, gar sehr verliebt, das ist nun wohl klar» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 36].

Красной линией по всему произведению проходит образ огненной лилии. Данный цветок согласно христианским обычаям трактуется как символ невинности и чистоты, веры и милосердия, надежды и любви, а в Византии он и вовсе был неотъемлемым атрибутом корон, особым знаком власти, величия, принадлежности к королевскому роду, что и прослеживается в повествовании:

«Denn ich stamme eben aus jenem Tale her, und die Feuerlilie, die zuletzt als Königin herrschte, ist meine Ur-ur-ur-ur-Großmutter, weshalb ich denn auch eigentlich ein Prinz bin» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 26].

Объединение автором лексем «Feuer» и «Lilie», отсылает реципиента к восприятию растения как метафоры к «жгучим» чувствам человека – страсти, повышенной эмоциональности, соблазну и искушению, а вместе с тем и к очищению, возрождению души, благодаря пережитым душевным волнениям.

«Sich auf- und niederschwingend erhaschte endlich der Drache das Wesen, das der Lilie entsprossen, trug es auf den Hügel und umschloß es mit seinem Fittich; da war es wieder die Lilie...» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 25].

В сказке «Der goldene Topf» читатель открывает для себя и настоящий рай на земле, чарующий оазис, необыкновенной красоты сад, выраженный Гофманом лексемой «Gewächshaus», как проникновенное напоминание о мире гармоничном и идеальном, утраченном и внезапно снова обретенным человечеством:

«Anselmus schritt getrost hinter dem Archivarius her; sie kamen aus dem Korridor in einen Saal oder vielmehr in ein herrliches Gewächshaus, denn von beiden Seiten bis an die Decke hinauf standen allerlei seltene wunderbare Blumen, ja große Bäume mit sonderbar gestalteten Blättern und Blüten. Ein magisches blendendes Licht verbreitete sich überall, ohne dass man bemerken konnte, wo es herkam, da durchaus kein Fenster zu sehen war» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 55].

Наряду с представителями флоры в повествовании выделяются и колоритные, а порой даже и мифические образы животного мира. В качестве центрального символа и универсального конструкта выступает концепт змеи, который имеет неоднозначное значение во многих культурах мира. Так, эта рептилия воплощает в себе одновременно ассоциации с добром и злом, красотой и уродством, светом и тьмой, спасительным лекарством и смертельным ядом, мудростью и искушением, солнцем и луной, жизнью и смертью.

«Aber in dem Augenblick ertönte es über seinem Haupte wie ein Dreiklang heller Kristallglocken; er schaute hinauf und erblickte drei in grünem Gold erglänzende

Schlänglein, die sich um die Zweige gewickelt hatten und die Köpfchen der Abendsonne entgegenstreckten» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 8].

«Die Klingelschnur senkte sich hinab und wurde zur weißen durchsichtigen Riesenschlange, die umwand und drückte ihn, fester und fester ihr Gewinde schnürend, zusammen, dass die mürben zermalnten Glieder knackend zerbröckelten und sein Blut aus den Adern spritzte, eindringend in den durchsichtigen Leib der Schlange und ihn rot färbend» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 22].

Неизменно в образе этого пресмыкающегося сплетаются чисто женские качества, такие как хорошее чувство интуиции, загадочность, таинственность и непредсказуемость, благодаря исключительной способности змеи внезапно появляться и незаметно исчезать.

«Alles war verstummt, und Anselmus sah, wie die drei Schlangen schimmernd und blinkend durch das Gras nach dem Strome schlüpfen; rischelnd und raschelnd stürzten sie sich in die Elbe, und über den Wogen, wo sie verschwunden, knisterte ein grünes Feuer empor, das in schiefer Richtung nach der Stadt zu leuchtend verdampfte» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 10].

В тексте сказки «Der goldene Topf» существительное «Schlange» всегда употребляется в сочетании с прилагательным «золотой» и/или «зеленый». Писатель часто использует концепты цвета, пытаясь добиться максимального воздействия на читателя. Цвет способен модулировать физическое и эмоциональное состояние человека, поэтому проблема цветового символизма является одной из центральных при изучении взаимосвязей между цветом и психикой. Например, оттенок «gold» обладает положительной окраской и подсознательно ассоциируется у реципиента с такими характеристиками как богатство и утонченность, чистота и гармония, роскошь и слава, истина и мудрость. Поэтому и рептилия воспринимается как прекрасное, обладающее магией и совершенное в своей внешней и внутренней красоте существо.

«O nur noch einmal blinket und leuchtet, ihr lieblichen goldnen Schlänglein, nur noch einmal laßt eure Glockenstimmchen hören!» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 11]

Концепт цвета «grün» в свою очередь восходит к традиционному трактованию этого оттенка как символа юности, воскрешения, обновления, расцвета, жизни и бессмертия.

«Er trat hinzu; von seinem glühenden Hauch berührt, erschloß die Lilie ihre Blätter, und er erblickte der Lilie Tochter, die grüne Schlange, welche in dem Kelch schlummerte» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 81].

Словарь образных средств писателя-романиста был бы неполным без мифических существ древнего мира. Основанный на представлениях алхимиков, в книге появляется олицетворенный образ саламандра, который неотделим от стихии огня.

«Er hat recht», fiel der Registrator Heerbrand ein, «der Kerl, der Archivarius, ist ein verfluchter Salamander, der mit den Fingern feurige Schnippchen schlägt, die einem Löcher in den Überrock brennen wie glühender Schwamm» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 93].

Другим символическим образом огненной стихии является черный дракон, чей опасный окрас и невиданная мощь делают отсылку на разрушительные силы мироздания, судьбоносные и тяжкие препятствия на пути к высшей цели, гармонии с собой и окружающим миром.

«Aber einer (Granitfels) öffnete seinen Schoß, und es kam ein schwarzer geflügelter Drache rauschend herausgefollert...» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 25].

Победа в честной схватке с этим фантастическим существом – в данном случае не что иное, как успешное разрешение ссоры, преодоление жизненных трудностей, триумф над собственной темной стороной личности.

«Der Jüngling Phosphorus legte eine glänzende Rüstung an, die in tausendfarbigen Strahlen spielte, und kämpfte mit dem Drachen, der mit seinem schwarzen Fittig an den Panzer schlug, dass er hell erklang; und von dem mächtigen Klange lebten die Blümlein

wieder auf und umflatterten wie bunte Vögel den Drachen, dessen Kräfte schwanden und der besiegt sich in der Tiefe der Erde verbarg» [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 25].

Таким образом, одной из самых острых философских проблем на страницах произведений Гофмана является противостояние природы и человека, в котором природа – олицетворение духовного начала, а человек в свою очередь материалистического. Обитатели растительного и животного мира одухотворены, живы, пока способны любить, люди же выступают в роли существ, ставящих на первое место рассудок и материальный комфорт. В данном случае раздвоенность мира далеко не однозначна и характеризуется взаимным проникновением одного мира в другой.

Контраст между потусторонним и обыденным, а также многообразие символических образов заставляют поверить читателя в то, что все без исключения могут постичь гармонию жизни **в единстве** этих основополагающих противоположностей и стать по-настоящему свободными. Образ идеального человека, которому посчастливилось обрести «счастье в высшей жизни» («Glück im höheren Leben») [Hoffmann «Der goldene Topf», S. 63], – не утопия и не красочная фальсификация, а действительность.

Таким образом, фактуальность и фикциональность настолько прочно сплетаются в художественном дискурсе, что при восприятии нарратива сложно выявить грань, где заканчивается реальность и начинается выдумка. Вопрос еще и осложняется отсутствием ответа на вопрос: «Существует ли эта грань вообще?»

Окружающий нас мир подобен тексту, который реализуется в полной мере с помощью пересечения смыслов, многозначности понятий и символов. Человеческое сознание само по себе не что иное, как система, подчиняющаяся тем же законам, что и художественный текст. С этой точки зрения грани между реальным и виртуальным расплываются, при этом вымышленное может оказаться существенно более значимым, чем действительное.

Любой художественный текст будет элементарно не интересен реципиенту, если он открыто фикционален. Поэтому такие понятия, как фактуальность и фикциональность требуют того, чтобы быть, с одной стороны, единым целым в процессе восприятия произведения читателем, а, с другой стороны, являться совершенно взаимоисключающими явлениями.

Литература

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
2. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
3. Емельянова Н.В. Принципы романтического двоемирия в сказке Гофмана «Золотой горшок». – Тамбов: Грамота, 2012. – №4. – С. 75-78.
4. Жирмунская Н. Новеллы Э.Т.А. Гофмана в сегодняшнем мире // Гофман Э.Т.А. Новеллы. – Л.: Лениздат, 1990. – 608 с.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М., Золотой век, 1995. – 399 с.
6. Серов Н.В. Лечение цветом. Мода и гармония / Н.В. Серов. – СПб.: «ЛИСС», 1993. – 48 с.
7. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Дж. Фоли. – М., 1997. – 325 с.
8. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М., 2001. – 378 с.
9. Hoffmann E.T.A. Der goldene Topf. – Stuttgart.: Rau, 1948. – 136 S.

References

1. Berkovsky N.Y. Romanticism in Germany. – SPb.: ABC-Classic, 2001. – 512 p.
2. Gabitova R.M. The philosophy of German romanticism. – M.: Science, 1989. – 160 p.
3. Yemelyanova N.V. The principles of romantic double-world in the Hoffmann's fairy tale «The Golden Pot». – Tambov: Diploma, 2012. №4, P. 75-78.
4. Zhirmunskaya N. E.T.A. Hoffmann's novels in today's world // Hoffman E.T.A. Novels. – L.: Lenizdat, 1990. – 608 p.
5. Cooper J. The Encyclopedia of Symbols / J. Cooper. – M., Golden Age, 1995. – 399 p.
6. Serov N.V. Treatment color. Fashion and harmony / N.V. Serov. – SPb., «LISS», 1993. - 48 p.
7. Foley J. Encyclopedia of Signs and Symbols / J. Foley. – M., 1997. – 325 p.
8. Sheinina E.Y. Encyclopedia of symbols / E.Y. Sheinina. – M., 2001. – 378 p.
9. Hoffmann E.T.A. Der goldene Topf. – Stuttgart.: Rau, 1948. – 136 P.

УДК 81

**ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Н. ГЕЙМАНА
«АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»**

Беляева Мария Сергеевна

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / m.beliaeve94@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные способы выражения эмоций в английском языке на примере романа Нила Геймана «Американские Боги». Эмотивная лексика и лексика эмоций представляет собой обширную лексическую группу слов, как в английском языке, так и в других. В статье описывается основная классификация прямых и косвенных способов выражения эмоций на примере вышеуказанного романа.

Ключевые слова: прямые и косвенные лексические средства выражения эмоций, эмоции, эмотивная лексика, лексика эмоций.

**THE DIRECT AND INDIRECT LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONS IN
ENGLISH BASED ON THE “AMERICAN GODS” NOVEL BY N. GAIMAN**

Beliaeva Maria

Graduate student of the English language and teaching methods department
Belgorod state National Research University
Belgorod, Russia / m.beliaeve94@yandex.ru

Abstract

This article describes the main ways of expressing emotions in English by the example of the novel "American Gods" by Neil Gaiman. Emotive language and vocabulary of emotions is a vast lexical group of words both in English and in others. The article describes the main classification of direct and indirect ways of expressing emotions on the example of the novel.

Key words: direct and indirect lexical means of expressing emotions, emotions, emotive lexicon, lexicon of emotions.

На протяжении долгого периода времени лингвистика не касалась вопроса исследования эмоций, так как средства выражения эмоций не считались объектом ее изучения. Однако уже в античное время в рамках философии появились первые исследования эмоций в трудах Аристотеля и Платона, и позднее у Декарта, Спинозы, Канта. В конце XIX – начале XX веков глубокому исследованию эмоции были подвержены со стороны психологии и по сей день остаются одним из объектов ее изучения.

В современной лингвистике проблема исследования языковых средств выражения эмоций является хорошо изученной и актуальной на сегодняшний день. Как отечественные, так и зарубежные лингвисты, такие как В.Ю. Апресян, А.Г. Баранов, В.И. Болотов, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.А. Маслова, А. Вежицкая занимались исследованием этой проблемы.

Беря во внимание актуальность проблемы исследования выражения эмоций, на основе неадаптированного текста произведения Нила Геймана «Американские Боги» нами было проведено исследование с целью выявления основной группы прямых и косвенных лексических средств выражения эмоций и их анализа и классификации.

Эмоции (франц. *emotion* – волнение, от лат. *emoveo* – потрясаю, волну), реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний [4, с. 1562].

Следует отметить, что психологи выделяют эмоции как особый класс состояний психики, проецирующих наше отношение к событиям, явлением и окружающему миру в целом. Люди испытывают различные эмоции, которые соответственно включают в себя чувства, страсти, аффекты. Эмоциональные переживания сопровождают любые проявления человеческой активности повсеместно. Эмоции дают нам возможность лучше понимать и чувствовать других людей, их состояние, что дает возможности для плодотворной коммуникации и совместной деятельности.

А. Вежбицкая утверждает, что эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собой культуроспецифичную точку зрения. Если кто-то желает утверждать, что существуют врожденные и универсальные когнитивные сценарии, играющие особую роль в эмоциональной жизни всех людей, то, по мнению автора, такие сценарии необходимо идентифицировать посредством лексических универсалий. [3, с. 45]

Рассматривая ряд лингвистических исследований, можно отметить, что лексический состав языка состоит из двух видов слов, которые так или иначе передают человеческие эмоции, а также их проявления. В.Г. Гак классифицирует эти два вида как лексику, выражающую эмоции, и лексику, сообщающую о них. В то время как, В.И. Шаховский рассматривает их как эмотивную лексику и лексику эмоций [5, с. 67]. Основываясь на исследованиях В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко выделяет так же две группы. Первая - совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, выражающие эмоциональное состояние говорящего – бранная лексика, междометия и междометные слова: wow, alas, damn it, ой, ах, ужас и т.д.). А также лексика в статусе созначения, или коннотации (слова, передающие эмоциональное отношение говорящего к предмету или его признакам: pathetic, wretched, sweetie, boor, snake, несчастный, инженеришка, молодчик и т.д.). Исходя из выше сказанного мы можем сделать вывод, что первая лексическая группа это эмотивная лексика. Вторая группа — лексика эмоций – слова, не выражающие эмоции непосредственно, а называющие их (love, admiration, anger, страх, нежность и т.д.) [1, с. 176].

Таким образом, основываясь на исследованиях А. Вежбицкой, В.И. Шаховского и Л.Г. Бабенко можно выделить следующую классификацию: прямыми лексическими средствами выражения эмоций является лексика эмоций, а косвенными — эмотивная лексика. В романе Нила Геймана можно выделить и проанализировать значительную группу как слов с эмотивной семантикой, так и слов называющих эмоции. Почти все они представлены такими частями речи как прилагательные, отглагольные прилагательные, глаголы, наречия и существительные. Более того, все средства выражения эмоций в романе можно разделить еще на несколько подгрупп: на положительные и негативные средства, и на ярко выраженные и слабоокрашенные, то есть нейтральные.

Для начала обратимся к лексике эмоций и рассмотрим несколько примеров, относящихся к группе положительных, эмоций. Так же нами было замечено что почти 90% положительных эмоций были выражены нейтральной, часто употребляемой лексикой. В скобках указано количество раз употребления той или иной лексической единицы в тексте.

- «**Love** you babes” - «Люблю тебя, детка»
- “He was pleasantly **surprised** to discover” - «Он был приятно удивлен узнать»
- “He remembered their marriage when they were young and **happy**” - «Он помнил их брак когда они еще были молоды и счастливы»
- “It was not a big airport, but the number of people wandering, just wandering, **amazed** him.” - «Это был не большой аэропорт, но количество людей просто снующих туда-сюда поразило его»
- “He was so **glad** he had met her.” - «Он был так рад встретить ее»
- “He sounded **pleased** with himself.” - «Он казался довольным собой.»
- “One afternoon she woke, **startled** by a noise” - «Как-то она проснулась удивленная шумом»
- “No, I **enjoyed** it” - «Нет, мне понравилось»
- “he was **relishing** the idea” - «он наслаждался этой идеей»
- “She was **delighted**” - «Она была рада»

Однако, отрицательные эмоции носят как ярко выраженный характер, так и более нейтральный. Рассмотрим следующую группу средств выражения эмоций в данном романе, которая относится также относится к группе прямых лексических средств выражения эмоций,

но передающие негативные эмоциональные состояния героев, а так же их отношение к тем или иным событиям.

Для начала выделим нейтральную лексику отрицательных эмоций.

- "...said the red-haired fellow, a little **sadly**" (sad) - «сказал рыжий немного печально»
- "I am not **afraid**." - «Я не боюсь»
- "She looked at him, **puzzled**, trying to decide whether or not he was joking" - «Она удивленно посмотрела на него пытаясь понять шутит он или нет»
- "He was **nervous**, he realized." - «Он осознал, что нервничает.»
- "I was **worried** they were hurting you." - «Я беспокоилась, что тебя покалечат»
- "And I was so **ashamed** I ran away." - «И мне было так стыдно, что я убежала.»
- "I'm **sorry** to hear that." - «Мне жаль это слышать.»
- Так же можно выделить несколько примеров ярко выраженной негативной лексики эмоций.
- "I hurt a couple of people real bad. I got **angry**." - «Я покалечил парочку человек. Я вышел из себя.»
- "But **heartbroken** or not, they needed a man about the farm" - «Убиты они горем или нет, им все также был нужен человек на ферме»
- "but they were still **frightened** by them" - «они все еще были сильно напуганы ими»
- "Shadow tasted **fear** in the back of his throat, bitter as old coffee." - «Тень почувствовал страх в горле, горький, как старый кофе.»

Мы выделили наиболее часто употребляемые и явные прямые лексические средства выражения положительных и отрицательных эмоций.

Ниже нами приведены примеры косвенных средств. В ходе исследования было отмечено, что некоторые лексические средства выражения эмоций представляют как положительный, так и негативный характер. Для начала рассмотрим положительные косвенные средства выражения эмоций, то есть положительную эмотивную лексику.

- "**Damn** right!" - «Чертовски верно!»
- "Then it became a **distant beam of hope**" - «Потом это стало далеким лучом надежды»
- "**An eyebrow raised**." - «Бровь поползла вверх»
- "**Really?**" - «Серьезно?»
- "Everything's **fine**" - «Все хорошо»
- "she could still make him **smile**" - «Она все еще могла заставить его улыбнуться»
- "The man **chuckled**." - «Мужчина улыбнулся»
- "Oh!" - «О!»

В ходе исследовательской работы нами было выявлено, что ярко выраженная эмотивная лексика преобладает в тексте по отношению ко всем остальным группам.

- "**Damn** straight I'm a hustler." - «Черт возьми, я жулик»
- "How **the hell** should I know?" - «Откуда, черт возьми, мне знать?»
 - "What **the hell** was that all about?" - «Какого черта это было?»
- "Who **the fuck's** Herodotus?" - «Что, мать вашу, еще за Геродот такой?»
 - "You're too **fucking** quiet" - «Ты слишком, мать твою, тихий»
 - "You are a **lying fuck!**" - «Да ты — лживый урод»
- "There was a **hollowness in the pit of his stomach**" - «Под ложечкой у него образовалась какая-то пустота»
- "He was **more paranoid** than usual" - «Он стал более мнительным, чем всегда»
- "He **chewed the end of his ballpoint pen**" - «Он пожевывал колпачек его ручки»
- "The man **frowned**" - «Мужчина нахмурился»
- "He had **the jitters and the heebie-jeebies, a feeling deep in his stomach** that something was **entirely wrong**." - «Его била дрожь, передергивало от озноба, и еще это тянущее ощущение пустоты под ложечкой, ощущение, что все летит в тартарары.»

- “Mm?” - «Что?»
- “but his heart **was pounding fit to burst out of his chest.**» - «но его сердце колотилось так, будто вот-вот вырвется из груди»
- “It occurred to him that he had not cried yet – had in fact **felt nothing at all. No tears. No sorrow. Nothing.**” - «Ему вдруг пришло в голову, что он ни разу даже не заплакал — да, по большому счету, и вообще ничего не почувствовал. Ни слез. Ни горя. Ничего.»
- “**Shit,**” said the man” - «Вот дерьмо», сказал мужчина»
- “Shadow **half smiled** at the memory.” - «Гень попытался улыбнуться, вспомнив это»

Сравнивая в процентном соотношении рассмотренные нами примеры, можно сделать вывод, что из 55 приведённых лексических способов выразить эмоции только 32 процента носят в себе положительный характер, в то время как 68 процентов — негативный. Более того, нами было замечено, что негативные эмоции чаще выражаются с помощью косвенных средств, то есть эмотивной лексикой, а положительные чаще выражены прямым путем, то есть лексикой эмоций.

Таким образом, лексика, выражающая эмоциональное состояние человека отличается частотным объёмом языковых средств и колоритным форматом коммуникативных манифестаций.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного произведения: Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2000. – 194 с.
2. Бабенко, Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. — 1988. — №2. — С. 113-116.
3. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики : М.: Языки русской культуры, 2001.– 293с.
4. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова, 1979. — М.: Советская Энциклопедия.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1987 – 208 с.
6. Gaiman N. American Gods. – New York: Harper Torch, 2002. – 592 p.

References

1. Babenko, L.G. Linguistic analysis of the work of art: Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2000. - 194 p.
2. Babenko, L.G. Emotive vocabulary in the sentence structure // Classes of words in the syntagmatic aspect. - 1988. — №2. - p. 113-116.
3. Wezhbitskaya, A. Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics: Moscow: Languages of Russian culture, 2001. – 293 p.
4. Soviet Encyclopedic Dictionary / ed. AM Prokhorov, 1979. - M.: Soviet Encyclopedia.
5. Shakhovskiy V.I. The categorization of emotions in the lexical-semantic language system: Voronezh: Voronezh. state Univ, 1987 - 208 p.
6. Gaiman N. American Gods. – New York: Harper Torch, 2002. – 592 p.

УДК 378

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Гусарова, Надежда Валерьевна

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 966764@bsu.edu.ru

Аннотация

В условиях глобализации и интеграции, небывалого развития информационных технологий всёвозрастающий интерес проявляется к проблемам межкультурной коммуникации. Вопросы международной политики имеют важное значение для государств. Умение правильно выстроить диалог культур очень важный аспект в принятии глобальных решений, от которых будет зависеть наше будущее. Следовательно, успешный результат будет обусловлен от правильно сформированной межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, культура, интеграция, межкультурная коммуникативная компетенция.

INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A MEANS OF ACHIEVING MUTUAL UNDERSTANDING

Gusarova Nadezhda

Master student of the Department of English language and teaching methods
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 966764@bsu.edu.ru

Abstract

Under conditions of globalization the role of cross cultural interactions has greatly increased. The realization of successful relations and cooperation between different nationalities directly depends on the formation of intercultural communicative competence as a means of reaching mutual understanding.

Keywords: globalization, intercultural communication, culture, integration, intercultural communicative competence.

В современном мире знание иностранного языка необходимо для сотрудничества в нестабильном мире с его сложными взаимосвязями и взаимозависимостями. Важнейшим средством достижения эффективного сотрудничества с представителями других культур, несомненно, является знание иностранного языка.

Однако общение – это не просто вербальный процесс, ограниченный обменом информацией. Не всегда знание иностранных языков достаточно для достижения положительного результата во время переговоров. Следовательно, человеку необходимо иметь представление о культурных ценностях стран изучаемых языков.

Межнациональные коммуникации и согласие народов складываются из сотрудничества, взаимопонимания, уважения, многообразия культур и самовыражения различных народов. Следовательно, учёт специфики современной действительности стран изучаемого языка, знание традиций и культуры являются важным фактором, чтобы уметь ориентироваться в иной культурной среде.

Успешная реализация процесса межкультурной коммуникации зависит от невербального общения. Отличительные особенности культур настолько явны, что незнание традиций и невербального поведения может привести к недопониманию, агрессии, удивлению и может стать серьёзным препятствием на пути к взаимопониманию между участниками диалога. В некоторых случаях может спровоцировать конфликтную ситуацию.

Разного рода конфликты, возникающие на почве взаимного непонимания, порождают множество курьёзов, анекдотов, неприятностей, драм и даже трагедий. Игнорирование особенностей национального характера, незнание норм этикета часто портят деловые и личные отношения партнеров.

В качестве потенциального «межкультурного барьера» нередко выступает специфика национального сознания, в частности, такие его аспекты, как:

- тенденция к этноцентризму – склонность человека воспринимать и оценивать различные феномены сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума, единственно правильного и приемлемого [6];

- этническая стереотипизация, проявляющаяся в формировании обобщенных, чрезвычайно устойчивых, упрощенных (часто ошибочных и неадекватных), эмоционально окрашенных суждений, с легкостью используемых членами одной этнической группы при характеристике членов другой общности [4];

- этнические предрассудки и предубеждения – устойчивое, отрицательное или враждебное отношение к той или иной группе людей, основанное на обобщениях, неполной или искаженной информации [7]. В основе такого отношения лежат этноцентрические принципы, оно плохо поддается изменению под влиянием рациональных доводов. Предрассудки характеризуются высокой степенью концентрации негативных эмоций, «чрезмерным восхвалением достижений и качеств своей нации в сочетании с высокомерным отношением и неприязнью к другим народам» [Цит. по: 8, с. 344].

Учет особенностей национального сознания является наиболее важным на первых стадиях интеракции в ситуации неполной информации о личности партнеров [3].

Следует отметить, что установление доверительных и продуктивных отношений между представителями разных этнических групп предполагает наряду с преодолением языковых трудностей тщательное изучение культурных компонентов, несущих национально-специфическую окраску. К таким компонентам можно отнести:

- традиции, обычаи, обряды и тесно связанные с ними элементы бытовой культуры;
- нормы повседневного поведения и соответствующие мимические и пантомимические коды;
- «национальную картину окружающего мира», отражающую специфику восприятия и мышления носителей языка;
- особенности национального характера и эмоционального склада коммуникантов;
- художественную культуру, отражающую культурные традиции этноса [1, с. 7].

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции довольно сложная задача, поскольку помимо культурного компонента в её структуру также входят:

- лингвистическая компетенция (знание словарных единиц и грамматических правил, преобразующих лексические единицы в осмысленное высказывание);
- социолингвистическая компетенция (способность использовать адекватные языковые формы и средства в зависимости от цели и ситуации общения, социальных ролей участников коммуникации);
- дискурсивная компетенция (способность понимать различные виды коммуникативных высказываний, строить целостные, связные, логические высказывания различных функциональных стилей);
- стратегическая компетенция (способность применять вербальные и невербальные средства для полной реализации процесса коммуникации);
- социальная компетенция (умение и желание взаимодействовать с другими, уверенность в себе, необходимая для осуществления коммуникации) [2].

К сожалению, анализ состояния образовательного процесса по иностранным языкам в вузе и школе на современном этапе [2] указывает на нарушение целостного, системного подхода к формированию коммуникативной компетенции. Как правило, внимание уделяется лишь лингвистическому и социолингвистическому компонентам. Как следствие, обучающиеся говорят на иностранном языке, исходя из собственных национально-культурных представлений, что скорее способствует разрушению, а не достижению взаимопонимания с представителями иной культуры.

Таким образом, реализация успешного коммуникативного акта предполагает обязательное достижение обучаемым нового уровня языкового сознания, свойственного носителям иной лингвокультурной общности, поскольку «за каждым иностранным словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [5].

Более того, учащемуся необходимо овладеть новым культурным сознанием, основанном на знании всего комплекса форм поведения партнеров по общению, поскольку «каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру» [5]. Только выход за рамки собственной культуры позволит человеку понять специфику других культур. При этом следует помнить, что культурный барьер гораздо опаснее языкового. Культурные ошибки и промахи обычно воспринимаются намного болезненнее языковых оплошностей. Они производят самое отрицательное впечатление и, как правило, не прощаются.

Исследование отечественной и иностранной учебной литературы демонстрирует, что в согласовании с критериями и запросами нынешнего сообщества назрела настойчивая необходимость в пересмотре строя методологических основ, возлежащих в базе хода преподавания. В настоящий период потребность использования целого, единого расклада в обучении иностранному стилю считается явной. Только лишь такого рода

аспект предоставляет вероятность осознать, «ощутить» облик существования, значения и характерные черты склада ума другой культуры; воздержаться с имеющихся стандартов и предубеждений; выходить за пределы собственной коллективной принадлежности; сформировать для себя политкультурность в взаимоотношении других сообществ, представлять вопреки враждебность и дискриминации; понять собственную роль и значимость в общечеловеческих действиях; присоединиться к международной культуре. «Терпение + Толерантность» – вот формула, лежащая в основе формирования межкультурной коммуникативной компетентности посредством соизучения языка и национально-этнических особенностей партнеров по общению.

Литература

1. Антипов Г. А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. 75 с.
2. Веретенникова В. П., Кузнецова Г. П. Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации. URL: http://www.rusnauka.com/Page_ru.htm (дата обращения: 20.10.2014).
3. Ковальчук Р. И. Межкультурные барьеры в процессе коммуникации и пути их преодоления. URL: <https://scienceforum.ru/2012> (дата обращения: 21.10.2014).
4. Психологический словарь. URL: <http://vslovar.ru/> (дата обращения: 29.10.2014).
5. Тер-Минасова С.Г. «Язык и межкультурная коммуникация». М.: Слово/Slovo, 2000. 259 с. URL: <https://www.gumer.info/> (дата обращения: 05.11.2014).
6. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 29.10.2014).
7. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologos> (дата обращения: 29.10. 2014).
8. Эмирзади Е. С. Формирование стереотипов как источник возникновения этнокультурного предубеждения и нетерпимости // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции 23 ноября 2010 г. / под общ. ред. О. В. Стельмак; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2010. 358 с. с. 344.

References

1. Antipov G. A. Text as a cultural phenomenon. Novosibirsk, 1989.75 p.
2. Amirzada, E. S. the Formation of stereotypes as a source of ethnic and cultural prejudice and intolerance // Linguistics and cross-cultural.
3. Encyclopedia of practical psychology. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologos> (published 29.10. 2014).
4. Kovalchuk R. I. Intercultural barriers in the process of communication and ways to overcome them. URL: <https://scienceforum.ru/2012> (published: 21.10.2014).
5. Psychological dictionary. URL: <http://vslovar.ru/> ((published: 29.10.2014).
6. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: Soviet encyclopedia. 1983. URL. <https://dic.academic.ru/> (published: 29.10.2014).
7. Ter-Minasova S. G. "Language and intercultural communication". M.: Word/Slovo, 2000. 259 p. URL: <https://www.gumer.info/> (published: 05.11.2014).
8. Veretennikova V. P., Kuznetsova G. P. Foreign language as a means of intercultural communication. URL: http://www.rusnauka.com/Page_ru.htm (published 20.10.2014).

УДК 811.112.2

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Даценко, Ксения Андреевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / k-danko94@mail.ru

Науч. рук.канд. филол. н., доцент **Воронина, Лариса Владимировна**

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию формирования и функционирования аббревиатурной лексики в разговорной устной и официальной письменной речи. Сложность и интенсивное развитие процесса образования новых аббревиаций обуславливает актуальность их изучения. В статье анализируются точки зрения ученых на данный словообразовательный способ, рассматриваются основные типы аббревиатур.

Ключевые слова: способ словообразования, аббревиатура, сокращенная форма слова.

ABBREVIATION AS A METHOD OF WORD FORMATION IN MODERN GERMAN LANGUAGE

Dacenko Kseniya

Graduate student

Department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / *k-danko94@mail.ru*

Candidate of Philology, Associate Professor **Voronina Larissa Vladimirovna**

Abstract

The article presents a study of the formation and functioning of abbreviation vocabulary colloquial oral and official written speech. The complexity and intensive development of the process of formation of new abbreviations determines the relevance of their study. The article analyzes the points of view of scientists on this word-building method, discusses the main types of abbreviations.

Key words: word formation method, abbreviation, abbreviated form of the word.

Языковая картина мира имеет достаточно пестрый вид. В настоящее время на земном шаре в трехстах странах проживает шесть с половиной миллиардов человек, которые говорят более чем на 2 тысячах языках. Европейские языки XX века подарили миру один из наиболее молодых способов словообразования – аббревиацию.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, под аббревиатурой понимают «существительное, которое состоит из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных единиц исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым, т.е. неусеченным словом» [ЛЭС 2002, 9].

Аббревиация с момента своего появления заняла достойное место в исследованиях по словообразованию Е.В. Розен, Х. Велманна, А. Штейнхауера, Л.Траубе, М.Д. Степановой, В. Фляйшера и других. На основе выводов Людвиг Траубе [Traube 1998, 411] можно сделать вывод о том, что аббревиатура является графическим объектом, в создании которых ключевую роль играет сознательное упорядочение, а не произвольность (*Willkür*). Это определение говорит о системности создания аббревиатур, которая изначально являлась, скорее всего, образующим фактором при возникновении данных лексем. Системность находит свое отражение в наличии конкретных структурных моделей, посредством которых в настоящее время в немецком языке происходит формирование аббревиации.

По мнению М.Д. Степановой и В. Фляйшера, с одной стороны, основной причиной возникновения в языке аббревиатур, является стремительный темп развития современного общества, перенасыщение информации в мире языка, стремление сэкономить время и средства выражения. Другой причиной выступает тенденция к усложнению структуры слова, языковой единицы и созданию сложных структур [Степанова, Фляйшер 1982, 95].

Е.В. Розен наряду с вышеперечисленными причинами называет стремление к «эмоционально-стилистическому разнообразию» [Розен 1969, 29].

В настоящее время аббревиация стала составной частью немецкого языка, так как на современном этапе развития науке, экономике, политике и другим сферам жизнедеятельности человека нужны наиболее ёмкие в общении средства номинации. Для чего не годятся множество новых сложных слов, кажущихся громоздкими и неудобными в применении. Примером тому служат сложные слова с тремя, четырьмя, а иногда и большим количеством компонентов в составе, например: *Gebühreneinzugszentrale* – центральная служба по взысканию сбора, *Bundesausbildungsförderungsgesetz* – федеральный закон о содействии образованию и т.д. Такие многокомпонентные слова очень громоздки в печатных текстах и тем более в устном общении. Поэтому сокращению могут подвергаться не только простые и сложные слова, но и словосочетания. Например, *Ami* – *Amerikaner*, *Schupo* – *Schutzpolizei*, *Trafo* – *Transformator*, *Stabü* – *Staatsbürgerkunde*, *Buwe* – *Bundeswehr*, *EU* – *Europäische Union*.

Таким образом, аббревиация основывается на передаче как можно большего количества информации при наименьшем употреблении материальной оболочки языка

(звуковой оболочки и графической формы), то есть на повышении эффективности коммуникативной функции языка.

В современном немецком языке можно встретить все основные типы аббревиатур:

1. аббревиатуры, образованные посредством усечения последнего или первого слогов:

Uni - Universität, Limo - Limonade, Bus - Omnibus, Midi - Midikleid, Maxi - Maxirock, Assi - Assistent, Demo - Demonstration, Alu - Aluminium, Knautsch - Knautschkommode, Krimi - Kriminalfilm;

2. аббревиатуры, образованные с помощью пропуска слогов в любом месте слова:

Opa - Großvater, Pak - Panzerabwehrkanone;

3. буквенные аббревиатуры, образованные из первых букв слов в составе словосочетания:

EU - Europäische Union, ZDF - Zweites Deutsches Fernsehen, EG - Europäische Gemeinschaft, DKP - Deutsche Kommunistische Partei, DSU - Deutsche Soziale Union;

4. аббревиатуры, которые состоят из начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго:

E-mail - electronicmail, O-Saft - Orangensaft, D-Zug - Durchgangszug, U-Boot - Unterseeboot, E-Abtauung - Elektroabtauung, I-Ausweis - Identitätsausweis, S-Fleisch - Separatorenfleisch, Q-Regelung - Qualitätsregelung, R-Gang - Rückwärtsgang, M-Bahn - Magnetschwebbahn, T-Boot - Torpedoboot.

Аббревиатура всегда появляется как сокращенная форма функционирующей лексической единицы или словосочетания. Одним из главных существенных отличий сокращенной формы от несокращенной может выступать сфера её употребления и стилистическая окраска. Ряд ученых обращает внимание на то, что стилистическая маркированность аббревиатуры будет зависеть от того, появляется ли аббревиатурное новообразование путем сокращения стилистически нейтрального слова (*Sani - Sanitärer, Präp - Präparationsstunde*) или разговорного. В первом варианте наблюдается обогащение стилистической синонимии - кроме нейтрального случая появляется коллоквиальный. Во втором случае - стилистическая характеристика в результате сокращения может не меняться [Панкратова 1997, 11].

Очень часто аббревиатуры формируют эвфемистические синонимы. В качестве примера можно привести следующие сокращения: *Idi - Idiot, Klo - Klosett, Büha - Büstenhalter*. При сокращении сложного слова остается один из его компонентов, вследствие чего возникает семантическое преобразование, т.е. часть слова становится носителем семантики целого слова. Например, *Bahn (Eisen- oder Straßenbahn)*.

В разговорной речи существует огромное количество аббревиатур, образованных с помощью сокращения имен собственных: *Arno - Arnold, Fred - Alfred, Greta - Margareta, Tina - Christina, Lynn - Carolyn, Aline - Adeline*. Сокращенные формы могут также становиться основами дериватов, образованных с помощью добавления формообразующих элементов, например суффиксов -o, -i: *Tommi - Thomas, Heidi - Heidrum, Willi - Wilhelm, Gabi - Gabriele*. Интересным является тот факт, что порой сокращение возникает не от общепринятой, а локально ограниченной формы имени: *Robbi* от формы *Robert*, которая, в свою очередь, является нижненемецким и английским вариантом немецкого *Ruprecht*.

В разговорной речи также можно встретить преобразование имен собственных и фамилий: *Ruko - RUDolfKOrbmann*.

Исследуя разнообразие аббревиатурных образований, мы пришли к выводу, что некоторые сокращения хорошо прижились в немецком языке и даже вытеснили полные формы слов. К таким сокращениям можно отнести следующие слова: *Akku, Auto, Kino, Disko*.

При этом следует подчеркнуть, что в настоящее время на пике цивилизации в разговорную письменную речь наряду с аббревиатурами проникли и заняли прочные

позиции графические сокращения. Все больше и больше людей в письмах, SMS-уведомлениях, SMS-рассылках, SMS-чатах используют такого рода сокращения как способ краткой записи слов. Примером графических сокращений могут служить как отдельные слова и фразы, так и целые предложения: *BB - Bis bald, DRADUHI - Brauchst du Hilfe, Dubio - Du bist doof, IKD - Ich küsse Dich, RUMIAN - Ruf mich an, GN8 - Gute Nacht, GuMo - Guten Morgen, IMS - Ich mach Schluss, DGGN - Das geht gar nicht, ISDN - Ich surfe durch Netz, knif – kommt nicht in Frage, j.w.d. – ganz weit draußen, Mode – Männer opfern die Ersparnisse.*

Таким образом, большое количество аббревиатур немецкого языка используется в целом ряде важных сфер жизнедеятельности человека: политике, экономике, терминологии. В современном немецком языке сокращенные слова играют важную роль в разговорной устной и официальной письменной речи. Аббревиация способствует интенсивности общения, которое в свою очередь стимулирует развитие человеческого сообщества и языка как основы общения в нем.

Литература

1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709с.
2. Панкратова С.М. Развитие словарного состава в немецком языке // Диакроническая германистика. - Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 8-25.
3. Розен Е.В. Аббревиатурные слова в современном немецком языке // Иностранные языки в школе. - 1969. – № 3. – С. 26-33.
4. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М.: 1982. – С.95-103.
5. Traube L. Lehre und Geschichte der Abkürzungen. – München Verlag, 1998. – 423 S.

References

1. LES - Linguistic Encyclopedic Dictionary / Under. ed. VN Yartseva. – М.: Great Russian Encyclopedia, 2002. - 709s.
2. Pankratova S.M. The development of vocabulary in the German language // Diachronic Germanistics, publishing house St. Petersburg State University, 1997. – P. 8-25.
3. Rosen E.V. Abbreviation words in the modern German language // Foreign Languages at School, 1969. –No.3. – P. 26-33.
4. Stepanova M.D, Fleischer V. Theoretical Foundations of Word Formation in the German Language. - М.: 1982. - P.95-103.
5. Traube L. Teaching and History of Abbreviations. – Munich Verlag, 1998. – 423 p.

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

Задорожная, Надежда Вадимовна

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / proskurin37@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается ряд понятий: художественный перевод, переводческие трансформации в целом и лексические трансформации в частности. Представлена классификация лексических трансформаций и случаи их использования. На материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» рассмотрены виды лексических трансформаций.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческие трансформации, лексические трансформации.

LEXICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF THE NOVEL “PRIDE AND PREJUDICEZ” BY JANE AUSTEN

Zadorozhnaya Nadezhda

Graduate student
Department of English language and teaching methods
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / proskurin37@list.ru

Abstract

The article deals with a number of concepts: literary translation, translation transformations in general and lexical transformations in particular. The classification of lexical transformations and cases of use are given. Each type of lexical transformations is described on the concrete examples of Jane Austen's novel "Pride and prejudice".

Keywords: literary translation, translation transformations, lexical transformations.

Перевод, как сложное многогранное явление, является одним из самых древних видов человеческой деятельности. Во все времена перевод давал возможность людям, говорящим на разных языках, общаться и передавать информацию. В современном мире перевод играет огромную роль. Благодаря «информационному взрыву» расширились культурные связи между народами, резко возрос объем информации. Каждый год переводится огромное количество литературы: научной, художественной, публицистической.

Перевод художественной литературы – это процесс, в ходе которого, переводчик, оперируя различными видами трансформаций, перекодирует текст оригинала и делает его доступным для носителей переводящего языка. Это объясняется тем, что полное тождество между оригиналом и переводом просто невозможно. Языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими «фоновыми» знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой «воссоздано» на другом языке. Как правило, переводчик подходит к переводу художественного текста творчески и использует переводческие трансформации в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности [Алексеева, 2008: 73].

В.Н. Комиссаров определяет переводческие трансформации как преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле [Комиссаров, 1990: 31].

Существует два вида трансформаций: грамматические и лексические.

Грамматические трансформации ведут за собой изменения в структуре предложения. Вызваны они, как правило, отсутствием той или иной категории в одном из языков, либо частичным совпадением категорий. Сюда можно отнести такие явления, как частичное несовпадение категории числа, частичное несовпадение в формах пассивной конструкции, неполное совпадение форм инфинитива и причастия, некоторые различия в выражении модальности и т. п.

Суть лексических преобразований по Л.С. Бархударову состоит в «замене отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) исходного языка лексическими единицами переводящего языка, которые не являются их словарными эквивалентами» [Бархударов, 1975: 68]. Преобразование лексического материала может происходить как за счет его сокращения, так и за счёт расширения, а также использования лексических замен. К использованию лексических трансформаций прибегают по разным причинам. Перечислим лишь основные:

- Первая причина заключается в том, что значение одного и того же слова в разных языках может обладать различными признаками. Например: *glasses* и *очки*. В английском слове главная роль отводится материалу, из которого они сделаны, а в русском их непосредственное предназначение: вторые глаза (очи).

- Вторая причина – различный смысловой объем слова в двух языках. Например: слово *get* имеет огромное количество значений: получать, войти, доставать, стать, попасться. И каждому значению соответствует по два и более русских слова.

- Третья причина – различия в сочетаемости, то есть когда отсутствуют прямые словарные соответствия. В этом случае надо найти вариант перевода, который

подходит для данного контекста и здесь на помощь приходит такой вид трансформации как замены. Например: *It is very unlucky!* – Экая досада!

Л.С. Бархударов в своей классификации выделяет следующие виды лексических трансформаций:

- добавления
- опущения
- замены

К заменам, в свою очередь, относятся:

- генерализация
- конкретизация
- антонимический перевод
- целостное преобразование [Бархударов, 1975: 92].

Рассмотрим случаи использования лексических трансформаций на примере перевода романа Джейн Остин «Гордость и Предубеждение».

В нижеприведённом примере мы можем наблюдать такую трансформацию, как добавление. Чаще всего именно компрессия, сжатость присущая английскому языку вызывает необходимость подобной трансформации. Например:

– *Mr. Bennet replied that **he had not*** [Austen, 2015: 3].

– Мистер Беннет ответил, что **он этого не слышал** [Маршак, 2007: 3].

Опущение – явление, прямо противоположное добавлению. Переводчик может применить его по разным причинам. Одной из причин является семантическая избыточность. Это когда слова или выражения могут быть удалены из текста и при этом не нарушить его смысл. Также в английском художественном тексте часто употребляются парные синонимы, один из которых при переводе опускается. Благодаря данному типу лексической трансформации, переводчик достигает компрессии, то есть уменьшает объем текста. В следующем примере мы наблюдаем семантическую избыточность:

– *But, my dear, you must indeed 1) **go and see Mr. Bingley when he 2) comes into the neighbourhood*** [Austen, 2015: 4].

– Но, мой друг, вам непременно следует 1) **навестить** мистера Бингли, как только он 2) **появится** [Маршак, 2007: 6].

Частыми так же являются случаи опущения местоимений. Например:

– *The girls stared at **their** father* [Austen, 2015: 4].

– Девицы уставились на отца [Маршак, 2007: 6].

Замены:

Конкретизация выступает в роли уточнения. Если в тексте есть слово с широким значением, то оно меняется на слово с узким значением, во избежание двусмысленности. Лингвистами было отмечено, что словам русского языка конкретность присуща в большей мере, чем таким же словам английского языка. Использование конкретизации в данном случае объясняется различным смысловым объемом слов. Например:

– *What a fine **thing** for our girls!* [Austen, 2015: 4].

– Не правда ли, удачный **случай** для наших девочек? [Маршак, 2007: 5].

Генерализация приём прямо противоположный конкретизации. В данном случае переводчик заменяет слово с узким значением в подлиннике, на слово с широким значением в переводе. Например:

– *I wish Jane success with all my heart; and if she were married to him tomorrow, I should think she had as good a chance of happiness as if she were to be studying his character for **a twelvemonth*** [Austen, 2015: 57].

– ... желаю Джейн успеха от всего сердца. И выйди она за него замуж хоть завтра, я бы считал, что она располагает теми же шансами на счастливую жизнь, как если бы изучала характер своего будущего мужа **целый год** [Маршак, 2007: 86].

Приём целостного преобразования – это кардинальное преобразование целого словосочетания или предложения, а не отдельно взятого слова, как в примерах выше. В данном случае переводчик вынужден сделать перефразирование в виду не сочетаемости слов, отсутствия эквивалента в переводящем языке. Чаще всего такие преобразования требуются для словосочетаний и предложений разговорного живого языка, которые отражают специфику речи. В примере ниже можно увидеть, что дословный перевод выражения привёл бы к нарушению норм языка и исказил смысл:

– *It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of good fortune, must be in want of a wife* [Austen, 2015: 3].

– **Все знают**, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену [Маршак, 2007: 4].

Антонимический перевод – приём, который предполагает замену понятия, используемого в подлиннике, на противоположное ему понятие в переводе. В ходе этого приёма происходит трансформация всего высказывания при сохранении плана содержания. Например:

– *Her mind was less difficult to develop* [Austen, 2015: 5].

– Разобраться в ее натуре было **намного проще** [Маршак, 2007: 6].

В переводе трансформации редко можно увидеть в «чистом виде». В одном предложении можно одновременно встретить перестановку с заменой, грамматическую трансформацию с лексической – это и определяет сложный характер подобных преобразований.

Таким образом, мы видим, что с помощью такого «инструмента» как лексические трансформации, переводчик достигает «адекватного перевода», он как бы адаптирует его для читателя говорящего на другом языке. Необходимость в преобразованиях данного вида диктуется различием в сочетаемости слов, значении слов (их многозначность) и объеме. Исходя из этих трудностей, переводчик пытается максимально полно и точно передать информацию, при этом сохраняя естественность речи, заключенную в оригинале произведения при строгом соблюдении норм переводящего языка. Для соблюдения «правильности» языковых норм и нужны трансформации. Только при их использовании речь переводчика будет восприниматься как «грамотная речь». В ходе сравнительного анализа было выявлено, что лексические трансформации встречаются в переводе гораздо чаще, чем грамматические.

Прибегая к помощи любых трансформаций при переводе художественного текста, переводчик должен иметь чувство меры, понимать особенности текста, чувствовать его и разбираться в специфике. Только соблюдая эти условия, можно достичь адекватного, грамотного перевода.

Литература

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. – М., 2008. – 184 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. – 240 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М., 1990. – 253 с.
4. Маршак С.Я. Гордость и предубеждение. – М., 2007. – 416 с.
5. Austen J. *Pride and prejudice*. – М., 2015. – 360 p.

References

1. Alekseeva I.S. Text and translation. Questions of theory. – М., 2008. – 184 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. – М., 1975. – 240 p.
3. Komissarov V.N. Theory of translation (Linguistic aspects). – М., 1990. – 253 p.
4. Marshak S.Ya., *Pride and prejudice*. – М., 2007. – 416 p.
5. Austen J. *Pride and prejudice*. – М., 2015. – 360 p.

УДК 81

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИКИ¹

Иванищева, Ольга Николаевна

Мурманский арктический
государственный университет,
Мурманск, Россия / *oivanishcheva@gmail.com*

Аннотация

Цель статьи – проанализировать функционирование русского языка в полиэтничном пространстве Мурманской области. Проведен анализ документов государственной статистики и архивных документов по Мурманской области, который показал доминирование русского языка на территории региона как минимум с XVIII века, что имело свои явные экономические и коммуникативные преимущества, в частности в образовательной среде. Указывается, что понимание и владение разговорным русским языком отмечается у малочисленного коренного населения Мурманской области – саамов с XVIII века. В современной полиэтничной языковой ситуации Мурманской области преобладание русского языка объясняется, кроме позиции языка титульной нации, численным превосходством русских в регионе.

Ключевые слова: русский язык, полиэтничная языковая ситуация

FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITHIN THE ARCTIC TRANSBOUNDARY REGION

Ivanishcheva Olga

Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russia / *oivanishcheva@gmail.com*

Abstract

The article aims to analyze the functioning of the Russian language within the ethnic space of the Murmansk Region. The analysis of the state statistical and archive documents for the Murmansk Region has shown that the Russian language has dominated within the region since at least the 18th century, and this had its obvious economic and communicative advantages, in particular, in education. The Saami, the indigenous small-numbered people of the Murmansk Region, understood and mastered the conversational Russian language since the 18th century. The Russian language dominates within the current polyethnic linguistic environment of the Murmansk Region due to the numerical superiority of the Russians in the region, as well as due to its position as the language of the dominant ethnic group.

Keywords: the Russian language, polyethnic linguistic environment.

Такой трансграничный регион на северо-западе России, как Мурманская область, представляет ценный ресурс для продуктивного взаимодействия в стратегическом пространстве Арктики. Мурманская область как приграничный северный регион, с одной стороны, является административной единицей, субъектом Российской Федерации, с другой – частью группы близлежащих стран, которая называется Баренц регионом.

Кольский Север, рассматриваемый как социокультурное пространство на территории Мурманской области, по ряду признаков может быть объединен с рядом других северных территорий. Во многом сходны процессы заселения и индустриализации «северов», тенденции, касающиеся демографического развития и межэтнических коммуникаций. Типологически сходны северные промышленные города. Вместе с тем Кольский Север имеет и ярко выраженные отличия от прочих «северов». Понятие Кольский Север, наряду с геополитическим и историческим представлением, в сознании жителя Кольского полуострова ассоциируется с образом северянина. В рамках нашего исследования актуальной представляется идея региональной идентичности. Под региональной идентичностью понимается осознание человеком принадлежности к общности людей, отграниченной от других определенными территориально-административными границами. Она может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к данному месту. Поэтому признание себя северянином строго не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18-412-510001

детерминировано ни этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на севере, ни фактом рождения, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами.

Важно, что наличие разных этнических групп и их сосуществование на территории Кольского Севера создает дополнительные условия для формирования региональной идентичности.

Актуальность данной работы связана с необходимостью определения тенденций и перспектив историко-культурного развития Российской Арктики с учетом ее мультикультурального развития и форм существования.

Цель статьи – проанализировать функционирование русского языка в этническом пространстве Мурманской области.

Единицей социолингвистического анализа региона в научной литературе выступают языковая ситуация, социально-коммуникативная среда, полиэтническое языковое пространство. Языковая ситуация определяется как совокупность языковых образований, то есть языков и вариантов языков, обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

Современные социолингвистические подходы к описанию трансграничного региона требуют, по нашему мнению, учета факторов регионализации и глобализации, факторы этнической и региональной идентичности, а также языкового фактора — оценки знания родного/неродного языка, что позволит сделать выводы о наличии специфичной языковой модели на территории, подвергающейся одновременному действию центробежных и центростремительных сил.

Мурманская область – территория, на которой живут представители разных национальностей: в настоящее время на территории Мурманской области, согласно переписи 2002 года, проживают представители 160 национальностей, но самой многочисленной национальностью являются русские.

Из языков, которыми, кроме русского, владеет население Мурманской области, выделены английский (8,6 %), украинский (5 %), немецкий (2,4 %), белорусский (0,9 %), азербайджанский (0,5 %), молдавский (0,2 %). 82 из 124 национальностей владеют русским языком всем этническим составом, то есть численность лиц соответствующей национальности соответствует численности лиц этой национальности, владеющей русским языком. Кроме того, удивление вызывает тот факт, что 1175 русских не владеют русским языком (из 760862 русских владеют русским языком, согласно данным переписи, 7596870)¹.

В Мурманской области в 2002 году были зарегистрированы 1995 представителей коренных малочисленных народов Севера, в том числе саами, которые составляли 88,6 % общего числа населения коренных малочисленных народов Севера.

Сведения о знании русского языка саамскими учащимися в 1930-х гг. на территории Мурманской области по данным архивных документов противоречивы: с одной стороны, указывается, что ученики саамской школы не знают русского языка, но знают русские политические и финские песни (из письма П. Антонова З. Чернякову от 01.12.1934²), с другой — в записке того же 1934³ г. отмечается, что преподавание нигде, кроме села Ловозеро, не проводится на саамском языке⁴, что означает, что преподавание ведется на русском языке. Необходимо отметить, что в школах в те годы в Мурманской области учились дети разных национальностей: в Бабинской школе в 1933-1934 учебном году было 50 учащихся, среди них саамов — 11 человек, финнов — 5 человек, карелов — 3

¹ *Национальный состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года / Федеральная служба государственной статистики / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2005. С. 23-28.*

² *Государственный архив Мурманской области. Фонд русский 194. Опус 1. Дело 30. Лист 30.*

³ *Государственный архив Мурманской области. Фонд русский 194. Опус 1. Дело 30. Лист 30.*

⁴ *Государственный архив Мурманской области. Фонд русский 194. Опус 1. Дело 30. Лист 30.*

человека, русских — 29 человек¹, а в Падунской школе из 74 учащихся саамов — 38, финнов — 18, русских — 13. Доля русскоязычных учащихся, таким образом, составляла от 58 до 17%.

Русский язык был очень важен для коренного населения Мурманской области в те годы. Это подтверждается тем фактом, что кильдинский диалект (язык) в качестве опорного для создания кольско-саамской письменности был выделен среди туломского и иоканьгского по причине наличия в районах распространения кильдинского диалекта хорошо подготовленных кадров учителей, владеющих и русским, и саамским языком.

Внедрение русского письма миссионерами в саамскую среду осуществлялось с конца XIX века, о чем свидетельствует «Азбука», изданная в 1895 году в г. Архангельске², которая компенсировала незнание письменного русского языка у саамов, несмотря на их владение разговорным русским языком.

Таким образом, анализ документов государственной статистики и архивных документов по Мурманской области показал доминирование русского языка на территории региона как минимум с XVIII века, что имело свои явные экономические и коммуникативные преимущества, в частности в образовательной среде. В современной полиэтнической языковой ситуации Мурманской области преобладание русского языка объясняется еще и численным превосходством русской нации.

Самой большой этнической группой в регионе с большим отрывом являются русские, в основном городское население. Тенденция к снижению количества живущих в Мурманской области представителей иных этнических групп, которые считают русский язык родным, объясняется, с нашей точки зрения, геополитическими причинами и связана в первую очередь с тем, что в СССР в русском общественном сознании укоренился стереотип, согласно которому в стране достаточно владеть только одним языком — русским.

Из анализа архивных документов выявляется обратная картина: данные школьной статистики показали, что русских учащихся в сельских школах было от 58 до 17%, уроки родного языка чаще велись на саамском языке для всех этнических групп (финны, коми, саамы, русские). Русский язык преобладал в ситуации непонимания учащимися разных саамских языков: в Мурманской области зафиксировано 4 саамских языка. Ср.: *«По утверждению товарища М. Анвельт, которая тоже присутствовала на занятиях преподавателя Герасимова, последний вынужден был прибегать к объяснению на русском языке, так как ученики будто бы совершенно не могли его понять (поскольку он говорил на туломском диалекте)»*³. Но понимание и владение разговорным русским языком отмечается у коренного населения Мурманской области как минимум с XVIII века.

В качестве перспектив исследования важно проанализировать так называемые контактные явления, то есть употребляют ли носители одного языка в разговоре с носителем своего языка другой язык (в первую очередь русский) и в каком объеме, а также, если возможно, понаблюдать, какие именно языковые единицы они употребляют. Так, носитель кильдинского саамского языка, свободно владеющая русским и английским языком, постоянно проживающая на территории Мурманской области, общающаяся в семье с мужем и детьми на русском, в общении с носителем своего родного языка употребляет русские слова *недавно, мобильник, понятно, плёнка, карточка, наверно, потому что, уже, вот, так вот, ну, во сколько, родительская суббота, Троица, после обеда, может, праздник, сколько, менять, шестьдесят девять*. В данной ситуации, с нашей точки зрения, можно говорить о смене кода, то есть о речевой стратегии, под воздействием которой в поток речи включаются отдельные слова другого языка и более длинные фрагменты речи. Необходимо оценить и то, как умело говорящие пользуются сменой кода, встречаются ли в их речи колебания, паузы, повторы.

¹ Государственный архив Мурманской области. Фонд русский 194. Опус 1. Дело 1. Лист 31.

² Азбука для лопарей, живущихъ въ Кольскомъ уездѣ Архангельской губерніи. Архангельск, 1895. 24 с.

³ Государственный архив Мурманской области. Фонд русский 194. Опус 1. Дело 55. Лист 11.

УДК 81'1

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ильминская Лилия Викторовна

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / liliyailminskaya@mail.ru**Степаненко Светлана Николаевна**

доцент, к.ф.н. кафедры английского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / sstepanenko@bsu.edu.ru**Аннотация**

В настоящее время наблюдается тенденция роста интереса к изучению различных аспектов политического дискурса. Это обусловлено тем, что политический дискурс определяет языковую картину мира и языковое сознание людей. При этом языковые средства создания образа врага, представляют собой важнейший конструктивный элемент в системе текстов СМИ, осуществляющих реализацию коммуникативного намерения автора убедить аудиторию в том, что какая-то страна представляет угрозу. В статье рассматриваются случаи употребления зоометафор при формировании образа врага на примере президента Российской Федерации В.В. Путина. Выявляются основные анималистические номинации.

Ключевые слова: политический дискурс, зоометафора, образ врага.

ZOOLOGICAL METAPHOR AS A LANGUAGE TOOL FOR CREATING AN ENEMY IMAGE IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Iliminskaya Liliya

Graduate student

Department of the English Language and Teaching

Methods

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / liliyailminskaya@mail.ru**Stepanenko Svetlana**

Candidate in Philology, Associate Professor

Department of the English Language and Teaching

Methods

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sstepanenko@bsu.edu.ru**Abstract**

Currently, there is a tendency of increasing interest in the study of various aspects of discourse. This is due to the fact that political discourse defines the language picture of the world and people's linguistic consciousness. At the same time, the language means (stylistic devices) of creating the image of enemy represent the most important constructive element of the media text system, ensuring the realization of the author's communicative intention to convince the audience that any country poses some kind of threat. The article presents the cases of zoological metaphor use, when an image of the enemy is shaped by the example of the President of the Russian Federation, Vladimir Putin. The main animalistic nominations are revealed.

Key words: political discourse, zoometaphor, image of the enemy.

В процессе формирования образа врага наиболее весомую роль играют средства массовой информации. Это обусловлено тем, что слово всегда отличалось значительной силой воздействия, а в настоящее время, в век информатизации общества, не прекращающихся информационных и политических войн, сила слова приобрела огромное значение. На сегодняшний день способность СМИ манипулировать массовым сознанием и задавать определенные установки используется для воздействия на политическое мировоззрение людей. Примером этому служат формируемые при помощи СМИ образы политических деятелей. Это в свою очередь способствует повышению внимания общества к политическому дискурсу.

В лингвистической литературе политический дискурс рассматривается как многоаспектное явление, как система элементов, образующих единое целое. Так, Б.А. Маслова трактует политический дискурс в узком и широком смыслах. Отметим, что узкое понимание предполагает, что критерием включения некоего текста в поле политического дискурса должна выступать идентичность интенциональной природы этого текста с целью дискурса, то есть осуществление политической власти, ее завоевание и сохранение [Маслова, 2008]. В этом спектре можно говорить о том, что политические воззрения англоязычного населения относительно России и ее президента достаточно неоднозначны. Однако, они, как правило, имеют отрицательную окраску. Это обусловлено тем, что политика Российской Федерации встречает на Западе волну критики.

Особое внимание в изучении формирования образа врага отводится использованию образных языковых средств, в том числе метафор, в политическом дискурсе английских средств массовой информации. Некоторые исследователи утверждают, что метафоричность является одним из важнейших параметров языковой категоризации в политическом дискурсе и выступает в качестве познавательной модели, с помощью которой прогнозируется и описывается мир [Богатырева, 2016: 52; Будаев, 2006].

Настоящая статья посвящена изучению и анализу зоологической метафоры как языкового средства, используемого в современном англоязычном политическом дискурсе СМИ для создания образа врага.

Примечательно, что зоологические (анималистические/зооморфные) метафоры давно привлекают внимание исследователей, среди которых А. Дэнги, Н.Ю. Костина, С.О. Кочнова, И.В. Куражова, И.А. Курбанов, О.В. Лаврова, Ю.С. Орехова, Э.Л. Таукова, С.Р. Тлехатук, Т.В. Хахалкина. Это объясняется тем, что анимализмы – как отдельные лексические единицы и как компоненты устойчивых выражений – широко представлены во всех языках. По мнению Т.В. Хахалкиной, например, анимализмы (зоонимы, зоологическая лексика) – это собственно названия животных в прямом номинативном значении. При этом ученый отмечает, что следует отличать зоонимы от зоосемизмов (зооморфизмов), то есть наименований животных, используемых не для первичной номинации, а для характеристики человека или другого явления в переносном значении, возникающему благодаря категории оценки [Хахалкина, 2002: 59].

Животный мир и отношения в нем его представителей традиционно служили человеку некой моделью, которая могла выступать в определённом смысле в качестве наглядной модели жизни человеческого общества.

В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать эмпирический материал, представленный реальными контекстами употребления зоологических метафор на предмет принадлежности источников номинации (представителей фауны) к описываемому объекту.

Западные издания в стремлении к демонизации образа В.В. Путина сравнивают российского политического лидера с медведем. Данный образ находит отражение, например, в следующем примере: “*Bear roars at Europe: Putin’s surprise military exercise irks Russia’s neighbors.*” (The Washington Times, March 29, 2013). В данном примере Россия в лице В.В. Путина представлена как неконтролируемый расквирепевший зверь, который может нести угрозу «спокойному миру». В подтверждение данной мысли приведем пример, в котором англоязычные журналисты выбирают глагол *to lash out* – *нанадать* для описания позиции России по отношению к Западу: “*Russian President Vladimir Putin lashed out at the West on Thursday for causing his country’s economic crisis, saying it would take two years to recover.*” (USA TODAY, December 18, 2014). Согласно словарным толкованиям данный глагол подразумевает проявление особой жестокости (Longman Dictionary).

Эту же аналогию России с самым популярным зверем тайги смакуют и в другом англоязычном издании. Газета USA TODAY публикует статью с цитатами В.В. Путина под заголовком: “*Putin: West wants to put Russian bear ‘on a chain’*”. В ней автор пишет: “*Sometimes I think, maybe they’ll (the West) let the bear eat berries and honey in the forest, maybe they will leave it in peace, Putin said at a news conference in Moscow, using a metaphor to refer to Russia’s famed symbol. They will not. Because they will always try to put him on a chain, and as soon as they succeed in doing so they tear out his fangs and his claws.*” (USA TODAY, December 18, 2014). Эти слова были озвучены российским дипломатом на фоне падения цен на нефть, санкций со стороны Запада над его действиями на востоке Украины и рублевой валюты, потерявшей за короткий срок более половины своей стоимости.

Добавляет резкости использование метафоры *Russian bear* с дополняющим ее эпитетом *wounded* в заголовке: “*Battered Ukraine Wary of Wounded Russian Bear ... The Russian bear is wounded, with Russia’s economy crumbling as oil prices plummet.*”

(CBNNEWS.COM, December 17, 2014). Данное языковое средство позволяет, с одной стороны, сформировать у читателей чувство неприязни к России, так как «избитая», обиженная Украина боится даже ослабленной России в образе раненного медведя. А с другой стороны, данный стилистический прием способствует формированию у реципиента понимания, что даже такое сильное государство, как медведь не является совершенным, может быть уязвимым.

Бесспорно, что в медиа-презентациях и политических прокламациях «Запада» российский медведь остается агрессивным существом. Иностранные новостные агентства, используя данную зоологическую метафору, информируют своего читателя, что медведь «не собирается сидеть сложа руки», тем самым снова возвращаясь к комфортной картине российской агрессивности.

Кроме распространённого образа медведя, встречаются также образы других животных, в частности, собаки и волка. На страницах информационного издания Stratfor находим следующее высказывание: *“Winston Churchill once said, “Kremlin political intrigues are comparable to a **bulldog** fight under a rug. An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out from beneath it is obvious who won”* (Stratfor, May 26, 2015).

Направлено на устрашение читателей использование другого примера зоометафоры: *“When the Bear Cries **Wolf**: Trying to Understand Vladimir Putin”* (Nytimes, JULY 19, 2007).

Таким образом концептуальный вектор данных метафор «Путин, а через него Россия – это собака или волк» направлен на выражение не силы или могущества, свойственных этим животным, а на передачу агрессии, злости, противоречивости.

Создает отрицательный образ В.В. Путина и использованная иностранными журналистами развернутая метафора, выраженная следующим идиоматическим выражением: *“**The wolf** may put on slightly different clothing, but it still a **wolf**. Russia is not our friend.”* (The Edition, July 19, 2017). Отметим, что в контексте данной статьи предшествующие данному примеру высказывания были обращены в адрес В.В. Путина, а в последующем предложении находим прямую ссылку на Россию. То есть данный пример доказывает идею, что через образ первого лица государства формируется отношение к стране, при этом личностные характеристики президента также могут косвенно характеризовать представляемую им страну. Образ волка в овечьей шкуре достаточно прочно «сидит» в сознании читателей, в связи с чем такая аналогия немедленно вызывает глубокое чувство неприязни по отношению к человеку, который «прикидывается бедной овечкой». Если кто-то ведет себя подобным образом, это свидетельствует о том, что он – опасный, хитрый и даже бесчестный.

В политических текстах СМИ достаточно часто встречаются и откровенные сравнения В.В. Путина с не менее опасным, чем рассмотренные ранее животные, пресмыкающимся – змеей: *“For example, every time I see the face of Vladimir Putin with his close set eyes, I think of a venomous **snake** slithering through the grass preparing to strike an unaware prey. And that is very similar to his exhibited behavior”* (The News Leader, March 23, 2018). Очевидно, что автор данного высказывания, подчеркивает опасность, исходящую со стороны Путина и имплицитно призывает проявлять осторожность.

Таким образом, предпринятый анализ реальных контекстов употребления зоометафор на страницах англоязычных СМИ позволяет выявить наиболее распространённые зоонимы, которые стали основой зоометафоризации политической действительности в англоязычном политическом дискурсе СМИ.

Представим их в иерархической последовательности по частности употребления: 1) Россия/Путин – медведь; 2) Россия/Путин – волк; 3) Россия/Путин – собака; 4) Россия/Путин – змея. Данный список не является конечным и может быть расширен.

Таким образом, анализ примеров употребления зоологических метафор в политическом англоязычном дискурсе СМИ показал, что данные метафорические модели

запрограммированы на устрашение читателя, путем создания в сознании реципиентов образа России в лице ее президента В.В. Путина как рычащего или шипящего, представляющего угрозу животному. Данные нашего исследования подтверждают, что зоометафоры в англоязычных СМИ играют важную роль при создании образа врага, так как с одной стороны, привлекают внимание читателей, а с другой, вызывают яркие ассоциативные образы с отрицательным коннотативным значением и надолго остаются в памяти. Формирование необходимого «автору-заказчику» образа становится главным инструментом политизированного информационного давления западных средств массовой информации, предпринимающих попытки воссоздать перед читателями свое видение России: ее внутренней и внешней политики, уклада жизни и политических лидеров.

Это позволяет сделать вывод, что зоометафоры при создании образа врага представляют собой важнейший конструктивный элемент в системе текстов СМИ, осуществляющих реализацию коммуникативного намерения автора убедить аудиторию в том, что угроза со стороны определенной страны является не гипотетической, а реальной. В этой связи изучение проблемы «зооморфности» политической действительности России в лице ее президента представляется весьма обоснованным и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Богатырева С.Н., Казиахмедова С.Х. Метафора как инструмент языкового воздействия на общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. – № 7. – С. 51-55.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215с.
3. Маслова В.А. Политический дискурс: Языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. – № 24 (1) – С. 43-47.
4. Хахалкина Т.В. Нганасанская зоонимия в становлении и развитии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 179 с.

References

1. Bogatyreva S.N., Kaziakhmedova S.Kh. Metaphor as a Tool of Language Influence on the Public Consciousness // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. – 2016. – № 7. – Pp. 51-55.
2. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metaphor in political interdiscourse: monograph // Ural State University, 2006. – 214 p.
3. Maslova V.A. Political Discourse: Language Games or Word Games? // Political Linguistics. – 2008. – № 24 (1) – Pp. 43-47.
4. Khakhalkina T.V. Nganasan zoonymy in the formation and development: Dis. ... Cand. Philol. Sciences. – M., 2002. – 179 p.

УДК 81'1

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА

Ковалева, Лилия Андреевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / lily_kovaleva@mail.ru

Аннотация

Фоностилистика является достаточно новой областью лингвистики. Она разделяется на два самостоятельных раздела: сегментную и супraseгментную. В статье рассматриваются различия между этими понятиями, а так же фоностилистические особенности песенного дискурса. Анализируется одна из французских песен как показатель того, что французский песенный дискурс имеет достаточно много фоностилистических особенностей.

Ключевые слова: фоностилистика, песенный дискурс, музыка, ритм, вокализация.

PHONOSTYLISTIC FEATURES OF FRENCH SONG DISCOURSE

Kovaleva Lilia

Master of the department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / lily_kovaleva@mail.ru

Abstract

Phonostylistic is a fairly new field of linguistics. It is divided into two distinct sections: segment and supersegmental. The article discusses the differences between these concepts, as well as the phonostylistic features of song discourse. One of the French songs is analyzed as an indicator that the French song discourse has quite a few phonostylistic features.

Keywords: phonostylistic, song discourse, music, rhythm, vocalization.

Понятие фоностилистики появилось не так давно и является достаточно новой областью лингвистики. Несмотря на юный возраст фоностилистику можно разделить на два самостоятельных раздела: сегментную и супрасегментную.

Исследования, касающиеся сегментного ряда, более многочисленны, изучение звукового символизма начинается еще со времен Платона. Что касается супрасегментного ряда, то его исследования начинаются, с развитием лингвистики текста. На фразовом уровне фоностилистические явления изучались К.К. Барышниковой. Базовыми суперсегментными характеристиками речи являются: ударение, пауза, ритм, мелодия и темп.

Фоностилистика является пограничной областью не только стилистики и теории интонации. Кроме лингвистики текста, можно указать на социолингвистику, коммуникативную лингвистику, теорию вариативности, теорию интерпретации, теорию художественного текста [Седых, Феоктистова 2010]. Одно из направлений фоностилистики – функционально-стилистическое включает огромный пласт исследований, посвященных фонетическим признакам функциональных разновидностей языка, обусловленным различными экстралингвистическими факторами [Барышникова 1971, Гайдучик 1973, Зарецкая 1975, Крюкова 1981, Портнова 1986, Кузьмина 1996 и др.]

С появлением в фоностилистике функционального подхода, собиравшего в себя описание фонетических признаков звучащей речи, сформировавшихся под влиянием экстралингвистических факторов. Стиль произношения в этом случае рассматривается как «степень полноты реализации звуков» [Бархатова 1989] а фонетический стиль как «разновидность совокупности фонетических средств всех уровней фонетической системы языка, свойственных речевому высказыванию в данной форме и в определенной речевой ситуации» [Гайдучик 1973]. Из чего следует, стиль произношения реализуется на сегментном уровне через точность реализации сегментных единиц, а фонетический стиль выступает как более широкое понятие, предполагающее отбор фонетических средств, как на суперсегментном, так и на сегментном уровне.

Французскими исследователями был выделен ряд позиций, рассматриваемых в качестве важных признаков при фоностилистической идентификации дискурса [Cohen, 1950, Lucci, 1983, Léon, 1993]

- стабильность/нестабильность ряда оппозиций гласных
- степень стабильности [ə] беглого
- ассимиляция согласных
- частотность реализации «**liaison**» (связывание);
- частотность нейтрализации оппозиции «одинарный/двойной согласный» в

пользу одинарного звука

- частотность выпадения гласных и согласных
- опущение/сохранение «**enchaînement**» (сцепление),
- ритмико-интонационное членение

Итак, мы выделили ряд фоностилистических признаков. Рассмотрим его особенности в песенном дискурсе. Дискурс обозначаем как совокупность текстовых песен. Трудность его исследования состоит в том, что песенные тексты представляют собой сложное единство музыкального и вербального компонентов. На фонетическом уровне говоря о различных стилистических приемах, выражающих экспрессивность

речи и ее эмоциональное и эстетическое воздействие. Разберем на конкретном примере песни «*Je suis en vie*» французского исполнителя Gregory Lemarchal.

Вокализация

Ça me plaît de plus en plus

Ça me blesse de moins en moins

Comme si l'amour avait fait le saut de l'ange

Je suis en vie

Ça n'a pas de prix

Ça n'est pas à vendre

Je suis en vie

Je respire et j'espère

Que tu seras tendre

В рассматриваемом песенном отрывке отмечаются следующие фоностилистические особенности, часто встречающиеся во французском песенном дискурсе. В данном куплете мы видим оглушение согласных «*plaît de*» [plet], «*je suis*» [ʃhi], «*saut de*» [sot]. Беглое [ə] «*blesse*» [bles], «*l'ange*» [lãʒ], «*je*» [ʒə], «*vie*» [vi], «*vendre*» [vãdr], «*espère*» [ɛspɛr], «*tendre*» [tãdr]. Связывание в таких словах «*plus en plus*» [plyzã plus], «*moins en moins*» [mwẽzã mwẽ], «*suis en*» [shiznã], «*pas à vendre*» [paza vend].

Таким образом, во французском песенном дискурсе встречается достаточно большое количество фоностилистических феноменов, которые помогают исполнителю удлинять или проговаривать те звуки, которые в устной речи мы не произносим.

Литература

1. Бархатова Т.И. Некоторые аспекты проблемы выделения фоностилей. Вопросы фонетической организации устных текстов. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 344. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1989. – 9-18 с.
2. Барышникова К.К. О фразовом ударении в современном французском языке. Уч. записки I МГПИИЯ. т.6 - М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1953. – 55-79 с.
3. Гайдучик С.М. Фоностилистика французского языка (Учебное пособие к спецкурсу по теоретической фонетике). М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. – 156 с.
4. Седых А.П., Феоктистова Е.Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник Иркутского лингвистического университета, № 1 (9), 2010. – С. 55-61.
5. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований изд-во С.-Петербург. 2001. 11-22 с.
6. Cohen M. Instructions d'enquete linguistique. P., 1950. – 143p.
7. Leon P. Essais de phonostylistique. Montreal: Didier, 1971. – 185 p.
8. Le Roy G., Грамматика французской дикции. П. 1974. – 53-67 с.
9. Lemarchal G. <https://www.youtube.com/watch?v=obWwtTMuqQg>

References

1. Barkhatov T.I. Some aspects of the problem of allocating phono styles. Questions phonetic organization of oral texts. Collection of scientific papers MGPI them. M. Toreza, vol. 344. M.: MGPI them. M. Toreza, 1989. 9-18 p.
2. Baryshnikov K.K. About phrasal stress in modern French. Uch. notes I MGPIA. v.6 - M. : MGPIA them. M. Toreza, 1953. 55-79 p.
3. Gaiduchik S.M. Phonostatistics of the French language (textbook special course on theoretical phonetics). – M.: MGPIA them. M. Toreza, 1980.-156 p.
4. Sedykh A.P., Feoktistova E.E. Kljuchevye nacional'nye koncepty vo francuzskoj lingvokul'ture [Key national concepts in the French linguoculture] // Bulletin of the Irkutsk Linguistic University, № 1 (9), 2010. - p. 55-61.
5. Chernyavskaya V.E. Discourse as an object of linguistic research. Publishing House of S.-Petersburg. 2001. 11-22 p.
6. Cohen M. Instructions d'enquete linguistique. P., 1950. 143p.
7. Leon P. Essais de phonostylistique. Montreal: Didier, 1971. 185 p.
8. Le Roy G., Grammar of French diction. P. 1974. 53-67 p.
9. Lemarchal G. <https://www.youtube.com/watch?v=obWwtTMuqQg>

УДК 811.161.1'37

НОМИНАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АДРЕСАТА В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кожемякин, Евгений Александрович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия / kozhenyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье обсуждаются вопросы моделирования и категоризации реципиентов публичной политической коммуникации с помощью адресных номинаций, реализуемых в текстах как в форме вокативов, так и репрезентативов. На материале новогодних телеобращений президентов к гражданам страны рассматриваются такие ключевые политические категории, как *люди*, *граждане* и *народ* и обосновываются различные способы категоризации аудитории в политическом дискурсе.

Ключевые слова. Номинация, моделирование, адресат, политический дискурс, политическая коммуникация, вокатив, номинативное моделирование

NOMINATIVE MODELING OF THE ADDRESSEE IN PUBLIC POLITICAL COMMUNICATION

Kozhenyakin Evgeny

doctor of philosophical science, assistant professor,
Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia / kozhenyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The paper discusses the issues of modeling and categorization of recipients of political communication by means of addressee nominations. The later are released both by vocatives and representatives. The author refers to the case of New Year TV Presidential addresses to observe the key political categories *people*, *citizens* and *nation* and to discuss the various ways of categorization of audience in the political discourse.

Key words. nomination, modeling, addressee, political discourse, political communication, vocative, nominative modelling.

Прагматическая эффективность политического дискурса в значительной степени зависит от его лексического «оформления». В политике, как и во всех дискурсных практиках, слова многофункциональны – с их помощью коммуниканты обозначают явления действительности, выражают идеи и эмоции, побуждают к действиям, воздействуют на когнитивные структуры и т.п. Нельзя не согласиться с мнением А.П. Седых: «Языковое поведение крупных политиков пропитано идеологией, выбор языковых и речевых средств подчиняется основным программным направлениям партии, системе ее принципов, лежащих в основе знаний и ценностных ориентиров, политических стратегий» [Седых 2012, 58]. Дополним, что учитывая главную цель политического дискурса – семиотическое закрепление политического порядка, системы отношений доминирования и подчинения – для лексики этого типа дискурсной практики центральной является функция категоризации предметной области в соответствии не только с идеологическими воззрениями политика, но и его идеостилистическими характеристиками, типом информации, коммуникативными характеристиками языкового поведения (канал, формат, средства, жанры коммуникации), когнитивным и коммуникативным «бэкграундом» аудитории, общим культурным, социальным и политическим макроконтэкстом [Чепкасов, Долгих 2013; Нестеренко 2018; Гришаева 2015; Орехова 2015].

С помощью слов политики категоризируют мир, номинируя идеологически и прагматически релевантные указанным выше факторам наблюдаемые или воображаемые явления. «Свой» и «чужие», «Родина» и «заграница», «мы» и «они», «друзья» и «враги», «Восток» и «Запад» и многие другие базовые семиотические оппозиции позволяют идентифицировать агентов политики, выделить и номинировать ценностно значимые группы людей и фрагменты действительности. Номинация представляется одним из

ключевых инструментов политического дискурса, с помощью которого конструируется политический порядок как система отношений доминирования и подчинения.

Номинации подвергаются оба элемента семиотической оппозиции – как «чужие», так и «свои». Как отмечает Е.И. Шейгал, «“свои” часто маркируются возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью, в то время как для указания на «чужих» используется сниженная лексика и презрительно-саркастическая тональность» [Шейгал 2004, 113]. Заметим, что в ситуациях живой политической коммуникации, в которых адресатом выступают представители «чужих», тональность номинирующих высказываний (адресных номинаций, вокативов, референций к адресату – в контексте этой работы мы будем использовать эти термины как синонимы), как правило, повышается (например, участники дипломатических переговоров обращаются друг к другу, используя лексику со значением «партнёры», а не «враги»), а использование сниженной лексики используется в крайних случаях. В то же время, замечание Е.И. Шейгал в полной мере относится к ситуациям общения политиков со «своими» адресатами: такие ситуации реализуют функцию интеграции, объединения индивидов в общую категорию, позитивное переживание принадлежности к которой поддерживается за счёт положительно маркированной номинативной лексики.

Уточним, что использование номинаций в политическом дискурсе происходит в двух «форматах» коммуникации: в публичном и непубличном.

Публичная коммуникация (обращение к гражданам, послание, встречи с избирателями, воззвание, доклад, поздравления и т.п.) предполагает интенсивное использование адресных номинаций, поскольку в ней непосредственно или опосредованно взаимодействуют две группы людей — адресанты и адресаты. Публичная коммуникация может принимать как сугубо монологичный (обращение, послание, воззвание), так и формально (поздравление) или собственно диалогичный характер (встречи, доклад). В последнем случае интерес представляют также «реактивные», ответные адресные референции, которые могут как поддерживать дискурсно-символический характер инициирующих номинаций, так и контрастировать с ними.

Непубличная политическая коммуникация осуществляется в условиях, не предполагающих открытой публичной доступ к сообщениям (совещания, переговоры, личные встречи и т.п.). Тексты, создаваемые в ситуациях непубличной политической коммуникации, также содержат номинативные конструкции и обращения, однако они используются скорее в референтивных, а не фатических целях.

В данной работе мы обратились к изучению адресных номинаций в монологической публичной коммуникации.

В качестве материала для анализа мы выбрали новогодние обращения Президента России к гражданам, поскольку основной целью этого жанра политического дискурса является символическая интеграция аудитории и власти, а сами тексты являются своего рода «семантическим конденсатом» политического порядка государства. Коммуникативная ситуация также представляется уникальной: адресант выступает одновременно и в качестве руководителя государства, и — символически — одного из участников ситуации праздника, а адресаты манифестированы в совокупности как политических, так и социальных, культурных и индивидуально-экзистенциальных качеств.

В исследовании использовались все новогодние обращения президентов России с 2000 по 2019 годы. Тексты взяты с официального сайта Президента РФ. Корпус текстов был обработан с помощью программы AntConc.

Исследование проходило в три этапа: на первом мы получили статистические данные о вокативах в обращениях президентов; на втором — обратились к изучению «мы»-номинаций; на третьем — рассмотрели контекстуальное использование лексических единиц адресных номинаций в других микрконтекстах использования.

1. Вокативы в новогодних обращениях президента

Наиболее распространёнными вокативами в дискурсе новогоднего обращения являются: *друзья* («Дорогие друзья!» и «Друзья!» – 43 раза), *граждане / граждане России* («Уважаемые граждане!» и «Уважаемые граждане России!» – 12 раз), *россияне* («Дорогие россияне!» – 2 раза), *соотечественники* («Дорогие соотечественники!» – 1 раз).

Вокатив *друзья* используется от 1 до 3 раз в каждом обращении, вокатив *граждане* – не более 1 раза в тексте, при этом в семи обращениях он не был использован. Слова *россияне* и *соотечественники* не использовались в качестве вокативов после 1999 года.

Приведённые выше данные свидетельствуют о численном преобладании эмотивных вокативов (*дорогие друзья, дорогие россияне, дорогие соотечественники*) над статусными вокативами (*уважаемые граждане, уважаемые граждане России*). Такое распределение значений указывает на межличностный, но в то же время дистанцированный характер обращений к аудитории, что можно объяснить спецификой коммуникативной ситуации: президент обращается к аудитории одновременно и как глава государства, и как один из тех, кто отмечает праздник. Отметим, что слова *друзья, граждане* и *россияне* (а также его синонимы – *народ, народ России*) используются не только в статусе вокатива, но и как репрезентативы, которые, тем не менее, выполняют номинирующую функцию в отношении адресата. На этот аспект мы обратим внимание в пункте 3.

2. «Мы»-номинации в новогодних обращениях

Ещё раз подчеркнём, что в политическом дискурсе референции к адресату носят преимущественно интегрирующий характер, с их помощью моделируется семиотическое пространство единства адресанта и адресата. Обращение «*друзья*», безусловно, маркирует дружеский, доверительный тип отношений между адресантом и адресатом, в то время как вокатив «*граждане*», используемый главой государства, указывает на социально-политический характер статусов коммуникантов, которые также объединены общим контекстом. Иными словами, адресные номинации *друзья, граждане, россияне* и др. самореферентны, они обращены в том числе на статус говорящего. В таком же ключе можно трактовать использование «мы»-номинаций: они обращены не только к коллективному субъекту (*я+вы*), но и к адресату. В определённом смысле в ряде случаев эти коммуникативно-смысловые переносы имеют грамматическую природу и выражаются в транспозиции личных местоимений [Шмелев, Булыгина 1997, 328-333]. В новогодних обращениях местоимение *мы* и его формы (*нас, наш, нам* и др.) используется 199 раз, что превышает значение суммы лемм *я* (44 раза) и *вы* (50 раз) более, чем в два раза. В этом проявляется интегрирующая, а не дифференцирующая функция новогоднего обращения.

В этом ключе показательной является следующая фраза: «*только вместе мы, народ России, сможем уверенно идти вперёд*». Уточнение интегративной категории *мы* происходит с помощью обращения к национальной идентичности, в связи с чем далее мы обратимся к уточнению контекстуальной семантики слова *народ* в новогодних обращениях.

Помимо конкретизирующей номинации *народ*, президенты преимущественно используют местоимение *мы* либо в значении «люди» («*как дорожим мы своими родными и близкими*», «*какие бы трудности не ждали нас в будущем, мы сможем с ними справиться*», «*все мы хотим, чтобы близкие были здоровы*», «*да, мы все разные*» и т.п.), либо для обозначения всех тех, кто участвует в конкретной коммуникативной ситуации («*через несколько минут мы встретим новый год*», «*проводя старый год, мы вспоминаем его радостные и грустные моменты*» и т.д.). В отдельных случаях местоимение *мы* используется с коннотативным значением «команда» («*и поэтому нам важно быть сплочённой, единой, сильной командой*»).

3. Адресная номинация и контекстуализация адресата

Интегративный характер вокативов и «мы»-номинаций в новогодних обращениях президента к гражданам России проявляется в том числе в уточнении статуса и агентивной роли адресата. Реципиенту «предлагается» идентифицировать себя с *друзьями, гражданами, народом*. В определённом смысле индивиды в коммуникативной ситуации новогоднего обращения перестают быть таковыми; они контекстуализируются с помощью номинаций в качестве субъектов различных действий и интенций. Здесь уместно вспомнить слова Луи Альтюссера: «категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии только потому, что (определяющая) функция всякой идеологии – “конституировать” конкретных индивидуумов в субъектов» [Альтюссер 2011, [http](http://)]. Коммуникативным эффектом такого рода номинативного «конституирования» является «узнавание себя» индивидом в тех номинациях, которые используются адресантом в речевых ситуациях. Иными словами, регулярное использование определенных вокативов семантически закрепляется в ситуациях использования тех же слов в референтивных, а не только в фатических целях. Следуя мысли Л. Альтюссера, репрезентативы закрепляют номинации, введённые вокативами, на уровне идеологии и идентификации.

Так, слова «люди», «граждане» и «народ» используются в новогодних речах не только в качестве прямого или косвенного обращения, но и как референтивные номинации. Более подробно мы рассмотрели особенности использования этих номинативных единиц в предыдущих работах [Крюкова, Кожемякин 2018], здесь мы ограничимся указанием на основные результаты проведённого нами исследования.

Номинация *люди* реализуется преимущественно в контексте семейно-родственных и патерналистских отношений. Объектный характер этой номинации проявляется в видах её тематизации в новогодних телеобращениях. Основные *тематические блоки*, связанные с употреблением слова *люди*, это: забота, помощь и внимание к близким людям (*мы всегда стараемся быть рядом с близкими и дорогими нам людьми; современные технологии позволяют разделить наши чувства с дорогими людьми; сегодня мы думаем о самых близких людях, о наших родителях; государство обязано и будет поддерживать и помогать людям старшего поколения*); улучшение жизни людей (*удалось пусть немного, но всё-таки улучшить жизнь людей; нам многое предстоит сделать: в экономике, в улучшении жизни людей; что нужно сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше; раскрытие возможностей каждого, улучшение жизни людей – это главная задача*); надежды и возможности людей (*мы видим, как...открываются новые возможности для людей; люди в нашей стране уверенней смотрят в будущее; эти минуты всегда объединяют людей (...), потому что каждый (...) надеется (...) на лучшее; с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах*).

Результатом тематизации категории *люди* является преимущественно её *социально-экономическая* (улучшение жизни) и *социально-психологическая категоризация* (забота, помощь и внимание, а также надежды и возможности): люди – это объект экономической заботы государства.

В отличие от категории *люди*, номинация *граждане* реализуется в новогодних обращениях в *государственном* и *социальном* контекстах. Уже на уровне обращения (*уважаемые граждане*) эта номинация направлена на наделение адресата государственными и социально-экономическими характеристиками. Тематизация категории *граждане* подразумевает выделение следующих тематических блоков: интересы граждан и их защита (*мы будем ... в самом широком смысле защищать интересы наших граждан*); трудовая деятельность граждан (*немало наших граждан, в том числе и вдали от родного дома, обеспечивают безопасность России, работают на предприятиях и дежурят в больницах, ведут поезда и самолёты*); жизнь граждан, благополучие граждан (*государство, удобное и комфортное для жизни граждан; я желаю всем гражданам России прежде всего благополучия; в этом году не все наши граждане стали жить лучше*); демография (*отрадно, что в уходящем году у нас родилось больше новых граждан России, чем в прошлом*); испытания (*наша Родина прошла через*

драматические испытания ... благодаря вам, её гражданам). Эти тематические блоки свидетельствуют о *социально-экономической* (трудовая деятельность, жизнь и благополучие, демография) и *(гео)политической категоризации* (защита интересов граждан, испытания, упоминание военнослужащих первыми при перечислении категорий занятых граждан): граждане – это те, чьи интересы взаимно связаны и определены интересами государства.

Категория *народ* реализуется преимущественно в политических и исторических характеристиках и оформляется следующими тематическими блоками: «*путь народа*» и его достижения (*путь, выбранный народом России; мы, народ России, сможем уверенно идти вперёд*); («[в российской истории] *отразились свершения всего российского народа*»); достоинство народа и авторитет страны (*все это послужило нашему общему успеху. Прибавило авторитета стране в целом, достоинства всему российскому народу*); положительные качества народа (*мужество, трудолюбие и интеллектуальный потенциал нашего великого народа*); чувство единства (*мы ... вновь почувствовали себя единым народом*).

В новогодних обращениях *народ* в отличие от категории *люди* конструируется скорее в агентивных, а не адресатных характеристиках. На наш взгляд, на условной шкале «объектность – субъектность» мы можем расположить три адресные номинации, используемые в новогодних обращениях, следующим образом: *люди - граждане - народ*, где *люди* наделяются скорее объектными, а *народ* – субъектными характеристиками.

Итак, сформулируем основные выводы. Адресные номинации, используемые в публичной политической коммуникации, варьируются в зависимости от интенций адресанта, жанра политической речи, темы дискурса и вида информации. Номинации могут рассматриваться как индикатор представлений адресанта об адресате. В рамках одной дискурсной ситуации адресат может номинироваться и в личностных, и в социальных, и в политических категориях. Публичная номинация адресата фиксирует иерархию политических смыслов, категоризирует участников коммуникации и объекты политического воздействия. Вокативы, которые политики используют, обращаясь к аудитории, выражают политическую ориентацию адресанта и аксиологию политического действия; конструируют коммуникативную и – шире – политическую и социальную позицию реципиента; моделируют отношения доминирования-подчинения в политической коммуникации. Лексические единицы, используемые в качестве вокативов, могут использоваться в том числе в качестве репрезентативов, закрепляющих идеологический и идентификационный смысл номинаций.

Таким образом, использование определённых референций к адресатам актуализирует определённые политические смыслы в коммуникативной ситуации, моделирует коммуникативную и когнитивную позицию реципиента, а использовании разных номинаций в одной коммуникативной ситуации позволяет осуществлять различные стратегии категоризации адресата.

Литература

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3-pr.html>
2. Гришаева, Л.И. Манипулятивные техники и способы поддержания власти в медиадискурсе / Л.И. Гришаева // Дискурсы власти : колл.моногр. / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв.ред.). – Орёл: ООО «Горизонт», 2015. – С.208-238.
3. Крюкова, С.В., Кожемякин, Е.А. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новогодних телеобращений президента РФ и Посланий В.В. Путина к Федеральному собранию) / С.В. Крюкова, Е.А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. – 2018. - №3-1 (20). – С.80-95.
4. Нестеренко, Е.Ю. Статусные вокативы в рождественских и новогодних обращениях первых лиц России и Великобритании / Е.Ю. Нестеренко // Филологический аспект. – 2018. - №12(44). – С.119-125.
5. Орехова, Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Орехова. — Москва, 2015. — 251с.
6. Седых, А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) / А.П. Седых // Политическая лингвистика. – 2012. - №1(39). – С. 57-67.

7. Чепкасов, А.В., Долгих, В.П. Обращения в речи спикера / А.В. Чепкасов, В.П. Долгих // Вестник КемГУКИ. – 2013. - №24. – С.177-184.
8. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
9. Шмелёв, А.Д., Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А.Д. Шмелёв, Т.В. Булыгина. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

References

1. Althusser, L. Ideology and ideological apparatuses of the state / L. Althusser // Immunity reserve, 2011. - №3. – Access mode: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3-pr.html>
2. Grishaeva, L.I. Manipulative techniques and ways to maintain power in a media discourse / L.I. Grishaeva // Discourses of power: monogr. / ON. Merkurieva, A.V. Ovsyannikov, A.G. Shepherds (ed.). – Orel: Horizon LLC, 2015. – P.208-238.
3. Kryukova, S.V., Kozhemyakin, E.A. Language modeling of national identity in the political media discourse (on the material of the New Year TV appeals of the President of the Russian Federation and the Messages of V. Putin to the Federal Assembly) / S.V. Kryukova, E.A. Kozhemyakin // Modern Discourse Analysis, 2018. - №3-1 (20). – p. 80-95.
4. Nesterenko, E.Yu. Status vocatives in the Christmas and New Year appeals of the first persons of Russia and Great Britain / E.Yu. Nesterenko // Philological aspect, 2018. - №12 (44). - P.119-125.
5. Orekhova, D. V. Church-religious and political types of discourse through the prism of dialogue (on the material of the genre of the message): dis. ... Cand. filol. Sciences / D.V. Orekhov. - Moscow, 2015. – 251с.
6. Sedykh, A.P. Ideological elements of the political leader's phraseology (on the material of V.V. Putin and A. Merkel's discourse) / A.P. Gray // Political linguistics, 2012. - №1 (39). – pp. 57-67.
7. Chepkasov, A.V., Dolgikh, V.P. Appeals in the speech of the speaker / A.V. Chepkasov, V.P. Long // Herald KemGUKI, 2013. - №24. – P.177-184.
8. Sheigal, E.I. Semiotics of political discourse / E.I. Sheigal. – М.: Gnosis, 2004. – 326 p.
9. Shmelev, A.D., Bulygina, T.V. Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar) / AD. Shmelev, TV, Bulygina. – М.: School «Languages of Russian culture», 1997. – 576 p.

УДК 81

К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Коломыцева, Диана Геннадьевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия / j.ewigkeit@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент **Скокова, Татьяна Николаевна**

Аннотация

В статье рассматривается вербализация концептуальной метафоры на примере концепта ARCHITEKTUR в немецком языковом сознании. С позиций когнитивной лингвистики метафора рассматривается как форма мышления, т.к. не только передает информацию, но и преобразует существующую в сознании человека картину мира. Концептуальная метафора представляет собой одну из важнейших форм репрезентации концептов, базовых единиц хранения информации.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт ARCHITEKTUR, фразеологическая единица.

THE PROBLEM OF THE VERBALIZATION OF A CONCEPTUAL METAPHOR

Kolomytseva Diana

Graduate student

Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / j.ewigkeit@mail.ru

Scientific adviser D in Philology, Associate Professor **Skokova Tatjana**

Abstract

The article deals with the verbalization of the conceptual metaphor on the basis of the German concept ARCHITEKTUR. From the standpoint of cognitive linguistics the metaphor is a form of thought. The conceptual metaphor not only conveys information but also changes a picture of the world in the mind of a person. It represents one of the most important forms of representation of concepts and also it is a basic unit storage of information. The conceptual metaphor plays a significant role at the representation and a research of concepts.

Keywords: conceptual metaphor, concept ARCHITEKTUR, fixed phrase.

Исследуя концепт архитектуры через призму духовности, следует сказать, что как один из видов искусства она входит в сферу духовной культуры. То, что архитектура

является частью общей культуры практически каждого народа, не вызывает сомнения. Однако, рассматривая само явление культуры более глубоко, нередко возникает дискуссия о том, к какому из видов она все же относится: материальному (являя собой объект материальной действительности из дерева, бетона, кирпича и т.д.) или духовному, неся в себе какие-либо нематериальные ценности. Вместе с тем, не стоит рассматривать какое-либо явление культуры лишь с одной стороны, подразумевая, что оно является только материальным или духовным объектом, поскольку любое искусство выражается тем, что можно увидеть, потрогать или услышать. Духовная культура всегда имеет некую материальную оболочку, иначе она не смогла бы существовать.

В нашем исследовании осуществляется попытка моделирования понятийной области архитектуры, основой которой является система концептов сферы духовности. Духовность, связанная с проецированием внутреннего мира человека, становится источником метафорической проекции. Заметим, что метафора представляет собой взаимодействие языка, мышления и культуры (духовной и материальной). *Концептуальная метафора* – это явление, направленное на формирование знания через осмысление и познание отношений между понятийными сферами разного рода. Одна из основных функций метафоры – *моделирующая*, осмысление которой и анализ средств ее вербализации может служить созданию модели концепта ARCHITEKTUR.

Одним из таких средств вербализации могут выступать *фразеологические единицы*, поскольку *фразеология* – это тот особый «ларец» языка каждого народа, содержащий информацию об обычаях, традициях, быте, философии жизни. Поскольку в ней содержатся знания народа о различных сферах жизнедеятельности, с помощью средств выражения и репрезентации в речи отражается особый богатый национальный исторический опыт. Концептуальная метафора и фразеологическая единица относятся к разновидностям вторичной номинации (т.е. когда значение уже существующей языковой формы переносится на другую языковую форму, имеющую свое собственное значение), при которой сопоставление производится на вычлениии какого-либо общего признака.

Так, фразеологическая единица является довольно распространенным стилистическим средством, употребляющимся в различных сферах языка, однако наиболее часто встречающаяся в разговорной речи.

В настоящей статье рассматривается репрезентация концептуальных метафор на материале профильно-ориентированных текстов (вербализация осуществляется посредством синтагматических комбинаций), а также репрезентация этих же концептуальных метафор в речевом континууме на материале словарных статей немецкого языка.

Анализ фактического материала позволяет выделить следующую категориально-концептуальную составляющую концепта ARCHITEKTUR – «Архитектура – духовность». Ср.: «Die Grundidee der Architektur leitet sich von der Seele des Menschen selbst ab» [4, с.16]; «Die Architektur wirkt die physische und psychische Gesundheit von Menschen» [6, с.11]. Этот категориально-концептуальный уровень концепта ARCHITEKTUR структурируется из концептуальных метафор. Подобной метафорой является концептуальная метафора **«Архитектура – состояние души»**.

Приведем некоторые примеры:

(1) «*Sinnlich und emotional soll das Design den Geist des Menschen stimulieren, sich selbst auf einer neuen Ebene zu fühlen, sich selbst zu finden*» [7, с. 99];

(2) «*Die Architektur ist die Physiognomie der Nationen*» [5, с. 483];

(3) «*Das zentrale Problem der Architektur ist der Raum, der den Menschen an Leib und Seele gesund erhält*» [4, с. 313];

(4) «*Die moderne deutsche Architektur widerspiegelt die Individualität der Deutschen: klare Linien, logische Strenge und eine präzise Detaillierung*» [6, с. 342];

(5) «*Seele ist ein global tätiger Technologieführer in der Baukunst*» [4, с. 315].

Синтагматические комбинации, репрезентирующие выделенную концептуальную метафору в приведенных контекстах, следующие: *Physiognomie der Nationen sein; die neue Seelenart sein; Ruhe und Ordnung schaffen; den Zeitgeist widerspiegeln; den Geist des Menschen stimulieren; den Menschen an Leib und Seele gesund erhalten; Seele – ein global tätiger Technologieführer; den Geist der Nation zum Ausdruck bringen*. В данной концептуальной метафоре понимание архитектуры как отражения состояния души моделируется благодаря взаимодействию **области источника** (объект, выражающий национальный характер (2, 4), и объект с духовной составляющей (1,3,5)) и **области цели** (архитектура). Произведения архитектурного искусства – это пространственные образы и состояния (1,3), средства духовной коммуникации, отражающие духовную жизнь ушедших поколений (2) и материальную культуру человека (4). Поэтому, зачастую, архитектуру называют душой народа (2,5), воплощенной в камне.

Возможности верно интерпретировать, понимать и чувствовать архитектуру способствуют знания ее истории, представление о богатстве и многообразии архитектурных сооружений разных стран и эпох.

В Германии архитектура представляет собой особую систему элементов строительного искусства, в которой подчеркивается наличие признака духовности. Ср.: *Die puren, minimalistischen Formen des Designs schaffen Ruhe und Ordnung; klare Linien, logische Strenge und eine präzise Detaillierung widerspiegeln die Individualität der Deutschen* и др. В своих трудах немецкий философ Г. Гадамер писал, что творец, создающий предмет искусства, пытается выразить то творческое настроение и мироощущение, которым сам обладает [1, с. 274]. Все, что нас окружает, оказывает воздействие на наше восприятие, поведение и мышление. Среда, в которой живут люди, является одним из важнейших факторов, формирующих мировоззрение. Поэтому с культурологической точки зрения, любое произведение искусства, включая и памятники архитектуры, несут в себе информацию о том времени и эпохе, когда они были построены. Ср.:

(1) «*Der Barock wird durch üppige Prachtentfaltung gekennzeichnet. Der Barockstil symbolisierte Reichtum und Macht*» [9, с. 73]

(2) «*Die damit angestrebte Wirkung des romanischen Stils ist eng mit dem Wunsch der Gegenreformation verbunden, die Menschen auch durch bauliche Beeindruckung von der Herrlichkeit Gottes und der katholischen Kirche zu überzeugen*» [9, с. 81]. Очевидно, что здания строились для конкретных целей. В примере (1) указывается, что с помощью декоративных украшений здания снаружи и обстановки внутреннего интерьера, хозяин дома мог показать свой социальный статус и высокий уровень дохода. В случае (2) заказчики здания преследовали цель убедить людей в величии Бога. Как вывод – разные эпохи, разные стремления, разные состояния души репрезентируются в памятниках архитектуры разнообразными строительными стилями.

Выделенная концептуальная метафора также богато представлена фразеологическими единицами в словарных статьях.

Найденный фактический материал позволяет выделить группу со значением **определение качеств личности человека**, поскольку архитектура – одно из самых близких человеку искусств. Она окружает нас постоянно, и создаваемые ею образы обладают большой силой психологического воздействия.

Были выделены следующие смысловые подгруппы:
гостеприимство, радушие, открытость – ein großes Haus führen;
 ein offenes Haus führen; ein offenes/gastfreies Haus Machen; ein volles Haus haben; ein Haus der offenen Tür; offene Türen finden; die Tür (für Verhandlungen) offen lassen/ nicht zuschlagen; das schönste Haus ist das, welches jedermann offen steht; ein wirtlich Dach;
ум – ein kluges Haus; ein gelehrtes Haus;
веселый, счастливый человек – ein fideles Haus; ein (ganz) eigenes Haus;
надежность – man würde Kirchen auf ihn bauen; auf etw.,jmdn. Häuser bauen

равнодушие, эгоизм, предусмотрительность - ihm ist es gleich, wessen Haus brennt, wenn er sich nur an den Kohlen wärmen kann; wenn das Haus brennt, wärmt man sich an den Kohlen; wenn das Nachbars Haus brennt, so trägt man Wasser zum eigenen; wenn dein Haus aus Glas ist, so wirf deinen Nachbarn nicht mit Steinen/ Wer im Glashauss sitzt, sollte nicht mit Steinen werfen.

Также можно выделить группу со значением **ментально-эмоциональное состояние человека**, которая делится на две подгруппы:

а) *перманентное состояние*:

привязанность к семье – an zu Hause hängen;

быть домоводом – das Haus hüten; keinen Fuß vor die Tür/ das Haus setzen; keinen Fuß mehr in jemandes Haus/ Wohnung setzen; häuslich leben;

находиться в состоянии ожидания – ins Haus stehen;

б) *временное мгновенное состояние*: total/ völlig aus dem Häuschen sein; j-n. aus dem Hause ärgern, graulen; dafür nicht zu Haus sein; Glas auf dem Dache haben.

Особенностью архитектуры как вида искусства является то, что она накапливает материальные, художественные, главное, духовные ценности, а архитектурные сооружения являются носителем, хранилищем и передатчиком духовного содержания. Формируя окружение человека эстетически и воплощая общественные идеи в художественных образах, она представляет собой гармонию форм, которая составляет эстетическую ценность, оказывая при этом эмоциональное воздействие на зрителя.

Архитектура выступает в профильно-ориентированных текстах как отличительный признак нации, представленный в ее традициях и быте, критерий ментальности, и, соответственно, как особый тип души.

Еще одной концептуальной метафорой, вербализующей метафорическую проекцию, является **«Архитектура – вид искусства»**.

Обратимся к контекстам:

(1) «*Das Fach Architekturgeschichte ist der Teil der Kulturwissenschaften...*» [6, с. 88];

(2) «*Viele Städte legen großen Wert auf Kunst in ihren öffentlichen Bauten und pflegen ihr Image mittlerweile auch über künstlerische Auftritte im Stadtraum*» [6, с. 53];

(3) «*Man muss nicht die Frage stellen, ob Architektur zur Kunst gehört – das sollte ohne Zweifel mit einem eindeutigen Ja beantwortet werden*» [3, с. 31];

(4) «*Architektur selbst ist eine der schönen Künste*» [5, с. 97];

(5) «*Architektur war die Gestaltung von Bauwerken, die Kunst zu bauen, daher der Begriff Baukunst*» [9, с. 69];

(6) «*Architektur als Kunst wirkt durch ihre besondere gestalterische Qualität und unterscheidet sich dadurch vom allgemeinen Bauen*» [2, с. 41].

Выделенная концептуальная метафора репрезентируется в профильно-ориентированных текстах следующими синтагматическими комбинациями: *Teil der Kulturwissenschaften sein; Kunst in ihren öffentlichen Bauten; künstlerische Auftritte im Stadtraum; zur Kunst gehören; eine schöne Kunst sein; die Kunst etw. schön zu bauen; Architektur als Kunst betrachten; durch besondere gestalterische Qualität wirken; sich vom allgemeinen Bauen unterscheiden*. Как вид искусства, архитектура принадлежит к материальной культуре, а как один из видов пластических искусств – к духовной. В данном случае снова возникает вопрос о ее двойной сущности. Однако утверждение, что архитектура в общем смысле является одним из видов искусств, неоспоримо.

Исследуемая концептуальная метафора не так широко представлена в пласте фразеологии, однако, выделенные фразеологические единицы образуют небольшую смысловую группу **красота, одухотворенность, нечто прекрасное/ положительное** – nach Art des Hauses; das erste Haus am Platz; das Haus des Herrn; bei j-m. hängt der Hausseggen.

Очевидно, что будучи окруженным с ранних лет искусственно созданной «бетонной» средой, человек, воспринимает ее как свое естественное место обитания.

Итогом этой тесной связи является включение в состав языка различных элементов, (каким-то образом связанных с архитектурой и строительством в целом), присущих конкретному языку. Являясь одной из наиболее образных подсистем языка, фразеология наименее подвержена языковым изменениям, сохраняя при этом устаревшие слова и словоформы, синтаксические конструкции, связанные с особенностями быта, обрядами и обычаями, историческими событиями народа. Исследуя выделенные фразеологические единицы, можно с уверенностью сказать, что концепт ARCHITEKTUR пронизывает все сферы жизни человека и находит в них свое отражение. Фразеологические единицы позволяют наиболее глубоко изучить и познать глубинные значения концептуальной метафоры, а следовательно, проникнуть в понимание и осмысление данного концепта немецким народом, раскрыть его новые грани, такие как понимание привязанности человека (наличие постоянных глубоких теплых чувств) к своей семье или личностных качеств человека, таких как радушие, ум, надежность и т.д.

Литература

1. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
2. Detail, Institut für internationale Architektur-Dokumentation GmbH & Co. / KG №2. – 2005. – 168 S.
3. Duden. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bibliographisches Institut GmbH – 2013. – 929 S.
4. Grepl, J. Baumaßnahmen an Baudenkmälern. Kooperation und optimaler Ablauf / Grepl J. – 2008. – 36 S.
5. Hegger, M. Basics Materialität, Berlin: 2014. – 362 S.
6. Kalweit, A. Handbuch für Technisches Produktdesign. Material für Fertigung. Entscheidungsgrundlagen für Designer und Ingenieure, Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 2006. – 571 S.
7. Lexikon für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke und feste Wortverbindungen. URL: <https://www.redensarten-index.de/> (дата обращения: 11.01.2019)
8. Muthesius, H. Über den Architekturbegriff des 19. Jahrhunderts. Die Einheit der Architektur, Berlin, 1998. – 352 S.
9. Schwarz, U. New German Architecture. A Reflexive Modernism Ostfildern-Ruit / U. Schwarz, Berlin: Hatje Cantz GmbH, 2002. – 367 S.
10. Taut, B. Ein Wohnhaus, Berlin: Mann, 1995. – 147 S.
11. Tietz, J. Geschichte der Architektur des 20. Jahrhunderts, Hamburg: Ullmann GmbH, 1998. – 438 S.

References

1. Gadamer G. The relevance of the beautiful. – M.: Iskustvo, 1991. – 367 p.
2. Detail, Institute for International Architecture Documentation GmbH & Co./KG №2, 2005. – 168 p.
3. Duden. Dictionary of German Idiomatics. Bibliographic Institute GmbH – 2013. – 929 p.
4. Grepl, J. Construction of monuments. Cooperation and optimal process, Berlin: 2008. – 36p.
5. Hegger, M. Basics materiality, Berlin: 2014. – 362 p.
6. Kalweit, A. Manual for Technical Product Design. Material for manufacturing. Decision bases for designers and engineers, Berlin-Heidelberg: Springer, 2006. – 571 p.
7. Encyclopedia for sayings, idioms, idiomatic expressions and fixed phrases URL: <https://www.redensarten-index.de/>
8. Muthesius, H. About the architectural concept of the 19th century. The unity of architecture, Berlin: 1998. – 352 p.
9. Schwarz, U. New German Architecture. A Reflexive Modernism Ostfildern-Ruit, Berlin: Hatje Cantz GmbH, 2002. – 367 p.
10. Taut, B. Residential building. Berlin: Mann, 1995. – 147 p.
11. Tietz, J. History of 20th century architecture, Hamburg: Ullmann GmbH, 1998. – 438 p.

УДК 81

THE MUSICAL HARMONY OF THE ITALIAN LANGUAGE: SOME PHONETIC, PHRASEOLOGICAL AND SYNTACTIC ASPECTS

Marabini Alessandra

Master's degree in "Modern Languages for International Communication and Cooperation",
University of Bergamo, Italy /

Teacher assistant at the German and French languages Department
Belgorod State National Research University, Russia / marabini92@gmail.com

Abstract

Italian is said to be the language of the music and it is legitimate wondering what makes it so fitting the idea of musicality. The present paper opens with the presentation of "The Italian of music, the music of Italian", an argument examined during the week of Italian in the world. The history of music tells us that operas have originated and developed in Italy, therefore it is not possible to split the concept of Italian as a musical language from the one

of Italian as a language for the music. Moreover, the Italian language can be put in first place in the field of musicality also thanks to its rich linguistic musical baggage. Some words such as *adagio*, *allegro*, *soprano* and *tenore* have become loanwords for many languages and some phraseological expressions such as *dare il tono* are used as idioms in the everyday conversation. Despite the brilliant success of the language in the musical scenario, the present paper will consider the linguistic traits and analyse what it means for a language to be more or less musical and which are the elements that can give to a language the connotation of musicality. The Italian language owes some characteristics, namely, from the point of view of phonetics, the abundance of vowels and vowel endings, the modulation of syllables, the double consonants and the linguistic phenomena of elision, truncation and apocope. The syntax gives as well tones of movements to the sounds of the language. A wide array of word order inversions permits in this sense to the Italian language to be flexible and more conceived as musical.

Key words: musicality, the Italian language, vowels, consonants, sounds, elision, truncation, apocope, syntax.

The current article is focused on the topic “The Italian of music, the music of Italian”, which was chosen as the topic for discussion in 2015 by the Italian government in occasion of the “the XV week of the Italian language in the world”. It is an event consisting of conferences, exhibitions and meetings for Italian speaking communities abroad, cultural institutions and intellectuals, whose aim is that of bringing a theme for discussion that acts as the leitmotif of a vast cultural programme to promote the Italian language as a great language of classic and modern culture. It is organized each year on the third week of October by the Italian Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MAECI) with the Accademia della Crusca and subsequently with the Swiss Confederation, where Italian is one of the country’s official languages.

The first part of the quoted motto is more cultural-oriented: it refers to the acronym that links music and language. One type of the Italian music genre is the opera, which had and still has an important role in the spread of the Italian language and culture. The most represented composers are Verdi, Puccini, Rossini, Donizzetti, Bellini, Leoncavallo, Mascagni and Monteverdi. *La traviata* is the most represented opera, followed by *La Bohème*, *Tosca*, *Madama Butterfly*, *Il barbiere di Siviglia*, *Rigoletto*, *L’elisir d’amore*, *Aida*, *Nabucco*, *Trovatore*, *I pagliacci*, *Turandot* [Balboni 2015, 7]. They have undoubtedly brought in all other languages a large number of borrowings such as *adagio*, *andante*, *rallentando*, *accelerando*, *presto*, *rubato*. The terms *motivo*, *tema*, *fraseggio*, *frase*, *improvvisazione*, *ritornello*, *assolo*, *accordo*, *nota* are nowadays used in the linguistic and musical contexts [Freddi 2012, 80].

The musical semantic field of the Italian language is so rich that it manifests as well in the everyday language usage, namely through idiomatic expressions. They represent a non homogeneous class (their syntactic, semantic and pragmatic features are various), that brings particular aspects, values, concepts and traditions of a culture. A significant number of idioms is present in the modern linguistic scenario. Here are some examples: *ballare al suono di qualcuno*, *essere musica per le orecchie*, *essere / sembrare un disco rotto*, *essere teso come una corda di violino*, *unirsi al coro*, *uscire / levarsi / staccarsi dal coro*, *essere in sintonia*, *stare / rimanere / restare in tono*, *trovare il tono giusto*, *dirigere l’orchestra*, *dare il la*, *dare il tono*, *fare una sviolinata / suonare il violino a qualcuno*, *cantare le proprie ragioni*, *cantarne quattro a qualcuno*, *tirar giù a campane doppie*, *cantare come un canarino*, *dare fiato alle trombe*, *spifferare una notizia*.

Some of these expressions indicate the mode of communication through the metaphorization of relationships or of social class roles and others transmit a negative meaning. For example:

- *tono* represents the musical armony, and thus, the idea of agreement between two parts;
- *coro* indicates a chorus of singers, so it denotes a set of people;
- *dare il tono* is the metonymy of a social rule or of a leader to follow;
- in *dirigere l’orchestra* the orchestra is the metaphor of the social pyramid;
- *dare una suonata a qualcuno*, *suonarle di santa ragione* (beat up somebody), the form of communication is that of violence. The verb *suonare* (play) can be linked to the image of percussion instruments, which sound when struck, hit or shaken by the player’s hands or by using special tools [Nardocci 2018, 119-141].

The mentioned examples prove the strong influence of musical culture into the language; however we can now continue with the second part of the motto “The Italian of music, the music of Italian”, that is more linguistic-oriented: it is still now widespread the idea that the Italian language is more musical than other languages. This question was raised up in the years between 1600 and 1800 after the naissance of melodrama and in a period full of linguistic debates. Pietro Bembo (1470-1547), one of the most important Italian humanists, contributed to the development of the Italian language and to the codification of the language for standard modern usage.

In his essay “Prose nelle quali si ragiona della volgar lingua” he claimed that the reasons that make every composition beautiful are lexical gravity and pleasantness. Lexical gravity is the modulation of syllables and it is studied in the discipline of prosody. In the past prosody was related to the ancient classical versification, now it refers to the quantity of syllables and accent rules. Pietro Bembo’s work was published in 1525 and it represented an important work as regards the question on the language. The idea is that when writing literature works, Italian writers should take as models two remarkable authors: Francesco Petrarca for the poetry and Giovanni Boccaccio for the prose.

Today the minor or greater appropriateness of a language to music is still an actual question. Paolo Balboni gives an explanation to this, by claiming that musicality is due to the higher amount of vowels. The most musical phonemes are the vowels and when singing a song the voice lingers on vowels. The concept of musicality therefore arises from this [Balboni 2015, 1].

However, geminate consonants, two distinct phonetic realities, introduce in the phonology of the Italian language the category of ‘quantity’. Geminate consonants constitute sound articulation whose form is longer than the corresponding simple consonant. This means that when we talk about ‘quantity’, the reference is to the consonant sounds rather than to the vowel sounds (there is not any pair of Italian words that differ one from the other for the duration of a vowel, as it was for the Latin PŎPŪLŪS ‘popolo’ vs. PŎPŪLŪS ‘pioppo’) [Bertinetto 2010, 14]. Consonants therefore are the main contributors to the variation of the vowels. Taking for instance the word “pena” (punishment) and the word “penna” (pen) it is possible to notice a different pronunciation. In the first case, the first vowel has a normal duration and the “n” is barely perceptible, it seems to be only of support for the language; in the second case, the “e” undergoes a sharp contraction and the double consonant is rich, resonant, clear and gives a pure speech rhythm. This use of double consonants can be considered as an almost unique characteristic of the Italian language.

From this example, it is possible to understand a very fundamental characteristic of linguistic phones. Every phone chain, belonging to any word in a given language, is not meant as a mere linear sequence of articulatory sounds, but rather as a mixed sequence of sounds. Indeed, if we try to isolate a vowel like *a*, we risk of not recognizing it. On the contrary if we put it in the context in which it is produced, we have no doubts of its identity. Every articulatory sound depends therefore on the phone context. Our perception of sounds catches and stores coarticulatory circumstances, that is adjacent phones [Bertinetto 2010, 2].

Vowels therefore harmonize together with consonants and in the Italian language they are very important, since they constitute most of the word endings. Words ending in a consonant represent less than 1% of the lemmas of the Italian Basic Vocabulary and they belong to one of the following categories: loanwords, interjections and onomatopoeic words, acronyms and blends [Thornton 1996, 85].

The pronunciation in Italian is characterized by changes in length. This is due to certain phonetic and poetic choices like the elision that is the dropping from a term of the last unstressed vowel when also the following term starts with a vowel and its replacement with an apostrophe. *Un’occhiata* is the elision of *una occhiata* (a glance), *cos’era* is the elision of *cosa era* (what was that). Elision is used with determinative articles *lo*, *la* and the corresponding articulated prepositions (*l’ombrello*, *nell’aereo* – the umbrella, in the plane); with some locutions (*senz’altro* – certainly, *d’ora in poi* – from now on, *quand’anche* – even if, *a quattr’occhi* – face to face, *tutt’al più* – at the most, *d’altronde* – however, *d’accordo* – I agree); with some adjectives such as *bello* – beautiful,

santo - saint, *povero* - poor, *grande* - great (*bell'incontro* – nice meeting, *bell'idea* – good idea, *Sant'Elena* – Saint Elena, *grand'attore* – great actor, *pover'uomo* – bad man); with the demonstrative adjectives *quello* - that, *questo* - this (*quell'incontro* – that meeting, *quell'età* – that age, *quest'estate* – this summer); with the particles *ci*, *vi* when they precede verbs starting with –e (*c'è*, *v'è*, *v'entra*, *c'entra* – they can be translated with ‘there is’ and ‘it fits’); with the indeterminate feminine article *una* (*un'impresa* – a firm); with pronominal particles *lo*, *la*, *mi*, *ti*, *si*, *vi*, *ne* (*l'invitano* – they invite her, *m'aspetta* – he / she / it waits for me); with the particles *ci*, *vi* preceding words starting with –i (*c'impressionò* – it impressed us, *v'indusse* – it encouraged us). Elision is used only with the nouns to the singular form, it does not appear in the plural (*l'ipotesi* – singular; *le ipotesi* – plural - hypothesis). It contributes to creating an alternative to the monotonous rhythm that would have verified with two adjacent vowels.

Similar to elision is the phenomenon of truncation. It is a process by which a word is shortened when it is positioned before another word starting with vowel or consonant. The shortened word in this case does not require any apostrophe. Truncation is used with the article *uno* and with the adjectives *nessuno* – no one, *ciascuno* – each one, *qualcuno*, *alcuno* – someone, before vowels and consonants (*un asino* – a donkey, *nessun problema* – no problem, *qualcun altro* – someone else); with masculine adjectives *quello* (that), *bello* (nice) followed by consonant (*quel paese* – that country, *bel film* – nice movie) and with the adjective *buono* - good followed by vowel or consonant (*buon amico* – good friend, *buon punteggio* - good score); with *Santo* (Saint) and *frate* (friar) when names start with consonants (*San Giuseppe* – Saint Giuseppe, *Fra Cristoforo* – Friar Christopher); with *signore* (mister), *professore* (professor), *dottore* (doctor), *ingegnere* (engineer), *suora* (nun) followed by names (*signor Bruno* – Mr Bruno, *ingegner Bianchi* – engineer Bianchi); with some common locution such as *in fin dei conti* (in the end), *amor proprio* (self love), *ben fatto* (well done). Truncation is also possible with *tale* (such a), *quale* (what) (*qual è* – what is it, *tal esempio* – such an example) and with *grande* followed by a consonant (*gran paura* – great fear). A great number of periphrastic constructions is characterized by truncation as well: *andar perduto* (to get lost), *star facendo* (to be doing), *far perdere* (to make someone loose), *far ricorso* (to appeal), *dar ascolto* (to listen), *far vedere* (to show), *lasciar passare* (to let something pass), *poter fare* (can do) [Thornton 1996, 84]. Truncation occurs not only with infinitives, but also with third form verbs such as the verb *volere* (*vuol tornare* – he/she/it wants to come back) [Bertinetto 2010, 18].

However, elision and truncation have become more and more rare. *L'armi* (weapons), *s'è visto* (it is seen), *m'è capitato* (it happened to me), *ch'io sappia* (what I know), *gl'indici* (the indexes) and *vengon detti* (are said), *far ombra* (to shade), *dir tutto* (to say everything) are today perceived as archaic or poetic forms, although these phenomena are very frequent in speech, while in the written form there is a tendency to respect the autonomy and integrity of words [Radtko 1985, 157].

A particular type of truncation is called apocope. It is a phenomenon of omission and replacement of some sounds with an apostrophe. The difference with the other phenomena is that in this case the word is shortened no matter if the following word starts with a vowel or a consonant. *Po'* is the apocope of *poco* (*un po' di pace* – a little of peace), *mo'* is the apocope of *modo* (*a mo' di esempio* – by way of example), *be'* refers to *bene* (*be', ho finito* – well I finished).

We can now move our topic on some features of the Italian syntax. Syntax can give flexibility to a language and can contribute to giving a musical tone. Italian has a SVO language. This means that the sentence structure is Subject + Verb + Object (*'Io mangio la mela'* the equivalent of *'I eat the apple'*); the subject should always precede the verb. However, Italian presents also word inversions when there is a necessity of giving emphasis to some parts of the communicative act. Emphasis is the focus on new information, called theme.

It is worth noticing four syntactic processes:

1. The subject can be postponed to the verb. While in the sentence *'Mario canta'* (Mario sings) the new information is *canta* (because potentially contrasted to *balla* or *suona* – dances or plays), in the sentence *'Canta Mario'* (Sings Mario) the new information is on *Mario* (because potentially contrasted to *Fabrizio* or *Luigi*, that is to other people). Many foreigners ignore this

rule, since they usually use the utterance *'Io verrò'* (I will come) instead of *'Verrò io'* when the meaning is 'you don't have to come to me, since I am coming to you';

2. The segmented sentence is characterised by the theme and the repetition of the theme with a pronoun, called rheme. Examples of this constructions are *'I soldi te li ho dati'* (the money I gave them to you), *'Il libro non l'ho letto'* (the book I did not read it), *'Queste parole non le ho mai dette'* (these words I have never said them), *'Lo so che non è vero'*. This is very frequent also with the proclitics *ci* and *ne* in sentences such as *'Di lui non me ne parlare'* (about him don't talk to me about him), *'Di questa faccenda non ne voglio più sapere niente'* (about this I don't want to know anything anymore about this).

3. An extreme case structure is the anacoluthon, in which the first element does not have any syntactic link within of the sentence. It instead presents a semiotic continuity. Examples are *'A Giorgio, non gli ho detto nulla'* (Giorgio, I did not say anything to him), *'Dei figli, Paolo non se ne cura affatto'* (About his children Paolo does not care about them at all).

4. Some sentences are split in two parts, in which the first one contains the verb 'essere' (to be) that gives prominence to the new information and the second one contains the already known information. Sentences of this type are: *'è Mario che canta'* (this is Mario who sings), *'è lui che me l'ha detto'* (this is him, who told me this); this construction is also frequent in questions: *'dov'è che hai comprato questa borsa?'* (where is it where did you buy this bag?), *'quand'è che partirai per il Canada?'* (when is it when will you leave to Canada?) [Radtke 1985, 162-163].

In all these examples OSV sequence can arise and the resulting sentence can be called a "left dislocation". All other possible word orders can occur in informal Italian conversation, in main and subordinate clauses, in actives and passives, and in questions and declaratives. Brian MacWhinney, Elizabeth Bates and Reinhold Kliegl in " Cue validity and sentence interpretation in English, German and Italian" take as example the language varieties spoken in Rome.

'La pasta Franco la prende sempre qui' (Pasta Franco it orders always here) has a OSV structure; *'Allora prendo anche io la pasta'* (Well then, am eating I pasta) has a VSO structure, *'Ha consigliato la lasagna qui Franco, vero?'* (Has recommended the lasagna here Franco, hasn't he?) has a VOS structure (right topicalization). It can also arise in imperatives, such as *'Prendi la palla, Marco'* (Take the ball, Marco), where the inclusion of vocative produces a structure resembling a VOS sentence. *'Allora io gli spaghetti prendo'* (I the spaghetti am having) has in the end a SOV structure [MacWhinney, Bates, Kliegl 1984, 132-133]. Once we have considered these features of the Italian language, it seems right and proper wondering whether the syntactic order is the true responsible for the musicality of the Italian language. Is it therefore possible that the musicality of a language is obtained on the basis of syntactic criteria?

The present article leaves some questions opened to further future studies as regards the criteria that may give musicality to a given language. We have already listed some phonetics and syntactic aspects, but it seems that the musicality cannot be defined on the basis of objective rules, because it is the history of a language that determines whether it is appropriate to musicality or not. Therefore, to conclude, the Italian language presents a very rich historical baggage linked to songs, compositions and melodramas that has survived over time.

References

1. Balboni P. E., L'opera e l'insegnamento dell'italiano nel mondo. Dalle dichiarazioni di principio alla progettazione di percorsi, 2015.
2. Freddi E., Lingua e musicalità, EL.LE, vol.1 – Num.1 2012
3. Bertinetto P. M., Fonetica italiana, scuola normale superiore Pisa, 2010.
4. Thornton A. M., On some phenomena of prosodic morphology in Italian: accorciamenti, hypocoristics and prosodic delimitation, *Probus* 8, 1996.
5. Radtke E. NaGesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart, Günter Holtus, Tübingen: Narr, 1985.
6. MacWhinney B., Bates E. and Kliegl R., Cue validity and sentence interpretation in English, German and Italian. 1984
7. Margrethe Førre Nardocci, Il lessico musicale nei modi di dire in italiano e in norvegese, Università di Oslo, Oslo Studies in Language 10 (1), 2018

УДК 81'373

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ХОЛОД» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Михеева, Людмила Дмитриевна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия / mikheeva_ld@mail.ru

Аннотация:

В современном мире проблема успешной коммуникации является особенно актуальной, в связи с увеличением числа контактов между представителями различных лингвокультур. Сегодня необходимо понимать менталитет иноязычной культуры, который отражается в языке, в частности в идиоматике языка. В данной статье проводится лингво-когнитивный анализ фразеологизмов-репрезентантов концепта «холод», который является одним из базовых концептов для построения идиом в английском языке. В качестве материала для исследования использовались словари ведущих изданий и университетов, а также работы лингвистов, посвященные данной проблематике. Являясь частью более общего концепта «погода», концепт «холод» с давних пор порождал у людей различные ассоциации. Будучи естественным образом противопоставленным теплой погоде, холод вызывает у людей в основном отрицательные эмоции. Люди радуются солнцу, теплу и уюту своих домов и укрываются от холода. Это отношение к холоду как к чему-то враждебному и неприятному не могло не найти отражения в языке в целом, и идиоматике в частности, чему посвящено данное исследование.

Ключевые слова: лингво-когнитивный анализ, фразеологизм, идиома, концептуальная схема.

LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF IDIOMATIC EXPRESSIONS REPRESENTING THE CONCEPT “COLD” IN THE ENGLISH LANGUAGE

Mikheeva Liudmila

Senior Teacher of the Department of Foreign Languages and Oral Communication
Moscow International University
Moscow, Russia
Tel.: +79164553409 / mikheeva_ld@mail.ru

Abstract:

In the modern world the problem of successful communication is especially topical because of the rise in the frequency of contacts between representatives of different linguocultures. Today it has become crucial to understand the foreign culture mentality which is reflected in the language as a whole and in idioms as part of the system. This article contains a linguo-cognitive analysis of idioms based on the concept of “cold” which is one of the essential concepts for building idioms in the English language. The research uses dictionaries of leading universities and publishing houses as well as works by different linguists related to the topic as a basis for the study. Being part of a more general concept “weather”, the concept “cold” has been provoking different associations in people since time immemorial. As it is naturally opposed to warm weather, cold provokes negative emotions in people who happily stay under the sun or in a warm and cozy house and hide from the cold. People view cold as something unpleasant and hostile, which could not but reflect in the language as a whole and in idioms as part of the system, which is the problem this article is devoted to.

Keywords: linguo-cognitive analysis, phraseological unit, idiom, conceptual scheme.

На протяжении последних десятилетий страны и континенты становятся всё ближе, а значит, увеличивается и объем коммуникации между представителями разных лингвокультур. Эпоха интенсификации интерперсональных и межкультурных отношений, новые реалии современной жизни делают необходимым изучение менталитета представителей иноязычной культуры, который отражается в языке, в частности в идиоматике языка [Бузинова 2018, 78].

В данной статье мы проведем лингво-когнитивный анализ фразеологизмов-репрезентантов концепта «холод», являющегося одним из базовых концептов, на которых построены идиомы английского языка. В качестве материала для исследования мы использовали словари ведущих изданий и университетов, а также работы лингвистов, посвященные данной проблематике.

Являясь частью более общего концепта «погода», концепт «холод» с давних пор порождал у людей различные ассоциации. Будучи естественным образом

противопоставленным теплой погоде, холод вызывает у людей в основном отрицательные эмоции. Люди радуются солнцу и теплу и укрываются от холода. Это отношение к холоду как к чему-то враждебному и неприятному не могло не найти отражения в языке в целом, и в идиоматике в частности.

В данном исследовании мы будем использовать определение идиомы, данное лингвистом Л.П. Крысиным, который отождествляет понятия «идиомы» и «фразеологизма». **Фразеологизм** — а, м. (< фразеолог(ия) + суфф. -изм). лингв. Устойчивое сочетание слов, значение которого отличается от простой суммы значений составляющих его слов; то же, что идиома [Крысин 2005, 1080].

Холод, будучи простым, повседневно наблюдаемым погодным явлением, является основой для целого ряда идиом. Изучив данные фразеологизмы, мы построили следующую классификацию, в которой все фразеологические единицы расположены в соответствии с несколькими глубинными концептуальными схемами. Значение приведенных идиом дано на английском языке, т.к. дефиниции были взяты из ряда англо-английских толковых словарей и при переводе могут потерять часть того смысла, который хотели передать составители справочной литературы.

Первой из концептуальных схем, на которых построены фразеологизмы, является схема **Холод — это страх**. Основой для этой концептуальной схемы служит параллель, проводимая между холодом и чувством ужаса, страха и тревоги. К данному классу принадлежат следующие идиоматические выражения: *(one's) blood runs cold, make someone's blood run cold, cold feet, in a cold sweat, skate/walk/be on thin ice*. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

(One's) blood runs cold

One becomes seized by an acute and intense sensation of fear, panic, horror, or dread. *Janet could feel her blood run cold when the murderer she was testifying against walked into the courtroom.*

In a cold sweat

in a state of fear. *I was in a cold sweat while they counted the ballots.*

Skate/walk/be on thin ice

in a risky or dangerous situation: *He's skating on thin ice by lying to the police.*

Следующая схема **Холод — это отсутствие чувств, эмоций и интереса** построена на отождествлении холода с состоянием ступора или онемения. В данном исследовании мы объединили такие, на первый взгляд, разные вещи, как чувства и интерес, т.к. при более доскональном анализе мы обнаружили неотъемлемую связь между этими явлениями. С одной стороны, когда человеку что-либо интересно, это порождает у него чувства и эмоции. С другой стороны, наличие чувств и эмоций по отношению к чему-либо свидетельствует о наличии интереса. При отсутствии же всех трех элементов, мы говорим о незаинтересованности и безразличии, понятия которые являются близкими синонимами. Эти умозаключения позволили нам объединить чувства, эмоции и интерес в одну схему. Примерами данной схемы служат следующие фразеологизмы: *a cold fish, blow cold, take/need a cold shower, leave one cold, a cold piece of work, grow cold, cold shoulder, to cold-shoulder, in the cold light of day, stone cold, in cold blood, stop someone cold, cold-hearted, cold facts*. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Leave one cold

Disappoint one, fail to interest one. For example, *This book leaves me cold*. Это выражение, использующее «холод» для выражения отсутствия интереса, было впервые зафиксировано в 1853 году, однако первые случаи использования относятся к концу XII века.

Stone cold

Unfeeling, insensible, as in *That sad story left her stone cold*. Данная аналогия была впервые использована Уильямом Шекспиром в исторической хронике «Генрих V»: *"Cold as any stone."* [<http://shakespeare.mit.edu/henryv/henryv.2.3.html>]

Revenge is a dish best served cold.

Prov. It is very satisfying to get revenge a long time after the event for which you want revenge. *I don't mind waiting to get revenge on Greg; I'll wait ten years if I have to. Revenge is a dish best served cold.*

Третья из выделенных нами концептуальных схем называется **Холод — это нахождение за пределами общества, аутсайдерство**. Холод, как правило, ассоциируется с погодой на улице и противопоставлен домашнему теплу и уюту, из чего следует, что человек, который находится на холоде, по каким-то причинам не может зайти погреться в дом. Наиболее очевидной причиной является то, что он не знаком с хозяевами, либо не является частью круга их общения. К данной схеме относятся следующие фразеологизмы: *be brought in from the cold, bring (someone) in from the cold, out in the cold, cold call, break the ice (informal)*. Рассмотрим подробнее некоторые из этих выражений.

Bring (someone) in from the cold

To allow someone to join or participate in a group from which he or she was previously excluded; to accept someone into a certain social setting. *A relatively unknown director for most of her career, her work with the A-list celebrity garnered the attention of a major Hollywood studio and finally brought her in from the cold.*

Out in the cold

1. Lit. outdoors where it is cold. (*Typically: be ~; keep someone or some creature ~; leave someone or some creature ~; put someone or some creature ~.) *Open the door! Let me in! Don't keep me out in the cold!*

2. Fig. not informed about what is happening or has happened. (*Typically: be ~; keep someone ~; leave someone ~.) *Please don't leave me out in the cold. Share the news with me!*

3. Fig. excluded. (*Typically: be ~; keep someone ~; leave someone ~.) *There was a party last night, but my friends left me out in the cold.*

Be left (out) in the cold

To be ignored, forgotten, or excluded, as from a group, activity, benefit, etc. *Our constituency feels it has really been left in the cold during the debate around this topic.*

Следующая, четвертая схема называется **Холод — это бессознательное состояние или смерть**. Данная концептуальная схема построена на том, что с одной стороны холод замедляет процессы жизнедеятельности и замерзший человек становится пассивным, а при сильном обморожении он едва ли может пошевелиться. С другой стороны, холод ассоциируется с холодными телами покойных людей. Примерами данной схемы служат *be knocked out cold, be out cold, in cold storage, down cold*. Остановимся на некоторых из них.

Be knocked out cold

1. To be or be rendered unconscious, as by a physical blow, medication, or other means. *I had a shot at a championship boxing title, but I was knocked out cold in the semi-finals.*

2. To be in a deep, soundless sleep, especially due to exhaustion or fatigue. *The kids are all upstairs, knocked out cold from our day's hike.*

Down cold

Learned, mastered, or understood perfectly, to the point of requiring little or no focus to do, recall, or accomplish. *Make sure you practice these equations until you have them down cold.*

Данную идиому мы добавили в концептуальную схему бессознательного состояния, так как согласно Толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, **автоматизм** – бессознательность, произвольность действия или движения, свойство автоматического [Толковый словарь русского языка 1935-1940].

Пятая из выделенных нами концептуальных схем называется **Холод — это неудача**. Связь между холодом и неосуществлением задуманного не так очевидна, но мы можем предположить, что предпосылкой данного отождествления может служить тот факт, что холод в нижеперечисленных примерах сравнивается с неожиданной и неприятной новостью и большинство этих фраз построены на сопоставлении прямого смысла данных идиом с получением подобных новостей. К данной схеме относятся

следующие фразеологизмы: *cold shower, pour / throw cold water on something, cold comfort, to put a freeze on something/to put something on ice.*

Cold shower

A surprisingly chilly reception, reaction, or response, as in *The small voter turnout was a cold shower to the League of Women Voters.* Данная идиома содержит в себе аллюзию на неожиданный и не всегда приятный эффект ледяного душа.

Cold comfort

When something is cold comfort to someone it means that an improved situation that should help them doesn't in reality make them feel better. So it is poor or inadequate consolation. For example, *we could say the economic recovery is cold comfort to those people who have lost their jobs because it hasn't given them new jobs.*

Эту схему можно также рассматривать с позиции противопоставления тепла и холода, т.к. комфорт, как правило, ассоциируется с теплом и уютом. Данное выражение построено на стилистическом приеме оксюморон и может также быть рассмотрено в рамках схемы «Контраст».

Последняя шестая концептуальная схема называется **Холод — это избавление от дурных привычек**. Данная схема основана на том, что любые застолья происходят в помещении и при выходе на холод человек быстро трезвеет. Примерами данной схемы являются *stone (cold) sober, cold turkey.*

Однако иногда идиоматические выражения построены не столько на основе самого концепта «холод», сколько на противопоставлении концепта «холод» концепту «тепло». В этом случае противоположные погодные явления образуют одну лексическую единицу. Изучив подобные случаи мы выделили 3 схемы.

В первой схеме данное противопоставление означает **непостоянное состояние**, т.е. постоянная смена температуры свидетельствует об изменчивости чего-либо, например, *run hot and cold, blow hot and cold, be hot and cold.*

Следующая схема описывает **невозможность чего-либо**. Входящие в этот класс идиомы содержат скрытое сравнение и противопоставление холода и тепла, при этом ситуация которая создается этими концептами маловероятна.

A cold day in Hell

An impossible event used as an analogy for something the speaker thinks will never happen. Often used in the phrase "it will be a cold day in Hell before (something happens)."

A cold day in July

A time or event that seems unlikely or will never come to pass. It refers to the fact that the weather is usually very hot in July. *It'll be a cold day in July before they built the road.*

Последняя третья схема передает **контраст**, который является естественным следствием из противоположных понятий «тепла» и «холода». Например, *cold hands, warm heart; cold comfort.*

Как мы убедились исходя из вышеперечисленных примеров и концептуальных схем, холод в сознании людей ассоциируется с чем-то неприятным и враждебным. Люди предпочитают укрываться от холода в тепле своих домов, и нахождение на холоде гостя в повседневной культуре воспринимается как неуважение, либо неприятие пришедшего человека. Все эти представления о холоде легли в основу шести концептуальных схем, выделенных нами в результате исследования, а также трех схем, основанных на противопоставлении тепла и холода. Все эти схемы и ассоциации не только обогащают лексику и постоянно пополняют ее новыми единицами, но и отражают менталитет носителей англоязычной лингвокультуры, что необходимо учитывать при изучении иностранных языков, т.к. «коммуникация составляет основу современных методов обучения иностранным языкам» [Михеева 2018, с. 304].

Перспективы исследования видятся в изучении бóльшего количества идиоматических единиц и изучении всего концепта «погода» в контексте межкультурной коммуникации.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы. – Вопросы языкознания, 1996, № 5. С. 51-64.
2. Большой словарь иностранных слов. Более 25000 слов / сост. А. Ю. Москвин. — 7-е изд., испр. и доп. — М.: Центрполиграф, 2008. — 688 с.
3. Бузинова Л.М. Фразеологические особенности французской педагогической коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. №4 (32). С. 78-85.
4. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. — М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. — 1040 с. — 3-е изд., испр. и доп.
5. Интернет-ресурс English at Home URL: <http://www.english-at-home.com/idioms/cold/> (дата обращения 23.01.2019).
6. Интернет-ресурс English with a twist URL: <http://englishwithatwist.com/> (дата обращения 10.01.2019).
7. Интернет-ресурс Every Word Counts URL: <http://www.everywordcounts.co.uk/> (дата обращения 27.01.2019).
8. Интернет-ресурс grammarly blog URL: <https://www.grammarly.com/blog/cold-weather-idioms/> (дата обращения 23.01.2019).
9. Интернет-ресурс для изучающих английский язык URL: <http://english-learners.com/> (дата обращения 14.01.2019).
10. Кембриджский словарь английского языка URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 20.01.2019).
11. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/dictionnaire_russe_des_mots_dorigine_etrangere-komlev.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд., доп. - М.: Рус. яз., 2005. – 1210 с.
13. Михеева Л.Д. Современные методики обучения иностранным языкам в эпоху глобализации // Образование в глобальном мире: инновации, проблемы и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.Е.Кузьмина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. С. 300-306.
14. Оксфордский словарь английского языка URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 23.01.2019).
15. Середина К.Г., Томлянович А.К., Краснянская И.А. Идиоматика в английской речи. М.: Просвещение, 1964. -50 с.
16. Словарь Merriam-Webster URL: <http://www.learnersdictionary.com/> (дата обращения 19.01.2019).
17. Словарь The Free Dictionary URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения 15.01.2019).
18. Словарь Академик. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения 23.01.2019).
19. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.. 1976. 544с.
20. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).
21. Шекспир Уильям. Генрих V. 1599. URL: <http://shakespeare.mit.edu/henryv/henryv.2.3.html> (дата обращения: 14.01.2019).

References:

1. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Idiomaticity and idioms. – Voprosi yazikoznania, 1996, № 5. P. 51-64.
2. The Great Dictionary of Foreign Words. More than 25000 words / by A.Yu. Moskvin. – 7th edition, revised and enlarged. Moscow: Tsentropoligraph, 2008. - 688 p.
3. Buzinova L.M. Phraseological Features of French Pedagogical Communication // Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seria: Filologia. Teoria yaz'ika. Yaz'ikovoie obrazovanie. 2018. №4 (32). P. 78-85.
4. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. New Dictionary of Foreign Words: more than 25000 words and phrases. – Moscow: ООО ИФ “Azbukovnik”, 2008. — 1040 p. — 3rd edition, revised and enlarged.
5. Internet-resource English at Home [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.english-at-home.com/idioms/cold/> (access date 23.01.2019).
6. Internet-resource English with a twist [Electronic resource]. – Access mode: <http://englishwithatwist.com/> (access date 10.01.2019).
7. Internet-resource Every Word Counts [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.everywordcounts.co.uk/> (access date 27.01.2019).
8. Internet-resource grammarly blog [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.grammarly.com/blog/cold-weather-idioms/> (access date 23.01.2019).
9. Internet-resource for English learners [Electronic resource]. – Access mode: <http://english-learners.com/> (access date 14.01.2019).
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <http://dictionary.cambridge.org/> (access date 20.01.2019).

11. Komlev N.G. Dictionary of Foreign Words. Moscow: Eksmo-Press, 2000. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/dictionnaire_russe_des_mots_dorigine_etrangere-komlev.pdf (access date: 24.01.2019).
12. Krysin L.P. Thesaurus of Foreign Words. 3rd edition, enlarged. – Moscow: Russkii yazik, 2005. – 1210p.
13. Mikheeva L.D. Modern methods of teaching foreign languages in the age of globalization // Education in the global world: innovations, problems and prospects: sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferenzii / editor in chief Kuz'mina E.E. – Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2018. P. 300-306.
14. The Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://en.oxforddictionaries.com/> (access date 23.01.2019).
15. Seredina K.G., Tomlianovich A.K., Krasnyanskaya I.A. Idiomaticity in the English Speech. Moscow: Prosveshenie, 1964. – 50 p.
16. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.learnersdictionary.com/> (access date 19.01.2019).
17. The Free Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (access date 15.01.2019).
18. Academic Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <http://dic.academic.ru> (access date 23.01.2019).
19. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd edition. – Moscow: Prosveshenie. Rozental D.E., Telenkova M.A. 1976. 544 p.
20. Thesaurus of the Russian Language / edited by D.N. Ushakov. – Moscow: Gos. in-t “Sov. entsikl.”; OGIZ; Gos. izdatelstvo inostrannyh i natsional'nyh slov, 1935-1940. (4 vol.).
21. Shakespeare William. Henry V. 1599. [Electronic resource]. – Access mode: <http://shakespeare.mit.edu/henryv/henryv.2.3.html> (access date 14.01.2019).

УДК 811.112.2'373.612.2

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА SONNE В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Остапенко, Юлия Олеговна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1336108@bsu.edu.ru

Скокова, Татьяна Николаевна

научный руководитель
канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / skokova@bsu.edu.ru

Аннотация

Концепт SONNE относят к базовым концептам, составляющим фундамент национальной концептуальной системы. В статье осуществляется анализ фразеологических средств, репрезентирующих категориально-концептуальные уровни концепта SONNE в немецкой языковой картине мира. В результате проведённого анализа автором статьи выделяются следующие метафорические модели воплощения категориально-концептуальных уровней в немецком языке: солнце - «символ жизни», «источник тепла», «обличитель обмана», «любовь», «радость/счастье», «добродушное и весёлое существо», «лучший выбор», «источник вреда». При ближайшем исследовании выделенных метафорических моделей формулируется вывод о том, что концепт SONNE эксплицируется в немецкой языковой картине мира в основном посредством онтологических метафор и механизма персонификации.

Ключевые слова: концепт SONNE, немецкая языковая картина мира, фразеологические единицы как средства репрезентации категориально-концептуальных уровней концепта SONNE.

METAPHORIZATION OF THE CONCEPT SONNE IN GERMAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Ostapenko Yuliya

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1336108@bsu.edu.ru

Skokova Tatyana

Supervisor
Candidate of Philology, Associate Professor at the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

Concept SONNE is regarded as a basic concept which forms the foundation of national conceptual system. The article deals with the analysis of phraseological units representing categorical-conceptual levels of concept SONNE in German language picture of the world. As a result of analysis, the following metaphorical models embodying the categorical-conceptual levels in German are defined in the article: the sun is seen as a “life symbol”,

“heat source”, “denouncer”, “love”, “happiness/joy”, “good-natured and funny creation”, “the best choice”, “source of harm”. On closer examination of the defined metaphorical models the author concludes that concept SONNE finds its expression mainly through ontological metaphors and personification mechanism. The author stressed the fact that the sun is considered as a positive character in German language picture of the world; therefore, concept SONNE has a positive connotation.

Keywords: concept SONNE, German language picture of the world, phraseological units as means of representation of categorical-conceptual levels of concept SONNE.

В современном обществе, которое всё более отчетливо характеризуется процессами глобализации, человек постепенно начинает осознавать ценность и уникальность национальных культур, важность их сохранения и развития. Как следствие, в последние десятилетия на первый план лингвистических исследований выступает лингвокультурология, а также изучение языковых картин мира разных народов (см. работы О.А. Корнилова [Корнилов 2003, 24-28], З.Д. Поповой [Попова 2002, 90], Т.Б. Радбиля [Радбиль 2010, 174-184]). Культурные концепты рассматриваются как фрагменты языковой картины мира, поэтому их исследование в современном языковом пространстве является особо актуальным и помогает ещё раз убедиться в том, что язык – это не только система и структура, обслуживающая нужды коммуникации, но и основа национальной и индивидуальной идентичности.

Целью данной статьи явилось выявить метафорические воплощения категориально-концептуальных уровней концепта SONNE в немецкой языковой картине мира на материале фразеологического фонда (немецко-русский фразеологический словарь Л.Э. Биновича, русско-немецкий словарь идиоматических выражений Р. Эйвадиса, 1000 Deutsche Redensarten Г. Хайнца, PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache).

Языковая картина мира (также языковая модель мира) – это отраженный в языке способ видения мира. Всё, что происходит в жизни этноса на протяжении веков, не остаётся незамеченным, а подсознательно складывается в определённую идеальную систему, а средством отражения этого процесса выступает язык. Языковая картина мира служит основой для выявления универсальных и национально своеобразных языковых черт и способствует формированию общности суждений у данного этноса. Языковая картина мира также является субъективным образом объективной реальности, так как каждый человек по-своему и неповторимо воспринимает мир. Другими словами, языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия реальности, «это совокупность представлений народа о действительности, которые фиксируются в языковых единицах на определённом этапе развития народа» [Попова 2002, 90]. Именно этим объясняется то, что каждый национальный язык – это универсальная система истин, знаний, которая обусловлена своеобразной психологией народа. Язык представляет тот или иной предмет объективной картины мира через значения слов или устойчивых выражений, в совокупности – концептуализирует её. Языковая картина мира отражает в вербальных формах действительность, которая воспринимается сознанием. Поэтому предметом исследования современной лингвистики подразумевается и вопрос о степени влияния человека на язык, на котором он говорит, и о влиянии природного языка на поведение и мышление человека, особенно, что касается формирования его картины мира.

Отличный пример того, что отражённая в языке «наивная модель мира» может иметь как универсальный, так и национально-специфичный характер, можно найти у русского лингвиста О.А. Корнилова. Он представляет все народы как жильцов, которые живут в разных домах и на разных этажах, но при этом их окна выходят на один и тот же двор. Они видят либо совершенно разные вещи, либо одну и ту же, но в разных ракурсах. Так, например, двор может выглядеть для жителей разных этажей по-разному. Житель первого этажа, скорее всего, будет утверждать, что двор – это заросли кустов, которые закрывают окна. Другое мнение будет наблюдаться у жителя верхнего этажа; двор для него – это, например, спортивная площадка, окруженная по периметру гаражами. В

результате получается некий парадокс: объективный единый мир для каждого этноса различен, так как он соприкасается с ним только в какой-то одной части. Мир как бы повернут к конкретному народу лишь своей незначительной частью, которая и получает в языке наибольшую дифференциацию, ибо только она дается ему в непосредственных ощущениях, остальная часть внешнего мира обозначается «крупными мазками», не «прорисовывается тщательно» [Корнилов 2003, 24-28].

Языковая картина мира тесно связана с культурной картиной мира, однако их не следует соотносить как часть и целое, так как они взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. «Язык – часть культуры, но и культура – только часть языка» [Тер-Минасова 2000, 311]. И, несмотря на то, что, на первый взгляд, культурная картина мира отдельного народа кажется полнее, именно язык вербализует её, хранит и передаёт из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не всё, что есть в национальном видении мира, но способен описать всё.

В лингвистике понятие концепта рассматривается в трёх основных направлениях: культурологическом, философском и психолингвистическом. При исследовании языковых картин мира национальных языков целесообразно использовать лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к понятию концепта. Они, по мнению В.И. Карасика, различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – от культуры к индивидуальному [Карасик 2004, 116]. Концепты рассматриваются в таком случае как компоненты, «сгустки культуры» [Степанов 1997, 40-42], результат взаимодействия культуры и человеческого сознания; это дискретная единица коллективного сознания, которая сохраняется в национальной памяти носителей языка в вербально детерминированной форме [Диллон 2000, 51-52]. Таким образом, концепт включает в себя абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия, что указывает на ведущую роль концепта в сфере лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований.

Концепты SONNE и MOND относятся к базовым концептам немецкой языковой картины мира, которые возникли ещё в начале её формирования. Изначально они вобрали в себя донаучные, обыденные представления немецкого народа о данных небесных телах как о дневном и ночном светиле.

В толковых словарях солнце представлено в трёх основных значениях:

Sonne, die <-, -n>

1. a. *als gelb bis glutrot leuchtende Scheibe am Himmel erscheinender, der Erde Licht und Wärme spendender Himmelskörper;*
b. *Licht [und Wärme] der Sonne; Sonnenstrahlen; Sonnenschein;*
2. *(Astronomie) zentraler Stern eines Sonnensystems;*
3. a. *(seltener) Kurzform für: Heizsonne;*
b. *(seltener) Kurzform für: Höhensonne* [DUDEN 2002, 828].

На основании словарной статьи, можно отметить, что в сознании немцев объект “die Sonne” в первую очередь представлен как округлое небесное тело жёлтого или багрового цвета, которое освещает Землю и дарит тепло. Толковый словарь PONS, а также словарная база DWDS выделяют, кроме этого, такое производное лексическое значение, как солнечный свет, а также переносное для обозначения предметов, которые внешне напоминают солнце: *Bestrahlung mit künstlicher Sonne (Ultraviolett)* [DWDS 2019].

Проведя анализ лексической сочетаемости слова SONNE в немецком языке, мы определили, что основными средствами языковой категоризации солнца в немецком языке являются онтологические метафоры. Нами были выделены следующие метафорические воплощения категориально-концептуальных уровней концепта SONNE в немецкой языковой картине мира:

Солнце – символ жизни. Особое внимание следует обратить на группу фразеологизмов, в которых солнечный свет воспринимается как некая благодать, символ

существования. Данный момент эксплицируется в таких выражениях как: *du bist nicht wert, dass dich die Sonne bescheint* – как тебя только земля носит; *geh mir aus der Sonne* – исчезни с глаз моих; *er wird nicht lange mehr das Licht der Sonne schauen* – он долго не протянет.

Солнце – источник тепла. Здесь процесс метафоризации происходит на основе комплексного перцептивного признака объекта, что отражается в наличии нескольких групп фразеологических единиц, которые ему соответствуют. Прежде всего, это группа со значением «загорать»: *Sonne tanken, sich die Sonne auf den Pelz brennen lassen*. Далее следует группа фразеологических единиц, связанная с процессом таяния определённых веществ (масла, снега) на солнце. Необходимо, однако, отметить, что в этой группе значение фразеологизмов может связываться как с внезапным исчезновением, уходом человека – *wie Butter an der Sonne schmelzen; wie Schnee an der Sonne schmelzen* (исчезнуть, растаять, как снег на солнце), так и с чувством вины – *wie Butter an der Sonne dastehen (bestehen)* – совершенно растеряться, оробеть.

Солнце – обличитель обмана. Данный признак находит свою экспликацию во фразеологизме *die Sonne bringt es an den Tag* – шила в мешке не утаишь, все тайное рано или поздно становится явным, который подразумевает, что даже очень тщательно скрытый обман разоблачается с течением времени. Корни этого выражения уходят далеко в историю, а сходные ему мысли обнаруживаются ещё в трудах античных авторов и в Библии. Однако при всём этом в современном виде фразеологизм впервые сформулировал немецкий поэт Адельберт фон Шамиссо (1781-1838). «Die Sonne bringt es an den Tag» – это название, а также разнообразно варьируемая строчка припева в одной из его баллад. В ней повествуется о тайном убийстве, которое тщательно скрывалось в течение долгих лет, но в конечном итоге убийца сам себя выдал. Источником для написания баллады автору послужила сказка братьев Гримм под названием «Die klare Sonne bringt es an den Tag», в которой описывается подобная история.

Наряду с вышеупомянутой фразеологической единицей в немецком языке также существуют выражения *es kommt doch endlich an die Sonnen* и *es kommt doch an das Licht der Sonnen*, которые указывают на тот же признак.

Солнце – любовь. В этом случае солнце обретает позитивную коннотацию и представляется как источник любовного чувства, что находит отражение во фразеологизме *die Sonne in sein Herz lassen* – открыться любви, радостям в жизни.

Солнце – радость/счастье. Во многих лингвокультурах, в том числе и в немецкой, солнце выступает как источник счастья и хорошего настроения. Такие представления можно отметить и во фразеологическом фонде языка: *Sonne im Herzen haben* – быть радостным, добрым; *keine Sonne sehen* – не иметь надежды на счастье; *nach Regen kommt die Sonne* – будет и на нашей улице праздник.

Солнце – добродушное и весёлое существо. Некоторые примеры фразеологизмов в немецкой лингвокультуре свидетельствуют о персонификации солнца. Это отражается в присвоении ему таких личностных черт как добродушие и весёлый нрав. Так, солнце может смеяться – *die Sonne lacht*, и тогда на улице стоит прекрасная солнечная погода. Также у него может быть хорошее настроение; на это указывает фразеологическая единица *die Sonne meint es heute gut* – сегодня ярко светит солнце.

Солнце – лучший выбор. Подтверждение этой метафоре обнаруживается во фразеологической единице *ein Platz an der Sonne* – место под солнцем, которая имеет значение «лучшее, выгодное положение».

Солнце – источник вреда. Несмотря на множество фразеологических единиц с позитивной коннотацией, в языковой картине мира немцев отмечен и тот факт, что солнце может причинить вред здоровью. Это иллюстрирует фразеологизм *einen Sonnenstich haben* – быть не в своём уме, что эквивалентно русскому перегреться на солнышке.

Таким образом, проведённый анализ показал, что среди физических свойств объекта “die Sonne” в немецком языке в его фразеологическом фонде запечатлено лишь

одно – источник тепла, но в то же время это свойство представлено довольно обширной группой фразеологизмов. Далее, следует подчеркнуть, что в немецкой языковой картине концепт SONNE категоризируется в основном посредством онтологических метафор и механизма персонификации; солнце представляется как положительный персонаж, т.е. концепт имеет положительную коннотацию. Данный момент отражён в таких метафорических моделях как «обличающий обман», «символ жизни». Негативный аспект выражен слабо, но всё же присутствует (модель «источник вреда»), что отражает познания немецкого народа о вреде чрезмерного пребывания под солнечными лучами. В целом, солнце у немцев связано с теплом (душевым в том числе) и позитивными эмоциями, подтверждение чему можно обнаружить в метафорических моделях «любовь», «радость/счастье».

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. – С. 387-415
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – 195 с.
5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта, 2010. – 328 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
8. Dillon, J. The Question of Being // Greek Thought a Guide to Classical Knowledge. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – pp. 51-71.
9. Kunkel-Razum, K. Duden: Standardwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Mannheim: Dudenverlag, 2002. – 1103 S.
10. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Sonne>.

References

1. Karasik, V.I. Language Circle: Person, Concepts, Discourse. – M.: Gnozis, 2004. – 390 p.
2. Kornilov, O.A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. – M.: CheRo, 2003. – 349 p.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by // Theory of metaphor. – M., 1990. – pp. 387-415.
4. Popova, Z.D, Sternin I.A. Language and national picture of the world. – Voronezh: Istoki, 2002. – 195 p.
5. Radbil, T.B. Basics of studying the language mentality. – M.: Flinta, 2010. – 328 p.
6. Stepanov, J.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. – M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. – 824 p.
7. Ter-Minasova, S.G. Language and intercultural communication. – M.: Slovo, 2000. – 624 p.
8. Dillon, J. The Question of Being // Greek Thought a Guide to Classical Knowledge. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – pp. 51-71.
9. Kunkel-Razum, K. Duden: Standard dictionary of German as a foreign language. – Mannheim: Dudenverlag, 2002. – 1103 p.
10. DWDS – Digital dictionary of German language, 2019 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.dwds.de/wb/Sonne>.

УДК 81'373.614

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЕДА»

Перельгина, Татьяна Анатольевна

доцент, к.филол.н.,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / perelygina@bsu.edu.ru

Тимошилова, Елизавета Михайловна

студентка группы 02051604,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия / e.kroshka@vandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению этимологических характеристик лексем тематической группы «еда». Эта группа недостаточно изучена из-за невнимания к этимологическим и лексическим составляющим. Раскрываются этимологическая и лексическая составляющие лексем. Анализируются центральные и периферийные элементы значения лексемы «еда» в английском языке. Представлены результаты этимологического анализа английских существительных тематической группы «еда» (*apricot, avocado, banana, bite, bread, breakfast, brownie, cake, coffee, dinner, lollipop, lunch, marmalade, muffin, pineapple, pudding, snack, supper, tea, trifle, water, whisky*). На лексико-графическом материале прослеживаются

культурно-специфические особенности феномена «еда», репрезентирующие универсальное понятие в рамках конкретной ментальности и лингвокультуры. Акцентируется идея о тесной зависимости развития словарного состава национального языка от исторического этапа его развития в рамках социокультурного и культурно-исторического контекста. Намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: этимология, тематическая группа «еда», культурно-специфические особенности феномена «еда».

ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE LEXEMES OF THE THEMATIC GROUP «FOOD»

Perelygina Tatyana

Associate Professor, Ph. D. in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / perelygina@bsu.edu.ru

Timoshilova Elizaveta

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / e.kroshka@yandex.ru

Abstract

The paper is devoted to the consideration of the etymological characteristics of the tokens of the thematic group «food». This group is insufficiently studied due to the fact that little attention is paid to its etymological and lexical characteristics. The etymological and lexical components of lexemes are revealed. The central and peripheral elements of the meaning of the food lexeme in English are analyzed. The results of the etymological analysis of the English nouns representing the thematic group «food» (*apricot, avocado, banana, bite, bread, breakfast, brownie, cake, coffee, dinner, lollipop, lunch, marmalade, muffin, pineapple, pudding, snack, supper, tea, trifle, water, whisky*) are presented. The lexical-graphic material traces the cultural-specific features of the «food» phenomenon, representing the universal concept within the framework of a specific mentality and linguistic culture. The idea of a close dependence of the development of the vocabulary of the national language on the historical stage of its development within the framework of the socio-cultural and cultural-historical context is emphasized. Future research prospects are outlined.

Key words: etymology, thematic group «food», cultural-specific features of the phenomenon of food.

Etymology is an important part of the history of language. Without its use we can only describe the facts, almost completely without explaining them.

The linguistic encyclopedic dictionary gives such definition of etymology. Etymology (Greek. etymology, from etymon – truth and logos – word, teaching) – section of linguistics (linguistics), studying the origin of words, their original structure and semantic relations, as well as research procedure aimed at revealing the origin of the word (LED).

The aim of our research is to study the history of the origin of English words with the meaning «food».

The following research methods were applied: the study of linguistic literature and lexicographical material, the analysis of words from the point of view of etymology.

The study of the vocabulary of the modern English language is of great interest from the point of view of etymology, since it includes a huge number of words from many languages belonging to different groups (Latin, Greek, French, German, etc.). Approximately 70% of English vocabulary consists of borrowed words and only 30% of native words. The Roman conquest, the introduction of Christianity, the Danish and Norman conquest, the British colonial system played an important role in the development of the vocabulary of the English language.

In English, there are only 2 native elements of the language: Indo-European and German, and many borrowed elements can be found: Celtic, Latin, French, Scandinavian, Greek, Italian, Spanish and even Russian.

The lexeme «food» is insufficiently studied due to the fact that little attention is paid to its etymological and lexical characteristics. Analysis of etymological English, German and Russian dictionaries led to the conclusion that the etymology of the lexemes «*food*», «*Essen*», «*еда*» goes back to the common Indo-European root *ed- and retained in their cognitive memory the original conceptual content, which was brought under the form of these signs throughout their existence (based on the Indo-European root *ed-, there was the meaning of «eat»).

They reflect the cultural and specific idea of the phenomenon of food.

Lexicographic sources allowed us to determine the range of actively used lexemes in connection with the lexeme «food».

Based on the definitions presented in the dictionaries, the core of the modern semantic structure of the lexeme «food» is the meaning: food, nutrition (OED). The peripheral, least common meaning of the name «food» is the meaning of «means of maintaining physical and mental strength» (EWDS).

The intermediate position between the nucleus and periphery occupy values – «food in the hard shell» (EWDS), «type of product (its quality, appearance and properties)» (CCLD), «ideas for thinking about something.»

All synonyms of the analyzed area «food» can be divided into two groups:

- 1) denoting what is edible for both humans and animals;
- 2) denoting a material that nourishes and supports mental and emotional balance.

According to the dictionaries, the token «food» is ambiguous.

Consider the etymological characteristics of the lexemes associated with the time of eating, food (drinks, flour products, desserts, fruits and sweets).

1. Lexemes «meal time». The group is represented by English lexemes: *breakfast, dinner, lunch, snack/bite, supper, dinner* (n) «first big meal of the day» (eaten between 9 a.m. and noon) (CED). The noun is attested in the XIII century. It has connections with (O)F. *dîner*, earlier *disher*, from stem of Gallo-Roman **desjūnāre* «to break one's fast,» from L. **disjējūnāre*, from *dis-*«undo, do the opposite of»+ *jējūnare* «to fast,» from L. *jejunus* «fasting, hungry, not partaking of food»(ODEE, p. 269).

lunch (n) «mid-day repast, small meal between breakfast and dinner» (CED). It is a shortened form of *luncheon*, which is of uncertain origin; it appears to be identical with an older word meaning «thick piece, hunk» in the XVI century, which perhaps evolved from *lump* (ODEE, p. 540).

snack (n) «a simple meal that is quick to cook and to eat» (CED). It is attested in the XV century with the meaning «a snatch or snap» (especially that of a dog) from MDu. *snac(k)* in the first sense. Main modern meaning «a bite or morsel to eat hastily» is attested in the XVIII century (ODEE p. 839).

bite (n) «a biting, an act of piercing with the teeth» (CED) from OE. *bitan*. Related words are found in OFris. *bīta*, OS. *bītan* (Du. *bijten*), OHG. *bīzan* (G. *beissen*), ON. *bita*, Goth. *beitan*. As a noun this word is attested in the XV century (ODEE p. 97).

supper (n) «the last meal of the day» (CED). It is dated XIII century. It is from OF. *soper* «evening meal,» noun use of the infinitive *soper* «to eat the evening meal», which is of Germanic origin *sup* «take liquid into the mouse in small quantities» (ODEE p. 887).

Lexemes meal time (6) have an autochthonous origin (1), Romanesque origin (2), German basis (2), Indo-European basis (1). They are attested in the XIII century (2), XV century (3), XVI century (1).

2. Lexemes for liquids. The group is represented by English lexemes: *water, whisky, tea, coffee*.

water (n) «a clear thin liquid that has no colour or taste when it is pure» (CED). OE. *wæter*, OFris. *weter*, OS. *watar*, Du. *water*, G. *wasser*, ON. *vatn*, Goth. *wato* are from IE. root **wod-* (ODEE, p. 994).

whisky (n) «a strong alcoholic drink made, especially in Scotland, from grain such as barley or rye» (CED). It is dated in XVIII century. It is from Gaelic *uisge beatha* «whisky», literally «water of life,» from OI. *uisge* «water» + *beatha* «life» (ODEE p. 1003).

tea (n) «a drink made by adding hot water to tea leaves or tea bags» (CED). It is dated in XVII century (ODEE, p. 906). *Tay*, also in early spellings *thea, tey, tee*, the modern pronunciation predominates from the middle of the XVIII century. But earlier in English as *chaa*, also *cha, tcha, chia, cia*. The two forms of the word reflect two paths of transmission: *chaa* is from Portuguese *cha*, attested in Portuguese from 1550s, via Macao, from Mandarin (Chinese) *ch'a*. The later form, which became Modern English *tea*, is via Dutch, from Malay *the* and directly from Chinese (Amoy dialect) *t'e*, which corresponds to Mandarin *ch'a*.

The distribution of the different forms of the word in Europe reflects the spread of use of the beverage. The modern English form, along with F. *thé*, S. *te*, G. *Tee*, etc., derive via Du. *thee* from the Amoy form, reflecting the role of the Dutch as the chief importers of the leaves (through the Dutch East India Company, from 1610). Meanwhile, Russian *chai*, Persian *cha*, Greek *tsai*, Arabic *shay*, and Turkish *çay* all came overland from the Mandarin form.

First known in Paris in 1635, the practice of drinking tea was first introduced in England in 1644. Meaning «afternoon meal at which tea is served» is from 1738.

coffee (n) «a hot drink made with water and ground or powdered coffee beans» (CED) or «drink made from the ground and roasted seeds of a tree originally native to Arabia and Abyssinia». The present form is first recorded in XVII century with variants *coffe*, *cauphe*, *cophee* from Du. *koffie*, from Turk. *kahveh*, from Arab. *qahwah* «coffee,» which Arab etymologists connected with a word meaning «wine», but it is perhaps rather from the Kaffa region of Ethiopia, a home of the plant (*coffee* in Kaffa is called *būno*, which itself was borrowed into Arabic as *bunn* «raw coffee»).

The early forms of the word in English indicate a derivation from Arabic or Turkish: *chaoua* (1598), *cahve*, *kahui*, etc. F. *café*, G. *Kaffe* are via It. *Caffè* (ODEE p. 188).

Lexemes for liquids (4) are of Indo-European (2) and Chinese origin (1) and Arabic-Turkish (1). Time of their appearance is an old English period (1), XVII century (2), XVIII century (1).

3. Lexemes denoting flour products. This group is represented by English lexemes: *bread* and *cake*.

bread (n) «a very common food made from flour, water, and yeast» (CED). OE. *brēad* «bit, crumb, morsel; bread,» cognate with OFris. *brād*, OS., (MLG. *brōd*, OHG. *brot* (G. *brot*), ON. *brauð*. The proper Germ. word for 'bread' is seen in *loaf*, the original meaning of 'bread' being perhaps 'fragment, piece, morsel' (as in OE. pl. *brēadru*); but before 1200 *bread* had replaced *loaf* (*hlaf*) as the name of the substance, the latter being restricted to the shaped and baked article (ODEE p. 115).

cake (n) «a sweet food made by baking a mixture of flour, eggs, sugar, and fat in an oven» (CED). As a flat sort of loaf it is dated in XIII century; confectionery made with flour, flavoured more or less richly in XV century; (Sc.) thin hard-baked oaten bread in XVI century. It is probably from ON. *kaka* (Icel., Sw. *kaka*, Da. *kage*) formed on **kak-*, related to **kōk-*, represented by G. *kuchen* (ODEE p. 135).

Lexemes denoting flour products (2) are of autochthonous and Scandinavian (German) origin. They are recorded in the XIII century.

4. Lexemes calling English desserts. This group is represented by English lexemes: *muffin*, *brownie*, *trifle*, *pudding*.

muffin (n) «small, round, sweet cakes, usually with fruit or bran inside» (CED). It is dated in XVII century. The origin is unknown; probably from OF. *moufflet* «soft, tender» (said of bread) (ODEE p. 595).

brownie (n) «small flat biscuits or cakes. They are usually chocolate flavoured and have nuts in them» (CED). It is recorded in this meaning in XVI century. It is from *brown*. OE. *brūn* «dark, dusky», developing a definite color sense only in XIII century. It can be found in OFris., OS. *brūn* (Du. *bruin*), OHG. *brūn* (G. *braun*), ON. *brunn* normal development of CGerm. **brūnaz* (adopted in Rom., as F., Pr. *brun*, It. *bruno*, and in Lith. *brunas*) (ODEE p.121).

trifle (n) «a cold dessert made of layers of sponge cake, jelly, fruit, and custard, and usually covered with cream» (CED). As a type of light confection it is attested in XVI century. It is from the word *trifle* «false or idle tale» (XIII c.), later «matter of little value» (XIII c.). Probably from OF. *truf(f)le* «deceit» of unknown origin (ODEE p. 942).

pudding (n) «a cooked sweet food made with flour, fat, and eggs, and usually served hot» (CED). It is attested in XIII century in the meaning animal's stomach or intestine stuffed with meat; preparation of food with basis of flour boiled in a bag in XVI century. ME. *poding*,

pudding, correspond in meaning to OF. *boudin*, which it is difficult or impossible to connect formally. Similar words in Germ. and Celtic languages are from English (ODEE p. 721).

Lexemes calling English desserts (4). Two lexemes are of Romanesque origin and the time of their appearance is XVI and XVII centuries. Two lexemes – autochthonous, registered in the XVI century.

5. Fruit lexemes are represented by English nouns: *apricot*, *avocado*, *banana*, *pineapple*.

apricot (n) «a small, soft, round fruit with yellowish-orange flesh and a stone inside» (CED). It is attested in XVI century. Earliest forms *abrecock*, *apricock*, related to Pg. *albricoque*, from Arab. *al-birqūq*, through Byz. Gr. *berikokkon* which is probably from L. *prxcoquum* «early-ripening (fruit)»; this name succeeded to the earlier L. *prūnum* or *mālum Armeniacum* ‘Armenian plum or apple’. The later English forms assimilated to F. *abricot* by connecting the name with L. *apricus* «sunny» (ODEE p. 46).

avocado (n) «pear-shaped vegetables, with hard skins and large stones, which are usually eaten raw» (CED). It is attested in XVII century from Sp. *avocado* «advocate», substituted by popular perversion for Aztec *ahuakatl* «testicle» probably based on resemblance (ODEE p. 65).

banana (n) «long curved fruit with yellow skins» (CED). It is attested in XVI century. Borrowed by Sp., Pg. *banana* (the fruit; the tree is *banano*) given by De Orto (1563) and Pigafetta as the native name in Congo; referred by some to Arab. *banān* fingers, *banāna* finger or toe, but the coincidence of form may be fortuitous (ODEE p. 72).

pineapple (n) «a large oval fruit that grows in hot countries. It is sweet, juicy, and yellow inside, and it has a thick brownish skin» (CED). It consists of two words *pine* (n.) + *apple*. It is attested in XIV century. It has resemblance of shape with «pine cone». OE. *pīn* has connections with L. *pīnus*, coalescing with in ME. with adoption of (O)F. *pin* and perhaps formed on base **pīt*- resin, of Skr. *pītudārus* «resin-tree», Gr. *pitus* «pine», and L. *pītūita* «gum» (ODEE p. 682).

Fruit lexemes (4) are of Romanesque origin (2), Arabic (1), from the Aztec language (1). They are attested in XIV, XVI (2) and XVII centuries.

6. Tokens calling sweets: *lollipop*, *marmalade* (2).

lollipop (n) «a sweet consisting of a hard disc or ball of a sugary substance on the end of a stick» (CED). It is attested in XVIII century. It is a word «of obscure formation». The first element is perhaps related to *loll* (v.) «to dangle, hang out (the tongue)». Or the first element may be northern dialectal *lolly* «the tongue» (ODEE p. 535).

marmalade (n) «a food made from oranges, lemons, or grapefruit that is similar to jam» (CED). It is attested in XVI century. It is from F. *marmalade* (G. Du. *marmelade*), from Pg. *marmelada* «quince jelly, marmalade,» from *marmelo* «quince,» by dissimilation from L. *melimēlum*, Gr. *melimēlon* «kind of apple grafted onto quince,» from *meli* «honey» + *mēlon* «apple» (ODEE p. 556).

One lexeme dates back to the XVIII century and it is autochthonous, the other is attested in the XVI century and has a Romanesque origin.

The following conclusions were drawn: 5 lexemes of the thematic group «food» are autochthonous, 3 lexemes have Indo-European origin, 3 – German origin, 7 – Romanesque origin, 1 – from the Chinese language, 1 – from the Aztec language, 2 – from the Arabic language.

Time of their appearance old English period (1), XIII century (4), XIV century (1), XV century (3), XVI century (7), XVII century (4), XVIII century (2).

The results of the study revealed that the replenishment of the thematic group «food» with lexemes took place most intensively in the XIII, XV, XVI and XVII centuries. Most of the lexemes came from the Romance and Oriental languages. The extension of the vocabulary in the XIII, XV, XVI and XVII centuries is associated with the development of language contacts, primarily with the adaptation of the Romance borrowings.

The etymological analysis allowed us to recreate elements of the language picture of the world and reconstruct the history of the mentality of a people.

Our study confirms the idea that the historical development of the lexemes is closely connected with the history of the English people and the stages of language historical development.

References

1. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. V.N. Yartsevoi; Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR. – M.: Sov. Encyclop., 1990. – 682 p. (LED)
2. Collins Cobuild Learner's Dictionary. – London, Harper Collins Publishers, 2006. – 1322 p. (CCLD)
3. Collins English Dictionary. [Electronic resource], available at: <https://www.collinsdictionary.com> (CED) (Accessed 15.01.2019).
4. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. – 25th ed. – Berlin : De Gruyter, 2011 – 1021 S.(EWDS)
5. Simpson J., Weiner E. Oxford English Dictionary. – United Kingdom: Oxford University Press, 1989. (OED)
6. The Oxford Dictionary of English Etymology/ edited by C.T. Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p. (ODEE)

УДК 81'371

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ДЕНОТАТИВНАЯ И КОННОТАТИВНАЯ СИНОНИМИЯ ИСПАНСКОГО ГЛАГОЛА

Райтаровский, Виктор Владимирович

Ph.D.; кандидат филологических наук, почетный профессор,
доцент кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / v_rait@hotmail.com

Аннотация

В статье исследуется глагольная синонимия в современном испанском языке на основе анализа лексических и грамматических значений с целью определения корреляции между лексико-грамматическими семантическими полями и установления степени их синонимических отношений. Глагольная синонимия рассматривается в плоскости сближения денотативных и коннотативных семантик временных вербальных структур в интрамодальных и интермодальных аспектах. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что сегодня в испанском языке функционируют лексические, грамматические и лексико-грамматические типы синонимов глагола. Сверхзадача настоящего исследования – показать, что классифицированные по авторской методике типы глагольной синонимии могут быть применены в изучении семантических объемов глагола и их синонимического потенциала в других флективных языках индоевропейского ареала.

Ключевые слова: денотативный глагольный синоним, коннотативный глагольный синоним, лексический глагольный синоним, грамматический глагольный синоним, лексико-грамматический денотативный/коннотативный синоним, глагольные интрамодальные и интермодальные синонимы,

LEXICO-GRAMMATICAL DENOTATIVE AND CONNOTATIVE SYNONYMS OF THE SPANISH VERB

Raytarovskiy Victor

Ph.D.; Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Communication
Moscow International University
Moscow, Russia / v_rait@hotmail.com

Abstract

The article examines verbal synonymy in modern Spanish based on the analysis of lexical and grammatical meanings in order to determine the correlation between lexical and grammatical semantic fields and establish the degree of their synonymous relations. Verbal synonymy is considered in the plane of convergence of the denotative and connotative semantics of temporal verbal structures in intramodal and intermodal aspects. In addition, the article discusses lexical, grammatical and lexical-grammatical types of the synonyms of the Spanish verb. The main task of the present study is to show that the types of verbal synonymy, which function in modern Spanish and are classified according to the author's methodology, can be used in the study of verbal synonymy in other inflected Indo-European languages.

Key words: denotative verb synonym, connotative verb synonym, lexical verb synonym, grammatical verb synonym, lexico-grammatical denotative / connotative synonym, verbal intramodal and intermodal synonyms.

Статья посвящена размежеванию денотативной и коннотативной лексико-грамматической глагольной синонимии в современном испанском языке. Необходимость исследования обусловлена отсутствием в отечественной испанистике достаточного количества работ, связанных с разграничением концептов «денотация» и «коннотация»

глагольно-временных форм в испанском языке и их семантической и стилистической функцией. Оба понятия, пришедшие в лингвистику из философии, занимают важное место в работах испанского лингвиста [Gutiérrez Ordóñez, S. 1997]. Денотация – спектр собственных, референциальных значений; коннотация – несобственных, эмотивных значений.

На сегодняшний день автором статьи изучены парадигмы синонимичных денотативных и коннотативных значений испанского глагола на уровне интрамодальных и интермодальных отношений и их комбинации, отражающие семантическое богатство глагольных форм в испанском языке в целом [Райтаровский 2010: 30]. В поле зрения авторских исследований находилось неполное раскрытие концептов «лексическая и грамматическая синонимия денотативных и коннотативных значений испанского глагола». Настало время определить соотношение между ними.

Теоретически, синонимия есть группа корреляций, которые включают в себя близкую, либо удаленную схожесть денотативных, коннотативных и денотативно-коннотативных значений любой единицы языка. «Реализация синонимичных отношений происходит в основном в синтагматике» [Райтаровский 2010: 141]. Наш постулат, которым мы руководствовались при написании процитированной авторской монографии, заключался в преемственности и развитии идей Ф. де Соссюра, Ю.С. Маслова, Ю.С. Степанова, Н.М. Фирсовой и др. о том, что синонимия предполагает наличие различных форм речи, указывающих на одно и то же значение. Однако, оно не отражает полное семантическое единство. Синонимы создают впечатление тождества сближающихся семантик единиц речи, но не всегда предполагают взаимную замену. Произвольное обращение с грамматическими глагольными синонимами равносильно игнорированию самой причины порождения грамматической синонимии, – контекста. В предложениях *El presunto ladrón era extranjero* и *El presunto ladrón sería extranjero*, глагольно-временные формы *era* и *sería* – синонимы на лексическом уровне, поскольку свидетельствуют о происхождении преступника. Ср. перевод двух фраз: 1) *Подозреваемый вор был не из здешних*, 2) *Подозреваемый вор, вероятно, был из числа приехавших*. *Era* денотирует высокую степень уверенности, *sería* коннотирует сомнение, т.е. отношение говорящего к информации. В судебном расследовании происхождение преступника *sería extranjero* не считалось бы достоверным и абсолютно проверенным фактом. Сама пара глагольных форм представлена в данном контексте как интермодальные синонимы - *era* в *Indicativo*, в то время, как *sería* находится в наклонении *Potencial* в функции «*Futuro en el Pasado*» с коннотацией «*настоящего в прошедшем с оттенком неуверенности*», описанной академиком Н.М. Фирсовой еще в прошлом веке [Фирсова 1976: 37] и включенной в Теоретическую грамматику испанского языка [О.К. Васильева-Шведе, Г.В. Степанов 1980:183].

Как известно, объекты отражаются в языке только через их названия, но сами названия могут быть разными, соответственно могут создавать различные денотативные понятия того же самого объекта и вступать в синонимичные связи между собой.: *voy a tomarme una taza de café, tomaré una taza de café, así que tomo una taza de café primero y luego iremos, te dije que tomaría una taza de café, etc.*, а сам объект – денотат «*будущее*».

В свою очередь коннотативные синонимы тоже подразумевают функционирование в синтагматике ряда морфологических форм глагола, которые могут сближаться на смысловом лексическом уровне, но не обязательно на грамматическом. Ср. *El avión aterrizó/El avión habrá aterrizado ya*. Именно на гетерогенном морфологическом уровне коннотаты структурно расходятся, в то время, как на семантическом – сходятся: / *возможно, что самолет уже приземлился (буквально (aterrizó) «приземлился»* - в собственном, денотативном значении; *(habrá aterrizado) «наверное уже приземлился»*, в коннотативном значении «*перфектного будущего вместо перфектного прошедшего с оттенком сомнения, неуверенности, предположения*» [Райтаровский 2010: 201-202]

Определение грамматического синонима испанского глагола мы находим в фундаментальной работе Н.М. Фирсовой «Грамматическая стилистика современного испанского языка»: «... грамматические синонимы должны определяться не по близости логических понятий, а по сходству грамматических значений..., грамматическими синонимами не могут считаться сопоставляемые языковые единицы» [Фирсова 1984: 33]. Однако, как мы увидим далее, синонимичными могут быть грамматические глагольные структуры и в противопоставлении, которые принадлежат даже различным грамматическим наклонениям. Основанием для грамматической глагольной синонимии, с нашей точки зрения, может быть сходство грамматического значения и при структурной гетерогенности временных форм испанского глагола. Значение грамматической формы, равно как лексическое значение, не есть навсегда что-то монолитное и однородное, поскольку в синтагматике у глагольной формы представлены две составные части значения – лексическая и грамматическая, причем каждая из частей может представлять собой либо денотативную, либо коннотативную составляющую. Первая обладает денотативным смыслом, отвечает за весь семантический объем формы, исключая его экспрессивно-эмоциональную коннотацию. Это означает, что конкретная глагольная форма устанавливает связь между объектами и явлениями реальности, позицией говорящего по отношению к реальности, выступает способом корреляция между определенным и неопределенным идиоматическим инструментом, регулирующим отношения между единицами языка. Вторая составляющая глагольного значения – коннотативная – регулирует субъективную интерпретацию действительности: экспрессивность, интенсификацию, метафоричность, эмоциональный эффект и т.д. Исходя из этой интерпретации коннотативного значения глагольно-временной формы, под синонимичными коннотативными грамматическими значениями следует понимать семантическую схожесть морфологически неоднородных форм в несобственном значении на синтагматическом уровне. Парадокс еще и в том, что эти же гетерогенные морфологические глагольные структуры в парадигматике являются антонимами, в то время как *ceteris paribus* в синтагматике могут выступать в виде синонимов с коннотативным, а не денотативным значением. В этом смысле мы разделяем точку зрения И.М. Кобозевой, которая подчеркивала, что «подобная синонимия – стилистическая, экспрессивная» [Кобозева 2004: 7]. Иными словами, мы можем говорить о синтаксической синонимии только в случае, когда взятые из морфологии не синонимы в дискурсе попадают под воздействие контекста или ситуации его породившей, вступают в синонимичные отношения в силу выполнения одной и той же синтаксической функции. Поскольку в синтагматике встречается немало примеров подобной коннотативной глагольной синонимии, очевидно, что они могут опираться не только на интрамодальные формы *es un latinoamericano* (он латиноамериканец)/ *será un latinoamericano* (он, наверное, латиноамериканец) (*es* у *será* относятся к наклонению *Indicativo*), но и на интермодальные *era un latinoamericano*, *me parecía que fuera un latinoamericano* (глагол *ser* употреблен в двух разных наклонениях – *Indicativo* у *Subjuntivo*).

В испанском языке, как и в русском, число смен лексических и грамматических денотатов – значительно. В английском, например, подобная транспозиция была бы невозможной. Тогда почему в дистантных языках, какими являются славянский русский и романский испанский можно говорить «иду я вчера по улице» (*voy yo ayer por la calle*) вместо «шел» «*iba*»? Ответ, очевидно, следует искать в особенностях синтетической латыни, из которой вышел испанский язык, и синтетического современного русского языка, допускающих взаимозаменяемость синтетических и аналитических структур как двух неотъемлемых частей флективной языковой структуры. Наш анализ обширного дискурсивного материала свидетельствует о существовании в испанском языке того, что в также флективном русском абсолютно исключено, – возможности замены перфектного презенса *ha llegado* на перфектный футурум *habrá llegado*, вступившим в синонимические связи с формой глагола в перфектном претерите, чтобы коннотировать отношение

говорящего с оттенком сомнения. Сравни: *El tren ha llegado, me parece (поезд пришел уже, как мне кажется)* и *el tren habrá llegado (поезд, наверное, уже пришел, буквально – уже придет)*.

Замена одной глагольно-временной формы на другую для получения грамматического синонима возможна без ущерба для смысла в примерах *hoy él ha llegado tarde/ hoy él llegó tarde*, но не возможна в примерах *¿ya habrá venido el jefe? / ¿ya vendrá el jefe?*, поскольку в двух случаях глагольные формы, несмотря на то, что обе они в индикативном футуруме, коннотировались на уровне семы «вероятность», но в синонимические связи не вступили, поэтому не являются взаимозаменяемыми.

Общепринято характеризовать формы на *-ra* и на *-se (Imperfecto de Subjuntivo)* как абсолютные грамматические синонимы. Однако, это не совсем так. Их взаимная замена даже при том, что коннотация ирреальности им свойственна постоянно, не допустима в определенных синтаксических условиях. Например, *Si él pudiera, iría contigo/ Si él pudiese (-ra) fuera (iría) contigo* - взаимозаменяемые денотативные глагольные синонимы в придаточном условном. Но в то же время, когда формы на *-ra* и на *-ría* в главном предложении взаимозаменяемы, комбинация с данной целью форм *fuera* и *iría* с *fuese* категорически не возможна. Нельзя допустить замену в придаточном условном после *si* синонимичных форм *pudiera, pudiese* на форму *podría* невзирая на то, что все три структуры на семантическом уровне денотируют ирреальность.

При установлении грамматической глагольной синонимии мы опираемся на традиционный подход, который до настоящего времени эффективен – «анализ семантических компонентов» [Найда 1983], сущность которого, в нашем исследовании, сводится к следующему: семантическое поле одной формы складывается из смысловых компонентов, сем, как значимых интегральных и дифференциальных единиц. Их сумма конкретной структуры: 1.сравнивается с семантикой другой формы с целью определения степени синонимичного сближения, 2. сопоставляется с семантическим объемом другой формы с целью определения степени ее дифференциации. В результате, объем значений испанского глагола предстает как сумма сем, которая раскрывается в синтагматике, завися постоянно от контекста. Значение глагольной формы одинаково амбивалентно, так как опирается на лексическое и грамматическое значение, причем лексический семантический объем глагола не обязательно симметричен объему грамматических сем. Например, форма в *Pretérito Perfecto* может отражать значение, которое есть у *Pretérito, Pluscuamperfecto* и у *Futuro perfecto* – «предшествование». С изменением значения глагольной формы в том или ином наклонении и времени может меняться и состав дифференциальных семантических черт, в результате чего перераспределяются синонимические отношения, попадают в сферу актуального членения на денотативном и коннотативном значении.

Денотативное, то есть общее значение грамматической формы глагола подразумевается как набор сем, которые выделяют конкретную глагольную семантику из целой системы семантик глагола. Оно свободно от "давления" контекста. Коннотативное значение можно считать дериватом, вариантом общего значения, который функционирует по подобию аллофона фонемы, обусловленным всегда структурным окружением, контекстом, ситуацией и лексическими прилегающими единицами: *Salvador Allende pereció durante el asalto de la Moneda el 11 de septiembre de 1973 / Salvador Allende perece durante el asalto de la Moneda el 11 de septiembre de 1973*. Обе глагольные формы синонимичны на денотативно - коннотативном уровне. Очевидно также, что произведенная говорящим замена денотативного значения на коннотативное как результат перемещения прошедшего в плоскость настоящего, меняет восприятие информации - благодаря контексту - и создает особое стилистическое коннотативное значение *presente pro pasado, pasado dramático* – «драматическое прошлое» (Бельо 1954) или *presente histórico* – «историческое настоящее» (Хили и Гаюа 1968).

Эти наши рассуждения, основанные на тщательном анализе типов синонимов гомогенных и гетерогенных морфологических структур испанского глагола

проявляющихся в синтагматике, дают возможность также понять причины синонимического глагольного разнообразия в контексте, к которому, мы, в нашей статье, добавили еще и ситуацию, порождающую коннотативное значение глагольно-временной формы испанского глагола. По-видимому, уместно было бы поставить вопрос и о поиске причин семантических лексических и грамматических сдвигов не только вне ближайшего контекста или ситуации *hic et nunc*, но и даже в прагматической причине употребления глагола в денотативном, т.е. прямом, собственном значении и в коннотативном, т.е. переносном, транспонированном, стилистическом значении. После установления причин сдвигов лексико-грамматических компонентов становится возможным обнаружение синонимии между временными формами испанского глагола, и только затем определение ее типа – денотативного, коннотативного, либо смешанного – денотативно-коннотативного.

Очевидно также, что синонимичные денотативные и коннотативные значения находятся в любом типе распределения лингвистических средств. Они, парадоксально, малочастотные. На денотативный уровень в синонимичных связях возводят обычно грамматические формы глагола в пространстве прошедших времен, так называемых *antepresentes* (*acabo de salir* – я только что вышел, *he salido* вышел – я вышел сейчас), *preteriales* (*salí* – вышел (безразлично когда), *salía* – выходил (на тот момент), *había salido* – вышел ранее), *будущих второго плана* (*iba a salir* – тогда собирался выходить, *saldría* (например, я сказал, что выйду *dije que saldría*) и в первом временном плане (*voy a salir* буду выходить, *saldré* выйду) и, конечно же, в пространстве настоящего времени (*salgo* – выхожу). Как малочастотные представлены в испанском языке также синонимичные перфективные глагольные связи в коннотативных значениях – *Nació el gran poeta вместо nació* (... родился вместо ... родился).

Насыщенная палитра синонимов испанского глагола регистрируется на уровне коннотативных значений с глаголами *salir, esperar, llamar, ir* и другими, которые входят в особую группу «каждодневных действий»: *hoy/mañana salimos, te espero, te llamo, vamos*.

Последующий анализ глагольной синонимии в испанском языке позволяет нам предположить теоретически, что она не замыкается на себе только в сопоставлении различных, контекстуально вступивших в синонимичные взаимные связи глагольных форм в изъявительном наклонении, но и на фоне условного и субхунтивного наклонений (*Condicional* и *Subjuntivo*), в контексте с которым продуцируется интермодальная денотативно-коннотативная синонимия: *Es posible que esta chica 1. tenga (Subjuntivo) 20 años /Pero cuando la conocí 2.tendría (Condicional) 20 años; Esta chica 3.tiene (Indicativo) unos 20 años/Pero cuando la conocí 3.tenía (Indicativo) unos 18 años*. Три морфологические формы глагола *tener* представляют собой случай интермодальной глагольной синонимии, причем первые две формы выступают в коннотативных значениях, а третья – в денотативном значении. Все вместе группируются как интермодальные денотативно-коннотативные грамматические синонимы, объединенные общей лексической семьей «констатация возраста», а первые – только лексической семьей «вероятность этой констатации». Другие примеры: *Si yo tuviera suficiente dinero compraría este coche/Si yo tuviera suficiente dinero comprara este coche; Si yo tuviese suficiente dinero compraría este coche/Si yo tuviese suficiente dinero comprara este coche; Si yo tenía suficiente dinero compraba este coche*. Мы видим в корреляции «детонация/коннотация» интрамодальную и интермодальную синонимию: глагольные формы *tuviera/tuviese/comprara, tuviera / compraría/ compraba*, относятся аж к трем наклонениям – *Subjuntivo, Condicional, Indicativo* на фоне двух грамматико-семантических корреляций. Первые две формы с денотативным значением, последняя – с коннотативным. Соответственно, первые две – интрамодальные коннотативные синонимы, вместе с третьей – интермодальные денотативно-коннотативные синонимы. В то же время, следует отметить очень низкую частотность коннотативных глагольных форм в *Subjuntivo* на широком языковом уровне,

что, возможно, объясняется ограниченным числом потенциальных и подчинительных глагольных форм в испанском языке в целом.

Таким образом, транспозиция временных форм испанского глагола из одного наклонения в другое неизбежно влечет за собой сдвиги в процессе формирования денотативных, коннотативных и смешанных денотативно-коннотативных глагольных синонимов. Все они – результат лексического и прежде всего синтаксического распределения контекста и ситуации, породившей контекст. Отсюда, в современном испанском языке столь развитая глагольная синонимия: лексическая глагольная – а) денотативная: *Juan se trasladó a otra ciudad/Juan se mudó a otra ciudad, Juan se desplazó a otra ciudad* (*переехал, перебрался, переместился* – все три лексические единицы связаны между собой общей семой «*перемещение из одного места в другое*», б) коннотативная: *Juan ayer se trasladó a otra ciudad / Juan ayer se cambió a otra ciudad*; грамматическая глагольная –а) денотативная: *Juan esta mañana se ha trasladado a otra ciudad/ Juan esta mañana se trasladó a otra ciudad/ Juan ayer se trasladó a otra ciudad, se trasladó* денотируют «*перемещение из точки в точку безразлично когда*», б) коннотативная: *Juan mañana se traslada a otra ciudad, Juan mañana se está trasladando a otra ciudad* коннотируют «*актуальность действия в будущем как в настоящем*»; лексико-грамматическая глагольная синонимия – а) денотативная: *Juan se traslada/se desplaza/ se cambia /se muda hoy a otra ciudad* денотируют хотя и «*разные способы перемещения из точки в точку*», но в один и тот же период «*сегодня*»; *Juan se trasladará, se va a trasladar, se desplazará, se va a desplazar a otra ciudad mañana* «*передвижение из точки в точку, независимо от количества способов передвижения*», здесь все временные формы глагола *trasladarse* – грамматически в собственном значении будущего, то есть в денотативном значении. В целом, здесь синонимия денотативная; б) коннотативная: *Juan mañana se traslada a otra ciudad/ Juan mañana se trasladó a otra ciudad y ¿después qué?*. Формы *se traslada/se trasladó* во временном контексте *mañana* коннотируют несобственное, стилистическое контекстуальное значение в будущем, хотя и опираются на грамматические структуры *Presente y Pasado simple*, выступая в роли коннотативных грамматических синонимов.

В этом же временном периоде, употребив любой другой глагол, близкий по лексическому значению, получим в целом лексико-грамматические денотативно-коннотативные глагольные синонимы смешанного типа – *Juan se trasladará/se muda/se desplazó/estará trasladándose mañana a otra ciudad*.

Главный вывод нашего исследования заключается в том, что сегодня в испанском языке функционируют следующие типы глагольной синонимии: лексическая глагольная, грамматическая глагольная и, наконец, лексико-грамматическая глагольная синонимия, которая в ежедневном дискурсе используется чаще всего. Данный подход может быть полезен не только для анализа глагольной синонимии в испанском языке, но и в остальных флективных языках индоевропейского ареала.

Литература

1. Васильева-Шведе, О.К.; Степанов, Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. – М.: Высшая школа, 1980. – 336 с.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Изд. «СССР», 2004. – 352 с.
3. Найда, Юджин. «Компонентный анализ значений», [Найда 1983: 61-74] дан в учебном в русском переводе Комарова З.И.. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – М., 2012. –153 с.
4. Фирсова, Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 272 с.
5. Фирсова, Н.М. Синонимия прошедших времен изъявительного наклонения в испанском языке:// in: Вопросы общей лексикологии и стилистики иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1973.
6. Фирсова, Н.М. Стилистика испанского глагола. – М.: Высшая школа, 1976. – 75 с.
7. Gutiérrez Ordóñez, S. Lingüística y semántica (Aproximación funcional), Universidad de Oviedo, Servicio de Publicaciones. 1997.
8. Raytarovskiy, Víctor V. Correlación sinónima, intramodal e intermodal, del verbo español// Сборник МГЛУ Вестник (Языкознание), М., 2015

9. Raytarovskiy, Victor V. Sinonimia intramodal e intermodal de los significados denotativos y connotativos de las formas temporales del verbo en la lengua española moderna (Интрамодальная и интермодальная синонимия денотативных и коннотативных значений временных форм глагола в современном испанском языке) [Монография] / – Москва-Леон: Изд-во Международного университета в Москве, 2010. – 225 с.

References

1. Vasilieva-Shvede, O.K.; Stepanov, G.V. Theoretical Spanish grammar. Morphology and syntax of parts of speech. - M.: Higher School, 1980. 336 p.
2. Kobozeva, I.M. Linguistic semantics. – M.: Publishing House of the USSR, 2004. - 352 p.
3. Najda, YUdzhin. "Component analysis of values", [Najda 1983: 61-74] is given in the educational in Russian translation of Komarov Z. I. Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics: textbook. – M., 2012. –153 p.
4. Firsova, N.M. The grammatical style of modern Spanish. - M.: Higher School, 1984. – 272 p.
5. Firsova, N.M. Synonymy of past tenses of Indicative in Spanish: // in: Questions of general lexicology and stylistics of foreign languages. – M.: Higher school, 1973
6. Firsova, N.M. The style of the Spanish verb. – M.: Higher School, 1976. – 75 p.
7. Gutiérrez Ordóñez, S. Linguistics and semantics (Functional approach), University of Oviedo, Publications Service. 1997.
8. Raytarovskiy, Víctor V. Synonymous correlation, intramodal and intermodal, of the Spanish verb // Collection of MSLU Vestnik (Linguistics), M., 2015.
9. Raytarovskiy, Victor V. Intramodal and intermodal synonymy of denotative and connotative meanings of temporal forms of the verb in contemporary Spanish language: – Moscow-Leon: Publishing house of the International University in Moscow, 2010. – 225 p.

УДК 811.133.1

ФРАНЦУЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И АПЕРИТИВНОЕ ЯЗЫКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Седых, Наталья Викторовна

магистр кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh_n@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье осуществляется попытка описания одной из форм языкового мышления французов. Рассматривается языковой материал, отражающий аперитивное мышление представителей французской нации. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что аперитивный дискурс может обладать высокой степенью лингвокультурной активности в национальных дискурсных проявлениях. Намечаются дополнительные перспективы исследования аперитивного дискурса.

Ключевые слова: национальная идентичность, французскость, языковое мышление, аперитивный дискурс.

FRENCH IDENTITY AND APPERITIVE LANGUAGE THINKING

Sedykh Natalya

Master of the Department of German and French
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / sedykh_n@bsu.edu.ru

Abstract

The article attempts to describe one of the forms of language thinking of the French. We consider the language material, reflecting the aperitious thinking of the representatives of the French nation. A working hypothesis is put forward that aperitious discourse may have a high degree of linguocultural activity in national discourse manifestations. Further developments for the study of aperitif discourse are outlined.

Key words: national identity, French, linguistic thinking, aperitif discourse.

В данной статье когнитивно-коммуникативная категория «французскость» рассматривается как основной механизм формирования национальной модели языкового поведения представителей лингвокультурного сообщества. Данная категория включает в себя четыре уровня: аксиологию, коммуникативный этос, способы самоидентификации и особенности национальной прагматики. На основе анализа элементов каждого уровня могут быть выявлены типологические признаки французской языковой личности [2]. В данной статье предлагается рассмотреть одну из ключевых позиций французской

идентичности – аперитивное языковое мышление, связанное с традиционным для Французской республики ритуалом принятия напитков перед вечерним принятием пищи.

В период между двумя войнами сторонники тезиса о том, что Франции угрожает вырождение, превратили употребление аперитива в одну из причин этого так называемого «извращения» [2]. Правительство Даладье и режим Виши, основываясь на этой идее, создали мощные антиаперитивные законы. Как следствие, после окончания Второй мировой войны, аперитивные обычаи имели негативные коннотации в коллективном сознании французов. Только с приходом к зрелости поколения, не пережившего войну, аперитив обретает во Франции (также и в Испании) новые формы и свой благородный статус.

Итак, аперитив (*Apéritif*): напиток, выпиваемый до обеда, который возбуждает аппетит, как правило, несколько сладковатый или слегка горьковатый. К аперитиву подаются (*amuse-bouche* или *amuse-gueule*: букв. ‘забава для рта’ или ‘веселье для глотки’).

Во французской гастрономической культуре аперитив подается перед едой, чтобы возбудить аппетит. Аперитив часто выпивают, чокаясь в соответствии с традицией. Выбираются, как правило, травяные напитки, известные своими стимулирующими аппетит качествами, такие как анис. Аперитив часто обозначает угощение, предшествующее основному принятию пищи. Эта процедура включает в себя закуски, среди которых самыми классическими являются фисташки, чипсы или орешки. В более широком смысле, номинант «*apéritif*» применяется ко всем пищевым продуктам (печенье, нарезанные фрукты, оливки, мясо, тапас, сыр и иной ассортимент), которые подаются в качестве сопровождения к этому напитку, что соответствует, например испанскому концепту «тапас» и российскому – «закуски».

Наконец, слово «аперитив» означает момент праздничности (дружеского неформального застолья = *convivialité*), когда люди собираются, чтобы пить эти напитки и есть эти продукты, беседуя на различные темы, даже не планируя общего «перекуса» в дальнейшем. В этом плане, аперитив можно рассматривать как легкие закуски, которые также могут сопровождаться коктейлями и в данном случае он может носить название «*apéritif dinatoire*» (‘аперитив заменяющий обед’) или «обед-фуршет».

Аперитивные напитки могут сопровождаться несколькими закускам:

- закуски из масличных культур (поджаренные семена тыквы, подсолнечника, арахис, кешью, фисташки, оливки, грецкие орехи, фундук, Люпин Бобовые и т.д.)
- сыры, такие как Грюйер сливки, сыр из козьего молока, твердых сыров (Конте, Бофор, пармезан, пекорино и т.д.)
- колбасные изделия (ветчина, колбаса, шкварки, колбасы, живот и т.д.)
- тосты (лосось, фуа-гра, Тапенада, паштет, хумус и т.д.), рыба (анчоус, шпрот и т.д.)
- морепродукты (кальмары, плесень и т.д.), сырые овощи (морковь, сельдерей, цветная капуста, огурцы, редис и т.д.), консервированные с добавлением уксуса (маринады, лук, каперсы, Samphire и т.д.) или вареные (чипсы, картофель фри).

Для сравнения в Испании (граничащей с Францией страной) рассматриваемый напиток носит название «*aperitivo*», происходит от французского слова и связан со следующими номинантами, обозначающими сходные реалии национального гастрономического пространства страны Сервантеса и Гарсии Лорки. Рассмотрим ключевые для испанофонов гастрономические номинанты.

Так, **Тапас** (исп. *tapas*, мн. ч., от слова *tapa* – «крышка») – в Испании любая закуска, подаваемая в баре к пиву или вину. Это могут быть как орешки, чипсы или маслины, так и самостоятельные блюда (например, «пинчо моруно», шашлык из свинины, или «пинчос доностьяррас» в Сан-Себастьяне — множество различных холодных и горячих закусок). Часто мелкие «тапас» входят в стоимость напитка. На юго-востоке страны (в Альмерии и Гранаде) закуски всегда входят в стоимость напитка.

Исторически, закуску (кусоч хлеба или хамона) было принято класть на подаваемый стакан или кувшин вина (закрывая его содержимое от мух и пыли). Но когда, согласно указу короля Альфонсо X Кастильского, было приказано, чтобы в любом трактире его воинам в обязательном порядке подавали, помимо вина, и бесплатную закуску (дабы солдаты излишне не пьянели), сметливые трактирщики стали делать порции этих бесплатных блюд максимально маленькими. С тех пор и повелась традиция подобных блюд-закусок.

Распространённое развлечение испанцев – передвигаться из бара в бар, выпивая в каждом по бокалу вина или пива и отвеживая «тапас» - фирменную закуску бара. Следует упомянуть и знаменитый **Хамон** (исп. *jamón* – *окорок*) – испанский национальный деликатес, сыровяленый свиной окорок.

Возвращаясь к французской национальной идентичности, следует отметить, что аперитив и французская культура – понятия нераздельные, до такой степени, что есть основания говорить о французском аперитивном мышлении. Данный феномен отражается во французской языковой культуре, обладающей целым рядом устойчивых выражений и высказываний с компонентом «*apéritif*»: *c'est l'heure de l'apéro* (букв. 'пришло время аперитива'); *Comment expliquer aux moustiques que je ne suis pas Jésus et que mon sang n'est pas un apéro?* (букв. 'Как объяснить комарам, что я не Иисус и моя кровь не аперитив'); *L'avenir appartient à ceux qui prennent l'apéro* (букв. 'Будущее принадлежит тем, кто принимает аперитив'); *8 heures moins le quart, l'heure du Ricard* (букв. 'Без четверти восемь, время пить Рикар' = Рикар входит в список самых популярных аперитивных напитков французов); *L'apéritif, c'est la prière du soir des Français* (букв. 'Аперитив – это вечерняя молитва французов') [Citations Apéro 2019; Le dictionnaire des citations, 2019]. Это далеко не полный перечень высказываний, «заряженных» аперитивом. Мы привели лишь наиболее яркие, по нашему мнению, речения, которые отражают интегративную часть французской идентичности и культуры.

Аперитивное мышление французов можно отнести к сложному культурному феномену, который коррелирует со своеобразной поэтикой национального существования. Речь идёт не только о речевом / языковом явлении, аперитивный дискурс французов целесообразно рассматривать в контексте развития культуры, так как в данном способе видения мира диалектически сосуществует консервативность и демократизм французской нации. Синергия этих экзистенциальных устремлений является с одной стороны основой эволюции системы, с другой – фундаментом стабильности французской идентичности.

Француза «аперитивного» с полным основанием можно отнести к своеобразному типу языковой личности и речевой культуры. Тип речевой культуры рассматривается нами как специфический способ обмена коммуникативной информацией, свойственный определённому типу языковой идентичности [1]. При этом возрастной и социальный факторы здесь не являются решающими. Аперитив – это особое мировидение, которым могут отличаться (или позиционировать себя) представители различных возрастных групп и социальных статусов Франции.

Итак, французский тип речевой культуры, в частности – аперитивной, отражает определённый тип мировоззрения, философии жизни. Аперитивный дискурс предстает, с одной стороны, как речевая деятельность, с другой стороны, как результат этой деятельности, находящийся в постоянном творческом развитии взаимосвязанных семиотических уровней производства новых смыслов. Поскольку коммуникативный акт представляет собой вид языковой игры, правила которой подчиняются стереотипам мировидения, то интенциональные линии коммуникации функционируют в зависимости от приоритетов когнитивной деятельности сознания и отражаются в языковых структурах. Аперитивные способы языковой концептуализации, как и любые другие, соотносятся с определённым типом категоризации действительности и могут быть исследованы в русле соответствующих когнитивно-коммуникативных методик.

Литература

1. Седых А.П. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности / А.П. Седых, Ж. Багана // Вопросы филологии. – № 3 (30). – М.: Российская академия лингвистических наук, Институт языкознания РАН, 2008. – С. 31-37.
2. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: Академический и хроматический дискурс (монография). – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 128 с.

References

1. Sedykh A.P. (2008) *Lingvisticheskie osnovy idioetnicheskoy interpretatsii yazykovoy lichnosti* [Linguistic basis of the idioethnic interpretation of the language personality] / A.P. Sedykh, Zh. Bagana // *Voprosy filologii*. – № 3 (30). Moscow, Rossijskaya akademiya lingvisticheskikh nauk, Institut yazykoznaniiya RAN, 31-37. (In Russian)
2. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskij i hromaticheskij diskurs (monografiya)* [French Language Personality: Academic and Chromatic Discourse (monograph)]. Moscow, LENAND, 128. (In Russian)

Sources of factual material and dictionaries

1. Citations Apér, 2019. URL: <https://citation-celebre.leparisien.fr/citation/apero>
2. Le dictionnaire des citations, 2019. URL: <https://dicocitations.lemonde.fr/citation.php?mot=aperitif>

УДК 81'373.7

КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ТУРИСТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ

Стрижнёва, Марианна Юрьевна

Ассистент /

Магистрантка кафедры теории и практики перевода с романских языков /
кафедры теории и методики преподавания украинского и иностранных языков и литератур
Киевский Национальный университет им. Т. Шевченко,
Киев, Украина / maris@ukr.net

Аннотация

В статье рассматриваются культурно-прагматические функции фразеологизмов в туристических статьях французского журнала "Гео" и русского журнала «Вокруг света» онлайн. Эти функции служат для выражения как субъективного так и объективного положительного/отрицательного отношения к объекту или ситуации с целью повлиять на читателя: заинтересовать, привлечь внимание, убедить, предостеречь, побудить к чему-л. или сделать вывод. Выделены такие основные функции, как передача образности, эмоциональности, рекламы и оценки объекта или события, стилистической окраски, культурной коннотации. Представлены особенности их употребления в заглавии, препозиции, интерпозиции и постпозиции текста. Таким образом, в зависимости от позиции, фразеологизмы служат для введения, развития, завершения темы или подтемы, координирования аргументации. Фразеологизмы передают не только заложенную в них информацию, но и вызывают у читателей определенную реакцию к описываемому предмету. Указаны некоторые способы их модификации в соответствии с контекстом. Выдвигаются перспективы исследования дополнительных способов реализации прагматических функций языковых единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, культурно-прагматические функции, лингвокультура, стилистическая окраска, туристический дискурс.

CULTURAL AND PRAGMATICAL FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND FRENCH TOURIST ARTICLES

Stryzhnova Marianna

Assistant lecturer /

Graduate student of the Theory and Practice of translation from Roman languages department /
Theory and methodology of Teaching Ukrainian and Foreign Languages and Literature department
Institute of philology, Taras Shevchenko National university of Kiev
Kiev, Ukraine / maris@ukr.net

Abstract

In this article there are considered cultural and pragmatical functions of phraseological units in online tourist articles of the French magazine «Geo» and the Russian magazine «Vokrug Sveta». These functions serve for expression of the subjective and objective positive/negative relation to an object or a situation with the purpose to influence on the reader: to interest and draw attention, convince, warn, induce to something or to make a conclusion. There were defined such main functions as transfer of figurativeness, emotionality, advertizing and assessment of an object or event, stylistic nuance, a cultural connotation. Features of their use are presented in the title, a preposition, interposition and a postposition of the text. Thus, depending on a position, phraseological units serve for

introduction, development, termination of a theme or a sub-theme, coordination of the argument. Phraseological units transfer not only information, but also induce a certain reaction of readers to the described subject. There are indicated some ways of their modification according to a context. There are advanced some prospects of a research of additional ways of realization of pragmatical functions of language units.

Keywords: phraseological unit, cultural and pragmatical functions, linguistic culture, stylistic nuance, tourist discourse.

В последнее время растет количество исследований в области туристического дискурса, в частности в сфере публицистики. Многие аспекты французских и русских туристических статей были уже проанализированы ранее, но культурно-прагматические средства, а именно фразеологизмы были еще недостаточно изучены в прагматическом аспекте в предыдущих публикациях.

В системе языковых выразительных средств публицистики фразеологизмы или фразеологические единицы (ФЕ) придают тексту статьи такие характеристики, как метафоричность, эмоциональность, экспрессивность, и, соответственно, образность и выразительность. В культурном аспекте в языке отображаются национальные черты народа. Фразеологизм, являясь образным элементом семантики, по мысли А.П. Седых, является одним из основных векторов этнокультурных коннотационных значений [Седых, Бузинова 2019]. Поэтому нам представляется важным исследование таких национально-культурных составляющих дискурса как фразеологизмы при изучении прагматических средств выражения в русских и французских туристических статьях. В этой области уже проводились исследования, однако способы организации культурно-прагматического воздействия в русско- и франкоязычных туристических онлайн текстах еще не достаточно исследованы учеными.

Научно-популярные тексты туристической направленности в анализируемых журналах можно разделить на три группы:

1. Информационно-аналитические (заметки, статьи теоретического характера).
2. Рекламно-развлекательные (рекламные тексты, интересные исторические события и др.).
3. Авторские впечатления от поездок (статьи, эссе).

По общему впечатлению ФЕ преобладают в двух последних группах. Причем их значительно больше во французских туристических статьях, чем в русских, что связано с более высокой эмоциональной образностью и экспрессивностью французского публицистического стиля, в отличие от русского. Например, если в одной среднестатистической французской туристической статье будет 4-5 фразеологизмов, то в аналогичной русской - только 1-2. Осторожное использование ФЕ (причем довольно нейтральных, иногда даже книжных) в русском туристическом дискурсе журнальных статей связано, вероятно, с подсознательным старанием автора оставаться в прописных рамках публицистического стиля. Но есть и авторы реализующие свое прагматическое воздействие на читателя многими разнообразными ФЕ в одной своей статье.

Селиванова Е.А. называет ФЕ устойчивыми лингвосомиотическими феноменами, отражающими «особенности эмической реальности, коллективного рефлексивного опыта этноса, стереотипы этносознания и архетипы коллективного бессознательного, будучи продуктом их синергетического взаимодействия. Тем самым они символизируют специфику нелокального социокультурного сообщества» [Селиванова 2006, 151].

Каика Н.Е. определяет ФЕ следующим образом: «фразеологизм - это синтаксически и семантически устойчивая, раздельно оформленная, но функционально целая единица языка с полным или частичным семантическим преобразованием ее компонентов». Основными функциями ФЕ, по ее мнению, являются номинативная и коммуникативная [Каика 1989, 19]. В настоящее время выделяют еще и прагматическую функцию, но так как фразеологизмы являются носителями лингвокультурной информации определенного общества, то можно назвать эту функцию культурно-прагматической.

Относительно базового термина мы будем придерживаться краткого и ёмкого определения фраземы, единицу фразеологии, данного Алефиренко Н.Ф.: «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно вытекающим из суммы значений его лексических компонентов». Эти компоненты связаны «по способу управления, согласования или примыкания» и по функции фразема «соотносится с отдельным словом». [Алефиренко 2009, 15-17, 214].

Назарян А. Г. отмечает, что стилистическая функция фразеологизмов выражается в принадлежности к определенному слою речи и в экспрессивно-эмоционально-оценочной окраске. Также он выделяет следующие стилистические категории фразеологизмов:

1. Нейтральные и нейтрально-литературные.
2. Разговорно-фамильярные.
3. Просторечные.
4. Жаргонные.
5. Книжные.
6. Поэтические [Назарян 1987, 241-242].

Основное задание прагмалингвистики заключается в изучении языка как средства влияния на адресата. При этом концептуально значимая информация придаёт ФЕ коммуникативно-прагматическую силу. По мнению Симоненко Е.И., эта информация является коммуникативно-прагматической доминантой дискурсивной ситуации, в условиях которой раскрывается дискурсивный смысл ФЕ. Благодаря образности, экспрессивности, эмоционально-оценочной окрашенности ФЕ автор высказывания передаёт ценностно значимые смыслы и выражает их прагматическую значимость [Симоненко 2013]. По мнению Рыжковой М.М., для восприятия фразеологических единиц базовым является прагматический аспект, так как он позволяет реализовать коммуникативную цель адресанта. Главным назначением прагматической функции состоит в том, чтобы выражать разные эмоции и реакции, побуждать адресата к действию [Рыжкова 2008]. Белозерова Е.А. называет следующие прагматические параметры ФЕ: концептуальность, экспрессивность и подтекстовая информация. Прагматическая функция помогает выразить эмоциональное отношение к объекту с целью вызвать у читателя реакцию, которая будет адекватна намерению автора. Идеино-тематический контекст прагматически определяет использование ФЕ, которые логично представляют затронутые сферы знаний и представлений автора [Белозерова 2015, 93].

По мнению Выгнанской И.М., ФЕ являются прагматико-коммуникативно направленными единицами коммуникации, поскольку владеют определенным объемом информации. Также она выделяет следующие типы ФЕ: немотивированные и частично мотивированные. Чем сильнее семантический сдвиг компонентов ФЕ, тем менее он мотивирован его внутренней формой [Выгнанская 2010]. Например:

Le monde doit engager des transformations "rapides" et "sans précédent", s'il veut limiter le réchauffement à 1,5°C, *une cote d'alerte* qui pourrait être atteinte dès 2030... Мир должен применить «быстрые» и «беспрецедентные» изменения, если он хочет ограничить потепление до 1,5 °С, критический уровень, которого можно достичь с 2030-го года... (*cote d'alerte* – букв. 'квота тревожности', то есть *критический уровень*; частично мотивированная ФЕ).

Мосьяков А.Е. отмечает, что для стиля французских публицистических статей характерно использование эмоционально окрашенных ФЕ, фразеологизмов-штампов и в меньшей степени фразеологизмов-терминов. Становится более частым употребление разговорной фразеологии, а также употребление ФЕ в заголовках. Он выделяет две главные стилистические функции:

- 1) нейтральная – только номинативное и информативное указание на предмет, понятие или явление, в частности в штампах: *rendre public* – огласить;

2) экспрессивно-эмоциональная служит для выражения двух типов отношений со своими оттенками:

а) собственно отрицательного отношения или с оттенками иронии, сарказма, сатиры, презрения, пренебрежения, эвфемизма:

Coup de pub ou coup de bluff ? – Массовая рекламная кампания или массовая обманная кампания? [Гео № 3, 2019];

б) собственно положительного отношения или с оттенками юмора, торжественности [Мосьяков 1971, 10-13]:

Mon appareil a mieux tenu le coup que moi (rires) ! – Мой аппарат лучше держал удар, чем я (смех)! [Гео № 1, 2019].

Фразеологизмы используются как в русскоязычной, так и во франкоязычной прессе как средства создания культурно-прагматического влияния на читателя. Этот процесс реализуется с помощью следующих действий автора: введение темы, реклама события, создание заинтересованности читателя; удерживание его внимания; подчеркивание важной информации, то есть постановка «логического удара»; выражение авторской оценки; удивление читателя; создание образной и экспрессивной выразительности; функция вызова эмоций; функция убеждения, констатации, неоднозначности формулировки. Они передают не только заложенную в них информацию, но и создают у читателей определенную реакцию к описываемому предмету. Бритвин Д.В. разработал классификацию прагматического использования ФЕ, где показано как в зависимости от своей позиции в тексте статьи, ФЕ служат для введения, развития, завершения темы или подтемы, координирования аргументации. Ключевыми позициями ФЕ в тексте являются заглавие, экспозиция, интерпозиция, конец фразы или текста.

Мы представили свои примеры и перевод и немного модернизировали некоторые пункты классификации. Некоторые ученые, например С. Кравцов, полагают, что между русской и французской фразеологическими системами больше сходства, чем различия (по Бритвину Д. В. [Бритвин 2010, 76-80):

I. В заглавии и в препозиции (в начале текста) ФЕ:

1) вводят тему:

De l'aventure, du suspens, des paysages à couper le souffle... – Приключения, неопределённость, пейзажи, захватывающие дух... [Гео, февраль 2019];

Влетели в копеечку: 10 самых дорогостоящих сооружений в мире [Вокруг света № 10, октябрь 2018];

Свести счеты: сколько тратили герои классической русской литературы [Вокруг света № 2, февраль 2019]

2) сообщают или рекламируют определенный факт или событие:

Non, Mai 68 n'a jamais mis en péril la démocratie. – Нет, май 68-го года никогда не ставил под угрозу демократию [Гео, май 2018];

«Живем на вулкане». Для кого-то это всего лишь фигура речи, а для яванцев — реальность без прикрас [«Вокруг света» № 11, ноябрь 2018 г.];

3) заинтересовывают читателя, давая оригинальную характеристику:

Des routes du patrimoine pour découvrir l'Europe hors des sentiers battus. – Дороги наследия для открытия Европы не проторенными тропами [Гео, октябрь 2018].

Между нами тает лёд: 7 ледников, ради которых стоит отправиться на край света [Вокруг света № 3, март 2019].

Голос крови: закон не писан [Вокруг света № 12, декабрь 2018].

Далее в тексте тоже может употребляться ФЕ из заглавия, которое усиливает ее оценочно-экспрессивное значение: *Une nouvelle façon de voyager, appelée slow tourisme ou tourisme durable, pour sortir des sentiers battus et se tourner vers la vie locale* [Гео, май 2018]. – Новый способ путешествовать под названием slow туризм или экологический туризм чтобы выйти с проторенных троп и обратиться к местной жизни.

Важно также отметить, что ФЕ из начала текста могут употребляться и в его конце, как логическое умозаключение из предыдущих частей статьи или общая оценка поданного содержания. Это также усиливает культурно-прагматическое влияние образа ФЕ на читателя и, соответственно, его реакцию.

II. В интерпозиции (в середине текста) ФЕ:

1) подчеркивают важную информацию с помощью «логического удара»:

Pourtant, ce n'est pas contradictoire avec le fait qu'à cette époque, *la lame de fond* qui a été stimulée par Mai 68 continue de *faire son chemin* au sein de la société française [Гео, май 2018]. – Однако это не противоречит факту, что в это время *волна народного гнева*, усиленная маем 68-го года продолжает *действовать* внутри французского общества.

En revanche, 1988 marque le grand moment d'écho, parce que la génération du baby-boom est désormais *aux manettes* [Гео, май 2018]. – В противоположность этому, в 1988 г прозвучало большое эхо, потому что поколение бэби-бума теперь *в тисках*;

Среди отдыхающих — в основном французы; они стараются держать это *райское место* в строгом секрете, чтобы избежать наплыва туристов, и пока им это удается [Вокруг света № 1, январь 2019];

2) выражают авторскую оценку, усиливая ее образную выразительность:

Cinquante ans après, cette génération est en train de *passer la main* : je suis curieux de voir comment Emmanuel Macron, né en 1977, et dont l'élection marque *le chant de cygne* de l'ère des «baby-boomers», va commenter cet anniversaire [Гео, май 2018]. – Пятьдесят лет спустя, в настоящее время, это поколение уступает место: мне интересно увидеть как прокомментирует этот юбилей Эммануэль Макрон, рожденный в 1977, и выборы которого являются *лебединой песней* эры «бэби-бумеров».

Это неудивительно: по западным меркам тут слишком дорого, неважно обстоят дела со здравоохранением и удобством перемещения, да и климат *оставляет желать много лучшего* (экспрессивность оригинальный фразеологизм *оставляет желать лучшего* усилен наречием *много*, но смысл из-за этого не меняется) [Вокруг света № 1, январь 2019];

3) обобщают информацию по отношению к предыдущей части текста:

Le première étage correspond à la première décade du mois de mai, avec un point d'orgue le vendredi 10 et «la nuit des barricades». – Второй этаж посвящен первой декаде мая, с *кульминацией* в пятницу 10-го и «ночью баррикад»;

Mais le Sénégal *va dans le bon sens.* – Но Сенегал *движется в правильном направлении* [Гео, март 2019];

Но культура цыган бесписьменная, поэтому свой закон они *передают из уст в уста* и толкуют *как бог на душу положит*. [Вокруг света № 12, декабрь 2018];

Как видим эти образные фразеологизмы-обобщения обеспечивают лучшее восприятие текста не только для путешественников или просто любителей статей о туризме, но и для широкой читательской аудитории.

III. ФЕ используют в конце фразы и в постпозиции в тексте для выражения авторской оценки:

1) финал-вывод с констатацией факта:

L'ambiance lugubre de Combourg, son confort sommaire, son isolement, façonnèrent aussi la sensibilité à *fleur de peau* de celui qui sera l'un des précurseurs du romantisme en France [Гео, январь 2018]. – Мрачное окружение Комбура, его упрощенный комфорт, его изоляция, сформировали также *повышенную* чувствительность того, кто станет предшественником романтизма во Франции (выражение *à fleur de peau* (букв. как цветок кожи) означает «чувствительный», поэтому, использовано слово «повышенный», чтобы избежать тавтологии).

2) финал-резюмирование:

Ce gaulliste réformateur *dévoile* alors son projet de «nouvelle société», qui entend *poser les jalons* d'une France modernisée et dynamisée, notamment dans le monde de l'entreprise

[Гео, май 2018]. – Итак этот голлист-реформатор *раскрывает свой проект* «нового общества», который намеревается *заложить фундамент* модернизированной Франции с ускоренным развитием, а именно в сфере предприятий.

3) финал-убеждение [Бритвин 2010, 76-80]:

On voit bien que l'héritage de Mai 68 n'est pas à chercher dans la séquence elle-même du moi de mai, mais plutôt dans l'effet de souffle qu'il a entraîné [Гео, май 2018]. – Хорошо видно, что наследие мая 68-го года не нужно искать в самой последовательности событий мая 68-го года, но скорее в *ударной волне*, которую он повлек за собой.

Как можно видеть во всех примерах, французские фразеологизмы имеют различные лексико-грамматические соответствия в русском языке, которые нельзя вывести при буквальном переводе каждого элемента. Это подтверждает тезис Алефиренко Н. Ф. о том, что значения устойчивых словосочетаний «не определяются значениями входящих в них слов» [Алефиренко 2009, 9-10].

Анализ разных стилистических типов фразеологизмов современной франкоязычной прессы также имеет непосредственное отношение к определению прагматических функций и их разграничению в печати, так, например, функцию создания образной и экспрессивной выразительности выполняют в основном книжные фразеологизмы, функцию удивления читателя выполняют стилистически-сниженные фразеологизмы современной прессы, функции удерживания внимания читателя выполняют в большей мере разговорно-просторечные фразеологизмы, потому что тяготение к разговорному стилю языка – это характерный признак современных средств массовой информации. Например:

Cette perspective préoccupe la France, l'un des grands bénéficiaires avec l'Espagne de la politique agricole, qui a pris la tête d'un groupe de 20 ministres européens opposés au projet [Гео, октябрь 2018]. – Эта перспектива занимает Францию, которая вместе с Испанией является одним из крупных бенефициаров сельскохозяйственной политики, которая *возглавила* группу из 20 европейских министров, которые противостоят проекту (разговорно-просторечный фразеологизм).

Face au risque d'emballlement climatique, le nouveau coup de semonce du Giec [Гео, октябрь 2018]. – В связи с риском климатического перегрева, *суровое предупреждение* МГЭИК (книжный фразеологизм). В заголовке «Проберет до мурашек: 7 жутких туристических направлений» использован разговорно-просторечный фразеологизм с модификацией первоначальной структуры: «пошли мурашки (по коже)» [Вокруг света № 11, ноябрь 2018].

Итак, как видим ФЕ могут принимать дополнительные значения или принимать авторскую модификацию в соответствии с определенным контекстом: *sortir des sentiers battus* → *découvrir l'Europe hors des sentiers battus* (выйти с проторенных троп – открыть Европу вне проторенных троп). Структурно-семантические трансформации ФЕ предопределяются прагматической целью достичь определенного стилистического эффекта, подчеркивая контраст между традиционной формой ФЕ и их трансформированными вариантами. Основанием для фразеологических модификаций служат видоизменение структуры ФЕ и их интенциональная интеграция в контексте [Выгнанская 2010, 15]. Модификация ФЕ в целом достигается с помощью:

- 1) переосмысления без изменений в лексико-грамматической структуре;
- 2) изменения структуры словосочетания с сохранением его общеязыкового значения;
- 3) изменения структуры и семантики фразеологизма [Мамалыга 1973, 73].

Процесс субституции в самой ФЕ активно используется и выражается в замене одного или нескольких компонентов общеупотребительной лексики, синонимами, иноязычными словами. Например, фразеологизм «*не в деньгах(только) счастье*» был изменено в заглавии статьи в онлайн-версии журнала «Вокруг света» (№11, ноябрь 2018) на «*Не в пирогах счастье*»: 11 мифов об Астрид Линдгрэн». Различают также частичную

или минимальную (один-два компонента ФЕ) и абсолютную или максимальную (изменяется весь состав) субституцию. Эта вариантность является самой производительной относительно образования новых ФЕ и потому является самым распространенным приемом семантико-стилистического подчеркивания определенных значностных оттенков в соответствии с новым контекстом. Иным способом изменения ФЕ есть расширение их структуры за счет включения общеупотребительных слов или словосочетаний для уточнения значения ФЕ в конкретном контексте или предоставления ему эмоциональной окраски. Обычно добавляют слова из таких частей речи как существительное, прилагательное, местоимение, числительное. Трансформированные ФЕ нельзя рассматривать отдельно от контекста с которым они связаны [Романюк 2006, 139-141].

Итак, выразительность и культурно-прагматическая направленность текста туристической статьи усиливается с помощью таких стилистических средств, как фразеологические единицы. В тексте туристической статьи ФЕ делают более ярким представленный образ абстрактного понятия, персоны, события или явления действительности. Они могут быть мотивированными или немотивированными, а также эквивалентными и безэквивалентными при переводе. Их безэквивалентность, в частности трудность передачи стилистической окраски ФЕ, связана именно со специфическими особенностями национальной языковой картины мира, которые отсутствуют в языке перевода: определенные реалии, исторические события, традиции, стереотипы, лингвокультурных концепты, отображающие уникальное национально восприятие мира и т. п. Фразеологизмы, построенные на конотациях, ассоциациях и импликациях придают тексту более глубокое и выразительное значение. С другой стороны ФЕ создают информационную компрессию текста, их сжатая форма содержит больше информации чем обычное высказывание. В тексте они маркируют его аргументативную структуру и таким образом обеспечивают его когерентность (единство, связность). Функцию выражения субъективной авторской оценки выполняют фразеологические модификации, которые являются результатом индивидуальных авторских трансформаций.

В русских туристических статьях журнала «Вокруг света» ФЕ располагаются в основном в названии и в начале текста, изредка в середине и почти никогда в конце. Во французском журнале «Гео» – во всех указанных частях статьи. Это также связано с тем, что в русских статьях намного меньше упорядочиваются фразеологизмов, чем во французских, в примерном соотношении 1:3 в указанных статьях.

В связи с появлением новых способов реализации прагматических функций языковых единиц, в частности фразеологизмов, и регулярной модификацией уже существующих, существует актуальная потребность исследования и сопоставления их культурно-прагматических функций в текстах современной русско- и франкоязычной прессы, в частности в туристическом дискурсе, который является одним из самых активно развивающихся.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Комкнига, 2007. – 576 с.
3. Белозерова Е.Ю. Реализация прагматической функции фразеологизмов в художественном тексте / Белозерова Е.Ю. // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2015. №3(27) - С. 92-96.
4. Бритвин Д. В. Прагматическая функция фразеологизмов в газетном тексте // Мовні і концептуальні картини світу : [наукове видання: збірник] / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Б-ка ін-ту філології. – Київ : ВПЦ "Київський університет", Вип. 32. – 2010. – 527 с.
5. Выгнанская И. М. Семантика и прагматика фразеологических библейских единиц в современном французском публицистическом дискурсе. АКД. КНУТШ. – Киев, 2010. - 19 с.
6. Каика Н. Е. Межъязыковые фразеологические соответствия: (На материале русского и французского языков): АКД. Киев: Киевский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1989. – 26 с.
7. Мамалыга А. И. К вопросу про структурно-семантические изменения фразеологизмов в языке газет//Українське мовознавство. – Вип. 1. – К. – 1973. – С. 72-80.

8. Мосьяков А. Е. Стилистические функции фразеологизмов в современном французском языке. М., 1971. – 31 с.
 9. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка: Учеб.- 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.
 10. Романюк Н. В. Стилистическое использование фразеологизмов в языке газет // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – Вип. 1. – Запоріжжя – 2006. – с. 138-141.
 11. Рыжкова М.М. Передача прагматической составляющей образных фразеологических единиц в публицистическом тексте (на материале английского и русского языков) [Текст]: АКД; [Челябинский гос.ун-т]. – Тюмень, 2008. – 21 с.
 12. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: Академический и хроматический дискурс (монография). – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 128 с.
 13. Селиванова Е.А. Новые подходы к изучению фразеологии в парадигмальном пространстве современной лингвистики. // Слово. Символ. Текст: Сб. науч. тр., посв. 80-л. проф. М. А. Карпенко / Под общей ред. проф. Е. С. Снитко и проф. Л. П. Дядечко. – Киев, 2006. – 380 с.
 14. Симоненко Е.И. Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса: на материале русской литературы XIX-XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Симоненко Екатерина Ивановна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. иссл. ун-т]. – Белгород, 2013. – 184 с.
- Материалы исследования:
1. <http://www.vokrugsveta.ru> (журнал «Вокруг света» – онлайн-статьи с октября 2019 по март 2019).
 2. <http://www.geo.fr> (журнал «Гео» – онлайн-статьи с мая 2018 по март 2019).
 3. www.multitran.ru (многоязычный онлайн-словарь).

References

1. Alefirenko N.F. Phraseology and paremiology: Manual for the Bachelor level of philological education / N.F. Alefirenko, N.N. Semenenko. – М.: Flint: Science, 2009. – 344 pages.
2. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. The 4th stereotypic edition.– М.: Komkniga, 2007.–576 p.
3. Belozerova E.Yu. Realization of the pragmatical function of phraseological units in the literary text / Belozerova E.Yu. // Vestnik of Volgograd state university. Series 2, Linguistics. 2015. №3 (27) - pp. 92-96.
4. Britvin D. V. Pragmatical function of phraseological units in the newspaper text//Language and conceptual pictures of the world [scientific edition: collection] / Kiev national university of T. Shevchenko, Library of Institute of Philology. - Kiev: EPC "Kiev university", Issue 32. - 2010. - 527 p.
5. Vynanskaya I. M. Semantics and pragmatics of phraseological bible units in the modern French publicistic discourse. AKD. KNUtSh. – Kiev, 2010. – 19 p.
6. Kaika N.E. Interlingual phraseological compliances: (On the material of the Russian and French languages): AKD. Kiev: The Kiev state university of T.G. Shevchenko, 1989. – 26 p.
7. Mamalyga A.I. To the question about structural-semantic changes of phraseological units in the language of newspapers//Ukrayinske movoznavstvo. – Issue 1. – К. – 1973. – pp. 72-80.
8. Mosyakov A.E. Stylistic functions of phraseological units in modern French. М., 1971. – 31 p.
9. Nazarian A.G. Phraseology of modern French: Manual. - 2nd edition, updated and revised – М.: Vysshaya shkola, 1987. – 288 p.
10. Romaniuk N.V. Stylistic use of phraseological units in language of newspapers//Visnyk of Zaporizhia national university. Philological sciences. – Issue 1. – Zaporizhia – 2006. – pp. 138-141.
11. Ryzhkova M.M. Rendering of a pragmatical component of figurative phraseological units in the publicistic text (on thematerial of the English and Russian languages) [Text]: АКД; [Chelyabinsk state.university]. – Tyumen, 2008. – 21 p.
12. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskij i hromaticeskij diskurs (monografiya)* [French Language Personality: Academic and Chromatic Discourse (monograph)]. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 128 p.
13. Selivanova E. A. New approaches to the study of phraseology in paradigm space of a modern linguistics.//Word. Symbol. Text: edited volume, dedicated to the 80th anniversary of the prof. M.A. Karpenko / Under the general editorship of prof. E.S. Snitko and prof. L.P. Dyadechko. – Kiev, 2006. – 380 p.
14. Simonenko E. I. Pragmatical potential of phraseological units in valuable and semantic space of an art discourse: on the material of the Russian literature of the 19-21st centuries: thesis... of the candidate of Philology: 10.02.01 / Simonenko Ekaterina Ivanovna; [Place of the defence: Belgorod state national research university]. – Belgorod, 2013. – 184 p.

Research materials

1. <http://www.vokrugsveta.ru> (Vokrug Sveta magazine - online articles from October, 2018 to March, 2019).
2. <http://www.geo.fr> (Geo magazine – online articles from May, 2018 to March, 2019).
3. www.multitran.ru (multilingual online-dictionary).

УДК 811.111

К ВОПРОСУ О СТИЛЕ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА ГРУППЫ «QUEEN»**Томенко, Диана Александровна**

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / staskova.diana@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые стилевые особенности дискурса британской группы «Queen». Описываются лингвостилистические признаки песенных текстов рассматриваемого коллектива, среди которых выделяются следующие параметры: использование элементов разговорного стиля, повторы, бессюзные высказывания. Подчёркивается, что наряду с отчётливыми характеристиками дискурса, свойственного британскому лингвокультурному сообществу, текстовое пространство группы «Queen» отличается наличием креолизованных компонентов, свойственных только этому музыкальному составу. Намечаются перспективы когнитивно-коммуникативных исследований песенного дискурса британской группы.

Ключевые слова: песенный дискурс, лингвостилистика, музыкальная картина мира, британский социум, когниция и коммуникация.

TO THE QUESTION OF THE SONG DISCOURSE OF «QUEEN» GROUP**Tomenko Diana**

Master student of the German and French Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / staskova.diana@yandex.ru

Abstract

The article discusses some of the stylistic features of the discourse of the British band «Queen». The linguistic stylistic features of the song texts of the group in question are described, among which the following parameters are distinguished: the use of elements of conversational style, repetitions, and allied utterances. It is emphasized that along with the distinct characteristics of the discourse inherent in the British linguistic and cultural community, the text space of the band «Queen» is characterized by the presence of creolized components, peculiar only to this musical composition. Prospects for cognitive-communicative research of the discourse of the British band are outlined.

Key words: song discourse, linguistics, musical picture of the world, British society, cognition and communication.

Песенный дискурс за последние десятилетия не раз становился объектом для исследования представителей гуманитарных дисциплин, в частности лингвистики [Седых, Быканова 2016]. При этом одной из основных тенденций современных исследовательских подходов выступает моделирование дискурсного пространства с точки зрения выявления национально-культурных параметров дискурса и реконструкции коммуникативных схем лингвокультурного взаимодействия. В нашем случае речь идёт о попытке конструирования атрибутивных моделей музыкальной картины мира на материале языковых манифестаций креативного песенного дискурса британской рок-группы «Queen».

Креативный мир опосредуется в языковых единицах различной природы. В этом смысле сознание реципиента музыкального сообщения базируется на представлениях, репрезентациях, когнитивных образах, моделях, «поставляемых» национальным языком. В этом плане музыкальная картина мира коррелирует с процессами концептуализации действительности под воздействием языковых структур, так как сознательное и бессознательное «структурировано как язык» [Lacan 2007]. В этом смысле музыкально-языковое восприятие основывается на контрастировании / синергии звукового и материального формата наблюдаемого объекта или феномена.

Музыкальная картина мира и языковой континуум обладают специфическими для каждой культуры точками соприкосновения. Носители национального языка при этом формируют в своём сознании определённую конфигурацию музыкальной и языковой «палитры» того или иного представителя данного рода человеческой активности. Лингвомузыкальная палитра группы «Queen» отличается специфическими для британского социума этнокультурными характеристиками, оставаясь при этом уникальным в своём роде музыкально-песенным коллективом, креолизованный дискурс которого относительно легко поддаётся идентификации [Седых, Феоктистова 2010].

Британскую группу «Queen» можно с полным основанием отнести к культовым рок-группам, которая добилась оглушительного успеха в семидесятых годах прошлого столетия и которая остаётся одной из наиболее востребованных групп для сотен миллионов поклонников. Одной из причин подобного «долголетия» является неповторимая стилистика дискурсных песенных конструкций, к которой можно отнести следующие лексико-стилистические явления:

1. Преобладание единиц и форм разговорного «сниженного» стиля:

Fat bottomed girls you make the rockin' world go round / Fat bottomed girls you make the rockin' world go round / I wanna make a supersonic man out of you (Jazz 1978);

2. Высокочастотное использование разговорных междометий:

Ooh, let's go / Steve walks warily down the street (The Game 1980);

Body language hah/ Body language huh/ Body language aah/ Body language yeah/ Body language aah/ Body language huh/ Body language hah/ Body language hah (Hot Space 1982);

3. Частое употребление глаголов с постпозитивными компонентами:

And I blew him away

Put out the fire, put out the fire

I feel alive and the world it's turning inside out! (Ibid.)

4. Преобладание синтаксиса разговорного формата.

а) повторы:

Another one bites the dust

Another one bites the dust

And another one gone and another one gone

Another one bites the dust, eh

Hey, I'm gonna get you too

Another one bites the dust (The Game 1980);

б) вводные элементы типа *indeed / sure*:

She knows how to love me, yes indeed (Ibid.)

в) бессоюзные предложения:

It's a battle to the end, knock you down you come again

You say black I say white

You say bark I say bite

You say shark I say hey man (Ibid.)

Сюда же можно отнести частое использование *вопросительных предложений, повелительных конструкций и эмфатической инверсии*, типологические характеристики которых планируется рассмотреть в дальнейших работах.

Таким образом, приведённые выше стилевые признаки песенного дискурса группы «Queen» формируют относительно высокую степень демократичности творчества британских музыкантов, доступность понимания содержания текстов для широкой аудитории, возможностью отождествлять себя с личностными характеристиками членов группы. Следует, однако, отметить, что не все песни коллектива изобилуют разговорно-сниженными единицами, тем не менее, стилистика текстов рассматриваемой группы остаётся неисчерпаемым источником для перспективных музыкально-лингвистических изысканий. При этом в создании лингвомузыкальной картины мира принимают участие как вербальные, так и невербальные механизмы эстетической коммуникации. Напомним, что любой тип коммуникации связан, в частности с философскими и эстетическими представлениями о мире, которые часто испытывают на себе влияние этнокультурной традиции того или иного народа, отражаемой в национальном языке.

Литература

1. Седых А.П., Феоктистова Е.Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник Иркутского лингвистического университета, № 1 (9), 2010. С. 55-61.
2. Седых А.П., Быканова М.С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси (монография). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. 156 с.
3. Lacan J. L'angoisse. Séminaire 1962-1963. P.: A.L.I., 2007. 408 p.

References

1. Sedykh A.P., Feoktistova E.E. (2010) *Kljuchevye nacional'nye koncepty vo francuzskoj lingvokul'ture* [Key national concepts in the French linguoculture] // Bulletin of the Irkutsk Linguistic University, № 1 (9), 55-61. (In Russian)
2. Sedykh A.P., Bykanova M.S. *Jazykovaja lichnost' muzykanta: Aleksandr Skrjabin, Klod Debjussi* [Linguistic personality of musician: Alexander Skryabin, Claude Debussy]. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 156. (In Russian)
3. Lacan J. (2007) *L'angoisse. Séminaire 1962-1963*. Paris: A.L.I., 408. (In Russian)

УДК 81'2 3

КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ухналёва, Екатерина Александровна

преподаватель кафедры русского языка и естественных дисциплин
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
Белгород, Россия / everveyko@bk.ru

Моисеева, Софья Ахметовна

доктор филол. наук, профессор кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / moisseeva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье в сопоставительном плане рассматриваются семантические особенности темпоральной лексики, а именно, семантика и функционирование темпоральных прилагательных с позиций когнитивной лингвистики в английском, французском и русском языках. Представлена их возможная тематическая классификация. Содержится сравнительный анализ представленных лексических единиц, освещаются проблемы их семантизации и метафоризации в языке, их роль и функция в формировании мироощущения говорящего. Материал представлен с точки зрения антропоцентрической парадигмы и национально-культурной специфики на примере разноструктурных языков.

Ключевые слова: темпоральные прилагательные, категория время, антропоцентричность, когнитивная семантика, национально-культурная специфика.

COGNITIVE CONTEXT AND TEMPORAL ADJECTIVES FUNCTIONING

Ukhnaleva Ekaterina

Lecturer of the Russian language and natural sciences department
Belgorod State technological university named after V.G. Shukhov
Belgorod, Russia / everveyko@bk.ru

Moisseeva Sophia

Doctor of Philology, professor of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / moisseeva@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the description of temporal adjectives. It contains comparative analysis of their semantic distinctive features, variants of using and nuanced, and contextual interpretation. The work touches upon the question of their semantization and metaphorization in the text. The material is presented from the point of view of anthropocentric paradigm and national-specific picture of the world. It provides a brief overview of the issue on the material of English, French and Russian. Comparison of semantic space of different languages gives us the possibility to identify universal human values in reflexion of the world around, and at the same time it permits us to find out something particular and ethnical.

Keywords: temporal adjectives, time category, anthropocentricity, cognitive semantics, national-culture specific.

Поступательное развитие научной лингвистической мысли во многом происходит в рамках когнитивных подходов в науке о языке. Когнитивная семантика, как многоуровневая теория значения занимает особенное место среди лингвистических исследований.

К репрезентантам темпоральности относятся лексемы, реализующие семантические признаки времени, входящие в структуру значения различных языковых единиц. Темпоральные прилагательные в английском, французском и русском языках, будучи языковыми репрезентантами категории *ВРЕМЯ*, являются универсальным и коммуникативно значимым классом номинативных единиц. Следует отметить, что данный класс слов является универсальным для всех языков, поскольку

категория *ВРЕМЯ* отражает процесс познания человеком окружающего мира. В исследуемых языках они обладают сложной семантической структурой и характеризуются высокой степенью метафоризации, однако специфика их лексической сочетаемости свидетельствует о разных способах переосмысления временных отношений. Сопоставительный анализ темпоральных прилагательных позволяет установить, как развиваются и модифицируются временные признаки, а также выявить национальную специфику восприятия категории *ВРЕМЯ* у исследуемых этносов.

Составляющими темпоральной сферы являются временные планы прошлого, настоящего и будущего. Они входят в понятие «время», которое наряду с такими понятиями как «пространство», «судьба» и т.п. принадлежат к определяющим категориям человеческого сознания [Гуревич 1990: 21]. «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», посредством которой люди воспринимают действительность и строят образ мира» [Гуревич 1990: 24]

Темпоральные прилагательные, реализующие семантику настоящего, будущего и прошлого, возможно подразделить тематически. Так, временной признаковый ряд реализуется в языке через подгруппы:

1) Отнесенность к определенной части суток: *англ. morning; day, daily, diurnal (выполненный за день), journal; evening, night (в значении вечерний); night, nocturnal; afterdinner (after-dinner); фр. matinal, diurne (fleur diurne), de jour; en soirée (о спектакле, концерте), nocturne, de nuit; après-dîner; русск. утренний, дневной, вечерний, ночной, послеобеденный;*

2) Отнесенность к определённому дню: *англ. today's; yesterday, yesterday's; tomorrow, tomorrow's; фр. du jour; d'hier; demain (le monde de demain - завтрашний мир, n'est pas pour demain - не дело завтрашнего дня); русск. сегодняшний, вчерашний, завтрашний;*

3) Отнесенность ко времени года: *англ. summer; autumnal, fall, autumn; brumal, hibernal, winter, winterly, wintry; spring, vernal, printanier; фр. estival, d'été; autumnal, d'automne; hibernal, hiémal, hivernal, d'hiver; printanier, vernal; русск. летний; осенний; зимний; весенний.*

Тождество соотносимых основ темпоральных прилагательных в исследуемых языках не гарантирует тождества их семантической структуры. Так, в рассматриваемых языках имеются номинативные единицы, не имеющие структурно-семантических соответствий. А именно, в английском языке наличествуют формы притяжательного падежа: *today's; yesterday, yesterday's*, во французском языке употребляются конструкции типа: *de + N d'hier, d'été, d'automne, d'hiver*. Лексическая сочетаемость слов имеет большое значение, позволяет постигнуть особенности строения синтагматических связей языковых номинантов, выявить асимметрию в структурно-семантической организации лексики. Кроме того, одна и та же семантическая зона в английском, французском и русском языках может быть представлена разным количеством исследуемых лексических единиц. Отдельные темпоральные прилагательные английского и французского языков совпадают, например: *англ. summer; autumnal, fall, autumn; brumal, hibernal, winter, winterly, wintry; spring, vernal, printanier. Фр. estival, d'été; autumnal, d'automne; hibernal, hiémal, hivernal, d'hiver; printanier, vernal.*

Темпоральные прилагательные характеризуют различные аспекты категории *ВРЕМЯ*:

- 1) временные отрезки определенной длительности (*день, неделя, месяц*);
- 2) временные отрезки неопределенной длительности (*момент, миг, мгновение, вечность*);
- 3) линейность времени;
- 4) цикличность времени;

5) признаки антропоцентричности в языковой модели времени.

К прилагательным, характеризующим временные отрезки определённой длительности, относятся: *Англ. hourly, eight hour; daily; weekly; hebdomadal; monthly, bimestrial, five-month annual; yearly; secular, age-old.* В английском языке определённая длительность уточняется с помощью квантификатора, который в составе с существительным образует атрибутивную группу.

Во французском языке лишь некоторые существительные способны образовать прилагательные: *heure — horaire; jour — journalier; an — annuel.* Некоторые из них имеют соотносимые формы, однако образованные от супплетивной основы либо содержащие в корне историческое чередование: *semaine - hebdomadaire; mois - mensuel; siècle — séculaire.* Существительные *seconde* и *minute* такой возможностью не обладают. Сложные прилагательные образуются только от существительных – единиц времени и количественного числительного, *bimensuel* ‘двухмесячный’, *un plan quinquennal* ‘пятилетний план’. Все эти прилагательные, а также словосочетания с числительными (например, *deux heures* ‘два часа’, *six jours* ‘шесть дней’, *cinq ans* ‘пять лет’) и словосочетания с простыми прилагательными *tâche mensuelle* ‘задание за месяц’ выражают определенную величину времени.

В отличие от русского языка, где существительные-единицы времени своим лексическим значением передают значение определенного множества, во французском языке, они не могут выражать сами по себе определенную величину, если перед ними не стоит числительное. Например, для выражения значения «родившийся сутки (неделю, месяц) назад» более всего подходят количественно-именные словосочетания «предлог *de* или *d'* + количественное числительное + существительное-единица времени». Ср.: *une grossesse de 3 semaines* ‘трехнедельная беременность’, *bébé d'un mois* ‘месячный ребенок’. В английском языке аналогичное понятие выражено существительным: *monthling* ‘месячный ребёнок’.

В русском языке анализируемая группа представлена следующими единицами: *двухсекундный, трехминутный, пятиминутный, суточный, недельный, трехнедельный, месячный, пятимесячный, трехгодичный.* Отметим, что в высказываниях такого типа ключевая роль принадлежит числительным, обеспечивающим точность предоставляемой информации.

К прилагательным, характеризующим временные отрезки неопределённой длительности, относятся: *англ.: eternal, everlasting, intermittent, synchronous, frequent, temporary, intermittent; фр.: éternel, intermittent, fréquent, temporaire, simultané, éphémère; русск.: бесконечный, периодический, частый, временный, одновременный, недолговечный.*

Отметим, что в английском и французском языках наблюдается лексическое соответствие наличествующих форм темпоральных прилагательных, таких как: *англ. eternal – фр. éternel; англ. frequent, – фр. fréquent; англ. temporary – фр. temporaire.*

К прилагательным, маркирующим линейный характер времени, относятся: *англ. nearest, last, previous, next, future; фр. immédiat; prochain; proche; русск. ближайший, прошлый, последний, дальнейший, бывший, очередной, тогдашний, будущий и др.*

Среди темпоральных маркеров, обозначающих циклический характер времени можно выделить две группы: слова, обозначающие природные явления: *полуденный, суточный, вечерний* и события человеческой жизни: *страстная, пасхальный, ежегодный.* Отметим, что в английском языке наличествует ряд прилагательных-исключений, характеризующих временные периоды, так, они способны выступать как в роли наречий, так и в функции прилагательных: *daily; weekly; monthly, yearly.* Во французском языке данная группа представлена следующими единицами: *diurne; journalier; quotidien, hebdomadaire, mensuel, annuel*

Антропоцентрические маркеры времени представлены следующими прилагательными: *англ. infant, young, elder, school, senior class* ‘выпускной класс’; *фр.*

enfantin; jeune; aîné; ancien, scolaire, terminal 'выпускной класс'; русск.: *детский, юный, старший, школьный, выпускной (класс), и т.д.*

Семантика темпоральных прилагательных может усиливаться прилагательными в превосходной степени и частицами: *англ. the most, very; фр. le plus; русск. самый, наиболее, очень*. Лексические единицы, сопровождающие репрезентанты временной семантики, позволяют усилить положительную или отрицательную коннотацию высказывания.

В плане сопоставительного исследования лексических значений интересным представляется рассмотрение таких темпоральных прилагательных как *давний, давнишний, бывший, прежний, нынешний* как в рамках одного языка, так и в сравнении разноструктурных языков. Их важная особенность состоит в том, что они дают не просто темпоральную характеристику объекта или ситуации. В отличие от перечисленных темпоральных прилагательных, прилагательным *бывший, прежний* свойственна «окказиональная эмпатия», зависящая от вида определяемого существительного, обозначающего лицо (в частном случае – должностное лицо) или инстанцию, которые прекратили выполнять свои функции, а также от характера заполнения второй валентности данного существительного. Так, словосочетания *бывшая жена Ивана, бывший директор завода, бывший министр здравоохранения* являются нейтральными обозначениями лиц, переставших выполнять свои функции.

Прилагательные, обозначающие эмоциональное/физическое состояние человека, а также свойства его характера, в сочетании с лексико-семантической группой существительных, обозначающих некий временной промежуток, какой-либо период, например, день, час и другие, могут выступать как темпоральные и приобретать метонимическое значение «проведенный в состоянии» [Мерзлякова, 2003: 10]. Например, устойчивое сочетание *золотые времена* обозначает наиболее благоприятный период времени для человека.

Время многогранно, разнообразно. Осмысление различных его сторон отражается в языке, в частности, в многообразии лексических темпоральных маркеров, выраженных различными частями речи.

При обозначении тождественных понятий английский, французский и русский языки могут использовать разные мотивационные признаки, слова разных семантических сфер, что свидетельствует о различиях в типах словообразовательной семантики и функционировании словообразовательных категорий. Одна и та же семантическая зона может быть представлена разным количеством темпоральных прилагательных, отдельные смысловые зоны являются специфичными, т.е. характерными только для одного языка. Структурно-семантическая диспропорция лексического состава свидетельствует о неравномерности и разной интенсивности мотивированности процессов в английском, французском и русском языках, что отражает их этнокультурные особенности и позволяет реконструировать фрагменты языковой картины мира сквозь призму временных отношений.

Литература

1. Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М. 1990. – 256 с.
2. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А.Х. Мерзлякова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352с.

References

1. Gurevich, A.YA. Person and Culture: Individuality in the history of culture. – M. 1990. – 256 p.
2. Merzlyakova, A.H. Types of semantic variation of the adjectives' field "Perception" (on the material of English, Russian and French languages) A.H. Merzlyakova. – M.: Editorial URSS, 2003. – 352 p.

УДК 81'2

О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Хорошилова, Ксения Николаевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / kсениахорошилова@ya.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные принципы исследования языковой картины и музыкального дискурса, в частности, представителей французской лингвокультуры. Приводятся ключевые особенности французского музыкального дискурса в разные временные периоды. Итогом работы является описание ключевых моментов изучения языковой картины и музыкального дискурса французской лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая картина, языковая личность, музыкальный дискурс, французский язык, музыкант.

ABOUT LINGUISTIC VIEW AND THE MUSICAL DISCOURSE OF THE FRENCH LINGUOCULTURE

Khoroshilova Ksenia

Graduate student
Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / kсениахорошилова@ya.ru

Abstract

In this article the author discusses the main research strategies of linguistic view and the musical discourse, particularly, representatives of the French linguoculture. The author gives the key features of French musical discourse in different time periods. The result of the work is a description of the key points of studying linguistic view and the musical discourse of the French linguoculture.

Keywords: linguistic view, linguistic personality, musical discourse, the French language, musician.

При изучении культурологического аспекта какой-либо лингвокультуры невозможно обойти стороной исследование языковой личности представителя данной культуры. Данный метод, согласно В.И. Карасику, основывается на описании речевого поведения носителей элитарной или массовой культуры, характеристику коммуникативных возможностей языковой личности, анализ творческого и стандартного языкового сознания. Следует так же принять во внимание психологические особенности изучаемой языковой личности, так как они находят отражение в сознании и языковом поведении [Карасик, 2010, с.44].

Антропоцентрический подход традиционно занимает одну из центральных позиций в лингвистических исследованиях. В его основе лежит принцип переключения от объекта изучения к субъекту. Язык изучается сквозь призму мировоззрения и внутреннего мира конкретного индивида, поскольку, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 26 сс. 59-60].

Актуальность антропоцентрического подхода особенно ярко проявляется в течение последних десятилетий не только в лингвистике, но и в таких науках, как философия, педагогика, психология, лингвокультурология и лингводидактика. Таким образом, из-за постоянного взаимодействия смежных наук в лингвистике постоянно появляются новые знания, выдвигаются гипотезы, обрисовываются теории. Каждый такой шаг требует от науки переосмысления её объекта изучения. В данный период изучение языковой личности наиболее актуально в лингвистике и во всех смежных науках [Седых, 2016, с.7].

Языковая личность популярного музыканта является значимым показателем не только музыкальной картины отдельной страны, но и национального духа в целом, так как культурный опыт и особенности нации находят своё отражение в музыкальных произведениях той или иной эпохи. Музыка способна отражать действительность и

воздействовать на личность посредством особых образов, оказывая психологическое воздействие, которое, в свою очередь, сказывается на речевых особенностях личности.

Музыкальная картина мира представляет собой систему ценностей, формирующихся в отдельный временной период. Каждому историческому отрезку присуще своё понимание мира [Арановский, 2011, с.39]. Музыка - часть культуры, проникающая во все сферы жизни человека. С помощью языка музыки человек осознает себя и мир, передает информацию другим поколениям.

Античное музыкальное искусство Франции базировалось на принципах симметрии, гармонии и пропорциональности, что являлось отражением представлений человечества о мире и космосе. Античное искусство в целом невозможно было представить без музыки. В античных трагедиях каждый диалог перетекал в песню, в конце каждого представления исполнялась хоровая песня. Одним из самых значимых музыкантов того периода являлся Амвросий из Галлии, который повлиял изменение музыкальной традиции и переход к церковной музыке [Корыхалова, 2000 с.87].

В Средние века в основе представлений о мире лежал теоцентризм, то есть Бог, как источник всей жизни и любого блага, как совершенное наивысшее бытие. Бог понимается при этом как некий «таинственный центр» мира, без которого ничто не может ни существовать, ни быть познано. Бог выступает основным и центральным звеном всей жизнедеятельности (материальной и духовной), всей культуры общества в данный исторический период. В следствии музыкальные тексты описанного периода были наполнены нравственной чистотой и образностью. Особенно часто в музыкальных текстах встречались символы и аллегории, как художественное представление идей и понятий посредством конкретного образа. В Средние века во Франции наиболее распространена была церковная музыка, которую стремились канонизировать и унифицировать. В данный период происходила борьба аскетических и эстетических тенденций в музыкальном искусстве. Музыкант должен был являться «одним из многих» и говорить от лица большинства [Холопова, 2002, с.45].

Эпоха Возрождения во Франции, как и во всем мире, стала периодом борьбы языческих принципов с христианскими устоями. Французская музыка наиболее близко соприкасается с поэзией, с творчеством таких поэтов, как Франсуа Рабле, Клеман Маро, Жоашен Дю Белле, Пьер де Ронсар. Музыка Ренессанса характеризуется драматичностью и лиричностью. Она перестала быть сверхчувствительной и небесной. В церковных песнях перестал использоваться латинский язык. Прогресс в обществе спровоцировал прогресс и в музыкальном искусстве, что, несомненно, отразилось на личностных лингвистических предпочтениях того времени. Одним из самых популярных французских исполнителей Ренессанса стал Клеман Жанекен, который создавал песни на тексты Ронсара. Отличительной особенностью музыкальной картины Франции эпохи Возрождения стало стилевое разнообразие и полифоническая песня [Петровская, 2009, с.29].

В последующий временной период в обществе, сознании людей и, следовательно, в музыкальной картине Франции происходили значительные изменения. Эпоха Просвещения характеризуется противоречием мира и человека. Отличительной чертой данного исторического отрезка является романтизм, что находит отражение и в музыкальных текстах. Просвещение дало небывалый взлет музыкальному искусству Франции. В центре музыкальных текстов находится лирический герой, его страдания и переживания. Синтез языка музыки, поэзии и пластики выражал суть романтического мировоззрения.

Современная французская музыка характеризуется стилевым плюрализмом. Зачастую становится трудно обнаружить подлинное искусство. Современные музыкальные тексты обращены к быту, к месту человека среди мировых ценностей. Основным инструментом становится человеческий голос, а не аккомпанемент [Асафьев, 2010, с.198]. В текстах современных французских исполнителей обычно отражены личные чувства, эмоции и переживания автора. Важнейшую роль сегодня играет визуальный образ исполнителя, в связи с чем, многие выбирают экстравагантный и запоминающийся

стиль. Современное музыкальное искусство имеет тенденции к отражению текущей музыкальной конъюнктуры, а не прогрессивных направлений. Это связано с коммерческой направленностью и ориентиром на «среднего» слушателя.

Сегодня музыка во Франции отличается огромным количеством жанров и направлений: поп-музыка, рок, джаз, модерн, блюз, рэп, хип-хоп и смешанные музыкальные стили. Музыка является страстью большей части населения страны. Тексты песен зачастую просты и очень легки для запоминания, что успешно используют в своей работе рекламные и пиар-кампании. Запоминающиеся словосочетания, фразеологизмы являются неотъемлемой частью современного музыкального дискурса. Они оказывают психологическое воздействие на слушателя, отражаются на его восприятии мира, на его речи. Музыка помогает современному французу справиться с депрессией и плохим настроением. Каждый житель страны может выбрать любимый жанр и исполнителя среди огромного разнообразия.

Современное песенное творчество, в частности эстрадное, характеризуется синергетикой трёх семиотических уровней: текста, музыки и видеоряда. Данное явление связано с так называемым клиповым мышлением современного человека. Сам термин «клиповое мышление» в научном обиходе появился в конце 90-х годов XX в. и обозначал особенность человека воспринимать мир посредством короткого, яркого посыла, воплощенного, в частности в форме видеоклипа или репортажа теленовостей [Асафьев, 2010, с.67].

Таким образом, музыка способна отражать действительность и воздействовать на личность, посредством особых образов, оказывая психологическое воздействие, которое, в свою очередь, сказывается на речевых особенностях личности. Музыкальная картина мира представляет собой систему ценностей, формирующихся в отдельный временной период. Музыкальная картина Франции очень изменчива. Она менялась с течением времени. В каждый исторический период музыкальные тексты были отражением представлений человека об окружающем мире и о себе самом, отражением переживаний, чувств и эмоций. Посредством музыкальных текстов люди передавали информацию сквозь поколения и осуществляли коммуникацию между собой. Сегодня музыкальная картина Франции отличается большим разнообразием жанров, коммерческой направленностью, простотой текстов, ориентированностью на среднего слушателя.

Литература

1. Арановский, М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М.: Композитор, 2011.
2. Асафьев, Б.В. Музыкальная жизнь Парижа: (Из зарубежных корреспонденций Б.В. Асафьева) // Встречи с прошлым: Сб. материалов центр. Гос. архива лит. и искусства СССР. – М.: Россия, 2010.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М., 1963. – Т.2.
4. Петровская, О.С. Формирование и развитие музыкальной терминологии исполнительского искусства: на материале русского, итальянского, английского, французского языков: Автореф. дис. ... к-та филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2009. 29 с.
5. Кorykhalova, Н.П. Музыкально-исполнительские термины: Возникновение, развитие значений их оттенки, использование в разных стилях. – СПб: Композитор, 2000.
6. Седых, А.П. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси: моногр. / А.П. Седых, М.С. Быканова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016.
7. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства. Ч. I-II. – СПб.: «Лань», 2002.

References

1. Aranovsky, M. G. Musical text. Structure and properties. – M.: Composer, 2011.
2. Asafiev, B. V. Musical life of Paris: (From B. V. Asafiev's foreign correspondence) // Meetings with the past: Sat. materials center. State. archive of lit. and art of the USSR. – Moscow: Russia, 2010.
3. Baudouin de Courtenay I. A. Selected works on General linguistics: In 2 T. – M., 1963. – Vol. 2.
4. Petrovskaya, O. S. Formation and development of musical terminology of performing arts: by the material of Russian, Italian, English, French languages: autoref. dis. ... K-TA Philol. Sciences: 10.02.19. – Rostov-on-don, 2009.
5. Korykhalova, N. P. Music performance terms: the development of values and their colors, the use of different styles. – St. Petersburg: Compozitor, 2000.
6. Sedykh, A.P. Musician's professional linguistic personality: Alrksandre Skryabin, Klod Debussy: monograph/ A.P. Sedykh, M.S. Bykanova. - Beldorod: Belgorod State National Research University, 2016.
7. Kholopova, V. N. Music as an art form. Part I-II. – SPb.: "DOE", 2002.

УДК 81'42

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В РАМКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ФАНФИКШН**Цыпченко, Елена Андреевна**

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания
 Белгородский государственный национальный исследовательский университет
 Белгород, Россия / *tsypchenko@bsu.edu.ru*

Аннотация

В современном мире высокоразвитой медиакультуры, одним из ведущих направлений фанатского творчества является фанфикшн. Фанфикшн отражает тенденции развития фандомов, рождает новых профессиональных писателей, выражает желания и мнения фанатов. В рамках самого жанра «фанфикшн» существует огромное разнообразие поджанров, среди которых наиболее выделяется жанр «слэш», отрицающий половые и гендерные роли персонажей, и стирающий рамки в поведении мужчин и женщин. В статье рассматривается краткая история возникновения «слэша», теория его популярности, представлен лексический анализ пяти англоязычных фанфиков. Выдвигается гипотеза о том, что в современной фанатской литературе не разграничивают языковые и речевые средства описания поведения и чувств персонажей женского и мужского пола.

Ключевые слова: медиакультура, фанфикшн, гендерное поведение, слэш и фемслэш, стереотипные гендерные характеристики, англоязычные фанфики.

GENDERED DISCOURSE IN ENGLISH-LANGUAGE FANFICTION**Tsypchenko Elena**

Graduate student of the English Language and Teaching Methods Department
 Belgorod State National Research University
 Belgorod, Russia / *tsypchenko@bsu.edu.ru*

Abstract

In the modern world of highly developed media culture, fanfiction is one of the leading directions of the fan art. Fanfics reflect the development of fandoms trends, create new professional writers and express the desires and opinions of fans. Within the genre "fanfiction" there is a huge variety of subgenres, among which the most distinguished is the genre "slash" which denies the sexual and gender roles of the characters, and erase the frames in the behavior of men and women. The paper deals with a brief history of the "slash", the theory of its popularity, the analysis of the five English-language fanfics. A working hypothesis is put forward that the boundaries of sex and gender are blurred in modern fan literature; language and verbal means of the description of behavior and feelings of female and male characters are not distinguished.

Key words: media culture, fanfics, gender behavior, slash and femslash, stereotypical gender characteristics, fanfiction.

Как известно, современная художественная литература характеризуется многообразием жанров и поджанров. В последние годы активно развивается специфический жанр «фанфикшн», выделяющийся тем, что практикуют его не профессиональные писатели, а фанаты каких-либо произведений массовой или элитарной культуры. Героями таких произведений являются известные личности, персонажи кинофильмов, компьютерных игр, известные литературные персонажи.

Наиболее актуальная тенденция внутри жанра «фанфикшн» это так называемые «слэш» или «фемслэш», для сюжета которых характерны романтические отношения между представителями одного пола.

Слэш и фемслэш как жанры фанфиков оформились в 80ые годы прошлого века. Впервые привлекательность слэша была объяснена в фанфике "Romantic myth, Transcendence and Star Trek Zines" авторов Patricia Frazier Lamb и Diana L. Veith в 1986 году. Фикрайтеры объяснили привлекательность слэша тем, что он отображает романтическую любовь как любовь между абсолютно равными, в отличие от реальной действительности и фильмов/книг, которым не дано отобразить равенство в гетеро-парах. При этом герои слэш-фанфиков обычно имеют стереотипные гендерные характеристики сразу обоих полов, которые способствуют равенству, а также позволяют читателям идентифицировать себя с любым из персонажей.

Ученый Генри Дженкинс характеризует «слэш» как отношения, не отягощенные аспектами традиционной мужественности, которые мешают эмоциональной выразительности и физической близости между мужчинами. Исследователь утверждает, что слэш отвергает идею о том, что гендерные роли фиксированы и предопределены;

противоречит представлению о половой принадлежности как об «управляющей и определяющей силе в любовных отношениях» [цит. по Katyal 2017, 24].

И действительно, читая слэш-фанфики, можно забыть о половой принадлежности персонажей. Чтобы проиллюстрировать вышеприведенные тезисы, далее нами будут рассмотрены планы выражения содержания нескольких слэш-фанфиков. Нами были выбраны фанфики “He Was a Skater Boy” автора *im_on_here* по фандому “BTS”, “Dar-te-ei” автора BruceChickinson по фандому “One Piece”, “Sweet and Sour” автора Daisy1972 по фандому “My hero Acamedia”, “Surrender To Me” автора *alaska_writes* по фандому “My Hero Academia”, “The Date” автора TidbitKit по фандому “One-Punch Man”.

Переходим к лексико-семантическому анализу декскрипции поведения персонажей в ситуациях романтического характера и его особенности, основанные на гендерной принадлежности.

Фанфик «He Was a Skater Boy» автора *im_on_here* по фандому “BTS”

В данном фанфике описываются отношения двух гей-пар, а также проявления мужской дружбы.

(1) “My little baby”. – обращение, используемое по отношению к другу мужского пола, более характерное для обращения к девушке.

(2) Jeongguk looks down at his dumb boat shoes, blushing, a little embarrassed;

(3) Jimin turns bright red all of a sudden;

(4) He grabs a pillow off his bed and screams into it for a good twenty or so seconds;

(5) “Oh, you fucker, don't play me like that!” He balls his hands and beats them against Jeongguk’s chest;

(6) His only answer is a middle finger and a slammed bedroom door.

Примеры (2-6) иллюстрируют типично-женское поведение при смущении, присущее персонажам-мужчинам в данном фанфике.

(7) The bleach-blond hair and the dangly earrings;

(8) The one with the silver-haired guy in the choker? With the eyeliner? Fantastic!

Примеры (7-8) описывают элементы стиля мужских персонажей, характерные больше для женщин (серьги, чокер, лайнер для глаз).

(9) “Jeonggukkie!”;

(10) Jimin tackles him into a big hug;

(11) “Oh, you poor thing, come here,” he whispers, wrapping his arms around Jeongguk’s waist, running a hand up and down his back;

(12) “He played with my hair and fed me popcorn!”.

Примеры (9-12) описывают близкие дружеские, а также романтические отношения между мужчинами. Как можно заметить, выбор лексики и сами действия персонажей характерны для гетеро-парочек или подруг-девушек, но никак не друзей-мужчин.

Фанфик “Dar-te-ei” автора BruceChickinson по фандому “One Piece”

По сюжету данного фанфика, персонаж Зоро выбирает подарок ко дню рождения своего молодого человека.

(13) Zoro thought of giving flowers;

(14) Zoro thought of giving something to eat, like chocolates;

(15) But, he knew Sanji didn’t drink any cheap stuff. It would have to be the best wine or the best champagne or the best sake;

Примеры (13-15) показывают, что Зоро, выбирая подарок для своего молодого человека, размышлял над типично-женскими подарками, такими как цветы, шоколад, дорогое шампанское.

(16) It was one of the most charming little things about him, from the velvety timbre of his voice to the hips that swayed in the same rhythm, hypnotizing;

Пример (16) демонстрирует, что Зоро привлекают в Санджи те детали, которые обычно подмечают в женщинах: бархатистый тембр голоса, движения бедер.

Фанфик “Sweet and Sour” автора Daisy1972 по фандому “My hero Acamedia”

В данном фанфике описывается первый рабочий день персонажа Киришимы, который устроился работать в кондитерскую.

(17) He was going to make sure that this day was perfect, the best day of his life. Nothing could ruin how flawless this was going to be for him, or so he thought. – Данный пример иллюстрирует ожидания от первого рабочего дня персонажа-мужчины. Такие ожидания обычно испытывают героини кинофильмов, книг. Само собой, не исключено, что мужчины тоже могут быть в таком настроении, но обычно это не афишируется.

(18) A pink apron displaying the shops logo that made him look adorable. – Персонаж Киришима отмечает, что персонаж Бакугоу выглядит очаровательно в розовом фартуке, что в принципе совершенно немужественно и в соответствии с канонами мужской красоты, не может выглядеть привлекательно.

Фанфик “Surrender To Me” автора alaska_writes по фандому “My Hero Academia”

В данном фанфике описываются романтические эмоции персонажей Мидории и Шото.

(19) Green. Dark green. Forest green. They shine so, so, so... bright;

(20) With a gentle, slow nod, Shōuto reaches his own hand out, grabbing onto Izuku's. Another smile; this one more sweet, more loving, flashes to Shōuto;

(21) Nodding slowly, Shōuto leans forward ever so slightly, gently placing his ear over the other boy's beating heart;

(22) He gazes into his dull eyes, so glad and so lucky that he is his;

(23) Izuku gently takes hold of the other's wrist, flipping it over and placing a gentle kiss to Shōuto's hand. "I love you so much..."

Примеры (19-23) демонстрируют типично женское проявление любви и заботы (поцелуй руки, прижимание к груди возлюбленного) и нежные мелодраматичные описания взгляда (нежный и любящий).

Фанфик “The Date” автора TidbitKit по фандому “One-Punch Man”

Сюжет фанфика повествует о свидании двух персонажей-мужчин: Сайтамы и Геноса. Местом randevу выбрано кафе.

(24) “Y’know... It’s just me.” - “It’s because it’s you,” said Genos, glaring down at the table. His hair cast a shadow over his eyes. “I had been prepared to convince you, but... not prepared for you to be convinced.”;

(25) This was a date—and while Saitama felt weighed down knowing Genos had feelings for him, Genos was probably just as tormented by a pressure to get Saitama to feel the same.

Примеры (24-25) отражают переживания персонажей-мужчин по поводу свидания и отношений в общем. Реплики Геноса из примера (24) могли быть вполне естественными, не будь они адресованы другому мужчине.

(26) “Do you like vanilla or chocolate better? Or maybe green tea...”;

(27) “Can we get one of these strawberry parfaits, please?”;

(28) It was beautiful—pink strawberry ice cream piled up nearly above their heads and layered with wafer cookies, whipped cream, and fresh fruit.

Примеры (26-28) описывают, как двое мужчин на свидании в кафе выбирают еду. Выбор падает на клубничное парфе – неожиданный выбор для мужчин.

(29) Genos hesitated for another moment then opened his mouth, allowing Saitama to feed him the spoonful of parfait. – Сайтама кормит Геноса парфе с ложечки, действие вопиюще нетипичное для отношений между мужчинами.

(30) “That’s...” Genos covered his mouth with his hand and turned away. Steam still billowed from his vents. “An indirect kiss...”. – Персонаж Генос переживает о непрямом поцелуе с Сайтамой через ложку.

Представленный анализ фанфиков, демонстрирует, что реплики и описание эмоций персонажей, хоть и являются по общепринятым представлениям гендерно-специфическими для женщин, однако используются в отношении мужчин.

Таким образом, проведенный лексический анализ позволяет сделать вывод, что в слэш-фанфиках граница между женским и мужским поведением размывается, те элементы, которые общество привыкло воспринимать как типично-женские, в фанфиках могут быть присущи представителям мужского пола. Можно сделать вывод, что это довольно распространенное явление, так как фанфики выбирались методом контролируемого отбора, основанного только на объеме (не более 2000 слов), а также бытовом характере сюжета.

Литература

1. Katyal Sonia K. Performance, Property, and the Slashing of Gender in Fan Fiction. - American University Journal of Gender, Social Policy & the Law. 14, no. 3, 2006. – с. 461-518.
2. Dar-te-ei [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17852984>.
3. He Was a Skater Boy [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/16969416/chapters/42474491#workskin>.
4. Surrender To Me [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17682656/chapters/41708114>.
5. Sweet and Sour [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17937560/chapters/42358199>.
6. The Date [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17039273>.

References

1. Katyal Sonia K. Performance, Property, and the Slashing of Gender in Fan Fiction. - American University Journal of Gender, Social Policy & the Law. 14, no. 3, 2006. – P. 461-518.
2. Dar-te-ei [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17852984>.
3. He Was a Skater Boy [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/16969416/chapters/42474491#workskin>.
4. Surrender To Me [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17682656/chapters/41708114>.
5. Sweet and Sour [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17937560/chapters/42358199>.
6. The Date [Electronic resource]. – Access mode: <https://archiveofourown.org/works/17039273>.

УДК 81'25

СЛОВАРНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Шишони́на, Натали Владимировна

доцент, к. фил. н.,

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Пятигорск, Россия / 89850967988@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема межъязыкового перевода поэтического произведения. Переводной поэтический текст трактуется как результат речетворческой деятельности переводчика, использующего переводческие трансформации для пере выражения художественного смысла исходного текста. Делается вывод о том, что текст перевода является одним из вариантов смысловой проекции исходного поэтического текста, которая определяется спецификой протекания процессов смыслообразования в сознании поэта-переводчика.

Ключевые слова: поэтический перевод, эвристика перевода, лексические трансформации, метонимический перевод, образность

DICTIONARY EQUIVALENTS IN THE TRANSLATION OF A POETIC TEXT

Shishonina Natali

candidat of pedagogical Sciens, dozent, associate Professor

Pyatigorsk State University, Russia

Pyatigorsk, Russia / 89850967988@rambler.ru

Abstract

The paper focuses on the problem of inter-language translation of a poetic text. The target-language text is regarded as the result of heuristic speech activity and reasoning of the translator, who uses various kinds of translation transformations to re-express the artistic meaning of the source-language text. It is stated that the target-language text should be regarded as a projection of the source-language text, which is determined by meaning-construction processes in the translator's mind.

Key words: poetic translation, heuristics of translation, lexical transformations, metonymic translation, imagery.

Перевод поэтического текста является результатом творческой речемыслительной деятельности переводчика. Согласно эвристической модели [Минченков 2007, 37], перевод представляет собой объективацию средствами языка перевода (далее – ПЯ) структуры смыслов, сформированной в результате интерпретации переводчиком исходного текста (ИТ) [Минченков 2007, 65]. В рамках такого подхода перевод рассматривается не как процесс трансформации одного текста в другой, а как процесс формирования смысловой структуры и дальнейшего воплощения этой структуры средствами другого языка [Минченков 2007, 67]. Соответственно, единицей перевода признается «субъективный концепт-смысл», а в процессе перевода выделяются операции по формированию смысла при движении от ИТ к внутренней речи и совмещению смыслов, заданных ИТ со значением единиц ПЯ [Минченков 2011, 144].

В случае поэтического перевода сложность конструирования смысловой структуры ИТ и соотносящейся с ней смысловой структуры текста перевода (ПТ) усугубляется такими факторами, как художественная образность текста, содержательность формы в поэзии, гиперсемантизация поэтического слова. Воплощение смысловой структуры ИТ средствами ПЯ требует от переводчика применения разнообразного репертуара переводческих трансформаций. По мнению А. Д. Швейцера, переводческие трансформации являются межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла [Швейцер 1988, 118].

В переводоведении существует разнообразие подходов к классификации переводческих трансформаций. Выделяются лексические, грамматические и семантические преобразования исходного текста [Комиссаров 2002, 57]. Суть лексических трансформаций состоит в замене отдельных лексических единиц ИЯ лексическими единицами ПЯ, которые не являются их словарными эквивалентами. Выделяют следующие разновидности лексических трансформаций: транскрибирование и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, к которым относятся конкретизация, генерализация и модуляция. К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация [Комиссаров 2002, 283].

Специалисты в области теории перевода считают, что переводческие трансформации входят в структуру такого макропроцесса перевода, как переводческий трансфер, который представляет собой «адаптацию смысла оригинального сообщения к другой (иностранной) форме его выражения» [Устинова 2017, 141]. Поэтический смысл очень зависим от языковой формы поэтического выражения. Т.В. Устинова объясняет многочисленность и сложную организацию системы переводческих трансформаций в поэтическом переводе следующим образом: «Формальная чувствительность семантики поэтического сообщения ("содержательность формы" в поэзии) объясняет масштаб смысловых трансформаций при переводе: символические единицы двух языков имеют разные внутрисистемные связи и по-разному взаимодействуют с форматами знания, а нестандартное творческое преобразование языковой единицы в поэтическом контексте задает уникальную концептуальную конфигурацию, объективировать которую в том же виде с помощью единиц другой языковой системы будет практически невозможно» [Устинова 2017, 141].

Проанализировав 15 текстов стихотворений Р. Киплинга и тексты их переводов на русский язык, выполненные такими переводчиками, как М. Л. Лозинский, В. Шубинский, Ю. Безуглова, В. В. Иванов, Е. Полонская, Н. Галь, А. Щербаков, К. Филатов, С. Я. Маршак, В. Родионов, О. Юрьев, В. Топоров, А. Грибанов, А. Долинин и П. Долголенко, мы пришли к заключению, что прием модуляции (смыслового развития) является наиболее часто встречающимся способом передачи фактического содержания и художественного смысла оригинала. В общем нами было проанализировано 101 случай лексических трансформаций восьми разновидностей. Из них 44 случая были классифицированы как смысловое расширение исходного сообщения. Суть

проанализированных случаев модуляции заключается в более глубоком семантическом толковании переводчиком исходного сообщения, выраженного в данном текстовом отрезке, и замены единицы ИЯ контекстуально обусловленной и логически связанной с ней единицей ПЯ. При соотношении значений единиц ИЯ и ПЯ, выбранных переводчиком в качестве текстовых эквивалентов, можно установить отношения, построенные на принципах смежности и сходства выражаемых ими понятий. Мы считаем, что модуляция как переводческая трансформация влечет за собой изменение образности в ПТ по сравнению с ИТ.

Рассмотрим данное утверждение на примере перевода стихотворения Р. Киплинга "If". Переводчик использует модуляцию для перевыражения следующего контекста:

*If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it
And - which is more - you'll be a Man, my son! (R. Kipling "If").*

*Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неуловимый бег, -
Тогда весь мир ты примешь во владенье
Тогда, мой сын, ты будешь Человек! (Р. Киплинг "Заповедь". Перевод М. Л. Лозинского).*

В толковом словаре "Cambridge Dictionary" прилагательное *unforgiving* имеет значение 'unpleasant or difficult to deal with' и переводится на русский язык как 'неумолимый'. С помощью метафорического эпитета автор ИТ передает образ безжалостного и непоколебимого времени, неумолимого в своей быстротечности. Время движется вперед, оно ускользает, если им не воспользоваться. Нужно прикладывать все усилия, чтобы заполнить каждую минуту, чтобы работать над собой, стремиться к большему, к лучшему. В ПТ глагол *fill* ('наполнить') получает контекстуальную конкретизацию – наполни смыслом *каждое мгновенье*. Далее происходит смысловое расширение оригинала за счет введения словосочетания *принять во владенье*. Таким образом, в основе осмысления данного текстового отрезка в ИТ лежат образы времени как контейнера, требующего наполнения, и времени как безжалостного соперника, с которым трудно иметь дело (метафоры *время как сосуд* и *время как противник*). В ПТ наряду с выдвиганием образа времени как контейнера происходит актуализация образа времени как ускользающей сущности, которую надо догнать, и мира как предмета завоевания (метафоры *время как сосуд*, *время как добыча*, *мир как трофей*).

Рассматривая модуляцию как разновидность метонимического перевода, Т. В. Устинова подчеркивает, что в ПТ могут быть реализованы различные типы метонимических отношений между концептами ИЯ и ПЯ: отношения, относящиеся к категории *действия* (*инструмент* вместо *действия*, *агент* вместо *действия*, *действие* вместо *результата* и др.), категории *причина и следствие* (*состояние* вместо *причины* *состояния*, *физиологический эффект* вместо *эмоции* и др.), категории *производство* (*производитель* вместо *продукта*, *место производства* вместо *продукта* и др.), категории *обладание* (*обладатель* вместо *предмета владения* и др.) [Устинова 2017, 164]. При выборе текстового эквивалента переводчик акцентирует внимание читателя на отношениях смежности описываемого явления/предмета с другими явлениями/предметами: сам предмет может быть заменен его признаком, процесс – следствием, признак – предметом или процессом и т. д.

Например, в оригинале стихотворения Р. Киплинга "The White Man's Burden" важное смысловое значение приобретает антитеза: «Life - Death»: *Go make them with your living / And mark them with your dead (R. Kipling "The White Man's Burden")*. В ПТ компоненты данного противопоставления выражены посредством модуляции: *И то, что здесь ты строил, пока хватало сил, / Пусть памятником будет, всем тем, кто не дожил (Р. Киплинг "Время белого человека". Перевод В. Родионова).*

В ПТ противопоставление приобретает модифицированный вид: жизнь заменяется силой (случай метонимического переноса по принципу *признак* вместо *предмета*), а *смерть* - *памятником* (*видимый результат /последствие* вместо *действия*). В ПТ средствами модуляции делается акцент на результативности праведного труда и светлой памяти об умерших, которая поддерживается результатами этого труда.

Таким образом, в проанализированных нами текстах поэтического перевода с английского языка на русский модуляция используется как переводческая трансформация, влияющая на смысловую структуру ПТ. Устанавливая между концептами ИЯ и ПЯ отношения по принципу смыслового расширения, переводчик перераспределяет внимание потенциального читателя переводного поэтического произведения и задает другие (по сравнению с оригиналом) основания для конструирования художественного образа. Данные заключения по результатам сопоставительного исследования разноязычных поэтических текстов подтверждают тезис о том, что ПТ является одним из вариантов смысловой проекции ИТ, структура и качество которой зависит от психотипических и речемыслительных особенностей языковой личности переводчика как субъекта речетворческой деятельности.

Литература

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М. : ЭТС. – 2002. – 424 с.
2. Минченков, А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности / А. Г. Минченков. – СПб. : Антология, 2007. – 256 с.
3. Минченков, А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: теоретические основы, верификация, возможности приложения / А. Г. Минченков. – LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 288 с.
4. Устинова, Т. В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции : монография / Т. В. Устинова ; науч. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2017. – 187 с.
5. Швейцер, А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) [Текст] / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

References

1. Komissarov, V. N. Modern translation studies. benefit. – Moscow : ETS. - 2002. - 424 p.
2. Minchenkov, A. G. Cognition and heuristics in the process of translation / A. G. Minchenkov. – SPb. : Anthology, 2007. - 256 p.
3. Minchenkov, A. G. Cognitive-heuristic model of translation: theoretical foundations, verification, application possibilities / A. G. Minchenkov. "LAP Lambert Academic Publishing, 2011. - 288 p.
4. Ustinov, T. V., non-Conventional sense in poetic language: the experience of cognitive modeling of readers ' reception : monograph / T. V. Ustinova ; scientific. ed. T. A. Gridin. - Ekaterinburg, 2017. - 187 p.
5. Schweitzer, A. D. translation Theory (status, problems, aspects) [Text] / A. D. Schweitzer. - Moscow: Science, 1988. – 215 p.

Раздел 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ

УДК 81

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Девятникова, Ксения Георгиевна

Студентка 5 курса кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *kdeviatnikova@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматривается синергетический подход в обучении иностранным языкам, а также развитие самой системы образования в эпоху «клипового мышления». На основе анализа исследований современных лингвистов, психологов и педагогов в области синергетики выдвигается гипотеза о положительном влиянии данного подхода на формирование вторичной языковой личности студента.

Ключевые слова: синергетика, синергетический подход, вторичная языковая личность, клиповое мышление, бифуркация, флуктуация, синергетическая лингводидактика.

TO THE ISSUE OF USING OF SYNERGETIC APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES: FORMING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY

Deviatnikova Kseniia

student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *kdeviatnikova@yandex.ru*

Abstract

The paper deals with the synergetic approach in teaching foreign languages, and with the development of educational system in the period of “clip thinking”. Basing on the current researches of linguists, psychologists on this issue a hypothesis is put forward that synergetic approach influences positively on the formation of student’s secondary linguistic personality.

Key words: synergy, synergetic approach, secondary linguistic personality, clip thinking, bifurcation, fluctuation, synergetic language pedagogy.

Культура нового тысячелетия привносит модернизацию во все области человеческой природы и деятельности. Развитие телевидения и интернета является детерминирующим фактором для появления нового типа восприятия информации в процессе обучения. Такой вид восприятия, характерный для поколения учащихся XXI века, стал называться «клиповым».

Понятие «клиповая культура» (с англ. – clip culture) было предложено Элвином Тоффлером для описания мозаичности и фрагментарности восприятия, его непоследовательности, алогичности, разрозненности [13]. В отечественных источниках более часто употребляется термин «*клиповое мышление*», введенные в оборот Фёдором Гиренко, характеризующий мышление типичного представителя современного общества.

На предшествующей стадии развития общества доминировало описанное в работах Л.С. Выготского понятийное мышление, характеризующееся глубоким погружением в изучение какой-либо информации, ее анализом. «Клиповое мышление» представляет собой совершенно противоположное явление, основной проблемой его представителей является восприятие длительной, последовательной информации.

Изучением «клипового мышления» занимаются многие лингвисты, культурологи, психологи и педагоги современности (А. Подольский, К.Г. Фрумкин, С. Ю. Кличников, Т.В. Семеновских, Л. Розен, В. И. Опойцев, С.Ю. Головин, Н. Карр, Л.И. Ястребова).

Взгляды исследователей на «клиповое мышление» различаются. Так, например, С. Ю. Кличников оценивает клиповое мышление как «фильтр» перед информационными

перегрузками», что объективно имеет место быть в эпоху информационной пресыщенности. Т.В. Семеновских в своих исследованиях, наоборот, подчеркивает несостоятельность данного типа мышления ввиду того, что информация изучается и запоминается обрывочно, в формате неких «маркеров». Это могут быть различные термины или обрывочные высказывания, что не дает полного понимания информации и, как следствие, осознанного обучения в целом [12].

С.Ю. Головин приводит одно из главных отличий «клипового» мышления от понятийного: отсутствие контекста [5]. Трудностью, с которой сталкивается обладатель «клипового» мышления, является понимание общей картины, семантических связей между явлениями контекста. Как результат, информация воспринимается обрывочно, и человек теряет возможность репродукции поверхностно изученной информации в подобной ситуации.

Глобальное изменение человеческого мышления заставляет задуматься о корректировке направленности современной системы образования, в частности языкового образования. Социальный заказ общества напрямую влияет на целеполагание в учебно-воспитательном процессе по иностранному языку. С каждым новым витком в развитии общества, система образования претерпевает ряд изменений. Например, в 50-х гг. XX века главными задачами обучения иностранным языкам в школе являлись формирование рецепции аутентичной литературы и заложение основ устной речи. В 60-70-е годы обучение иностранным языкам было направлено на «овладение речью в определенных рамках» [Салистра, с. 67], а также «формирование умений и навыков понимания мыслей других людей (в устной и письменной формах) и выражение своих мыслей (также в устной и письменной формах)» [Общая методика, с. 23]. В 80-е годы закладываются основы современной цели обучения иностранным языкам, как обучения «общению на иностранном языке в единстве всех его функций: познавательной, регулятивной, ценностно-ориентированной, этикетной» [Бим, с.20].

В лингводидактике 90-х гг. под целью обучения иностранным языкам понимают формирование способности и готовности учащегося участвовать в межкультурном общении. Коммуникативная и межкультурная компетенции учащихся составляют основу его *вторичной языковой личности* [Гальскова, с. 98].

Вторичная языковая личность, как доминантное понятие языкового образования, достаточно хорошо изучена в рамках отечественной лингводидактики (Ю.Д. Апресян, Г.И. Богин, В.Г. Гак, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И. Шаховский, М.В. Пименова, С.Е. Никитина и др.). В современной лингвокультурологии языковая личность понимается как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов, с. 29]. Языковая личность характеризуется не только коммуникативной направленностью, но и культурным опытом, накапливаемым учащимся в образовательном процессе по иностранному языку.

Вторичная языковая личность остается одним из основных понятий современной лингводидактики. Однако в скором времени концепция ее формирования будет претерпевать различные изменения. Связано это, в первую очередь, с ростом количества учащихся, обладающих «клиповым мышлением». Языковое образование второй декады XXI века переходит на новую стадию развития. В процессе эволюции оно приобретает такие характеристики, как самоорганизация, открытость, нелинейность. Растет объем поступающей информации, мультиполяризуется языковая самореализация студента.

Уже несколько лет новой научной парадигмой в обучении иностранному языку является синергетика. Термин «*синергетика*» (с др. греч. – «совместно действовать») в современной коннотации был впервые употреблен Германом Хакеном, профессором штутгартского университета. Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации открытых и нелинейных систем. *Внутри самой системы*

хаотические движения как бы притягивают информацию, что создает возможность для ее самодополнения новыми элементами [15].

Информационная среда современности отличается хаотичностью информационных потоков. Студент нашего времени попадает в среду ускоренного темпа обучаемости и мультизадачности, что не дает ему возможности для глубокого анализа и полиориентированной проработки информации.

Система образования находится в так называемой *точке бифуркации* – критически неустойчивом состоянии, в котором возрастает неопределенность тенденции данной системы: к хаотической модели или к дифференцированной упорядоченности [8]. Понятие точки бифуркации относится к синергетике. В свою очередь, синергетика объясняет конструктивность хаоса, который существует во всех социальных системах. Хаотичность, многовариантность, мультинаправленность, разнообразие форм активности являются признаками нелинейного, творческого мышления. Синергетика, как парадигма нелинейности и самоорганизации, напрямую коррелирует с творческим мышлением, как новым научным мышлением XXI века.

Предшествующая система образования определяла хаос как недопустимое явление, приводящее к беспорядку. Авторитарная парадигма отражалась в политическом заказе на линейность, четкость, определенность образования. В многополярном мире эпохи СМИ следует переосмыслить образовательные тенденции и личностное развитие учащегося. Успешной моделью поведения студента, как общественного актора, является самостоятельность, пластичность, вариативность действий в соответствии с ежесекундно изменяющейся ситуацией окружающей действительности. Современный преподаватель, используя синергетическую парадигму, позволяет студенту самому прогнозировать многочисленные варианты развития.

Процесс образования переходит в стадию нелинейной ситуации открытой коммуникации. Преподаватель инициирует учащегося на построение и самостоятельный выбор дальнейшего пути развития. Синергетика образования – это стимулирующее образование, открытие самого себя или сотрудничество с самим собой и другими людьми [Пиотровский, с.16].

Аршинов В.И. в своем исследовании синергетической парадигмы описывал «коммуникативную функцию хаоса»: «в хаотической эволюционной фазе возможно восприятие, получение информации из целостного источника, синхронизация и гармонизация системы» [Аршинов, с.95-97]. Некоторые ученые (Назарова Г.С., Шаповаленко В.С., Гончаров С.З.) не разделяют применение синергетического подхода в обучении, объясняя это деструктивной стороной хаоса. Однако большинство исследователей (Аршинов В.И., Абасов З., Гурье Л., Ахметова Д., Александров Ю.И., Делокаров К.Х., Буданов В.Г. и др.) определяет синергетическую парадигму как ядро современной образовательной системы, выделяющуюся своей межпредметностью. Сам Г. Хакен, как основатель синергетической науки, определял ее как «мост между всеми науками». В этом высказывании ярко прослеживается детерминированность иностранного языка в современной системе образования как междисциплинарного, связывающего аспекта.

На основании всего вышесказанного, применение синергетической парадигмы в обучении иностранным языкам может считаться новым подходом в методике преподавания иностранных языков – *синергетической лингводидактикой*. Данная теория отличается мультивекторной направленностью, нелинейностью, открытостью, самоорганизацией и самоопределением в образовании. При этом, влияние педагога на процесс обучения будет являться *флуктуацией* – колебанием, способствующим изменению или упорядочению системы [8]. Образовательный процесс в рамках такой системы выглядит следующим образом.

Учащийся-новичок попадает в совершенно незнакомую среду изучения иностранного языка, которую можно определить, как состояние хаоса. Синергетическая

система образования открывает новую структуру обучения. Основными компонентами такой структуры являются учащиеся, как открытые самоорганизующиеся системы, и флуктуации, как воздействия педагога на образовательный процесс. Движение и развитие этой структуры становятся самопроизводными и, при этом, неизбежными, как естественные закономерности жизнедеятельности. Они приводят к коммуникации между системами, толерантности подструктур, *мотивированности дальнейшего развития* (на что тоже хотелось бы обратить внимание). Четкая упорядоченность структуры обучения ведет к застою. И только синергетические хаотические движения, в конечном счете, приводят к мультиполярной целостности образования.

Подобная образовательная модель лежит и в основе формирования первичной языковой личности. В раннем детстве наше изучение окружающей действительности является нелинейным, хаотичным, самоорганизующимся. Ребенок постигает все и сразу, обрабатывая «гигабайты» информации каждый день. Именно синергетическое обучение закладывает фундамент нашей первичной языковой личности.

Синергетический подход к образованию, таким образом, целесообразно транслировать и на формирование вторичной языковой личности. Это становится особенно актуальным в эпоху расцвета «клипового мышления», когда объем поступающей информации намного больше, чем резерв для ее, абсорбции, анализа, структуризации и репродукции. В рамках синергетического подхода не только для обучающихся, но и для обучающихся открывается широкий спектр вариативных методов и подходов к обучению иностранным языкам, за которыми, в свою очередь, стоит будущее системы образования в России.

Литература

1. Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. Синергетика постижения сложного/ В.И. Аршинов, В.Г. Буданов// Синергетика и психология., - 2004. Вып. 3, с. 82-123.
2. Бим, И.Л. Обучение иностранным языкам: поиск новых путей/ И.Л. Бим//Иностранные языки в школе. – 1989. - №1.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов/Г.И. Богин. - Л., 1984. С. 3.
4. Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. Пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений/ Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
5. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога/С.Ю. Головин. – Изд.:Харвест. -1998.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 2003. С. 29.
7. Князева, Е.Н., Курдюмов, С.П. Основания синергетики/ Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб., 2002. – 414 с.
8. Лебедев С. А. Философия науки: Словарь основных терминов/ С.А. Лебедев. — М.: Академический проект, 2004. — 320 с.
9. Миролюбов, А.А., Рахманов, И.В., Цетлин, В.С. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе/Под ред. А.А. Миролюбова, И.В. Рахманова, В.С. Цетлин. – М., 1967
10. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы/Р.Г. Пиотровский. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
11. Салистра, И.Д. Методика обучения немецкому языку в средней школе/И.Д. Салистра – М., 1958.
12. Семеновских Т. В. Феномен «Клипового мышления» в образовательной вузовской среде/ Т.В. Семеновских // Интернет-журнал Науковедение. — 2014. — № 5 (24).
13. Тоффлер Э. Шок будущего = Future Shock, 1970. — М.: АСТ, 2008. — 560 с. — (Philosophy). — 1500 экз. — ISBN 978-5-17-010706-3.
14. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста/ К.Г. Фрумкин // Ineternum. — 2010. — № 1. Архивировано 21 июня 2012 года.
15. Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах: Пер. с англ. М.: Мир, 1985. - 423 с.

References

1. Arshinov, V. I., Budanov, V. G. Synergetic of comprehension of complex / V. I. Arshinov, V. G. Budanov // Synergetic and psychology.,- 2004. Issue. 3, pp. 82-123.
2. Bim, I. L. Foreign language Education: searching for new ways/ I. L. Bim//Foreign languages at school. - 1989. - №1.
3. Bogin G. I. Model of linguistic personality in its relation to the varieties of texts/G. I. Bogin. - L., 1984. P.3.
4. Galskova, N. D., Gez, N. I. Theory of teaching foreign languages. Didactics and methodology: textbook. Benefits for students. ling. un-s and fac. for lang. higher. educat. establishments/ N.D. Galikova, N. I. Gez. - 3rd ed., erased. - Moscow: publishing center "Academy", 2006. – 336

5. Golovin, S. U. Dictionary of practical psychologist/S. U. Golovin. – Ed.: Harvest. -1998
6. Karaulov U.N. Russian language and linguistic personality/U.N. Karaulov - M.: Science, 2003. P. 29.
7. Knyazeva, E. N., Kurdyumov, S. P. Bases of synergetic/ E. N. Knyazeva, S. P. Kurdyumov. – SPb., 2002. - 414 p.
8. Lebedev S. A. Philosophy of science: Dictionary of basic terms/ S. A. Lebedev. - Moscow: Academic project, 2004. - 320 p.
9. Mirolubov, A. A., Rakhmanov, I. V., Tsetlin, V. S. General method of teaching foreign languages in the secondary school/edited by A. A. Mirolubova, I. V. Rakhmanov, V. S., Tsetlin. - M., 1967
10. Piotrovsky R. G. Linguistic synergetic: initial positions, first results, prospects/ R. G. Piotrovsky. - SPb.: Faculty of Philology of St. Petersburg state University, 2006.
11. Salistra, I. D. Methods of teaching German in high school/I. D. Salistra-M., 1958.
12. Semenov, T. V. the Phenomenon of "Clip thinking" in the University educational environment/ T. V. Semenov // Internet journal of the sociology of Science. - 2014. - № 5 (24).
13. Toffler E. Future Shock, 1970. - M.: AST, 2008. - 560 p. - (Philosophy). - 1500 copies. - ISBN 978-5-17-010706-3.
14. Frumkin K. G. Clip thinking and the fate of linear text/ K. G. Frumkin // Ineternum. – 2010. - № 1. Archived from the original on June 21, 2012.
15. Haken G. Synergetic: Hierarchies of instabilities in self-organizing systems and devices: Per. with English. M.: World, 1985. – 423 p.

УДК 372.881.1

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Дрябина, Елена Георгиевна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков и речевой
коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия / elena015@bk.ru

Костина, Мария Леонидовна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков и речевой
коммуникации
Московский международный университет,
Москва, Россия / marialkostina@yandex.ru

Аннотация

В современном мире постоянно растет потребность в специалистах, способных обеспечивать стремительно расширяющиеся международные контакты. Этим обусловлена активность изучения иностранных языков. В данной статье рассматриваются задачи, которые ставятся перед преподавателями иностранного языка. С одной стороны, формирование базовой лингвистической компетенции у обучающихся, которая определяется знанием языковых единиц и правил их употребления. С другой стороны, формирование культурной компетенции, в основе которой лежат широкие лингвострановедческие знания. В статье делается акцент на критериях отбора языкового материала, формулируются базовые характеристики, которыми должен обладать высококвалифицированный специалист после освоения курса иностранного языка.

Ключевые слова: обучение, иностранный язык, коммуникативная ситуация, лингвострановедческая база, национальный менталитет, лингвистическая компетенция

FOREIGN LANGUAGES IN MODERN CONTEXT

Driabina Elena

Senior teacher of
foreign languages and speech communication
department
Moscow International University,
Moscow, Russia / elena015@bk.ru

Kostina Maria

Senior teacher of
foreign languages and speech communication
department
Moscow International University,
Moscow, Russia / marialkostina@yandex.ru

Abstract

In modern world there is a great demand for specialists who can provide constantly expanding international contacts. It specifies activity in learning foreign languages. The article deals with the tasks that teachers of foreign languages face. On the one hand, it is gaining basic linguistic competence which is defined by the awareness of language units and the rules of their usage, on the other hand, it is achieving of cultural competence based on wide country and linguistic knowledge. Much attention is given to the criteria of the selection of educational material and basic characteristics which highly qualified specialists should possess after finishing a foreign language course.

Keywords: teaching, foreign language, communicative situation, linguistic and country background, national mentality, linguistic competence.

В настоящее время в мире расширяются контакты разных стран. Важную роль в современном обществе играет изучение иностранных языков, которое значительно расширяет горизонты общения. «Чем лучше мы владеем языком и чем глубже понимаем мысль, тем большим числом способов мы можем ее выразить» [Апресян 1967:9]. Языковые явления интеллектуально и жизненно значимы для человека, при этом они отражают внутренние потребности субъекта речи, служат активным орудием влияния на коммуникативное поведение индивидов, формируют мировоззренческие позиции. Именно эта значимость и динамика интерактивного потенциала языка обуславливает его активное изучение [Бузинова 2018: 394].

Одной из целей обучения иностранному языку является приобретение знаний и умений, необходимых для профессионального общения с представителями другой культуры, которое должно быть корректно грамматически и лексически, соответствовать коммуникативной ситуации. Умение адекватно вести себя в ситуациях межкультурного общения; знание и понимание культурных традиций, норм, ценностей, реалий и стиля жизни другой этнокультуры; распознавание и учет культурных стереотипов – это то, что формирует межкультурную компетентность специалиста, его профессиональную готовность к поиску путей и методов корректного межкультурного диалога.

Преподаватели иностранного языка обеспечивают формирование не только языковой, но и культурной компетенции будущего специалиста [Седых, Бузинова 2017]. В основе обучения лежит широкая лингвострановедческая база, включающая в себя разнообразную информацию о странах изучаемого языка: географическое положение, основные исторические события, политическое устройство, главные достопримечательности, национальные праздники, выдающиеся личности, этикет, особенности национальной кухни, туризм, культура денежных отношений. Студенты получают интересные сведения о странах, их особенностях, сходствах и различиях, что способствует формированию общей эрудиции, высокой культуры, страноведческой и национально-культурной компетенции будущего специалиста. Национально-культурные особенности изучаемого языка коррелируют со спецификой национального менталитета. «Национальный менталитет - не теоретическая абстракция, а вполне конкретная реальность, от которой зависит если и не все, то очень многое при общении» [Корнилов 2015: 49]. Изучение национального менталитета, включающего в себя: образ мышления, системы ценностей, стереотипные представления, обычаи и традиции, нормы и правила поведения человека, группы людей или целого народа тесно связано с изучением иностранного языка.

Обучение базируется на языковом материале, который представлен в виде текстов, диалогов, текстов песен, справочных текстов (статьи из периодических, интернет-издания и энциклопедия), отрывков художественных произведений (поэтических и прозаических), которым присуща национально-культурная специфика и которые обладают культурологической ценностью. Используемые на занятиях аутентичные тексты отличаются своей информативностью и актуальностью, безусловно, характеризуются повышенным уровнем языковой сложности, особое внимание уделяется употреблению фразеологизмов, реалий, безэквивалентной лексике, как представляющей наибольшие трудности с точки зрения межкультурной коммуникации. В качестве наглядности используется иллюстративный материал: видеофильмы, презентации и другие дидактические материалы. Это вносит свой вклад в формирование личности специалиста, обеспечивая правильную организацию его профессионально-педагогической деятельности.

Фундаментальной базой будущего специалиста все же является лингвистическая компетенция, которая определяется уровнем знаний языковых единиц и правил их употребления. В. И. Карасик выделяет в языковой компетенции человека: 1) актуальное / виртуальное владение языком; 2) нормативная правильность; 3) системная правильность; 4) языковое богатство [Карасик 2002: 69]. Таким образом, обучение иностранному языку

ориентировано все уровни общей языковой системы, каждый из которых обладает набором своих единиц и правил их функционирования. Рассматриваются фонетические, лексические, грамматические, стилистические особенности изучаемых языков в их практической реализации. Отдельное внимание уделяется теоретическим дисциплинам: основы языкознания; основы межкультурной коммуникации; теоретическая фонетика, грамматика; стилистика; теория перевода; терминоведение и др. Изучение предложенных дисциплин предусматривает овладение студентами общей, коммуникативной и профессиональной видами компетенций, что способствует формированию комплекса умений и навыков в письменной и устной формах иноязычной коммуникации.

Разнообразные формы интерактивного общения: семинарские и практические занятия, творческие задания, ролевые игры, имитации, приближенные к реальным ситуациям общения, делают процесс обучения интересным и увлекательным. Особое внимание уделяется выработке умений поиска и самостоятельности, практического применения полученного объема знаний, как в учебном процессе, так и в организации воспитательной работы. Этому способствует проведение внеурочных мероприятий: работа языковых кружков, проведение олимпиад, проведение различных конкурсов.

Преподаватели стремятся подготовить специалиста, который должен:

- владеть иностранным языком;
- обладать знаниями о системе и структуре иностранного языка, возможностях их реализации: о социологических исторических и типологических характеристиках иностранного языка в сравнении с родным; о роли иностранных языков в современном обществе;
- обладать знаниями о языковом строе в целом и отдельных языковых уровнях: фонетической системе, грамматической системе, словарном составе, стилистических особенностях;
- знаниями о литературной форме языка и диалектном разнообразии языка.
- иметь представление о современных направлениях в науке о языке: продемонстрировать определенный уровень билингвальной коммуникативной компетенции, включающий лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, дискурсивную в соответствии с общеевропейской шкалой требований по всем видам речевой деятельности (говорение, чтение и письмо);
- знать язык реалий, связанных с важнейшими историческими событиями, культурно-историческими ассоциациями, с особенностями общественно-политической жизни, государственным устройством, экономикой, традициями и обычаями стран изучаемого языка;
- знать этикетные нормы изучаемого языка; особенности вербального и невербального общения: мимика, жесты, приветствия и прощания и др.

Таким образом, современное состояние российского образования характеризуется амбивалентными тенденциями развития: «от гуманитаризации и стандартизации – до фундаментализации и технологизации» [Бузинова 2018:72]. При этом актуальными остаются высокие требования к качеству подготовки специалиста, а также использование новые методов обучения и новых формы организации учебного процесса. Нельзя забывать о насущной потребности владения преподавателем иностранным языком, как минимум на уровне В1 и В2.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 250 с.
2. Бузинова Л.М. О концепте «Образование» в российской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). – С. 72-76.
3. Бузинова Л.М. О дискурсном антропоцентризме и лингвоперсонологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 3. – С. 394-405
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: МГУ, 1999. – 341 с.

6. Седых А.П., Бузинова Л.М. Коммуникативный имидж французского преподавателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», № 4, 2017. – С. 116–123.

References

1. Apresjan J.D. Experimental research of the semantics of Russian verb. – М.: Nauka, 1967. – 250 p.
2. Buzinova L.M. About concept «Education» in Russian lingvaculture //Philological sciences (Filologicheskienauki). Voprosy teorii i praktiki. 2018. N8-1/- p. 72-76
3. Buzinova L.M. About discourse anthropocentrism and lingvopersonification // Nauchnie vedomosti of State University of Belgorod. Series: Humanitarian sciences (Gumanitarnienauki). 2018. N 3. – p. 394-405
4. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
5. Kornilov O.A. Language pictures of the world as derivatives of national characters. – М.: MGU, 1999. – 341 p.
6. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Kommunikativnyj imidzh francuzskogo prepodavatelja* [Communicative image of the French teacher] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki», № 4, 2017. – Pp. 116–12.

УДК 81'1

LES USAGES DU FRANÇAIS EN COURS DE LANGUE

Koteneva Inna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / koteneva@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / krivchikova@bsu.edu.ru

Résumé

Les usages des mots qui viennent aux besoins de l'enseignement sont considérées dans l'article. Cet article vise à démontrer les objectifs en classe qui rendent les étudiants capables à s'exprimer différemment selon la situation où ils se trouvent.

Mots clés: usage des mots, acte de communication, discours, français contemporain.

De quelle façon qu'on aborde le problème de la langue, on arrive donc à cette diversité des usages du français, dans laquelle il faut essayer de voir clair pour pouvoir y faire un choix. Mais comment s'y retrouver dans cet enchevêtrement de variables géographiques, socio-économiques, culturelles, de facteurs tenant à la situation et au contenu de la communication? La linguistique s'est intéressée jusqu'ici davantage aux structures de la «langue» qu'aux variations du «discours», et la tradition pédagogique ne connaît que des «niveaux de la langue» et n'accepte que le «bon usage», norme tirée des «bons auteurs», très marquée socialement, à la fois vague et étroite, rigoureuse et insaisissable.

Les lecteurs du *Français dans le monde* sont bien au fait de la question, sur laquelle (Unité et diversité du français contemporain) est venu faire le point. La synthèse du numéro, sous la plume de R.-L. Wagner et B. Quemada, en fait ressortir toute la complexité, mais pour proposer une solution: «le postulat linguistique d'après lequel les langues varient en fonction des situations dans lesquelles s'effectue l'acte de communication paraît devoir fournir une base d'enquête objective». Voilà qui est en accord avec notre expérience et qui convient à merveille aux besoins de l'enseignement. Rendre les étudiants capables de s'exprimer différemment selon la situation où ils se trouvent, comme nous le faisons nous-mêmes, c'est bien ce que nous cherchons. Du même coup, la notion d'un «bon usage», indifférent aux circonstances particulières, perd tout intérêt et toute validité: à chaque type de situation correspondra une norme, c'est-à-dire un style d'expression approprié, adéquat. Et cela encore correspond bien à notre sentiment linguistique: chaque situation engendra une certaine norme, et les sanctions sociales ne manquent pas si nous ne la respectons pas; c'est par exemple le ridicule: «*chère madame, j'aurais voulu une baguette qui fût plus croustillante*», ou la «gaffe»: «*vraiment, cet Alfred, il commence à m'énerver, oh! pardon, monsieur le Directeur, je disais que mes relations avec M. Durand étaient devenues difficiles, ces derniers temps*».

Sans doute ne faudrait-il pas s'exagérer l'existence de cette norme multiforme: ce serait refuser de voir les autres déterminations, de nature sociale par exemple (il n'est pas sûr que patrons et ouvriers s'exprimeront de la même façon dans la même situation, par exemple lors

d'un conflit sur les salaires), ou faire bon marché des différences individuelles (tous les professeurs n'utilisent pas le même langage pour faire leur cours!), mais dans l'état actuel de nos connaissances, c'est l'approximation que serre de plus près la réalité et qui nous offre la meilleure solution pédagogique.

Encore faut-il arriver à définir et à écrire des types de situations de communication, ce qui n'est pas un mince problème. Comme l'écrivent R.-L. Wagner et B. Quemada, "les enseignants nous semblent avoir ici un rôle capital à jouer en provoquant, par les besoins propres de leur ministère, une demande urgente" [Wagner 2001, 9]. Propos moins utopique qu'on ne pourrait le penser, si l'on se rend compte que cette demande qui est déjà responsable en grande partie des études faites sur le français parlé.

Français parlé – français écrit: c'est bien le lieu de faire apparaître cette distinction, toujours débattue si ardemment et que beaucoup de professeurs se refusent encore à voir ou à considérer comme autre chose qu'une différence de "niveau de langue" (ce qui oral serait fondamentalement familier, et le style "écrit" serait équivalent au style "oral recherché"). Cette affirmation, si elle contient une part de vérité, méconnaît néanmoins l'essentiel, que, si "on n'écrit pas comme on parle", c'est tout simplement parce qu'on se trouve placé dans des conditions de communication différentes, impliquant des différences irréductibles dans le code et dans les comportements: c'est le cas d'application le plus gros, le plus évident, du "postulat" de Wagner et Quemada.

Au niveau débutant, le problème était en quelque sorte éludé: l'oral prédominait très largement, et l'écrit n'en était guère qu'une transcription, une fois retranché tout ce qui ne passait pas à l'écrit: solution passablement bâtarde linguistiquement, en ce qu'elle risquait de nuire à la fois à l'authenticité de l'oral et de l'écrit, rapprochés artificiellement, mais économique. Des différences apparaissaient déjà cependant sur le plan de la morphologie, suffisamment importantes pour qu'on puisse parler de deux grammaires relevant de deux pédagogies différentes: on connaît les différences entre les marques orales et les marques écrites du genre et du nombre (transcription) avec variation vocalique du prédéterminant: *le pont* – *les ponts* (avec adjonction d'une lettre).

Au niveau moyen il faut prendre le problème du front. Pour raconter la même histoire aux mêmes amis, ou pour faire la même communication au même public, nous n'utiliserons pas exactement les mêmes constructions ni les mêmes mots; nous adaptons plus ou moins consciemment notre expression aux conditions dans lesquelles elle sera perçue; à l'oral appartiennent par excellence les présentatifs (c'est, il y a, voilà), certains types de phrases ("heureusement qu'il est arrivé!"), les "reprises" du type "moi, les vacances, je pense que c'est au printemps qu'il faut les prendre", l'écrit est "plus construit" ou pour mieux dire organisé plus visiblement, plus lourdement; il tend à joindre deux éléments d'information dans un seul moule, recourt fréquemment au passif, aux relatives de toutes sortes, aux constructions participales, à toutes sortes d'adjectivations. L'expérience vaut d'être faite, de prendre la transcription d'un enregistrement spontané, et de le "traduire" en français écrit: elle rappellera à plus d'un de vieux souvenirs de version, latine ou autre, avec tous les problèmes d'interprétation et de fidélité qu'elle pose. Elle faut prendre conscience, en tout cas, de la richesse et des possibilités propres à l'expression orale, en particulier grâce au rythme et à l'intonation, ces phénomènes "supra-segmentaux", dont on voit de plus en plus l'importance, à la fois comme partie intégrante de la "morphologie de l'énoncé" (une phrase comme "*La musique, moi, vous savez, je n'y connais rien*" se conçoit-elle sans la diction appropriée?) et pour leur rôle "signifiant", qui vaut bien les "deux points" et les "puisque" de l'écrit. Pourquoi refuser d'enseigner le français tel que nous le parlons tous: "*tu aurais voulu le faire, je suis sûr que tu n'aurais pas réussi!*"

Mais ce ne sont là que des considérations générales sur l'oral et l'écrit qui permettent simplement un premier tri dans les usages de la langue; nous n'en sommes pas encore à cette variété de types de discours écrits et oraux, bien définis et bien décrits, correspondant à leur situation d'emploi, dont nous avons besoin. En attendant que notre demande urgente reçoive une réponse – des travaux en ce sens sont en cours dans plusieurs centres, nous pouvons déjà ajouter à la conversation quotidienne du niveau débutant, sur le plan de l'oral, le récit, le compte rendu,

l'exposé, des dialogues et débats moins "neutres" qu'au niveau débutant. Pour l'écrit, le récit, éventuellement l'essai, la correspondance familière ou officielle.

Sur le plan des usages du français, écrits et oraux, la marge de choix est beaucoup plus importante. Nous retrouvons ici la question de savoir pour qui et pour quoi nous travaillons, de quels "types de discours" qui à leur tour se caractérisent par l'utilisation privilégiée de certains traits de la langue. Permettre aux élèves ce passage, ces choix, tel est le propre du niveau moyen, alors que le niveau débutant confondait langue et discours.

Parmi les usages retenus, tous n'auront pas la même importance; pour certains, il suffira d'enseigner à les comprendre, à les reconnaître alors qu'il faudra enseigner à en pratiquer d'autres, sous tous leurs aspects. Cette distinction entre ce qui peut rester passif et ce qui doit être actif est une autre caractéristique importante du niveau moyen, à la différence du niveau débutant, qui ne comportait que des choses indispensables, et où chaque élément présenté demandait à être exploité en vue d'une maîtrise active.

C'est cette "ouverture" du niveau moyen, vers différents usages dont les échantillons authentiques seront présentés, qui fait qu'on ne serait en définir intégralement le contenu a priori: d'un cours à un autre, les variations porteront sur les usages retenus, à la fois comme "actifs" et "passifs".

Ce qui fait l'unité du niveau moyen, c'est qu'il y a une façon commune de poser les problèmes, quelles que soient les finalités d'un cours particulier. La linguistique impose un certain contenu, et propose des choix à faire dans les usages qui le manifesteront. Elle se rencontre avec des considérations d'ordre psychologique (la relation entre l'élève et la langue étudiée ne serait rester la même), pour faire que le niveau moyen soit l'accession de l'élève à une langue authentique, c'est-à-dire à la fois une et diversifiée dans les usages. Et tout cela nous met sur la voie d'une méthodologie dont les procédures sont encore à mettre au point, mais qui doit assurer une maîtrise plus consciente de code linguistique pour mieux libérer l'expression.

Littérature

1. Wagner R.-L., Quemada B. Le français «d'ailleurs»: d'une variation à l'autre // Le Français d'aujourd'hui. 2001(1). №132. – p. 8-16.

УДК 372.881.1

К ВОПРОСУ ОБ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В НАЧАЛЬНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Краснополова, Анастасия Сергеевна

магистрант кафедры иностранных языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / 944670@bsu.edu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена игровым технологиям в начальном иноязычном образовании. Статья представляет собой ретроспективный анализ игровых технологий. В статье рассматриваются причины использования игровых технологий в качестве педагогического инструмента. Обосновывается эффективность применения игровых технологий в иноязычном образовании младших школьников. Автор статьи раскрывает основные положения методики преподавания как педагогов-практиков 17 века, так и взгляды наших современников. На основании данного исследования автор приходит к выводу, что использование игровых технологий в начальном иноязычном образовании способствует развитию активной, творческой и разносторонней личности, что является одной из главных задач образования XXI века. Результаты исследования могут быть применены в области преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: игровые технологии, начальное иноязычное образование, игровые технологии, познавательная активность, игра, воспитание.

ON GAMING TECHNOLOGY IN PRIMARY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Krasnopolova Anastasia

Master student of the foreign languages department /

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / 944670@bsu.edu.ru

Abstract

This article is devoted to gaming technology in primary foreign language education. Article presents a retrospective analysis of gaming technology. The article discusses the reasons for using gaming technology as a pedagogical tool. The effectiveness of the use of gaming technology in foreign education of younger schoolchildren is substantiated. The author of the article reveals the main provisions of the teaching methods of both practitioners of the 17th century and the views of our contemporaries. Based on this study, the author concludes that the use of gaming technology in primary foreign language education contributes to the development of an active, creative and diverse personality, which is one of the main tasks of education in the 21st century. The results of the study can be applied in the field of teaching foreign languages.

Key words: gaming technology, primary foreign language education, gaming technology, cognitive activity, play, education.

Одной из ключевых тенденций в сфере иноязычного образования последних десятилетий является поиск новых эффективных педагогических инструментов. Особенную заинтересованность во внедрении современных методик проявляют учителя, которые обучают детей младшего школьного возраста, так как именно эта возрастная категория, по справедливому замечанию многих ученых (Е.И. Негневицкая, О.А. Моисеенко), является наиболее благоприятной для овладения иностранным языком. Следовательно, проблема использования игровых технологий в иноязычном образовании младших школьников остается актуальной и дальнейшего изучения.

Большое значение в лингвометодической науке приобретает изучение накопленного опыта использования игровых технологий в процессе раннего иноязычного образования детей. Игровые технологии таят в себе колоссальные обучающие возможности. Они помогают облегчить овладение знаниями, умениями и навыками, способствует их актуализации, создают учебную и педагогическую наглядность в изучении материала, и формируют умение работать в коллективе и с коллективом. Вместе с тем, существенно то, что игровые технологии приносят учащимся радость творчества, из чего следует, что у детей будет сформировано позитивное отношение к учебе. В довершение всего, вследствие того, что игровые технологии стимулируют детей творчески относиться к учебе, дидактические задачи на уроке иностранного языка будут выполнены гораздо качественнее и на более высоком уровне. Для школьников игра является увлекательным занятием, в котором все равны. Они не задумываются о широких возможностях для обучения, которые она в себе таит. Игровые технологии позволяют школьникам преодолеть стеснительность, которая зачастую мешает свободно использовать в речи слова чужого языка, незаметно усвоить языковой материал и улучшить результаты обучения, в атмосфере увлеченности, равенства и посильных заданий.

Анализ опыта использования игровых технологий показывает, что поскольку овладение знаниями не может быть главным стимулом детей младшего школьного возраста, поэтому на протяжении многих веков выдающиеся практики образования использовали игровые технологии в качестве средства обучения и воспитания, о чем свидетельствуют труды педагогов-классиков. Так, уже в 17 веке чешский педагог-гуманист Я.А. Коменский настаивал на превращении школы в дом радости, предлагая для обучения учебные игры и пьесы. Такой метод позволял не отбивать желание заниматься у детей, а испытывать радость в процессе овладения знаниями на приятном занятии. Согласно подходу, Коменского учащиеся должны пройти путь к вершинам наук играючи, без побоев и скуки [Чирков 2017].

Позднее игровым технологиям придавалось не менее большое значение. Так, по словам немецкого педагога-новатора 19 века Ф. Фребель, игра является основной деятельностью ребенка, т.к. в ней он выражает свой внутренний мир через изображение внешнего. Поэтому он рассматривал игровые технологии как основу воспитания [История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. 2001].

С ним соглашался знаменитый советский педагог А.С. Макаренко, написав в своей работе следующие строки: «Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре» [Макаренко 2013, 124].

В XX веке автор всемирно известной педагогической системы М. Монтессори причисляла к основным положениям своего метода задачу взрослого – заинтересовать ребенка. Для появления у ребенка заинтересованности ею и ее последователями применялись учебные игры, которые проводились в специально подготовленной среде с использованием дидактического материала. Ключевое достоинство игровых технологий, применяемых по методике Монтессори заключается в том, что они способствуют формированию познавательной активности и самостоятельности и создают условия для полноценного развития ребенка.

Важное замечание в том, как использовать игровые технологии в образовательном процессе, внес основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский. Замечание заключается в том, что обучение в игровой форме должно быть интересным и познавательным, но не развлекающим [Ушинский 1999].

Необходимо отметить, что в сороковые-пятидесятые годы 20 века иностранный язык в нашей стране использовался минимально, только в элитарных кругах, его даже хотели изъять из обязательного учебного плана школы. Однако благодаря стараниям таких выдающихся ученых как Л.В. Щерба и И.В. Рахманов, его удалось сохранить как обязательную учебную дисциплину [Моисеенко 2016].

На сегодняшний день знание иностранных языков приобретает массовый характер и становится одним из ведущих требований для каждого человека в условиях нового информационного общества и в мире, который находится в состоянии ярко выраженных перемен. Теперь изучением иностранного языка занимаются с раннего детства: в детском саду, центрах развития ребенка, в семье с помощью репетитора, в школе, на различных курсах, языковых стажировках за рубежом в странах изучаемого языка.

Новая роль иностранного языка требует эффективных технологий и средств обучения, поэтому в последние годы к игре, как к уникальному и многогранному понятию, приковано особенно пристальное внимание. Игровые технологии способны оказывать сильное влияние на детей, поэтому через них можно осуществлять не только обучение, но и воспитание, развитие личности, социализацию, приобщение к культуре. Вследствие этого, можно сказать, что игровые технологии по праву считаются одним из общепризнанных эффективных методов на протяжении многих лет, как в зарубежных странах, так и в России.

По мнению М.Ю. Курбатовой, основная задача педагога – сделать предмет интересным, так как дети обращают внимание на то, что вызывает их непроизвольный интерес [Курбатова 2006].

Эту точку зрения разделяет и В.М. Букатов. В своей работе В.М. Букатов, на наш взгляд, очень точно отмечает, что: «Безэмоциональное образование оказывается в глазах учеников очень неконкурентоспособным при современном разнообразии телевизионных и компьютерных программ» [Букатов 2013, 10]. Поэтому у современного учителя, который стремится помочь своим ученикам достичь высоких результатов в обучении, возникает нужда в освоении интересных обучающих игровых технологий. Популярность игровых технологий, может быть объяснена тем, что игровые задания делают учение занимательным, добавляя разнообразие в учебную деятельность и усиливая интерес младших школьников.

Т.М. Михайленко в своей работе отстаивает свою точку зрения по этому вопросу. С одной стороны, она видит причину расцвета игровых технологий как древнейшего педагогического средства обучения и воспитания, в развитии

педагогической теории и практики и распространении проблемного обучения. С другой стороны, в социальных и экономических потребностях формирования разносторонне активной личности [Михайленко 2011].

Е.А. Носков видит в применении игровых технологий важное условие демократизации образования в ситуации информационного взрыва. Поскольку все более важной становится проблема преобразования, отбора и хранения информации, а не проблема усвоения максимально возможного ее количества, как было раньше [Носков 2018].

Таким образом, опыт использования игровых технологий в процессе образования младших школьников, позволяет говорить о важной роли данных приёмов в интенсификации мотивированной деятельности обучающегося любым видам учебных дисциплин.

Литература

1. Букатов В.М., Ершова А.П. Нескучные уроки: обстоятельное изложение социо/игровых технологий обучения. Пособие для учителей физики, математики, географии, биологии и химии. – СПб.: Школьная лига, 2013. – 240 с.
2. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учебное пособие для педагогических учебных заведений / под ред. А.И. Пискунова. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 512 с.
3. Курбатова М.Ю. Игровые приемы обучения грамматике английского языка на начальном этапе // Иностранные языки в школе. – 2006. – №3. – С. 64-66.
4. Носков Е.А. Технологии обучения и геймификация в образовательной деятельности // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – №6. – С. 138-143.
5. Макаренко А.С. Правильно воспитывать детей. Как? – М.: АСТ, 2013. – 280 с.
6. Михайленко Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий // Педагогика: традиции и инновации: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). Т. I. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 140-146.
7. Моисеенко О.А. Раннее иноязычное образование: опыт и перспективы. Монография. М.: Издательство «Перо», 2016. 93 с.
8. Негневицкая Е.И. Игра в обучении иностранному языку школьников разного возраста. М.: Просвещение, 1987. 265 с.
9. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология: Две главы // НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. – 1999. – №10. – С. 243-254.
10. Чирков И. Януш Корчак. Воспитание Творцов. – М.: Издательские решения, 2017. – 126 с.

References

1. Bukatov V.M., Ershov A.P. Less boring lessons: a detailed account of social / gaming learning technologies. Handbook for teachers of physics, mathematics, geography, biology and chemistry. - SPb .: School League, 2013. - 240 p.
2. History of pedagogy and education. From the birth of education in primitive society to the end of the twentieth century: a textbook for pedagogical educational institutions / ed. A.I. Piskunov. - M .: TC "Sphere", 2001. - 512 p.
3. Kurbatov M.Yu. Gaming techniques for learning English grammar at the initial stage // Foreign languages at school. - 2006. - №3. - p. 64-66.
4. Noskov E.A. Learning technologies and gamification in educational activities // Yaroslavl Pedagogical Gazette. - 2018. - №6. - p. 138-143.
5. Makarenko A.S. Properly raise children. How? - M .: AST, 2013. - 280 p.
6. Mikhaylenko T. M. Game technologies as a type of pedagogical technologies // Pedagogy: traditions and innovations: materials of the Intern. scientific conf. (Chelyabinsk, October 2011). T. I. - Chelyabinsk: Two Komsomol members, 2011. - P. 140-146.
7. Moiseenko O.A. Early foreign language education: experience and prospects. Monograph. M .: Pero Publishing House, 2016. 93 p.
8. Negnevitskaya E.I. The game of learning a foreign language schoolchildren of different ages. M .: Education, 1987. 265 p.
9. Ushinsky K.D. Pedagogical anthropology: Two chapters // NATIONAL EDUCATION. - 1999. - №10. - p. 243-254.
10. Chirkov I. Janusz Korczak. Educating the Creators. - M .: Publishing decisions, 2017. - 126 p.

УДК 81

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кудрявцева, Наталья Борисовна

кандидат филол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / nkud@bsu.edu.ru**Нарыжная, Диана Сергеевна**

студентка кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / 1079043@bsu.edu.ru**Аннотация**

Историю народов, образ жизни, обряды, ритуалы и традиции можно изучать не только по древним останкам или вещественным памятникам, как это принято в археологии, но также с помощью языка. Язык не существует без культуры, как и культура не существует без языка. Изучением проблемы взаимодействия языка и культуры занимается лингвокультурология. Основной единицей описания лингвокультурологии выступает лингвокультурема. В рамках данной статьи предпринята попытка описать и подчеркнуть сложность структуры и функционирования лингвокультуремы. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что лингвокультурема, являясь комплексной единицей, способна определить взаимосвязь культуры и языка в лингвокультурологических исследованиях.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, взаимосвязь языка и культуры, лингвокультурема.

LINGUOCULTURAL AS THE BASIC UNIT OF LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Kudryavtseva Natalia

Candidate of Philology,

Associate Professor of the German and French languages department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / nkud@bsu.edu.ru**Naryzhnaya Diana**

Undergraduate student of the German and French languages department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / 1079043@bsu.edu.ru**Abstract**

The history of nations, way of living, ceremonies, rites and traditions can be studied not only by ancient remains or material monuments, like archeology does, but also with the assistance of language. Language does not exist without culture, just as culture does not exist without language. The cultural linguistic studies the problems of interaction between language and culture. The basic unit of the description in linguistic and cultural studies is linguocultural. This article makes an attempt to describe and emphasize the complexity of the structure and functioning of the linguocultural. A working hypothesis is to put forward that linguocultural as an integrated unit, able to determine the correlation between culture and language in linguistic and cultural studies.

Key words: language, culture, linguistic and cultural studies, correlation between language and culture, linguocultural.

В процессе эволюции человечество накапливает опыт, передает его из поколения в поколение, от младшего к старшему, посредником при передаче опыта выступает ни что иное, как сам язык. В языке находят свое отражение материальные и духовные ценности. Система таких культурных ценностей накладывает отпечаток непосредственно на сам язык, создавая при этом «комплексные межуровневые единицы – лингвокультуремы» [Воробьев 2006, 44]. Язык не может существовать вне культуры, также как и культура не может существовать вне языка. Подтверждением данного высказывания является наличие неограниченного количества фразеологизмов, пословиц, высказываний, метафор, метонимий, перифраз и других свойственных разным нациям с индивидуальной, несвойственной другим, культурой речевых оборотов. И язык, и культура отображают мировоззрение человека, его личную картину мира. Языковая картина мира отражает не только языковую специфику, но и своеобразие объективного мира [Евсюкова 2016, 63]. Язык и культура, по своей природе, являются социальными понятиями, ведь для их функционирования необходимо социальное общество.

В конце XX века многих ученых и исследователей заинтересовала проблема взаимосвязи языка и культуры, вследствие этого возникла новая наука под названием «лингвокультурология». Проблемой соотношения языка и культуры занимались В. В. Воробьев, Е. М. Верещагин, А. А. Потебня, В. А. Аврорин, В. Г. Костомаров и другие.

Каждый из них внес свой вклад в развитие и решение возникшей проблемы. Проанализировав методическую литературу, следует отметить, что лингвокультурологический подход является одним из наиболее эффективных способов изучения взаимосвязи языка и культуры. Вслед за В. В. Воробьевым под термином «лингвокультурология» мы понимаем следующее: «Лингвокультурология – закономерная ступень в области филологических и других гуманитарных наук – это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение» [Воробьев 2006, 32].

Основным объектом изучения лингвокультурологии выступают взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры. Исходя из этого, главная задача заключается в изучении интерпретации данного вида взаимоотношения, как единой системы культурных и национальных ценностей человечества. Единицей исследования лингвокультурологии является лингвокультурема «как комплексная межуровневая единица» [Воробьев 2006, 45].

Лингвокультурема включает в себя языковое значение и внеязыковой культурный смысл. По сравнению со словом, лингвокультурема более содержательна и сложна по своей структуре. В отличие от слова, которое состоит из знака и значения, лингвокультурема состоит из знака, значения и понятия, или предмета. Лингвокультурема не просто передает значение и содержание знака, она отображает специфику реалий, соотнесенных с определенным знаком. А. А. Потебня в своей работе «Мысль и язык» рассматривал слово следующим образом: «мы различаем внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня 1999, 160]. Что касается лингвокультуремы, она не просто передает содержание, но и выражает национально-культурную специфику знака.

Человек является носителем той культуры, в которой он вырос. Социум, в котором растет человек, навязывает ему определенный способ мышления и мировосприятия с учетом его истории, которая создавалась на протяжении многих лет, столетий и веков, и продолжает создаваться. Рассмотрим лингвокультурему «безделье» в русском и немецком языках. В толковом словаре С. И. Ожегов русская лексема «безделье» свидетельствует о таком процессе, как «пребывание без дела, в праздности». В немецком словаре Duden немецкая лексема «die Untätigkeit» обозначает «die Unterlassung; die Zeit, in der jemand untätig bleibt» (бездействие; время, когда кто-то бездействует). Таким образом, мы можем утверждать, что понимание лексем «безделье» в обоих языках сходно. Но, сравнивая русский фразеологизм «бить баклуши», иными словами «ничего не делать, заниматься пустяками, бездельничать», с немецким – «Äpfelbraten» (die Äpfel – яблоки, braten – жарить), видно, что, когда русский человек ничего не делает, он бьет, так называемые, баклуши, а немецкий – жарит яблоки. Данное различие непосредственно связано с историей народа и его культурой. Если представителю немецкого языка дословно перевести фразеологизм «бить баклуши», он не сразу сможет понять, о чем идет речь, также и наоборот, для русского человека. Такой феномен недопонимания говорит о недостаточно развитой лингвокультурологической компетенции.

Согласно Большому Энциклопедическому словарю, баклуша – это древесный обрубок, обработанный для выделки различных предметов, например, чашек, ложек и другой деревянной утвари. История появления данного фразеологизма берет свое начало в Киевской Руси, когда вся кухонная утварь была из дерева. Этапом изготовления являлось битье баклуш – раскалывание деревянных поленьев на баклуши. Бить баклуши считалось на Руси самым простым делом, с которым мог справиться даже ребенок. Позднее, с развитием истории, данный вид работы стал фразеологизмом, обозначая бездельничество. Теперь обратимся к немецкому фразеологизму «Äpfelbraten», который также связан с бездельем. История появления фразеологизма связана с древними временами.

Древнеримский историк Публий Корнелий Тацит, в одном из своих больших исторических трудов описывая немецкий народ, подчеркнул, что немецкие мужчины в то время, когда они не охотились и не сражались, предпочитали отдыхать на шкурах диких животных, а повседневная работа оставалась на плечах у женщин, детей и стариков.

Рассмотрим следующий пример лингвокультуры: русский фразеологизм «задирать нос» – зазнаваться, важничать, возгордиться, смотреть на всех свысока. Данный фразеологизм не требует подробного описания, так как он связан непосредственно с самим процессом: когда человек высоко поднимает голову вверх, он тем самым задирет нос и вследствие этого ему не видно, что происходит вокруг него, внизу. В немецком языке мы сталкиваемся уже с совершенно другой трактовкой: «auf dem hohen Roß sitzen» (auf – на, hoch – высокий, der Roß – конь, лошадь, sitzen – сидеть). Этимология немецкого фразеологизма берет свое начало в Средневековье, когда военное служение считалось почетным и заниматься им могли только представители дворянства или князя. При этом главнокомандующий сидел на лошади верхом и смотрел на крестьян и ремесленников свысока.

Как видно из примеров, язык испытывает на себе влияние социума, а на его лексико-семантической структуре отражается специфика национального мировоззрения. Изучая иностранный язык, мы не просто запоминаем определенные значения слов, фразеологизмов, речевых оборотов, но и изучаем культуру и историю народа-носителя языка. В процессе изучения иностранного языка мы должны учитывать социокультурный контекст, основанный на национальной специфике. Касательно самой структуры лингвокультуры В. В. Воробьев в своей работе «Лингвокультурология» отмечал, что «... к обычным составляющим (знак – значение) здесь прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание ...» [Воробьев 2006, 48]. Следовательно, услышав конкретное слово, в нашем сознании мгновенно возникают определенные ситуации, реалии в меру нашей лингвокультурологической компетенции.

Таким образом, лингвокультура является комплексной межуровневой и основной единицей лингвокультурологических исследований, которая включает в себе не только языковое значение, но и внеязыковое содержание самого знака. Национально-культурные особенности, заключенные в лингвокультурах, наиболее ярко отражаются при их сопоставлении в разных языках.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 288 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
4. Евсюкова Т.В. Лингвокультурология: учебник / Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 480 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. – 349 с.
6. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>.
7. DudenOnline-Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de>.

References

1. Alefirenko N.F. Linguistic and cultural studies: value-semantic space of language: textbook / N.F. Alefirenko. – 4th ed. – M.: Flinta: Nauka, 2014. – 288 p.
2. Alefirenko N.F. Modern problems of language science: textbook / N.F. Alefirenko. – M.: Flinta: Nauka, 2005. – 416 p.
3. Vorobyov V.V. Linguistic and cultural studies: monography. M.: RUDN, 2006. – 336 p.
4. Evsyukova T.V. Linguistic and cultural studies: textbook / T.V. Evsyukova, E.Yu. Butenko. – 4th ed. – M.: Flinta: Nauka, 2016. – 480 p.
5. Potebnya A.A. Thought and language. M.: Labyrinth, 1999. – 349 p.
6. The glossary of S.I. Ozhegov [Electronic resource]. – Access mode: <https://slovarozhegova.ru>.
7. Duden online dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.duden.de>.

УДК 81'243:378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ROSETTA STONE В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ

Макарова, Анна Григорьевна

кандидат филол. Наук / доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций
Московский международный университет
Москва, Россия / *anyakon@mail.ru*

Аннотация

В статье обосновывается актуальность использования интернет-технологий в высшем образовании в свете компетентностного подхода к обучению. Анализируется опыт внедрения и использования программы Rosetta Stone на базе Московского Международного Университета. Рассматриваются нюансы организационной, методической, мотивационной составляющих проекта. Уточняется роль тьютора. Отмечаются особенности использования данного программного продукта в обучении студентов очного отделения. Также очерчены перспективы дальнейшего использования программы в рамках системы высшего образования.

Ключевые слова: Розетта Стоун, смешанное обучение, электронное обучение, иностранный язык.

IMPLEMENTING ROSETTA STONE SOFTWARE WITHIN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN UNIVERSITIES

Makarova Anna

Candidate of Philological Sciences /
Associate Professor of the Department of foreign languages and speech communication /
Moscow international university
Moscow, Russia / *anyakon@mail.ru*

Abstract

The paper substantiates topicality of implementing Internet technologies in higher education in lieu of competency-based approach to teaching. The author gives operating experience review of Rosetta Stone as e-learning software deployed at the premises of Moscow International University. Details of organizational, methodological and motivational project components are addressed. Tutor's role is elaborated and practical advice on the use of the software within teaching full-time students is given. Prospects of further use of the software within higher education are also suggested.

Keywords: Rosetta Stone, blended learning, e-learning, foreign language.

В современном динамичном мире в условиях глобализации, охватывающей всё больше сфер нашей жизни, использование интернет-технологий позволяет получать образование гражданам практически всех социальных групп независимо от их местоположения, состояния здоровья и других ограничений. Таким образом, ограничения перестают быть таковыми. Активное внедрение в высшей школе технологий электронного обучения позволяет пройти выбранный учебный курс дистанционно практически всем лицам в этом заинтересованным. Принцип непрерывного образования позволяет учитывать особенности структуры и содержания образовательных потребностей человека на различных стадиях его жизненного цикла. Принятие кадровых решений работодателями всё меньше зависит от наличия у кандидата диплома об окончании вуза. Всё более значимым для трудоустройства теперь становится приобретение определенных компетенций, получение сертификатов о прохождении узко-профильных образовательных курсов. Высшие учебные заведения, заинтересованные в предоставлении качественной образовательной услуги, ведут активную работу в направлении использования электронного обучения.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей использования программы Rosetta Stone в качестве компонента самостоятельной работы студентов в рамках смешанного обучения при освоении дисциплины «Иностранный язык». Описание интерфейса и функционала программы [Лупандина 2017] не входит в перечень задач статьи. В фокусе внимания автора находится ряд нюансов методического характера, которые нужно учесть при внедрении данного программного продукта в вуз и увязывании его с уже существующими программами обучения. Также в работе предпринята попытка

выявить и описать возможные трудности организационного характера в использовании программы Rosetta Stone вузом.

Опыт внедрения Rosetta Stone в Московском международном университете показывает, что для успешного осуществления проекта важно изначально организовать слаженную работу команды преподавателей иностранных языков и службы технической поддержки. Работу в этом направлении рекомендуется начинать за несколько месяцев до начала активной фазы проекта. Преподавателям, задействованным в проекте, нужно пройти обучение, которое организуют представители Rosetta Stone. В ходе обучения преподаватели знакомятся с целевыми ориентациями и возможностями программы, с её интерфейсом, осваивают работу в различных ролях (модератор, тьютор, администратор). Четкое распределение ролей с учетом возможностей организации – залог успешного запуска и дальнейшей работы проекта. Роль администратора, позволяющую регистрировать новых пользователей в системе, открывать или ограничивать доступ к функционалу программы, рекомендуется закрепить за службой технической поддержки. Роль тьютора, имеющего доступ к результатам каждого студента в группе, возможность давать задания, вести переписку с обучающимися, может выполнять преподаватель группы. А роль модератора, формирующего группы, отслеживающего успехи и активность студентов и преподавателей, может выполнять куратор/кураторы, в задачи которого/которых также может входить методическая поддержка преподавателей (тьюторов), обеспечение оперативной связи между тьюторами и службой технической поддержки. Система предусматривает возможность выполнения всех этих функций, включая роль студента, одним человеком. Это может быть важным. Например, в случае разработки методических материалов преподавателю необходимо иметь возможность выхода в систему в роли студента.

Немаловажным фактором успеха проекта также является учёт мотивационной составляющей. Особенно внимательно стоит отнестись к мотивированию студентов очного отделения. При переходе к активной фазе проекта нужно предусмотреть все возможности информирования студентов о внедрении Rosetta Stone как компонента самостоятельной работы студентов: проведение организационных встреч и презентаций (в том числе видео презентаций), подробно разъясняющих все этапы работы в программе. Во время аудиторных занятий со студентами очного отделения преподавателям рекомендуется регулярно проводить мини консультации по темам, запланированным на самостоятельное изучение на текущий период обучения. В конце запланированного периода обучения (урок или раздел урока в программе), важно осуществить оценивание работы студентов. В связи с этим очевидна необходимость четкой увязки самостоятельной работы студентов в программе Rosetta Stone с учебным графиком, а также разработка системы критериев оценивания.

Спектр применения возможных способов оценивания учебных достижений студентов, работающих в программе Rosetta Stone, представляется довольно широким. А способы оценивания самостоятельной работы студентов в программе могут определяться степенью мотивированности студентов, интегрированности продукта в учебный план и т.п. Применение данного программного продукта в образовательном процессе в высшем учебном заведении способствует реализации принципа «личностно-ориентированного обучения» [Ширшова 2013]. В процессе обучения учитываются ценностные ориентации студента, а отношения преподаватель – студент построены на принципах свободы выбора и сотрудничества. Практика использования Rosetta Stone в ММУ выявляет преимущества инновационных эксплицитных критериев оценивания над традиционными имплицитными. Это позволяет преподавателю переключиться с оценки результата на сотрудничество и оценку компетентности; с целей и задач на индивидуальные достижения студента; с оценивания знаний на оценивание практических умений и индивидуального потенциала; с тестирования памяти на оценивание интерпретации и применения. Работа в программе предполагает возможность освоения модулей в индивидуальном темпе и по

индивидуальному графику. Однако, в целях наиболее полного ознакомления студентов с обучающим потенциалом программы и стимулирования интереса к её ресурсам, всё же необходимо задать минимальные рамки и требования. Если требования выработаны с учетом образовательного запроса студентов, то их выполнение становится триггером исследовательского подхода студентов к дальнейшей навигации в системе. Следует также отметить преимущества формирующего, развивающего оценивания (которое позволяет осуществлять многоуровневая программа Rosetta Stone) над традиционным суммарным оцениванием. Реализация принципа «аутентичного оценивания» [Ширшова 2013] предполагает, что оценивание направлено на оказание помощи студенту в развитии его способностей анализа собственной деятельности. Самостоятельная навигация в программе способствует адекватной самооценке студентов и приобретению компетентности в сфере саморегуляции и самоорганизации. В целом, использование данной программы позволяет реализовать принцип приоритетности учения над оценкой.

В базовую методику учебного процесса в ММУ, реализуемого в программе Rosetta Stone, входит формулирование цели обучения на учебный год. Студенту предлагается определить для себя цель, а в соответствии с целью выстроить индивидуальную траекторию обучения с учётом минимальных требований. Предлагаемый выбор целей довольно широк и составляет восемь основных категорий от перехода на следующий языковой уровень до освоения профессиональной лексики в определенных областях. Например, для английского языка предоставлен выбор из 25 профессиональных областей от бухучета и финансов до естественных наук. Далее от преподавателя ожидается инструктаж студентов по выбору тематики и формированию траектории обучения, предполагающей определенную регулярность и длительность занятий по определённым темам с использованием определенных ресурсов. В системе предусмотрены входное и итоговое тестирование, а также промежуточные тесты достижений, которые можно скоординировать с учебным планом.

В свете индивидуализации образования, процесса, при котором субъектом образования активным в выборе содержания образования является сам студент, тем более актуальным становится определение роли тьютора. Отсутствие четко заданных критериев работы может усложнять понимание компетентностной составляющей тьюторской деятельности. В рамках современных исследований дается следующее определение тьютора – «педагог, сопровождающий разработку и реализацию обучающимся индивидуальной образовательной программы. Это педагог, который работает, непосредственно опираясь на принцип индивидуализации, сопровождая построение каждым учащимся своей индивидуальной образовательной программы» [Ковалева 2012, 75]. Диапазон задач выполняемых тьютором существенно увеличивается по сравнению с задачами куратора или научного руководителя. В их перечень входит содействие в построении индивидуальной траектории обучения студентов, мотивационная поддержка студентов, координирование хода обучения, отслеживание результатов, обеспечение обратной связи, проведение групповых консультаций [Ковалева 2011, 171]. Таким образом, роль тьютора в высшей школе предполагает «интегративное качество личности педагога, обладающего знаниями психологии и педагогики, владеющего навыками субъект-субъектного взаимодействия в социуме и реализующего на практике способность к выстраиванию траектории личностного развития подопечного» [Ерофеева 2015, 100]. В работе тьютора со студентами очной формы обучения акцент смещается с организационной деятельности на психологическую поддержку студентов и адаптацию программы Rosetta Stone к меняющимся индивидуальным целевым установкам студентов. В задачи тьютора входит раскрытие потенциала студентов и помощь в осуществлении работы по рефлексии образовательного пути [Углев 2014, 422]. «Деятельность тьюторов в университете должна быть направлена на решение приоритетной задачи: создание оптимальных условий для адаптации и саморазвития личности студента» [Челнокова 2015]. А в условиях интенсивного увеличения численного состава студентов ММУ, в том

числе иностранных студентов, тьютеру также приходится активно содействовать адаптации программы Rosetta Stone для иностранных студентов, родным языком которых не является русский [Беляева 2015]. Особенно актуальной такая задача является для тьютеров, работающих со студентами на уровне А1, когда даже возможность выбора русскоязычного интерфейса при изучении английской грамматики в программе не снимает полностью языковой барьер для студентов начального уровня обучения, прибывших из стран постсоветского пространства. Принимая во внимание необходимость выполнения тьютором представленного многообразия задач, подготовка такого специалиста явно предполагает специальное психолого-педагогическое образование и владение навыками организаторской деятельности.

Для более полного анализа опыта внедрения программы Rosetta Stone в качестве компонента самостоятельной работы студентов в ММУ, отметим ещё несколько значимых нюансов:

Так, во избежание технических проблем на начальном этапе активной фазы проекта, важно четко организовать первичный вход студентов и преподавателей в систему. Необходимо, чтобы администратор мог оперативно решить технические проблемы, возникающие у студентов и преподавателей. Оптимальным решением задачи первичного входа обучающихся в систему, является использование технически оснащенных аудиторий, где вход студентов в систему осуществляется организованно под контролем администратора.

Для некоторых студентов ММУ техническая оснащенность аудиторий и возможность получить доступ к программе Rosetta Stone непосредственно в стенах университета стали важным условием работы в программе на всех её этапах. Функция работы с аудиоматериалами программы имеет ограничения при входе в ресурс с мобильных устройств. В связи с этим, иногородним студентам, не имеющим свободного доступа к стационарному ПК в домашних условиях, необходимо организовать регулярный доступ к ПК вуза.

Преимуществом использования программы в работе со студентами очного отделения является возможность снизить нагрузку преподавателя (тьютора) посредством переноса момента обратной связи со студентами (ответы на вопросы, разъяснения, комментарии) с работы в программе на аудиторную работу. Когнитивные трудности студентов, связанные, например, с интерференцией родного языка, могут легко сниматься тьютором в аудиторных условиях работы с помощью наглядного примера, который будет актуальным в конкретных обстоятельствах для конкретных студентов. Известно, что эмоциональный экспромт преподавателя в «живом» общении со студентами эффективно и быстро может снять трудности, решение которых посредством ведения переписки со студентами через почту программы требует гораздо больших временных затрат и является менее эффективным.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что использование интерактивного программного продукта Rosetta Stone представляется оправданным и обладает особенно большим потенциалом в обучении иностранному языку студентов заочного, очно-заочного и дистанционного отделений вуза. Для студентов очного отделения применение данного программного продукта может рассматриваться как альтернатива или дополнение к традиционной форме самостоятельной работы студентов. Для эффективного массового внедрения и полноценной работы в программе необходимо провести большую подготовительную работу: обучить преподавателей и администраторов, обеспечить слаженную работу команды технической поддержки и проработать организационные моменты проекта. С целью выявления и предотвращения возможных трудностей, оптимальным представляется запуск пилотного проекта за несколько месяцев до развертывания полномасштабного проекта. Для осуществления пилотного проекта, нужно подобрать группы студентов для обучения в тестовом режиме и обеспечить им и преподавателям доступ в систему. В случае успешного внедрения продукта, в дальнейшем

можно рассматривать его использование вузом в качестве одного из компонентов дополнительного профессионального образования, повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и т.п.

Литература

1. Беляева Т.К., Никишина О.А. Тьюторство как ресурс повышения качества образования иностранных студентов в вузе [Электронный ресурс] / Т.К.Беляева, О.А. Никишина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22754>.
2. Ерофеева Н.Е., Мелекесов Г.А., Чикова И.В. Опыт реализации тьюторского сопровождения образовательного процесса в вузе / Н.Е. Ерофеева, Г.А. Мелекесов, И.В. Чикова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 7 (182) – С. 98-104
3. Ковалева Т. М. Профессия «тьютор» / Е. И. Кобыща, С. Ю. Попова (Смолик), А. А. Теров и др. – М.-Тверь: «СФК-офис», 2012 – 246 с.
4. Ковалева Т.М. Оформление новой профессии тьютора в российском образовании /Т.М. Ковалева // Вопросы образования.– 2011. – №2 – С. 163-180
5. Лупандина А.И. Применение программы Rosetta Stone Advantage как составного элемента смешанного обучения в рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» в вузе / А.И. Лупандина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. - № 04 (58) Часть 3 – С. 32-34
6. Углев В. А., Ковалева Т. М. Когнитивная визуализация как инструмент сопровождения индивидуального обучения / В. А. Углев, Т. М. Ковалева // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2014 – №3. С. 420-449
7. Челнокова Е.А., Набиев Р.Б. Тьюторская деятельность педагога по обеспечению успешной адаптации студентов вуза / Е.А Челнокова, Р.Б. Набиев // Вестник Мининского университета. – 2015 – №3. – Режим доступа: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/search/tyutorskaya-deyatelnost-pedagoga-po-obespecheniyu/>.
8. Ширшова И.А. Оценивание учебных достижений студентов: современные тенденции / И.А. Ширшова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского - Серия «Проблемы педагогики средней и высшей школы». Том 26 (65) – 2013 - № 1 - С. 205-215.

References

1. Belyaeva T.K., Nikishina O.A. Tutorship as a resource of foreign students' education quality rise [Electronic source] / T.K.Belyaeva, O.A. Nikishina // Modern problems of science and education. – 2015. – № 6. – Access mode: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22754>.
2. Erofeeva N.E., Melekesov G.A., Chikova I.V. Experience in implementing tutoring support for the educational process in the university / N.E. Erofeeva, G.A. Melekesov, I.V. Chikova // Vestnik of the Orenburg State University. – 2015. – № 7 (182) – P. 98-104
3. Kovaleva T. M. Profession "tutor" / E. I. Kobyschcha, S. YU. Popova (Smolik), A. A. Terov and colleagues. – M.-Tver': «SFK-ofis», 2012 – 246 p.
4. Kovaleva T.M. Registration of a new profession of tutor in Russian education // Education issues.– 2011. – №2 – P. 163-180
5. Lupandina A.I. Deployment of Rosetta Stone Advantage e-learning software as a component of blended learning in foreign language courses in universities / A.I. Lupandina // International research journal. – 2017. - № 04 (58) part 3 – P. 32-34
6. Uglev V. A., Kovaleva T. M. Cognitive visualization as a tool for accompanying individual learning / V. A. Uglev, T. M. Kovaleva // Science and Education: a scientific edition of the MSTU. N.E. Bauman. – 2014 – №3. P. 420-449
7. Chelnokova E.A., Nabiev R.B. Tutor activity of the teacher on ensuring successful adaptation of university students / E.A Chelnokova, R.B. Nabiev // Vestnik of the University of Minin. – 2015 – №3. – Access mode: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/search/tyutorskaya-deyatelnost-pedagoga-po-obespecheniyu/>.
8. Shirshova I.A. Ocenivanie uchebnyh dostizhenij studentov: sovremennye tendencii / I.A. Shirshova // Transactions of Taurida National V.I. Vernadsky University – Series of papers « Secondary and higher school education issues». Part 26 (65) – 2013 - № 1 - P. 205-215.

УДК 811.133

I PRESTITI DELLA LINGUA ITALIANA NEL MONDO

Marabini Alessandra

Laurea Magistrale in “Lingue Moderne per la Comunicazione e la Cooperazione Internazionale”,
Università degli Studi di Bergamo, Italia /
Assistente presso il Dipartimento di Lingue Tedesco e Francese
Belgorod State National Research University, Russia / marabini92@gmail.com

Sommario

L'emigrazione italiana iniziata nel 1870 ha portato conseguenze linguistiche all'estero. Il presente articolo illustra i prestiti linguistici italiani conosciuti ancora oggi in tutto il mondo. Si tratta di locuzioni o costruzioni sintattiche che entrano nel sistema lessicale di un'altra lingua e ne diventano parte. Vengono analizzati due valori della lingua italiana, quello

semantico e quello lessicale. L'impronta semantica riguarda la visibilità della lingua nello spazio urbano delle insegne e dei manifesti pubblicitari, mentre l'impronta lessicale concerne tutti i vocaboli che sono penetrati come prestiti e che sono il risultato di ciò che l'italiano ha rappresentato fuori d'Italia negli anni passati. Gli italianismi si sono diffusi sia nell'ambito della cultura alta (letteratura, musica, architettura, arti figurative) sia nell'ambito della cultura materiale (cucina, moda, arredamento, artigianato di qualità). In conclusione, si riporta un'esperienza di insegnamento presso l'Università Statale di Belgorod (Russia) e la conoscenza pregressa da parte degli studenti di alcune espressioni. A tal riguardo, vengono fatte alcune considerazioni circa l'assimilazione di alcuni italianismi.

Parole chiave: prestiti, lingua italiana, italianismi, migrazione, lessico, adattamento, impronta

THE ITALIAN LOAN WORDS IN THE WORLD

Marabini Alessandra

Master's Degree in "Modern Languages for International Communication and Cooperation",
University of Bergamo, Italy /
Teacher Assistant at the German and French Languages Department
Belgorod State National Research University, Russia / *marabini92@gmail.com*

Abstract

The Italian migration, started in 1870, has brought linguistic consequences abroad. The present article illustrates the Italian linguistic loans still nowadays known throughout the world. They are syntactic constructions that penetrate the lexical system of another language and become part of it. Two values of the Italian language, the semantic and the lexical ones, will be analyzed. The semantic trace concerns the visibility of the language in the urban space of advertising billboards, while the lexical trace concerns all the terms that have penetrated as loan words and that are the result of what the Italian language has represented abroad through the ages. The Italianisms have spread both in the sphere of the high culture (literature, music, architecture, figurative arts) and in the sphere of the material culture (cooking, fashion, furnishing, quality craftsmanship). In conclusion, a teaching experience at Belgorod State University (Russia) is presented together with the students' previous knowledge of some expressions. At this point, some considerations about the assimilation of Italianism will be given.

Key words: loan words, Italian language, Italianism, migration, lexicon, adaptation, trace.

La recente diffusione della lingua italiana nel mondo è stata dovuta principalmente ai flussi migratori che hanno portato molti italiani a lasciare il proprio paese, soprattutto nei decenni successivi all'Unità Nazionale e al secondo dopoguerra. Ad essere precisi, l'emigrazione è iniziata nel 1870 e ha visto protagonisti 27 milioni di italiani, che si sono sparpagliati in molti continenti, tra questi Europa, America e Australia principalmente alla ricerca di migliori condizioni di lavoro. La conseguenza ovvia di questi spostamenti è la diffusione della lingua italiana. Il ruolo dell'emigrazione è stato significativo in quanto ha altresì contribuito al processo di italianizzazione, ossia la creazione di una lingua comune a tutti gli italiani dentro e fuori i confini.

Molti migranti hanno portato con sé le varietà dialettali tipiche della loro zona di provenienza, in quanto il quadro socioculturale in cui avvenne l'emigrazione era caratterizzato da forti livelli di analfabetismo e, conseguentemente, di dialettologia. In tale contesto, l'emigrazione fu un fattore propulsivo per l'alfabetizzazione, poiché i migranti furono costretti a stabilire una piattaforma comunicativa comune con gli italiani provenienti da altre regioni.

Il valore attribuito alla lingua italiana è simbolico. Da una prospettiva sociolinguistica, questo significa che gli italiani all'estero hanno condiviso la loro lingua, l'hanno usata e riconosciuta come lingua franca, mezzo di comunicazione all'interno delle comunità italiane [Vedovelli 2001, 26]. Tuttavia, la lingua italiana ha trasmesso i valori positivi della cultura e del modo di vivere e riflette il prestigio attribuito dai non-italiani ai contesti italiani. Qualsiasi cosa che venga definita dai non-italiani è strettamente collegata alla lingua: i non-italiani riconoscono gli spazi pubblicitari italiani, le insegne dei negozi, i menu e qualsiasi altro spazio urbano che rappresenta espressione marcata della cultura italiana e parte di essa [Gallina 2016, 41].

La lingua italiana è dunque presente in particolar modo in ristoranti, insegne di bar e in posti associati a cibo e bevande, grazie all'eccellente reputazione che ha la cucina italiana nel mondo. I nomi dei brand sono usati in ristoranti e in showroom anche quando i proprietari non sono italiani. Questa appare essere una strategia usata dai commercianti per attirare un numero sempre maggiore di clienti, come sottolineato da Francesca Gallina. L'autrice raccoglie un elenco delle parole più frequentemente usate ((*mozzarella, grano, pasta, pizza, spaghetti, acqua, caffè, cappuccino*), delle

espressioni idiomatiche (*quattro stagioni* e *caffè latte*) e delle mescolanze linguistiche che coinvolgono due lingue, l'italiano e l'inglese (*iced cappuccino* o *iced latte*) [Gallina 2016, 41].

Nell'immaginario collettivo la lingua italiana è associata ai numerosi prodotti di eccellenza del paese. Come riportato dal Ministero degli Affari Esteri, l'italiano è la seconda lingua più usata al mondo su cartelloni commerciali. Appare nella comunicazione sociale / pubblica di tutto il mondo, come evidenziato dalle ricerche condotte sin dal 2000 presso il *Centro di Eccellenza della ricerca – Osservatorio linguistico permanente dell'italiano diffuso fra stranieri e delle lingue immigrate in Italia* dell'Università per stranieri di Siena [Gallina 2016, 37].

Possiamo definire questo indicatore che valuta l'impatto dell'italiano sulle altre lingue come impronta semiotica che la nostra lingua è in grado di lasciare nella comunicazione sociale urbana. Oltre agli italianismi legati all'ambito della ristorazione, ci sono termini legati alla moda e agli accessori (*moda, divano*) e aggettivi che evocano valori di positività, con riferimento alla sfera della bellezza, qualità e genuinità dei prodotti (*bello, carino, piccolo, pronto, fresco, buono, autentico*). Questo indicatore è legato alle motivazioni di successo che l'italianità ha oggi nella società globale [Palermo 2015, 296].

Accanto a questo indicatore, ve n'è un altro, ovvero l'impronta lessicale misurabile in termini di prestiti penetrati in diversi settori culturali, tra questi la musica. Ricordiamo infatti che il genere musicale italiano più conosciuto e rappresentato è l'opera. Verdi, Puccini, Rossini, Donizetti, Bellini, Leoncavallo, Mascagni e Monteverdi hanno senza dubbio una grande fama all'estero. *La traviata* è l'opera più conosciuta, seguita da *La Bohème, Tosca, Madama Butterfly, Il barbiere di Siviglia, Rigoletto, L'elisir d'amore, Aida, Nabucco, Trovatore, I pagliacci, Turandot* [Balboni 2015, 7]. Molti termini appartenenti all'opera italiana sono penetrati nelle altre lingue sotto forma di prestiti: *adagio, andante, rallentando, accelerando, presto, rubato, motivo, tema, fraseggio, frase, improvvisazione, ritornello, assolo, accordo, nota*. [Freddi 2012, 80]. Si nota che il prestito linguistico viene in questi casi accolto nella nuova lingua con solo un significato semantico (*adagio* e *allegro*, per esempio, sono termini associati solo all'ambito musicale, sebbene nella lingua italiana vengano utilizzati anche in altri contesti e con altre accezioni semantiche).

Nella maggior parte dei casi gli italianismi sono parole, ma il prestito può riguardare anche unità superiori, come per esempio unità polirematiche, cioè sequenze di due o più elementi lessicali, come *dolce vita* o *mamma mia* [Palermo 2015, 294]. Appare interessante riportare lo studio riguardo l'influenza italiana sul portoghese brasiliano, la quale è evidente in alcune espressioni che conservano la forma italiana: oltre a *mamma mia!*, vi è anche *mangia che ti fa bene!*, *ma non troppo*; oppure vi sono forme parzialmente adattate al portoghese come *que facha!* (*che faccia!*), usata ironicamente nel Rio Grande do Sul [Caramori, Maroneze, Alves, Baccin 2013].

I prestiti possono d'altronde subire un adattamento più o meno evidente alle regole fonologiche della lingua ricevente, soprattutto per quanto riguarda la resa di suoni complessi. Solo in alcuni casi l'adattamento è registrato in grafia: per esempio *adagio* si presenta invariato in molte lingue, ma è adattato in *adadžo* in lettone; il *chinotto* diventa *quinoto* in spagnolo e *ciao* e *spaghetti* sono spesso modificati nelle lingue in cui sono usati. A volte l'adattamento è frutto di un'interpretazione paretimologica, vale a dire di una modificazione di un tratto linguistico in base a somiglianze di forma o di significato con altre parole di modo da renderlo più trasparente, e quindi motivato, agli occhi del parlante. Per esempio, in Sudafrica *cappuccino* si trova nella variante *cuppuccino*, probabilmente perché viene ricondotto a *cup* (tazza) [Palermo 2015, 294].

Altri adattamenti si ritrovano in formazioni del tipo *Makkaroninudeln* in cui la radice rimanda alla lingua italiana (*maccheroni*) e la desinenza a quella tedesca (*nudeln* significa, per l'appunto, pasta). L'adattamento si verifica anche attraverso la perdita del morfema vocalico italiano (*fascismo* per esempio è reso in inglese con *fascism*) [Palermo 2015, 294-295].

Per quanto riguarda il genere invece, il problema non si pone nel momento in cui la lingua ricevente è una lingua come l'inglese che non assegna il genere ai sostantivi, mentre nelle altre lingue romanze questa corrispondenza sussiste. In molti altri casi, tuttavia, si verifica una riclassificazione come per esempio in somalo, dove la desinenza *-o* contrassegna il genere femminile. In lingue a tre generi, come il tedesco, prevale il criterio semantico per i sostantivi

animati, mentre per quelli inanimati si assegna il genere secondo criteri di analogia con altri sostantivi. Pensiamo per esempio a *rucola* e *mozzarella* che in tedesco appartengono al genere maschile per ellissi dei sostantivi maschili *salat* (insalata) e *Käse* (formaggio). Per quanto riguarda il numero, invece, gli italianismi prendono il morfema del plurale della lingua ricevente, come avviene per esempio in inglese con *pizzas*.

Sono inoltre molto diffusi anche i nostri suffissi diminutivi in *-ino* e *-ello*, come anche il suffisso *-issimo* del superlativo, conosciuto soprattutto per gli influssi musicali (*pianissimo*, *fortissimo*) [Palermo 2015, 295].

Anche *bravo* è oggi giorno penetrato come prestito in molte lingue.

Gli italianismi sono presenti ancora oggi nel lessico internazionale della marineria (*corsaro*, *ciurma*, *regata*) e della terminologia finanziaria (*assicurazione*, *banca*, *borsa*, *cambiale*, *cambio*, *capitale*, *credito*, *sconto*). Se nel caso dei mercanti e dei marinai gli italianismi furono esportati grazie a contatti tra persone, per la letteratura furono i libri che si vennero a diffondere a partire dal Cinquecento in tutta Europa. La circolazione delle opere letterarie creò la domanda per la pubblicazione di grammatiche e manuali di insegnamento dell'italiano per stranieri. Per quanto riguarda l'ambito artistico, furono sia le persone sia i libri a contribuire alla diffusione di tecnicismi. Gli artefici italiani operarono un po' in tutta Europa a partire dal XII secolo. Anche durante il Rinascimento vi furono molti maestri italiani che prestavano la loro manodopera ai committenti stranieri. In Europa la grande diffusione di italianismi associati alle arti è dovuta soprattutto alla fortuna della trattatistica italiana o latina (con traduzioni in italiano): nell'ambito dell'architettura si riscontrano termini come *balcone*, *campanile*, *pedistallo*; nell'ambito della pittura *prospettiva*, *schizzo*, *tempera* e *tavolozza* e nell'ambito dell'ingegneria militare *cittadella*, *fortezza*, *bastione* [Palermo 2015, 264].

Nella mia esperienza di insegnante di italiano presso l'Università Statale di Belgorod (Russia) ho riscontrato da parte degli studenti una conoscenza a priori di alcuni termini della lingua italiana. I termini noti appartengono soprattutto ai campi commerciali e culinari, come anche alle tipiche espressioni diventate ormai uno stereotipo della cultura italiana all'estero, quali per esempio *mamma mia*. Vi è dunque una conoscenza linguistica legata alla stereotipizzazione della cultura: il termine *mamma mia* è associato all'emozionalità degli italiani e molto spesso è noto proprio accompagnato dalla tipica gestualità del pollice unito alle altre dita della mano a forma di borsa. Anche il termine *mafia* è un esempio di parola associata allo stereotipo della lingua italiana. In Russia ho riscontrato un uso scherzoso e folcloristico di questo termine: è assegnato come titolo di insegne di alcune pizzerie; tuttavia, in Italia non sarebbe accettato come culturalmente proponibile.

Anche la formula di saluto *ciao* gode di una grande popolarità e non solo: è spesso modificata con sfumature scherzose. Per esempio, in russo è usata come formula di commiato ed è spesso accompagnata dal termine *какао* (*cacao*) probabilmente per un gioco di assonanza. La formula che ne risulta è pertanto *чао какао* (*ciao cacao*). Tuttavia, tale formula è del tutto inesistente nella lingua italiana.

A tal proposito, infatti, vi è ambiguità nella percezione e nell'uso di alcuni prestiti italiani e anche si può verificare un uso scorretto di termini. L'aggettivo *bellissimo* è ampiamente conosciuto nella lingua russa, ma è confuso con l'aggettivo *buonissimo*. Alla domanda 'Ti piace la pizza?', si risponderebbe erroneamente con 'Sì, bellissimo', alla quale si possono fare una serie di annotazioni. La prima riguarda la distinzione tra *buonissimo* e *bellissimo*, secondo cui *buonissimo* viene utilizzato per indicare un piacere per un gusto, mentre *bellissimo* è legato alla sfera delle impressioni piacevoli o all'attrazione fisica o spirituale. La seconda riguarda la discordanza di genere (*pizza* è di genere femminile e ad essa andrebbe associata la forma *buonissima*, anziché *buonissimo*).

Un altro caso di espressione erronea è *uno momento* (al posto di *un momento*) conosciuta in Russia perché si ritrova come ritornello di una canzone nel film *Formula ljubvi*. Durante le mie lezioni si verifica un arricchimento culturale reciproco con gli studenti, per cui da un lato vengo alla conoscenza di termini ed espressioni entrati nella lingua russa dall'italiano (*finita la*

commedia, per esempio, è ben nota in Russia e rappresenta una locuzione derivata dal latino con la quale nel teatro antico romano si annunciava la fine della rappresentazione, ma oggi è conosciuta per indicare che si è giunti al termine di qualcosa e non c'è più nulla da fare o da aggiungere). Dall'altro lato, miro a supplire a mancanze grammaticali e semantiche affinché gli studenti possano apprendere l'uso corretto della lingua italiana.

Bibliografia

1. Balboni P. E., L'opera e l'insegnamento dell'italiano nel mondo. Dalle dichiarazioni di principio alla progettazione di percorsi, 2015
2. Freddi E., Lingua e musicalità, EL.LE, vol.1 – Num.1 2012
3. Gallina F., The Italian language in the Tanzanian LL: Between the Italian Way of Life and Mass Tourism, Negotiating and Contesting Identities in Linguistic Landscapes, edited by Robert Blackwood, Elizabeth Lanza and Hirut Woldemariam, Bloomsbury, 2016
4. Palermo M., Linguistica italiana, Il mulino, 2015
5. Vedovelli M., L'italiano lingua seconda, in Italia e all'estero, Bulletin VALS-ASLA (Association suisse de linguistique appliquée) No 73, Institut de linguistique Université de Neuchâtel, 2001
6. Caramori A.P., Maroneze B.O., Alves I.M., Baccin P.G., Gli italianismi nel portoghese brasiliano, 2013 [documento elettronica]. – Accesso: <http://www.accademiadellacrusca.it/it/scaffali-digitali/articolo/italianismi-portoghese-brasiliano>.

References

1. Balboni P. E., L'opera e l'insegnamento dell'italiano nel mondo. Dalle dichiarazioni di principio alla progettazione di percorsi, 2015
2. Freddi E., Lingua e musicalità, EL.LE, vol.1 – Num.1 2012
3. Gallina F., The Italian language in the Tanzanian LL: Between the Italian Way of Life and Mass Tourism, Negotiating and Contesting Identities in Linguistic Landscapes, edited by Robert Blackwood, Elizabeth Lanza and Hirut Woldemariam, Bloomsbury, 2016
4. Palermo M., Linguistica italiana, Il mulino, 2015
5. Vedovelli M., L'italiano lingua seconda, in Italia e all'estero, Bulletin VALS-ASLA (Association suisse de linguistique appliquée) No 73, Institut de linguistique Université de Neuchâtel, 2001
6. Caramori A.P., Maroneze B.O., Alves I.M., Baccin P.G., Gli italianismi nel portoghese brasiliano, 2013 [documento elettronica]. – Accesso: <http://www.accademiadellacrusca.it/it/scaffali-digitali/articolo/italianismi-portoghese-brasiliano>.

УДК 81'25

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ» ПЕРЕВОДЧИКА: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Маслова, Татьяна Игоревна

Студентка 5 курса университета НИУ «БелГУ», ФИЯПИ, группы 02051409
Белгород, Россия / tanya.igorevna.1996@mail.ru

Аннотация

Влияние родного языка при изучении иностранного или иностранных языков сложно переоценить. Опираясь на родную речь, мы создаем ложные аналогии, которые толкают нас на совершение ошибок. Статья посвящена изучению «ложных друзей» переводчика на примере русского и французского языков. Рассмотрена их этимология и выделены основные аспекты изучения и употребления «faux amis» в методической литературе. Даны рекомендации по устранению ошибок при переводе.

Ключевые слова: «ложные друзья», этимология, семантический аспект, фразеологический аспект, стилистический аспект, формальный аспект, этнографический аспект.

«FALSE FRIENDS» OF INTERPRETER BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

Maslova Tatyana

Student of the 5th year of Belgorod State National Research University; Faculty of foreign languages of pedagogical Institute
Belgorod, Russia / tanya.igorevna.1996@mail.ru

Abstract

It is difficult to overestimate the influence of the native language when you study foreign languages. We create false analogies, based on our native language, and make mistakes. The article talks us about “false friends” of interpreter by the example of Russian and French languages. Their etymology is considered; the main aspects of study and use of “false friends” in the methodological literature are emphasized. There are recommendations to eliminate mistakes.

Key words: “false friends”, etymology, semantic aspects, phraseological aspects, stylistic aspects, formal aspect, ethnographic aspect.

За последние годы возрос интерес исследователей к категории слов, называемых в литературе по переводу «ложными друзьями переводчика». Этот интерес не случаен, так как количество ошибок, допускаемых в данной категории слов, чрезвычайно высоко. При переводе данной категории слов могут происходить ложные отождествления, поскольку междуязычные аналогизмы имеют некоторую графическую (или фонетическую), грамматическую, а часто и семантическую общность. В настоящее время термин «ложные друзья переводчика» в основном используется тогда, когда авторы касаются проблем теории и практики перевода.

Перевод имеет долгую историю. Своими корнями он восходит к тем далеким временам, когда праязык начал распадаться на отдельные языки и возникла необходимость в людях, знавших несколько языков и способных выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин.

С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей.

Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур.

Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удается далеко не каждому.

Первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии.

Понятно, что с изложением своего «переводческого кредо» выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен и, хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции, все же целый ряд таких соображений и сегодня представляет несомненный интерес.

Кто такой переводчик?! Это специалист, который занимается устным и письменным переводом с одного языка на другой или на другие. Для того чтобы стать хорошим переводчиком, недостаточно только усвоить лексику и грамматику изучаемого языка, необходимо овладеть прагматическими и коммуникативными составляющими языковых явлений, а также умениями и навыками использования переводческих трансформаций [Седых, 2008, 7]. Как и у всех профессий у них есть свои сложности, они возникают в основном из-за влияния родного языка на восприятие явлений другого. Нередко язык называют зеркалом мышления [Алефиренко, 2013, 87]. При контакте с иностранными языками нам свойственно переносить наши языковые привычки на изучаемую языковую систему. Здесь речь идет о русизмах, так как с детства родной и знакомый нам язык толкает нас на ложные аналогии. В методической литературе такое явление получило название «ложные друзья», и наиболее ярко оно проявляется на уровне лексики. Итак, что же это значит: «faux amis» («ложные друзья») – это слова, которые относятся к разным языкам, у которых значение не совпадает, но они могут произноситься или писаться одинаково. Услышав знакомые нам слова в иностранном языке, мы делаем ошибки, воспринимая их также как и в родном.

Откуда берутся «ложные друзья»? В основном это происходит из-за заимствования слов из одного языка в другой. Например, русский язык заимствовал из французского довольно много слов. Неудивительно, ведь процесс заимствования является одним из основных в становлении и развитии языка. Впервые заимствования из французского языка в русский наблюдались в Петровскую эпоху, и стали еще более популярны в конце XIX, в связи с галломанией светского общества. Именно в эти периоды великий русский язык

пополнился огромным количеством новых слов, которые ранее не были знакомы русскому народу.

Но редко происходит так, что, попав из одного языка в другой, слово сохраняет свою исходную форму или значение. Потеряв прежние семантические связи, заимствованное слово легко принимает новое значение, отличное от значения этимона. Зачастую начинающие переводчики переводят слова трасса и конференсье, как *trase*, *conférencier* (вместо *autoroute*, *ligne*; *présentateur*). Бывает и обратная ситуация, когда в русском языке слово сохранило свое первичное значение, но во французском языке оно вышло из употребления, попросту устарело и заменилось более современным. Изучающие иностранный язык, заметив внешнее сходство параллельных слов переводят велосипед как *vélocipède* хотя это слово устарело и переводится как *vélo* или *bicyclette*. Из-за этого у переводчиков возникает куча ошибок.

Списки «ложных друзей» не состоят только лишь из слов заимствованных из русского и французского языков. Часто происходит так, что слова *dispute*, *auditoire*, *major* переводятся как диспут, аудитория, мажор, но эти слова были заимствованы из третьего языка – латинского, и их внешнее сходство лишь путает неопытных переводчиков, заставляя строить ложные аналогии. Поэтому списки и словари «ложных друзей» пополняются также словами, которые произошли из латинского, греческого, английского, итальянского и других языков.

Нередко совершаются ошибки, связанные с псевдо французскими словами, когда человек, который делает перевод, придумывает слово. Например, инструктаж, маршрут – следует переводить как *instruction*; *itinéraire*.

«Ложные друзья» в методической литературе рассматриваются в 5 разных аспектах.

1. Семантический аспект. Эта группа является самой многочисленной, и здесь речь идет о чисто семантическом несовпадении значений. Здесь встречаются слова с полным несовпадением значений либо с частичным (если слова многозначны). Например, базар (рынок) – *bazar* (большой магазин стандартных цен, беспорядок) – *marché* !

2. Фразеологический аспект (контекстуальные «ложные друзья»). Эта группа включает в себя слова, которые будут ложными только в определенных устойчивых сочетаниях. Например, армия соответствует французскому слову *armée*, но служить в армии – *faire son service militaire* [Муравьев, 1969, 10].

3. Стилистический аспект. В этой группе слова, обладающие практически одинаковыми значениями, но стилистическое употребление у них отличается. Например, слово апартаменты в литературном и разговорном русском языке приобрело более ироничный оттенок. А во французском языке, оно нейтрально (*appartement*).

4. Формальный аспект. Суффиксальное оформление слова часто создает новые «*faux amis*». Например, суффикс –ист интернационален и неопытные переводчики могут делать ошибки перевода артиллерист – *artillieriste* вместо *artilleur* по аналогии с оптимист – *optimiste*.

5. Этнографический аспект. Есть в русском языке слова, которые были заимствованы из французского и других языков, но обозначают они части быта из жизни русского народа. Особенно это касалось советского общества, при этом эти явления не были свойственны иностранной культуре, например активист – *militant*, а не *activiste* (активист, слово имеет уничижительный характер), интеллигент – *intellectual*, а не *intelligent* (умный) [Муравьева, 1985, 11].

Итак, «ложные друзья» переводчика вызывают трудности как у учащихся в школе, так и у студентов специализированных вузов, не обходят они стороной и опытных переводчиков, так как последние слишком уверены в своих силах и знаниях, и не будут обращаться к словарю. Чтобы правильно перевести «ложного друга» необходимо опираться на свой уже имеющийся опыт, знания и умения, а также пользоваться словарями. Так как «*faux amis*» составляют большой пласт в лексике, запомнить их все

просто невозможно, и они могут иметь много значений, необходимо рассматривать их в контексте.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Общее языкознание. История и теория языка: Интегрированный курс. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013.
2. Константинова Н. В. Какие слова читаются одинаково в русском и французском языках? Часть 1, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://langfrance.ru/blog/franciya-comment-ca-va/kakie-slova-chitayutsya-odinakovo-v-russkom-i-francuzskom-yazykah-chast-1/>
3. Муравье В. Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика. – М.: Просвещение, 1969.
4. Муравьев В. Л. «Ложные друзья переводчика»: Пособие для учителя фр.яз. – М.: Просвещение, 1985.
5. Седых А. П. Двусторонний перевод: французский и русские языки: учеб. метод. пособие/ А. П. Седых, В. Бене, В. Р. Галиаскарова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

References

1. Alefirenko N. F. General linguistics. History and theory of language: Integrated course. - Moscow: Publishing center "Azbukovnik", 2013.
2. Konstantinova N. V. What words are read equally in Russian and French? Part 1, 2016 [Electronic resource]. - - Access mode: <http://langfrance.ru/blog/franciya-comment-ca-va/kakie-slova-chitayutsya-odinakovo-v-russkom-i-francuzskom-yazykah-chast-1/>
3. Muravyov V. L. Faux amis, or "false friends" of the interpreter. - Moscow: Education, 1969.
4. Muravyov V. L. "False friends of the interpreter": a Guide for teachers of French language. - Moscow: Education, 1985.
5. Sedykh A. P. The two-way translation: French and Russian languages: proc. - method. manual/ A. P. Sedykh, V. Bath, V. R. Galiaskarova. - Belgorod: Publishing house of Belgorod State University, 2008.

УДК 37.016:811.111(045)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Тимошилова Тамара Михайловна

доцент, к.ф.н., доцент
Белгородский национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия /
timoshilova@yandex.ru

Вальчук Тамара Георгиевна

старший преподаватель
Белгородский национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия /
valchuk@bsu.edu.ru

Никulina Дарья Евгеньевна

ассистент
Белгородский национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия /
nikulina_d@bsu.edu.ru

Аннотация:

Статья рассматривает целесообразность и основные преимущества использования аутентичного художественного текста при обучении английской грамматике на первом курсе. Особое внимание уделяется таким грамматическим явлениям как множественное число существительных, словообразование, особенности перевода на русский язык конструкции глагол-связка to be+прилагательное, фразовые глаголы, степени сравнения прилагательных и зависимый причастный оборот. Программный материал проиллюстрирован примерами, взятыми из адаптированных и аутентичных произведений.

Ключевые слова: адаптированный, аутентичный художественный текст, обучение грамматике.

LITERARY TEXT IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR

Timoshilova Tamara

Candidate of Philology, Senior
Lecturer
Belgorod National Research
University Belgorod, Russia /
timoshilova@yandex.ru

Valchuk Tamara

Senior Lecturer
Belgorod National Research
University
Belgorod, Russia /
valchuk@bsu.edu.ru

Nikulina Darya

Lecturer
Belgorod National Research
University
Belgorod, Russia /
nikulina_d@bsu.edu.ru

Abstract

The article considers advisability and advantages of the use of the authentic literary texts in teaching English grammar to first-year students. Special attention is given to such grammatical phenomena as the plural form of nouns, word-formation, peculiarities of the translation of the construction to be +adjective into Russian, phrasal verbs, degrees of comparison of adjectives and participle construction. Grammatical material is illustrated by examples taken from adapted and authentic literary texts.

Keywords: adapted, authentic literary text, teaching grammar.

О пользе чтения в последнее время говорится и пишется немало, но польза от чтения художественной литературы на английском языке часто остается без должного внимания.

Целью нашего исследования является рассмотрение возможности использования художественной литературы при обучении грамматике.

Литературные тексты для изучения грамматики английского языка могут быть как оригинальные, так и адаптированные.

Художественное произведение – источник обогащения новой современной лексикой, что способствует увеличению словарного запаса студентов и помогает закреплению в памяти ранее изученных слов, выражений, грамматического материала. Литературные тексты служат не только иллюстрацией естественного функционирования грамматических структур и лексических единиц, но и способны помочь в развитии всех 4 навыков языка: чтения, говорения, письма и в случае использования аудиотекстов навыков восприятия на слух.

Л.В. Щерба отмечал ценность художественной литературы для обучения восприятию и пониманию особенностей изучаемого языка. Е.М. Верещагин, И.А. Зимняя, В.Г. Костомаров, А.Д. Швейцер и другие, считая, что художественный текст играет большую роль в обучении русскому и английскому как иностранным языкам, способствовали внедрению художественных текстов в учебный процесс.

Начиная с 80-х годов XX века, литературный текст, как средство обучения, стал активно внедряться в практику преподавания английского языка.

Ряд зарубежных методистов С.Э. Берардо, Л. Кленфилд, К. Мелони, Д. Татзуки и другие полагают, что литературный текст в практике преподавания является важным по ряду причин: лингвистическим, когнитивным, эстетическим, общеобразовательным, мотивирующим и психологическим.

Выделяются три модели изучения литературного текста: культурная, языковая и модель персонального роста. Для нашего исследования мы выбираем вторую модель – языковую, когда при изучении текста уделяется большое внимание лексико-грамматическим структурам или стилистическому анализу, позволяющему осознанно интерпретировать текст. Данная модель более ориентирована на обучающихся, позволяет повысить общее владение иностранным языком, и делает подход к литературе более осознанным.

Несмотря на то, что литературный текст может иметь сложную грамматическую структуру и, порой, может быть непонятен с культурологической точки зрения, именно эти сложности, грамматическая и культурологическая, являются мотивацией к углубленному изучению текста.

Рассмотрим некоторые примеры использования художественных произведений при обучении грамматике студентов первого курса английского отделения.

Работа с произведением *Christopher Columbus (after I. Block)* даёт возможность проиллюстрировать некоторые программные грамматические явления: образование множественного числа существительных, конструкции с глаголом *to be*, фразовые глаголы и словообразование.

Множественное число существительных (Plural form of nouns).

Hawkers, housewives, children, sailors and workmen filled the streets and squares. The sounds of human voices were everywhere (Chapter I p. 7).

There was a clatter of hoofs behind him (Chapter VII p. 39).

Данный пример позволяет студентам прокомментировать некоторые правила образования и произношения множественного числа существительных.

Следующее грамматическое явление – *конструкция глагол-связка to be+прилагательное*. Как известно, глагол *to be* является многофункциональным: в предложении он может быть смысловым, вспомогательным, глаголом-связкой, модальным глаголом.

Студентам следует напомнить, что части речи в разных языках не совпадают. В грамматике такая конструкция называется составное именное сказуемое, но имеется в виду тот случай, когда она переводится на русский язык глаголом, поэтому представляет собой сложность.

.... *because they were afraid of* (боялись) *the unknown...* (Chapter III).

... *that navigators were wrong* (ошибались)

They were happy, especially when their son Diego was born (родился) *the next year* (Chapter III).

The next week, although Felipa was ill (болела), *Christopher left for Lisbon ...* (Chapter III).

Фразовые глаголы (phrasal verbs).

В современном английском языке всё более распространяющейся тенденцией является замена смысловых глаголов фразовыми (*return – come back, search – look for*). Под фразовыми глаголами понимаются устойчивые сочетания глаголов с предлогами или наречиями, напоминающие короткие фразы, при этом значение глаголов не соответствует дословному переводу самих глаголов. Изучая английский язык, студенты испытывают трудности в их освоении, т.к. в сочетании с различными предлогами или наречиями они могут принимать разнообразные новые значения.

Обращаем внимание студентов на то, что существует три вида фразовых глаголов:

1. непосредственно фразовые глаголы, образованные с помощью наречий: *give up* (сдаваться, прекращать), *find out* (выяснить, узнать), *take off* (взлететь, быстро уйти);
2. предложные глаголы (*prepositional verbs*): *go on* (продолжать), *look after* (заботиться, присматривать), *come across* (наткнуться, случайно найти);
3. фразово-предложные глаголы (*phrasal-prepositional verbs*), содержащие и наречие, и предлог: *put up with* (терпеть, мириться с чем-либо), *come up with* (придумывать), *look up to* (уважать, брать пример).

Bartholomew said, "You're making up stories again" (Chapter I).

After Prince Henry's death exploration went on in the same way (Chapter II).

.... *then you could just keep on sailing* (Chapter I).

..... *there is nothing more beautiful and mysterious than coming across an island in the middle of the sea ...*(Chapter I).

Значения некоторых фразовых глаголов студентам интуитивно понятны, так как легко выводятся из составляющих его элементов: *come back* (возвращаться), *go away* (уходить) и так далее. Другие же носят идиоматический характер, и их значения им нужно просто запомнить, например: *take after* (брать пример, походять на кого-либо).

В дальнейшем студенты получают задание продолжить эту работу самостоятельно при чтении последующих глав произведения. К концу прочтения появляется список фразовых глаголов, со значениями, усвоенными непосредственно из контекста книги.

Словообразование (word formation).

Словообразование – это образование новых слов при помощи приставок, суффиксов, сложения основ и других способов в английском языке.

Если студенты будут понимать значение основных приставок и суффиксов, им будет проще пополнять словарный запас, читать, понимать английскую речь, потому что значение огромного количества слов они будут угадывать без словаря. Иначе говоря, увеличивается пассивный словарный запас. В тексте суффиксы и приставки легко заметны, а в устной речи их сложно выделить и можно просто не разобрать.

В классификации способов словообразования выделяют два главных способа: словопроизводство и словосложение.

Словопроизводство бывает четырех видов: конверсия, изменение места ударения, чередование звуков и аффиксация (приставки и суффиксы).

Для иллюстрации обратимся ко второму виду словопроизводства, а именно, изменение места ударения в частях речи. Для студентов при прочтении 1 главы *Christopher Columbus* становится открытием, что слово *refuse* читается с ударением на первом слоге, т.к. оно является существительным в контексте, а не глаголом.

Most people threw their refuse into the street, where dogs and beggars always struggled over it (Chapter I p. 7).

'*refuse* ['refju:s] – отбросы и *to refuse* [ri'fju:z] – отказывать(ся)

Примеры этого вида словопроизводства студенты находят в V, VIII, IX, X, XVI, XIX главах произведения:

conduct ['kɒndʌkt] – поведение *to conduct* [kɒn'dʌkt] – вести себя (Chapter V).

record ['rekɔ:d] – запись и *to record* [re'kɔ:d] – записывать (Chapter IX, X).

content ['kɒntent] – удовлетворение и *to content* [kɒn'tent] – довольствоваться (Chapter XVI).

insult ['ɪnsʌlt] – оскорбление и *to insult* [ɪn'sʌlt] – оскорблять (Chapter XIX).

Анализ примеров позволяет студентам прийти к выводу, что слова, имеющие одинаковую орфографию, являются разными частями речи: с ударением на первом слоге у существительных и ударением на втором слоге у глаголов.

Обратимся к следующему способу словопроизводства – *аффиксации (affixation)*.

Аффиксация – один из наиболее распространенных способов словообразования. Прибавление аффиксов (префиксов *prefixes*, суффиксов *suffixes*, окончаний *endings*) к корню слова изменяет значение слов. Зная наиболее употребительные аффиксы, студенты могут догадываться о значении образованных с их помощью слов, если, они знают значение исходного слова.

Наиболее употребительные отрицательные приставки: *un-* / *im-* / *ir-* / *il-* / *dis-* / *in-*. С их помощью образуются слова, противоположные по значению: *legal* (законный) – *illegal* (незаконный), *like* (любить) – *dislike* (не любить), *usual* (обычный) – *unusual* (необычный); *mis-* – этот префикс имеет значение «неправильно, неверно»: *misunderstand* (*understand* – понимать) – неправильно понять, *misprint* (*print* – печатать) – опечатка, *misinformation* (*information* – информация) – неверная информация.

Нет никаких правил, регулирующих, какая из этих приставок используется для придания слову отрицательного значения.

Большое количество таких примеров с этими приставками можно найти в книгах по домашнему чтению: например, в современном романе Пенелопы Лайвли (*Penelope Lively*) *Дом в Норэм-Гаденз (The House in Norham Gardens)*.

*It, and its kind, stood awkwardly on the fringes of a city renowned for old and beautiful buildings: they were old and **unbeautiful*** (p. 5).

*... She found herself back there with a feeling that there was something she had left **uncompleted**,* (p. 38).

*..... that she had dreamed, and that the dream produced a nagging sense of some obligation **unfulfilled*** (p. 39).

и в адаптированном варианте книги *Charles Dickens* (no K.O. Пуар).

*Oliver was a nameless orphan, born in a workhouse, who spent his first nine years on a poor farm, starved, **unwashed**, mistreated, **unloved*** (p. 34).

*Kate did her best to keep the baby quiet and leave him **undisturbed** while he was writing....* (p. 35).

В этом же произведении очень ярко представлено такое грамматическое явление как степени сравнения прилагательных (*degrees of comparison of adjectives*). Имя прилагательное наряду с глаголом и существительным является самой употребляемой частью речи.

*.... while horses and carriages thundered by, and **bigger** and **rougher** children appeared from everywhere* (p. 8).

*The more he learned at school **the bigger** and **thicker** were the books ...* (p. 8).

.... even though he didn't grow **much larger**, the streets of Chatman seemed **less frightening** (p. 8)

....Charles thought it **the finest** clock in the world (p. 8).

Причастный оборот (participle construction)

В английском языке причастные обороты бывают двух типов: зависимые и независимые. В зависимом причастном обороте действие выраженное причастием, относится к лицу или предмету, которым обозначено подлежащее в предложении. В зависимом причастном обороте нет собственного подлежащего, он зависит от главной части. Такие причастные обороты соответствуют в русском языке деепричастным (*читая, зная, потеряв* ...).

Современный роман Джулии Дарлинг (*Julia Darling*) *Дочь таксиста (The Taxi Driver's Daughter)* является прекрасной художественной базой для изучения и усвоения особенностей зависимых причастных оборотов. Роман написан в своеобразном стилевом плане: для описания событий, происходящих в романе, в основном используется простое грамматическое время (*Present Indefinite*), но с обилием зависимых причастных оборотов.

*Mac comes home to find no one there. It's early evening and the house is an empty box. He walks from room to room, **searching** for signs of his lifeIn the kitchen there's a pile of plates in the sink and a crust of bread **lying** on the floor.*

*He looks at the settee, which he and Louise bought together after much discussion and many Sundays **wandering** around furniture showrooms (p. 110).*

*It's Friday night and the quayside is a mess of incoherent people, **swilling** around the streets, **falling** against each other, **limping** between bars. Mac waits outside the restaurant for Degna, **listening** to the shipping forecast on the radio. He closes his eyes, **picturing** the wild islands of Scotland, and noble lighthouses **beating** out a light to lost ships (p. 136).*

Данное грамматическое явление характерно и для стиля современной английской писательницы Пенелопы Лайвли (*Penelope Lively*). В её романе *Дом в Норэм-Гаденз (The House in Norham Gardens)* студенты находят достаточное количество примеров с этой конструкцией.

Going downstairs, Clare thought, *talking* to the aunts is as easy as *talking* to people at school (p. 38).

Lying in bed that night, in the hinterland between (p. 38).

...*Drifting* into sleep, she imagined words *lying* around the place.....and she wandered around among them, *pushing* through them, jostled by them (p. 38).

Knowing this, she was interested to find that (p. 38).

Coming suddenly into the clearing she was surprised (p. 39).

..... she could see them *sitting* there, *watching* her (p. 39).

Примеры помогают студентам ярче представить происходящие события в романе и почувствовать своеобразие стиля автора.

Таким образом, наряду с традиционными формами работы над грамматикой существенным дополнением является привлечение художественных текстов. Художественный текст обладает большим методическим потенциалом, так как он является аутентичным и естественным материалом для закрепления и отработки определённых грамматических тем. Работа с художественными произведениями повышает мотивацию и общий интерес к изучению грамматики.

References

1. Block I. Christopher Columbus. – М., Prosveshcheniye, 1994. – 113p.
2. Darling J. The Taxi Driver's Daughter. – Penguin Books, England, 2004. – 264 p.
3. Lively P. The House in Norham Gardens. – Jane Nissen Books, London, 2004. – 154 p.
4. Piar K.O. Charles Dickens. – М., Prosveshcheniye, 1981. – 80 p.

УДК 811.11

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ**Янутик, Стелла Яновна**

Старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / yanutik@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются **эвфемизмы**, как языковое средство воздействия на человека и общественное сознание. Выбор **языковых единиц** создается из широкого синонимического ряда. Использование эвфемизмов как эмоционально-нейтральных слов и словосочетаний определяется различными обстоятельствами с целью смягчения ситуации и негативного воздействия на слушающего или говорящего.

Ключевые слова: языковое манипулирование, эвфемизмы, коннотации, языковая коммуникация, эмоциональная оценка, языковое средство воздействия.

EUTHEMISMS AS A LANGUAGE MEANS OF EXPOSURE**Yanutik Stella**

Senior Lecturer, Department of the English language and Methodology of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / yanutik@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with euphemisms, as a linguistic means of influencing a person and social consciousness. The choice of linguistic units is created from a wide synonymous series. The use of euphemisms as emotionally neutral words and phrases is determined by various circumstances in order to mitigate the situation and adversely affect the listener or the speaker.

Key-words: language manipulation, euphemisms, connotations, language communication, emotional evaluation, language means of influence.

Языковое средство воздействия на человека и общественное сознание может проявляться в различных формах [Ларина Т.В., Озюменко Е.Б., Пономаренко Е.Б. 2011, 29]. Языковое манипулирование может осуществляться при помощи различных слов с эмоциональным компонентом, например с помощью эвфемизмов. Под эвфемизмами вслед за А.И. Гальпериным, мы понимаем «слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-то неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они находятся в словарном составе языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия» [Гальперин 1988, 164].

Большой лингвистический энциклопедический словарь «Языкознание» под редакцией В.Н. Ярцевой дает следующее определение: «Эвфемизмы-эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Эвфемизмы характеризуются высокой степенью подвижности. Ими заменяются также табуизированные названия, архаичные и новые. Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Ярцева В.Н. 1998, 590].

Выбор языковой единицы осуществляется в рамках синонимизации языкового материала. Именно синонимы обладают эмоционально-экспрессивной окраской и оценочными характеристиками. Наличие широкого синонимического ряда позволяет внести новый смысл в лексическую единицу. Рассмотрим следующие примеры эвфемизмов, например: *pet – companion animal, going on strike/protesting – working to rule, felling unwell/sick – to be under the weather, poor – underprivileged, garbage collector – waste disposal operative, drug addict – substance abuser, drugs – illegal substances, dead – departed, gone, passed away late; die – pass away, drunk – intoxicated, tipsy, crippled – physically challenged, disabled, to fire/sack – to downsize, streamline, lay off, a garbage dump – landfill, juvenile delinquent – problem child, stupid – low IQ, kill – put down, put to sleep, lazy – unmotivated, to lie – to be economical with the truth, old person/pensioner – senior citizen, old person's home – retirement home, one room apartment – studio.*

Эти слова синонимы позволяют скрыть ту или иную информацию языковой коммуникации. Они обычно обусловлены морально-этическими и социальными нормами того или иного общества. Использование эвфемизмов в определенных коммуникативных ситуациях соответствует нормам языкового этикета, принадлежавших к определенному типу культуры. Они употребляются для того, чтобы в определенных условиях заменить такие обозначения, которые для слушающего или говорящего считаются грубыми или могут быть нежелательными, невежливыми резкими, грубыми, нетактичными неприличными в данной ситуации. Выбор синонимов осуществляется на следующих языковых уровнях: фонетическом, лексическом и морфологическом.

Например, *juvenile delinquent* – *малолетний преступник* мы заменяем на словосочетание более вежливое – *problem child* – *проблемный ребенок*.

Это процесс эвфемизации непосредственно связан с процессом номинации, в котором по каким либо причинам, например психологическим, этическим, предметы или оценки не могут быть названы прямо; они нуждаются в использовании эвфемизмов.

Следует согласиться с Кипрской в том, что они представляют вторичные наименования денотата и благодаря этому обладают особым семантическим своеобразием» [Кипрская. 2005, 6].

«С течением времени понятия эвфемизма приобретает все более широкое значение и связывается с большим количеством социокультурных феноменов, в том числе социально-политических» [Сафина Р.А 2014, 51]. Использование этих слов предполагает смягчить и ситуацию, и отрицательное воздействие на человека или аудиторию. Культуры, нравы и обычаи общества неоднородны и социальное поведение может быть вариативным. Культурные нормы нарушаются, иногда отвергаются либо сознательно, либо бессознательно, но они различны в разных культурных системах.

Таким образом, эвфемизмы способны манипулировать реципиентом и скрывать иногда сущность ситуации или оценки происходящего путем создания нейтральной коннотации. Наиболее ярко эвфемизация дискурса проявляется в речи политических деятелей для смягченного альтернативного освещения событий.

Литература

1. Богатова Т.М. Функциональные особенности эвфемизмов в политическом дискурсе.// Международный информационно-аналитический журнал «Credo Experto: транспорт, общество, образование, язык» №2 (09). Июль 2016 С. 1-13.
2. Ларина Т.В., Озюменко Е.Б., Пономаренко Е.Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах.// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2011 №2 С.28-37.
3. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ автореф. Дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук...Ижевск, 2005-18 с.
4. Сафина Р.А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах.// Филология и культура.2014.№2(36) С.51-57.
5. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва «Большая российская энциклопедия» 1998. – 687 с.
- 6.URL.https://studwood.ru/1344838/literatura/lingvisticheskaya_suschnost_evfemizmov.

References

1. Bogatova TM Functional features of euphemisms in political discourse.// International information and analytical magazine "Credo Experto: transport, society, education, language" No. 2 (09). July 2016 P. 1-13
2. Larina TV, Ozyumenko E. B., Ponomarenko E. B. Language mechanisms for manipulating public opinion in English and Russian informational texts. // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics, 2011 No. 2 P.28-37..
3. Kiprskaya E.V. Political euphemisms as a means of camouflaging reality in the media abstract. Diss .. on the claim. Degree Cand. filol. Sciences ... Izhevsk, 2005-18 p.
4. Safina R.A. Political euphemism in the functional-pragmatic and discursive aspects. // Philology and Culture. 2014.№2 (36) C.51-57.
5. Yartsev V.N. Big encyclopedic dictionary. Linguistics. Moscow "The Great Russian Encyclopedia" 1998. – 687 p.
- 6.URL.https://studwood.ru/1344838/literatura/lingvisticheskaya_suschnost_evfemizmov

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА НА ПРИМЕРЕ ИДИОЛЕКТНЫХ ЧЕРТ КАНЦЛЕРА ФРГ А. МЕРКЕЛЬ

Носова, Марина Валериевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
учитель английского языка
Лицей № 32
Белгород, Россия / 1010367@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается термин «языковая личность», устанавливается зависимость между понятиями «личность» и «язык». Тенденции речевого поведения женщины-политика изучаются на примере речей действующего канцлера ФРГ А. Меркель. Языковые средства представляются способами речевого воплощения коммуникативных стратегий политического дискурса.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, коммуникативные стратегии, стилистические средства.

LANGUAGE PERSONALITY OF THE FEMALE POLITICIAN BY THE EXAMPLE OF IDIOLECTAL FEATURES OF GERMAN CHANCELLOR A. MERKEL

Nosova Marina

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
English teacher, Lyceum № 32
Belgorod, Russia / 1010367@bsu.edu.ru

Abstract

This article discusses the term «language personality», correlates such terms as «personality» and «language». The verbal behavior trend of the female politician comes under review by the example of the acting German Chancellor A. Merkel. Linguistic means present themselves as the ways of the communicative strategies objectification in speech.

Keywords: language personality, political discourse, communicative strategies, stylistic means.

Изучению понятия «языковая личность» традиционно уделяется большое внимание. Подобный интерес обусловлен тем, что на любом этапе развития человеческого общества люди задавались вопросом о связи и взаимозависимости между человеком и языком. «Характер человека познается в речи» говорил Платон. В. фон Гумбольдт рассматривал язык как нечто, заложенное в человеческой природе, необходимое для развития духовных сил и формирования мировоззрения [Гумбольдт 1984, 48].

Взаимосвязь понятий «личность» и «язык» позволяет сделать вывод, что язык влияет на личность человека, оказывает формирующее воздействие, однако, человек также участвует в формировании и развитии, как общенационального языка, так и в развитии и совершенствовании собственного языка, как средства внутри- и межличностной коммуникации. Так, учёный подчёркивает, что «... в языке объединяется частное со всеобщим ... весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [Гумбольдт 1984, 67].

Рассматривая язык в качестве аналога человека в процессе коммуникации, мы приходим к выводу, что возможно выявить некие тенденции коммуникативного поведения человека, принадлежащего к определенной этнокультурной, социальной, гендерной или профессиональной группе. Данные речевые закономерности отражают риторический идеал нации, презентующий идеальные представления носителей общенационального языка о способах успешной коммуникации в какой-либо сфере деятельности/действительности. Так речевое поведение политика отличается от поведения врача или учителя. При этом коммуникативное поведение женщины-политика имеет отличия от поведения мужчины-политика. Однако, в основе политического дискурса вне зависимости от гендерной принадлежности спикера всегда лежит пропаганда, эмоциональное воздействие на электорат, побуждение к действию, принятию какого-либо решения. Борьба за власть в процессе коммуникативной деятельности выливается в разработку ряда коммуникативных стратегий, применение которых в политической коммуникации обуславливает результативность риторики политика, способствует созданию в сознании слушающих некоего образа.

Анализ прагматической системы языковой личности канцлера (системы целей) позволяет установить, что в рамках коммуникативной макростратегии убеждения политик чаще всего прибегает к использованию стратегий, направленных на удержание власти (стратегия защиты, информационно-интерпретационная стратегия), и универсальных коммуникативных стратегий. В рамках последних центральное место занимают аргументативная стратегия, стратегии самопрезентации, формирования эмоционального настроения, призыва (ссылки, аллюзии, уверенная манера презентации и т.д.) и деперсонализации [Туманова 2016, 12-13]. Необходимо отметить, что речевое воплощение коммуникативных стратегий происходит с помощью стилистических средств языка отдельной языковой личности.

Анализ речей действующего канцлера ФРГ А. Меркель позволяет утверждать, что политический имидж политика основывается на сдержанности, хладнокровии, четком следовании требованиям этических норм: „*Heute freue ich mich einfach mit Ihnen hier zusammen zu sein*“, „*Ich freue mich heute auf die anstehenden Diskussionen.*“ (2), „... *ich bin natürlich sehr froh, dass der neue Präsident, Herr Professor Neugebauer, dem ich ganz herzlich zu seinem Amt gratulieren möchte...*“ (6), „... *ich freue mich in diesem Jahr wieder dabei zu sein und grüße auch ganz herzlich die jüngeren Teilnehmer.*“ (1).

Также речам А. Меркель свойственно наличие терминологической лексики (общественно-политической и экономической), например, „*Eurocopter*“, „*Beziehungen*“, „*Branche*“, „*Vertreter*“, „*Emission*“, „*Partnerschaft*“, „*Wettbewerbsfähigkeit*“ и т.д. Подобное речевое поведение характеризует политика, как человека знающего, заинтересованного в повышении уровня социально-экономической жизни населения.

Употребление англоамериканизмов и включение в речь английского языка отражает рост популярности английского языка, как языка международного значения. Подчеркивает осведомленность политика о тенденциях культурно-общественной и социально-политической жизни общества, а также намекает на достаточно широкий круг англоязычных слушателей, заинтересованных в результатах риторики канцлера: „*Hierbei geht es darum, dass letztlich darüber entschieden wird inwieweit in Europa Wertschöpfung im Bereich Big Data Management stattfinden kann.*“, „*Denn es muss das geben, was man heutzutage – ja auch schon fast auf Deutsch als *ownership* bezeichnet.*“, „*Ich finde, genau das ist die Antwort auf das Motto dieser Tagung „The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?“*“ (3).

Речи А. Меркель изобилуют сравнениями и эпитетами предметно-содержательного, логического характера: „*Wir tun dies in einem Geist, der uns Grossbritannien als wichtigen Partner erhält*“ (9), „... *so erweist sich das Deutsche Historische Museum als international vielbeachtetes Forum, als Ort des Austauschs und der Begegnung, als wertvoller Träger politisch-kultureller Bildungsarbeit*“ (5), „... *denn wir brauchen eine leistungsfähige digitale Infrastruktur*“ (7), „*In diesen Bereichen hat die portugiesische Regierung mutige, wichtige Schritte unternommen*“ (4).

Метафорическое употребление существительного „*Puzzlestücke*“ выстраивает в сознании слушающего образ чего-то сложносоставного, раздробленного на части: „*Fallen wir in lauter Puzzlestücke auseinander und denken, jeder kann das Problem für sich alleine am allerbesten lösen?*“ (3).

Метафорическое толкование высказываний „*in die Schuhe des anderen zu versetzen*“, „*über den eigenen Tellerrand zu schauen*“ позволяет понять занимаемую политиком позицию по вопросу необходимости и неотложности начала взаимодействия с другими европейскими странами для скорейшего вывода из кризисной ситуации, вызванной бесконтрольным наплывом беженцев из африканских и мусульманских стран „... *Nach meiner festen Überzeugung ist es besser, sich einmal in die Schuhe des anderen zu versetzen, einmal über den eigenen Tellerrand zu schauen und zu schauen, ob man gemeinsame Win-win-Lösungen erreicht, als zu meinen, alle Dinge allein lösen zu können.*“ (3).

Также нами было замечено, что речам политика свойственно широкое применение такого языкового средства, как перечисление:

„*Die Stärke der Gemeinsamkeit sollten wir nutzen, um das Ziel, Wohlstand für die nächsten Generationen zu erreichen, zu erhalten, zu schaffen*“ (4).

Употребление такого стилистического приема как параллелизм доказывает крайнюю степень заинтересованности политика в выходе из кризисной ситуации, скорейшем поиске

решения, удовлетворяющего интересам всех заинтересованных сторон: „... wir brauchen *Orte*, die die Begegnung zwischen verschiedenen Gruppen fördern, *Orte* kritischer und kontroverser Diskussion, *Orte* des gesellschaftlichen Diskurses“ (8).

Примечательным является то, что политик сознательно удерживает некую дистанцию в общении с аудиторией, избегая личных, прямых форм обращения и предпочитая формальные, обобщенно-личные: „... *denken wir daran...*“, „... *muss man ...*“, „*das kann man machen*“, „*Es ist gelungen.*“, „*Recht herzlichen Dank dafür!*“. Ощущение «сухости» речевого поведения канцлера усугубляется использованием субстантиваций (*Weichenstellungen* вместо *Weichen stellen*) и пассивных конструкций (*die Entscheidungen wurden getroffen* вместо *wir haben entschieden*).

При этом, если обратиться к более свежим высказываниям канцлера, становится очевидным, что несмотря на высокую степень «языковой сухости» речей, А. Меркель умело использует метафоры и эпитетические повторы, тем самым подчеркивая логичность и выразительность высказывания: „... *wir brauchen die NATO als Stabilitätsanker in stürmischen Zeiten, wir brauchen sie als Wertegemeinschaft ...*“ (3).

Широкое использование риторических вопросов также характерно риторике канцлера. Тем самым, с одной стороны, привлекается внимание общественности к вопросам, требующим дополнительного внимания, а с другой, данное речевое поведение можно рассматривать в качестве ответной, обратной реакции на недовольство зреющее в европейском обществе.

„*Wie entwickelt sich der afrikanische Kontinent weiter?*“, „*Wie sehen die Antworten in Richtung Ukraine aus?*“, „*Wollen wir Russland nur noch in die Abhängigkeit oder in die Erdgasabnahme von China bringen? Ist das unser europäisches Interesse?*“ (3).

Анализируя синтаксическую структуру предложений, следует заметить, что предпочтение отдается сложным предложениям с несколькими придаточными: „*Wenn ich mich jetzt noch einmal daran erinnere, dass im Jahr 2011 am Rande dieser Sicherheitskonferenz zwischen Hillary Clinton und Sergej Lawrow die Ratifikationsurkunden für den Abrüstungsvertrag „New START“ ausgetauscht wurden, dann erscheint einem das heute, 2019, ziemlich lange her zu sein.*“ (3).

Цепной повтор: „*Dann kam 2015 ganz massiv das Flüchtlingsthema auf uns zu. Das Flüchtlingsthema ist von der Situation in Syrien getrieben worden.*“ подчеркивает обеспокоенность политика текущим положением вещей в сфере миграции и возможными последствиями для страны (3).

Сочетание в риторическом вопросе эпитетического повтора, контекстуальных синонимов и параллельной конструкции создает уникальное по эмоционально-смысловому наполнению и воздействию на слушающего сообщение: „... Die einzige Frage, die in dieser Frage zwischen uns, den Vereinigten Staaten und den Europäern, steht, ist: *Helfen wir unserer gemeinsamen Sache, unserem gemeinsamen Ziel, nämlich die schädlichen, schwierigen Wirkungen des Iran einzudämmen, indem wir das einzige noch bestehende Abkommen kündigen, oder helfen wir der Sache mehr, indem wir den kleinen Anker, den wir haben, halten, um dadurch vielleicht auch auf anderen Gebieten Druck machen zu können?* ...“ (3).

Создание ощущения коллективной идентичности, сопричастности и вовлеченности в процесс принятия решений достигается в результате речевой реализации тактик солидаризации с адресатом и создания «своего круга», например, „*wir Christdemokraten*“, „*wir in christlich-liberalen Koalition*“, „*wir als Bundesregierung*“, „*wir in Deutschland*“, „*wir in der Europäischen Union*“, „*wir in Europa*“ и т.д.

Комплексное исследование речи А. Меркель позволяет сделать вывод о том, что основная цель политического дискурса, выраженная в стремлении оратора оказать эмоциональное воздействие на слушателей, добившись достижения поставленных целей и задач, реализуется языковой личностью с помощью использования разнообразных лингвостилистических средств, а степень их использования и выбор конкретных способствует детальному изучению способов языковой реализации коммуникативных стратегий и степени успешности их воплощения в речи оратора.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: 1984. – 400 с.
2. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 2016. - С. 12-13.

References

1. Humboldt von A. Selected writings: linguistics. – M.: 1984. – 400 p.
2. Tumanova G.A. Communicative strategy of persuasion and its features of realization in political discourse (on the material of Russian and German languages): dissertation abstract. ... candidate of philological studies. - M., 2016. - P. 12-13.

Источники фактического материала

1. Ansprache von Bundeskanzlerin Angela Merkel im Rahmen des Abschlussplenums des „Petersburger Dialogs“. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/ansprache-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-im-rahmen-des-abschlussplenums-des-petersburger-dialogs--798694> (дата обращения: 28.02.2019).
2. Gespräch mit der Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, Angela Merkel. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/02/27/gesprach-mit-der-bundeskanzlerin-der-bundesrepublik-deutschland-angela-merkel.de> (дата обращения: 07.03.2019).
3. Rede von Angela Merkel bei der Münchner Sicherheitskonferenz. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://tp-presseagentur.de/the-great-puzzle-who-will-pick-up-the-pieces/> (дата обращения: 03.03.2019).
4. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des deutsch-portugiesischen Unternehmertreffens. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-deutsch-portugiesischen-unternehmertreffens-797260> (дата обращения: 23.03.2019).
5. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des Festaktes „25 Jahre Deutsches Historisches Museum“. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-festaktes-25-jahre-deutsches-historisches-museum--798220> (дата обращения: 27.03.2019).
6. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel beim Besuch des Spitzenclusters „BioEconomy“ anlässlich der Eröffnung des Fraunhofer-Zentrums für Chemisch-Biotechnologische Prozesse. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://m.bundeskanzlerin.de/bkinm-de/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-beim-besuch-des-spitzenclusters-bioeconomy-anlaesslich-der-eroeffnung-des-fraunhofer-zentrums-fuer-chemisch-biotechnologische-prozesse-793050> (дата обращения: 21.02.2019).
7. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum hundertjährigen Bestehen des Unternehmens Viessmann am 12. April 2017 in Allendorf. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-799006> (дата обращения: 19.02.2019).
8. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zur Eröffnung des Katholisch-Sozialen Instituts (KSI) am 4. Mai 2017 in Siegburg. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-798334> (дата обращения: 29.02.2019).
9. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Eröffnung der Hannover Messe am 23. April 2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/service/rss-feed/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-eroeffnung-der-hannover-messe-am-23-april-2017-451712> (дата обращения: 14.02.2019).

Resources of factual material

1. Ansprache von Bundeskanzlerin Angela Merkel im Rahmen des Abschlussplenums des „Petersburger Dialogs“. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/ansprache-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-im-rahmen-des-abschlussplenums-des-petersburger-dialogs--798694> (Accessed 28.02.2019).
2. Gespräch mit der Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, Angela Merkel. - [Electronic resource]. available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/02/27/gesprach-mit-der-bundeskanzlerin-der-bundesrepublik-deutschland-angela-merkel.de> (Accessed 07.03.2019).
3. Rede von Angela Merkel bei der Münchner Sicherheitskonferenz. - [Electronic resource]. available at: <http://tp-presseagentur.de/the-great-puzzle-who-will-pick-up-the-pieces/> (Accessed 03.03.2019).
4. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des deutsch-portugiesischen Unternehmertreffens. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-deutsch-portugiesischen-unternehmertreffens-797260> (Accessed 23.03.2019).
5. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des Festaktes „25 Jahre Deutsches Historisches Museum“. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-festaktes-25-jahre-deutsches-historisches-museum--798220> (Accessed 27.03.2019).
6. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel beim Besuch des Spitzenclusters „BioEconomy“ anlässlich der Eröffnung des Fraunhofer-Zentrums für Chemisch-Biotechnologische Prozesse. - [Electronic resource]. available at: <https://m.bundeskanzlerin.de/bkinm-de/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-beim-besuch-des-spitzenclusters-bioeconomy-anlaesslich-der-eroeffnung-des-fraunhofer-zentrums-fuer-chemisch-biotechnologische-prozesse-793050> (Accessed 21.02.2019).
7. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum hundertjährigen Bestehen des Unternehmens Viessmann am 12. April 2017 in Allendorf. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-799006> (Accessed 19.02.2019).
8. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zur Eröffnung des Katholisch-Sozialen Instituts (KSI) am 4. Mai 2017 in Siegburg. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-798334> (Accessed 29.02.2019).
9. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Eröffnung der Hannover Messe am 23. April 2017. - [Electronic resource]. available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/service/rss-feed/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-eroeffnung-der-hannover-messe-am-23-april-2017-451712> (Accessed 14.02.2019).

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2019

Сборник материалов
V Международной научной конференции

(г. Белгород, 18–19 апреля 2019 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: А.Н. Оберемок
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 19.06.2019. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 13,5. Тираж 150 экз. Заказ 153
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48